

П. П. Горностай

ЛИЧНОСТЬ И РОЛЬ

**Ролевой подход
в социальной психологии
личности**

**Академия педагогических наук Украины
Институт социальной и политической психологии**

П. П. Горноста́й

ЛИЧНОСТЬ И РОЛЬ

**Ролевой подход
в социальной психологии личности**

Киев «Интерпресс ЛТД» 2007

УДК 316.6/66
ББК 88.5
Г69

Рецензенты:

член-корр. АПН Украины, доктор психол. наук, профессор *В. А. Татенко*;
доктор психол. наук, профессор *В. В. Третьяченко*;
доктор психол. наук, профессор *И. П. Маноха*

Горностай П. П.

Г69 Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности. –
К.: Интерпресс ЛТД, 2007. – 312 с.

ISBN 978–966–501–060–9

Монография посвящена реализации ролевого подхода в социальной психологии, в рамках которого автор разрабатывает ряд ролевых концепций личности.

В книге дается всесторонний анализ категории «роль», в частности – понятие «жизненная роль», исследуется структура ролевого взаимодействия, ролевое развитие личности, жизненные кризисы, предлагается ролевая модель жизненного мира человека, вводятся новые ролевые понятия. С помощью ролевых концепций объясняются сложные закономерности социального поведения человека, процессов творчества, формируется целостное представление о человеке, о его внутреннем мире, сознании и бессознательном. Работа имеет практическую направленность, в ней с позиций ролевого подхода излагаются основы психопатологии, раскрываются методы ролевой психотерапии, ориентированные на преодоление личностных дисгармоний, приводятся примеры из психотерапевтической практики автора и из художественных произведений.

Для научных работников и практиков в области социологии, психологии, психотерапии, методологии науки и всех, кто интересуется ролевым подходом в социальных науках.

Монографія присвячена реалізації ролевого підходу в соціальній психології, в рамках якого автор розробляє ряд ролевих концепцій особистості.

У книзі дається всебічний аналіз категорії «роль», зокрема – поняття «життєва роль», досліджується структура ролевої взаємодії, ролевий розвиток особистості, життєві кризи, пропонується ролева модель життєвого світу людини, вводяться нові ролеві поняття. За допомогою ролевих концепцій пояснюються складні закономірності соціальної поведінки людини, процесів творчості, формується цілісне уявлення про людину, про її внутрішній світ, свідомість і несвідоме. Робота має практичну спрямованість, у ній з позицій ролевого підходу викладаються основи психопатології, розкриваються методи ролевої психотерапії, орієнтовані на подолання особистісних дисгармоній, наводяться приклади з психотерапевтичної практики автора та з художніх творів.

Для науковців і практиків в області соціології, психології, психотерапії, методології науки та всіх, хто цікавиться ролевым підходом у соціальних науках.

ББК 88.5

Рекомендовано к печати ученым советом Института социальной и политической психологии АПН Украины, протокол № 8/07 от 25.09.2007 г.

ISBN 978–966–501–060–9

© П. П. Горностай, 2007

Оглавление

Предисловие	5
Весь мир – театр (вместо введения)	7
Часть I. Психология ролевого взаимодействия	9
Глава 1. Понятие роли в гуманитарных науках	10
1.1. Междисциплинарный характер феноменов «роль» и «ролевая игра»	10
1.2. Ролевые теории в социологии и социальной психологии	15
1.3. Психология роли: психометрический, социально-организационный и терапевтический аспекты	19
1.4. Психологическая природа роли	24
1.5. Роли и проблема классификации	29
1.6. Жизненные роли и ритуалы	33
Глава 2. Структура ролевого взаимодействия	36
2.1. Исполнение ролей как форма социального поведения	36
2.2. Явное и неявное содержание роли	40
2.3. Внешняя и внутренняя детерминация роли	43
2.4. «Короля играет свита» или Эффект инерции ролевых ожиданий	47
2.5. Ролевые конфликты: закономерности и парадоксы	52
2.6. Ролевые игры	57
2.7. Роль и измененное состояние сознания	60
Глава 3. Группы и роли	64
3.1. Ролевая комплиментарность и ролевые матрицы	64
3.2. Роли и социальная перцепция	67
3.3. Феномен групповой идентификации	72
3.4. Групповая идентичность, групповой нарциссизм и коллективные травмы	77
Часть II. К созданию ролевой теории личности	81
Глава 4. Методологические источники и теоретические предшественники	82
4.1. Теории личности в психологии	82
4.2. Личность в теории символического интеракционизма	85
4.3. Личность и роли в теории и практике психодрамы	88
4.4. Личность в трансактном анализе	92
4.5. Другие теории личности и ролевой подход	96
4.6. Обоснование ролевой теории личности	100
Глава 5. Основная тенденция и ролевые характеристики личности	104
5.1. Между ролевым конфликтом и самореализацией: социально- индивидуальный дуализм	104
5.2. Локус ролевого конфликта	107
5.3. Ролевая идентичность	110
5.4. Ролевая компетентность	115
5.5. Половые и гендерные роли	121
5.6. Гендерные роли и соперничество полов	125
Глава 6. Ролевое развитие личности	131
6.1. Различные трактовки жизненного опыта	132
6.2. Ролевая социализация	135
6.3. От социализации к индивидуализации	138

6.4. Гендерно-ролевая социализация	142
6.5. Развитие жизненных ролей и периодизация развития личности	146
6.6. Жизненный кризис как ролевой конфликт	150
6.7. Формы жизненных кризисов	154
Глава 7. Жизненные роли в структуре жизненного мира личности	159
7.1. Жизненные роли и их содержание: эго-состояния, игры, сценарии, архетипы	159
7.2. Репертуар жизненных ролей и проблема типологии	163
7.3. Жизненные роли, психологическое время и жизненные миры	168
7.4. Дисгармонии жизненных ролей и деформация жизненного мира	171
Глава 8. Чувства, роли и творчество	175
8.1. Ролевое переживание: почему без эмоций невозможна роль	175
8.2. «Мы печальны потому, что плачем»	178
8.3. Креативность и гармоничность личности	182
8.4. Что на самом деле движет развитием способностей?	185
Часть III. Ролевая психопатология и ролевая психотерапия	189
Глава 9. Ролевые дисгармонии личности	190
9.1. Ролевые девиации и дисгармоничное ролевое развитие	190
9.2. Ролевые конфликты: феноменология проблем	193
9.3. Ролевые конфликты: психологическая помощь	197
9.4. Гендерно-ролевой конфликт и поло-ролевые девиации	201
Глава 10. Психодрама и ТА – ведущие методы ролевого подхода	204
10.1. Жизнь игры и игра в жизнь	204
10.2. Жанры и техники психодрамы	206
10.3. Спонтанность, креативность и ролевые ресурсы	210
10.4. Ресурсные роли в психодраме	214
10.5. Социодрама	218
10.6. Трансактные игры и игровые роли	222
10.7. Жизненные сценарии и личностная автономия	227
Глава 11. Интеграция психотерапии с позиций ролевого подхода	233
11.1. Интегративные модели в психотерапии	233
11.2. Трансактная психодрама	237
11.3. Роли в семейной психотерапии	242
11.4. Ролевая психотерапия и трансгенерационный подход	246
11.5. Терапия творчеством, психологическое время личности и смысл жизни	250
Заключение	256
Приложения	257
I. Случаи из практики (описания психодраматических сессий)	257
II. Тестовые методики	264
III. Глоссарий	268
Литература	275
Именной указатель	299
Предметный указатель	303
Summary	307
Contents	310

*Светлой памяти моих родителей –
Горностая Петра Сидоровича,
кому я обязан призванием психолога, и
Горностай Марии Аврамовны,
давшей мне призвание психотерапевта*

Предисловие

Ролевой подход объединяет широкий круг научных дисциплин от философии и социологии до психотерапии. Но, на мой взгляд, наиболее интересное направление в рамках ролевого подхода принадлежит социальной психологии личности. Как это ни парадоксально, именно оно в настоящее время наименее разработано. Но, если за рубежом все же есть интересные достижения в этой отрасли, то в отечественной психологической науке эти проблемы почти не затрагивались по ряду причин.

Во-первых, ролевые теории у нас никогда не были достаточно распространенными ни при изучении социальных процессов и межличностного взаимодействия, ни при исследовании личности и ее поведения.

Во-вторых, в изучении социально-психологических явлений (как и любых других социальных феноменов) долго превалировал классовый подход, который подразумевал макроструктурный анализ и рассматривал все общество в культурно-историческом контексте, а ролевая микроструктура социума часто оставалась без внимания. В русле общесоциальных ценностей изучались даже социальная психология личности и психология малых групп (взять хотя бы психологическую теорию коллектива).

В-третьих, в отечественной традиции долго не была реализована практика психологической помощи индивиду и малой группе, в результате чего практические ролевые подходы не получили достаточного развития.

В последние годы ситуация в украинской практической психологии и психотерапии динамично меняется. Так, начиная с середины 90-х годов, в Украине приобретает активное распространение практика психодрамы, осуществляется подготовка психодрама-терапевтов в соответствии с европейскими стандартами. В течение нескольких лет на таком же высоком уровне ведется подготовка транзактных аналитиков. Подобные достижения есть и в других направлениях психотерапии. Эти процессы исключительно позитивны, но они нуждаются не только в организационных усилиях и методическом обеспечении, но и в научно-теоретическом и методологическом обосновании,

поскольку слепой перенос зарубежного опыта на отечественную традицию может иметь не совсем желательные результаты.

Данная монография представляет собой попытку восполнить этот пробел разработкой ролевого подхода в социальной психологии личности. Несколько ролевых концепций автора, изложенных в этой книге, может быть объединено в ролевую теорию личности, о создании которой можно будет говорить после проверки их жизнью и практикой, после осуществления на базе этих концепций ряда теоретических и практических исследований.

В книге обобщены результаты многочисленных научных достижений, базирующихся на ролевой парадигме или использующих понятия «роль», «ролевая игра», «драма», «действие» как научные категории или практические модели; она является итогом пятнадцатилетней теоретической работы автора над данной проблемой и его десятилетней практики в области ролевой психотерапии. Надеюсь, она окажется полезной для всех, кому интересен ролевой подход в социологии, психологии, психотерапии.

В завершение хочется высказать признательность тем, чью помощь, заинтересованное внимание и участие я постоянно ощущал во время работы над книгой. Я благодарю: моего научного консультанта в работе над докторской диссертацией Татьяну Михайловну Титаренко за неоценимую поддержку и понимание; весь коллектив Института социальной и политической психологии и его руководство в лице директора Николая Николаевича Слюсаревского за доверие и возможность свободно, плодотворно и творчески работать; моего первого научного руководителя Валентина Алексеевича Моляко, без помощи которого мой путь в науку не состоялся бы, а также коллектив Института психологии им. Г. С. Костюка – моей первой альма-матер; научных рецензентов монографии Виталия Александровича Татенко, Викторину Витальевну Третьяченко и Ирину Петровну Маноху за труд в прочтении рукописи и высказанные ценные замечания; моих ближайших коллег, членов лаборатории психологии малых групп и межгрупповых отношений, а также моих учеников и клиентов, без которых книга не была бы наполнена живой практикой; всех участников анкетных опросов, помощников в их организации и сборе материалов, в особенности – Игоря Лановенко и Викторину Покладову; президента Украинской ассоциации трансактного анализа Надежду Ивановну Спасенко за помощь в редактировании английских переводов; всех моих коллег по профессии, общение с которыми обогатило меня ценными идеями; членов моей семьи за долготерпение, с которым они предоставили мне много дней и ночей для работы над рукописью.

Павел Горноста́й, г. Киев, октябрь 2007 г.

Весь мир – театр (вместо введения)

Весь мир – театр.
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.

Вильям Шекспир

Человеку свойственно в жизни играть разные роли. Эта мысль не нова, взять хотя бы монолог Жака из комедии В. Шекспира «Как вам это понравится», фрагмент которого использован как эпиграф. Это не просто красивая метафора и яркий образ, «роль» превратилась в научное понятие, плодотворное и используемое в самых разных отраслях гуманитарного знания.

Ролевое поведение является одной из важнейших форм социального поведения человека. Оно проявляется во всех социально значимых ситуациях жизнедеятельности. В условиях современного трансформирующегося общества люди постоянно сталкиваются с необходимостью выступать в новых психологических ролях, усваивать ранее неизвестные общественные функции, начинают ощущать на себе давление непривычных ролевых ожиданий, соответствующих нетрадиционной ролевой структуре социальных групп и общества в целом. В результате возникает большой спрос на научные разработки, основанные на ролевой парадигме.

Ролевые теории очень плодотворны при исследовании личности, поведения человека и социальных групп. Понятие «роль» активно используется как в социологических и социально-психологических подходах, так и в теориях личности. В феномене «роли» отражены как социальные, так и индивидуальные особенности личности, взаимодействие внутренних и внешних детерминант ее развития и, в определенной мере, ее био-социальный дуализм. Но эти теории имеют большой нереализованный потенциал, именно социальная психология личности является наименее развитой среди других направлений социальной психологии, она значительно уступает по количеству исследований, например, таким направлениям, как психология общения или психология малых групп.

Основные ролевые теории личности созданы несколько десятилетий назад, а такая теория, как символический интеракционизм в основном сформировалась в 30-е годы прошлого века. Несмотря на то, что в последующие периоды они были дополнены новыми интересными концепциями, основные положения этих теорий не претерпели существенного развития. Следовательно, они нуждаются не только в дополнениях и уточнениях, но и в соответствующем пересмотре и теоретическом обобщении, ориентируясь на современный уро-

вень теоретических и эмпирических психологических исследований. Если учесть при этом, что основные результаты психологии ролей принадлежат к зарубежным научным школам, в которых отечественные социокультурные особенности и закономерности не нашли своего отражения, то можно сделать вывод, что указанное направление исследований является довольно актуальным и перспективным.

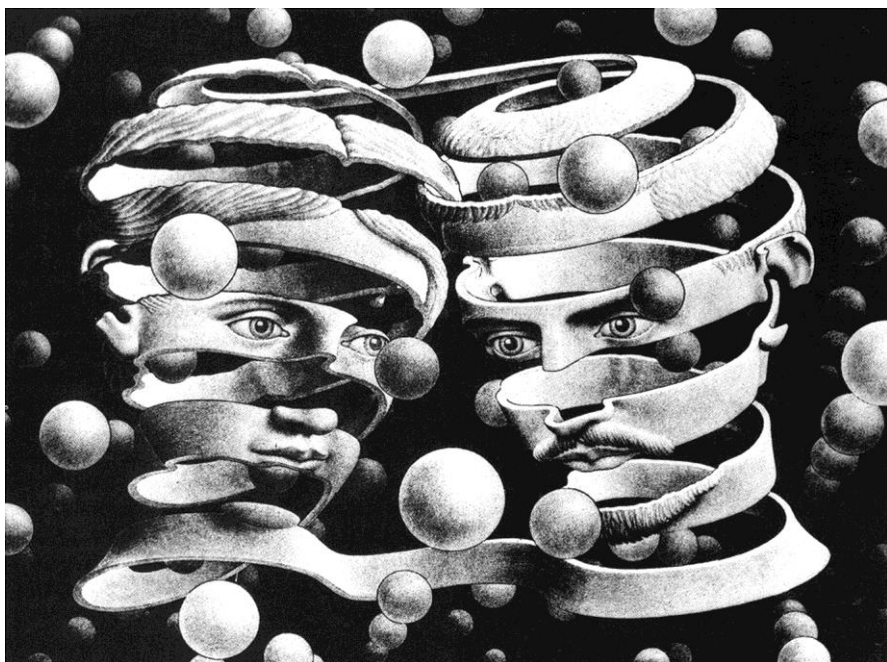
Для психологии ролей характерна практическая и психотерапевтическая направленность. Основные ролевые теории личности тесно связаны с такими известными и популярными в мире психотерапевтическими методами, как психодрама и транзактный анализ. Потребность в психологической и психотерапевтической практике в последние годы стремительно растет, а, следовательно, развитие этой деятельности, подготовка соответствующих специалистов, разработка методической базы невозможны без научных исследований в данной области, которых остро не хватает.

Предлагаемая книга является попыткой соединить теоретический, эмпирический и практический подходы в разработке ролевой теории личности, а, следовательно, решить часть тех задач, о которых шла речь. Изложение личностных концепций и других положений книги опирается на ролевую парадигму. Основная модель, используемая автором, строится на театральном-драматургической метафоре, согласно которой не только сама личность включает в себя совокупность исполняемых ею ролей, но и жизненный мир личности представляет собой сцену, на которой разыгрываются важные жизненные события. Но, несмотря на трактовку жизни человека как театрального действия, природа личности, конечно, не сводится к психологическим ролям; в ее основе рассматриваются такие феномены, как самость, идентичность, самосознание, ценности, смыслы.

Социальные качества личности очень удобно рассматривать в ролевом ракурсе. Но ролевая модель личности все же – только модель. Как всякая модель, она ограничена и, конечно же, не тождественна самой личности. Но это – одна из лучших моделей, которые используются в психологии личности. Несмотря на кажущуюся метафоричность, она выдерживает все необходимые требования к научному аппарату. Ролевая модель позволяет соединить точный эмпиризм с теоретической глубиной, охватить целостность и сложность личности и, в то же время, применить структурный и аналитический подходы в исследовании ее тончайших элементов. Есть все основания считать, что ролевой подход займет свое достойное место в исследованиях по психологии личности, как он уже начал занимать его в социологии и ролевой психотерапии.

Часть I

Психология ролевого взаимодействия

Глава 1. Понятие роли в гуманитарных науках

Игра и культура связывают между собой прошлое, настоящее и будущее; они заполняют пространство и время.

Дональд Вудс Винникотт

Термин «роль» широко используется в самых разных областях научного знания и человеческой практики. Для нас особый интерес представляет его интерпретация в рамках психологии личности, и здесь сразу бросается в глаза генетическая близость понятий «личность» и «роль». Этимология этих слов является дополнительным аргументом для построения *ролевой теории личности*, чему, собственно, и будет посвящена эта книга.

Слово роль в большинстве европейских языков заимствовано из французского, где *rôle* обозначает одновременно список, перечень чего-либо и театральную роль. Этот термин, в свою очередь, происходит от латинского слова *rotulus*, буквально означающего бумажный сверток, т. е. рулон бумаги, на которой записан текст сценической роли для актера. Понятие «личность» во многих языках также связано с театральной маской (*личиной*), являющейся символом драматической роли, что характерно, например, для русского языка. В большинстве европейских языков слово личность (напр., англ. – *personality*) также происходит от латинского слова *персона* (*persona*), первоначально обозначавшего театральную маску в античном театре, а в современных трактовках является синонимом понятий особа или личность. Но близость этих понятий представляет скорее лингвистический феномен, чем основание для исчерпывающей теории, которая не была создана до сих пор.

Ролевая метафора личности гораздо шире используется в социологии личности (*ролевые теории*) и психологической практике (*ролевая психотерапия* и *методы действия*). Что касается непосредственно психологии личности, то ролевые подходы здесь могут рассматриваться лишь как еще нереализованные возможности, хоть и имеющие большой внутренний потенциал. Они представляют собой множество белых пятен, между которыми появляются отдельные разрозненные научные факты, массивы несистематических эмпирических исследований и не разработанные до конца теоретические конструкты.

1.1. Междисциплинарный характер феноменов «роль» и «ролевая игра»

Понятие «роль» настолько многогранно, что, пожалуй, трудно назвать область культуры или отрасль знаний, где оно не используется. Исторические и культурные корни ролевого подхода в изучении личности имеют два источника:

это научные разработки и человеческая практика, которая намного солиднее по возрасту, чем наука. Одной из форм практического воплощения «роли» является такая синтетическая форма активности, как *«игра»*, которая даже старше культуры, поскольку присуща миру животных. Однако, такие ее формы, как *драматическая игра, ролевая презентация* являются чисто человеческими формами игры и неразделимо связаны с развитием человеческой культуры, являясь ее ярким феноменом.

Практика ролевых игр происходит от старинных языческих культов, шаманских практик, древних религиозных обрядов. Культ, как пишет нидерландский историк культуры Й. Хёйзинга (1992, с. 27), это «изображение, предъявление, драматическое представление, воплощение в образах, замещающее претворение». Бесспорно, что «на более поздней стадии общественного развития с ... игрой связывается представление, что она что-то выражает, а именно представление о жизни» (там же, с. 29).

Эти древние мистические традиции имеют не только философско-историческое значение. Многие современные психотерапевтические практики, особенно такие, которые концептуально базируются на категориях *«роль»* и *«драматическая игра»* (среди них видное место занимает психодрама), тесно связаны с этими традициями, а также со многими культурными, в частности, литературными источниками. Зерка Морено, например, пишет:

«Многие психодраматические эксперименты (их насчитывается более трехсот), какими бы странными и фантастическими они ни казались, уходят своими корнями в ритуалы и обычаи древних культур, могут быть найдены в классических произведениях мировой литературы» (Морено Зерка, 2003, с. 15)

Еще одной предпосылкой современных ролевых подходов является *миф*, который вообще признается как один из богатейших источников не только человеческой культуры, но и общественной науки и практики. В самой основе мифа заложена драма, ролевое представление, драматический конфликт, выражающий противоречия природного и социального миров. Как писал А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» (1990 с. 457), миф – это не вымысел в обычном понимании этого слова, он представляет собой одновременно и категорию сознания, и своеобразную вещественную реальность. Это «живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, венаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность, принципиальную закономерность и структуру». Сама личность, по Лосеву, мифологична, а мир, в котором она существует, построен по принципам мифологического символизма, где вещи осмыслены и персонаифицированы с точки зрения ее мифологического сознания. Далее мы увидим, что в психодраме логика построения символического пространственно-временного мира, как модели реальности, подчинена тем же закономерностям и имеет все признаки мифотворчества.

Миф настолько естественно связан с драмой, что первой и основной темой классической древнегреческой драмы стали сюжеты древнегреческой мифологии. Так трагедия Софокла «Царь Эдип» является не только блестящим образцом классической драмы, памятником культуры, но и одним из источников психотерапии, использованным З. Фрейдом для толкования одного из важных психологических влечений бессознательного. С древнегреческой драмой тесно связаны научные положения эстетики, в частности – учение о *катарсисе*, представленное в творчестве Аристотеля.

Религиозный миф, как еще одна претеча ролевых подходов к изучению личности, воплощается в ритуалах – своеобразных театрализованных спектаклях с четкими распределениями ролей, олицетворяющих разные стороны религиозной картины мира, место человека в этом мире и человеческую мораль. Но это также и практика, имеющая своей целью психологическое (в том числе – психотерапевтическое) влияние на личность, чему есть множество примеров, начиная с фигуры самого Иисуса Христа. Создатель психодрамы Якоб Морено подчеркивал «драматичность» религии, называя Христа одним из первых психодраматистов, а его Нагорную Проповедь образцом искусства импровизации, происходящей в «здесь-и-теперь». По мнению Морено «психодраматическая концепция катарсиса была синтезом театрального катарсиса греков и религиозного катарсиса иудеев» (Сакс, 2003, с. 18).

Истоки «драматизма» можно найти и в истории философии, особенно в ее «игровых», «драматических» формах. По мнению Хейзинга софистика, диалог как форма философского трактата – это, такие игровые элементы философии, которые позволяют сравнивать ее с деятельностью фокусника, жонглера, чудадея, как это мы видим на примере Сократа и Платона (Хейзинга, 1992 с. 171). Диалог по своей сути является языком драмы, а одновременно с этим он является любимой формой изложения серьезных философских положений в легкой, иногда даже веселой игровой форме. Самым известным примером такого изложения являются знаменитые «Диалоги» Платона, описывающие дискуссии между Сократом и его учениками, одним из которых был Платон. Эти соображения перекликаются с утверждениями Морено, по мнению которого «Сократ был своего рода психодраматической личностью. Он проявлял себя в психодраматических ситуациях, его диалоги имели психодраматический характер» (Сакс, 2003, с. 17–18).

Театральная теория и практика – это, пожалуй, та область человеческой деятельности, где категория «роль» получила наибольшее развитие и использование. После древних культов и обрядов, являющихся, бесспорно, претечей театрального искусства, его первой исторической формой, как сформированного социального института, считается древнегреческая драма. Она не только стала родоначальницей основных видов и жанров сценического действия, коими

являются трагедия и комедия, но и способствовала созданию науки о закономерностях литературного творчества, одним из жанров которого является драма. Наиболее ярким образцом этой науки является «Поэтика» Аристотеля.

Позже драматическое искусство развивается в странах Древнего Востока (Индия, Китай и др.). В эпохи Средневековья, и особенно Возрождения, оно не только было поднято на новую ступень, но и внесло существенный вклад в развитие философии и психологии драматизма. Итальянская народная *комедия дель-арте* имела значение как развитие *искусства импровизации*, которое повлияло на разработку Я. Л. Морено теории спонтанности. Идеи В. Шекспира, с его трактовкой мира как театра, в котором люди играют разные жизненные роли, давно стали хрестоматийными. Они являются не только красивыми метафорами, но и глубокими выводами, на которые, по сути, опирались все дальнейшие разработки в области социологических и социально-психологических ролевых теорий, концепции жизненных ролей. Большое значение для развития теоретических и практических ролевых концепций имела *карнавальная культура* средневековья и современности.

Эти тенденции продолжали развиваться и в последующие эпохи, особенно в XX столетии, которое имело ряд особенностей. Если в прошлые века, начиная еще с античного театра, в центре театрального искусства находилась драматургия, то в XX столетии происходит невиданный взлет *режиссерского искусства*, то есть деятельности художника, чье искусство состоит в творении действия на сцене. Такие культурные феномены, как «эпический театр» Бертольда Брехта, развитие режиссерских школ Константина Станиславского и Евгения Вахтангова, представляют большой интерес как творчество, в котором акцент перемещается с *текста на действие*, драматургия становится больше искусством постановки, чем жанром литературы. Возрастает значение спонтанности, театральные роли становятся более личностными, психологическими, характерными.

Режиссерское искусство, театральные психотехники и практики (см. Станиславский, 1985) были положены в основу многих технологий социально-психологического тренинга, использующих ролевую игру, как средство развития личности и ее методического арсенала, а также разных направлений психотерапии. Например, режиссура является очень близкой к деятельности психодраматиста. Режиссер – одна из ведущих его ролей, он фактически является режиссером ролевой психотерапевтической игры в психодраме, а иногда этот термин используется и как синоним роли психодраматиста вообще.

Прошедшее столетие имело значение для мировой культуры развитием нового вида искусства – кино, где роль режиссуры приобретает особую важность. Кинорежиссер превращается в главного автора кинопроизведения, чего никогда не было в театральном искусстве. В лучших образцах кинема-

тографа можно видеть все виды психологических ролей человека, как явных, так и внутренних, воображаемых. Кино обладает гораздо большими, чем театр возможностями для исследования внутреннего мира человека, его самых потаенных лабиринтов и моделирования сложнейших драм человеческой личности.

Одним из самых значительных явлений в культуре двадцатого века, бесспорно, является *модернизм*, открывший, выведший наружу, во внешнее действие огромные глубины психологических пластов, которые в классические периоды развития культуры и искусства были доступны только в подтексте. *Сюрреализм*, как наиболее значительное явление модернизма и авангардизма, вслед за психоанализом открыл в человеке и человечестве *бессознательное* и сделал его предметом исследования (если психоанализ – научными методами, то сюрреализм – средствами искусства). Модернизм и сюрреализм не обошли стороной и театр, в котором появились разнообразные новаторские формы, например, *театр абсурда*. В это же время появляется и развивается метод психодрамы, который представляет собой «психотерапевтический» аналог сюрреализма, ибо специфическими психотерапевтическими средствами она делает примерно то же самое – выводит душевную жизнь во внешнее театрализованное действие, используя сверхреальность, фантастику и абсурд.

Искусство начинает уделять много внимания игре – не только как одному из видов человеческой активности, но и как образу жизни человека и как социокультурному феномену. Наиболее полно это воплощается в романе немецко-швейцарского писателя Германа Гессе «Игра в бисер», в котором жители несуществующей провинции Касталии превратили игру из простой комбинации музыки и математики в главный смысл своего существования:

«В основе этого символа лежит давняя мечта философов и ученых о всеобъемлющей системе, об универсальном языке, способном выразить и сопоставить все открытые „смыслы“, весь духовный мир человечества. Игра – это и религия, и философия, и искусство, все в целом и ничто в частности. Это и символическое обозначение утонченной духовности, прекрасной интеллектуальной деятельности как таковой, поисков абстрактного смысла – квинтэссенции истины» (Е. Маркович, Предисловие к книге Германа Гессе «Игра в бисер», 1969).

Драматическая игра (в основе которой лежит исполнение личностью ролей) занимает во всей этой идеологии особое место, как своеобразная модель самой жизни. Яркой иллюстрацией такого подхода является повесть Фридриха Дюрренматта «Авария», один из героев которой – коммивояжер Трапс во время игрового судебного разбирательства (представляющего собой своеобразную психодраму) высказывает интересную мысль: «*Игра грозит превратиться в действительность*». Его игра, превратившись в действительность, стоила жизни этому персонажу. Но игра, как мощное, но обоюдоострое оружие способно не только убивать, но и исцелять, превращаясь в действительность психотерапев-

тического процесса и создавая новую личностную реальность для человека, с которой он преодолевает казавшиеся ранее неразрешимыми жизненные проблемы.

Феномены «игра», «роль», «ролевая игра» становятся предметом научного анализа, причем не только искусствоведческого, культурологического и философского. Они превращаются в полноценные научные категории в социологии, социальной антропологии, социальной психологии, психологии личности, психотерапии (Миллер, 1999). Обзору некоторых из этих направлений будут посвящены два последующие параграфа.

1.2. Ролевые теории в социологии и социальной психологии

Использование понятия «роль» в научном контексте намного скромнее по времени, чем в других видах человеческой практики. Социология стала первой научной дисциплиной, где началось плодотворное исследование закономерностей социальных ролей. Роль является очень удобным понятием, описывающим поведение индивида в социуме. Оно не только характеризует связь индивида и группы, оно является элементом, позволяющим исследовать структуру групп самого разного уровня. Социологи создали много интересных теорий, но, пожалуй, самые значительные среди них прямо опираются на ролевую парадигму. Брюс Биддл (Biddle, 1986), один из исследователей ролевых теорий, выделяет среди них пять наиболее известных: 1) функциональную ролевую теорию; 2) структурную ролевую теорию; 3) организационную ролевую теорию; 4) когнитивную ролевую теорию; 5) теорию символического интеракционизма. Приведем их очень краткую характеристику.

Функциональная ролевая теория ведет свое начало с книги Р. Линтона «Исследование человека» (1936), в которой он дал классическое определение социальной роли с функционалистических позиций. Завершенный формализованный вид эта теория приобретает после работ Толкотта Парсонса в начале 50-х годов XX века, и до начала 70-х она была, пожалуй, одной из самых популярных ролевых теорий в социологии. Она рассматривает «роли» как социальные функции, как обобщенные нормативные ожидания, предписывающие и объясняющие типичные формы поведения людей, занимающих определенные социальные позиции в устойчивой социальной системе. Члены социальной системы усваивают эти нормы и стремятся, чтобы их поведение им соответствовало. В свою очередь, они требуют от других людей соответствия нормам, обращенным к ним самим. Функциональная ролевая теория, по сути, создала терминологию для описания различных «ролей» в устойчивых социальных системах, она стала теоретической основой, объясняющей, почему эти системы являются устойчивыми и как они заставляют участников ролевого взаимодействия соответствовать своим ролям.

В данной теории исследуются разные формы социальных систем, от малых групп до сложных организаций и человеческих сообществ. Кроме того, обсуждаются проблемы индивидуума, в частности, как члена социальных систем, и исследуются явления стратификации и социального изменения. Однако существует много проблем, оставшихся за рамками решения этой теорией, а именно: многие роли человека не связаны с установленными социальными позициями; роли не всегда связаны с функциями; социальные системы далеко не всегда устойчивы; нормы не всегда могут быть приняты в пределах системы, и не всегда ведут к соответствию или санкционированию, а поэтому, роли могут отражать другие когнитивные процессы помимо нормативных ожиданий (см. Biddle, 1986, с. 70–71).

Структурная ролевая теория – это изложенная математическим языком самоочевидная теория, касающаяся структурных ролевых отношений, в разработке которой участвовали Р. Берт, М. Мендел, Х. Уайт, С. Уайншип и другие. В отличие от функционалистского подхода структуралисты очень мало исследуют нормы и другие ожидания ролевого поведения. Зато большое внимание уделено «социальным структурам», понимаемым как устойчивые организации совокупностей людей (именуемых «социальными позициями» или «статусами»), которым соответствуют аналогичные образцы поведения («роли»), направленные на другие совокупности людей в структуре. Эти идеи породили много дискуссий о таких предметах, как социальные сети, подобию, ролевые наборы, рыночные отношения, сопоставление форм социальных систем, анализ экономического поведения. Как и функционалисты, структуралисты тоже пытаются поднимать некоторые важные темы социологии и антропологии, но предположения, которые они делают, более просты, их внимание больше сосредоточено на социальном окружении и меньше на индивидууме (см. Biddle, 1986, с. 72–73).

Организационная ролевая теория, в отличие от теорий функционалистов, структуралистов и символических интеракционистов, в большей мере базируется на эмпирических данных. Авторы этой теории Н. Гросс, Р. Л. Кан, М. Ван-Селл, Э. ван-де-Влиерт и другие занимались исследованием ролей в формальных организациях, которые рассматривались как заранее планируемые, целенаправленные и иерархические социальные системы (Gross et al., 1958; Kahn et al., 1964; Van Sell et al., 1981).

Роли, принятые в таких организациях, связаны с идентифицированными социальными позициями и порождаются нормативными ожиданиями, но нормы могут варьировать среди индивидуумов, а могут отражать как официальные требования организаций, так и давление неофициальных групп. Принимая неоднозначные нормы, индивидуумы часто попадают в ролевые конфликты,

где они должны бороться с противоположными стандартами своего поведения. Такие ролевые конфликты создают напряжение и требуют решения, если индивидуум хочет быть счастливым, а организация должна процветать.

Среди недостатков этой теории можно назвать то, что ее предположения кажутся ограничивающими и препятствуют изучению эволюционирующих ролей, или ролей, созданных ненормативными ожиданиями. В теории также подразумевается, что организации являются рациональными, устойчивыми объектами, а все конфликты внутри них являются просто ролевыми конфликтами, и что участник неизбежно станет счастливым и эффективным, как только разрешит ролевой конфликт, но это является спорным само по себе (см. Biddle, 1986, с. 73–74).

Когнитивная ролевая теория – еще одно направление, в котором задействована широкая эмпирическая база. Этот подход исследует отношения между ролевыми ожиданиями и поведением человека. Особое внимание обращено на социальные условия, вызывающие ожидания. В рамках теории предложены методы измерения ожиданий, с помощью которых исследуется влияние ожиданий на социальное поведение. Многих представителей когнитивной ролевой теории также интересовали средства, с помощью которых человек воспринимает ожидания других, и влияние этого восприятия на поведение. В рамках когнитивной ролевой теории можно выделить несколько направлений:

Первое началось с давней дискуссии Я. Л. Морено о ролевой игре (Moreno, 1953). Согласно Морено, ролевая игра появляется вместе с подражанием ролям других людей. Ролевая игра естественным образом присуща поведению детей, и она может использоваться как помощь и в обучении, и в терапии. Из этих взглядов проистекает множество исследований эффективности терапевтической ролевой игры, например, как действенного способа изменения ожиданий.

Появление *второго* направления связано с ранней работой М. Шерифа (Sherif, 1936) посвященной групповым нормам. После нее появилось много других исследований групповых норм и ролей лидеров и ведомых, в которых была продолжена эта традиция.

Третье направление связано с теориями предвосхищающих ролевых ожиданий, впервые предложенных Дж. Б. Роттером (Rotter, 1954) и Дж. А. Келли (Kelly, 1963). В рамках этой группы исследований нормативные ожидания не рассматривались. Ожидания понимались и как представления субъектов о собственном поведении, и как представления, приписываемые другим людям. Исследования были главным образом ориентированы на консультирование и интерпретацию психических болезней.

Четвертое направление появилось как исследование по принятию роли, благодаря вкладу Дж. Г. Мида (Мид, 2000) и Ж. Пиаже (Piaget, 1955). Хотя появились также и другие интерпретации принятия роли, часть исследователей предположила, что этот термин относится к степени, в которой люди

приписывают другим искаженные мнения. Были разработаны стандартизированные методы для измерения обманчивости принятия роли, обнаружившие, что такая изошренность в большей степени присуща более старшим, умудренным опытом, зрелым людям (см. Biddle, 1986, с. 74–76).

Теория символического интеракционизма представляет для нас особый интерес, так как она содержит наиболее полное среди перечисленных подходов представление о личности (эти взгляды будут подробнее рассмотрены в пятой главе). Она является одним из источников построения ролевой теории личности. Это направление, в значительной степени благодаря интеракционистам и их последователям, стало впоследствии называться *социологией личности*.

Теория ведет свое начало с трудов Дж. Г. Мида, прежде всего – его главной работы «Ум, самость и общество» (Мід, 2000). В теории социальное взаимодействие (интеракции) рассматривается преимущественно с точки зрения его символического содержания, прежде всего – языка. Теория символического интеракционизма развивалась сотрудниками и последователями Дж. Г. Мида – Ч. Х. Кули, Г. Блумером, М. Куном и другими (Cooley, 1964; Blumer, 1969; Fine, 1993; Biddle, 1986; Шибутани, 1969; Кон и Шалин, 1969, Ехало, 2007).

В рамках интеракционистской традиции исследовались проблемы ролевой Я-концепции и ролевой идентичности (см. напр. Gordon, 1976), связь между несогласованностью статуса и ролевым конфликтом (Stryke, Macke, 1978), а также другие проблемы связи человека и его ролей. В теории важное место занимает положения о развитии ролей через социальное взаимодействие, а также исследование представлений о ролях у индивидуальных исполнителей этих ролей. Здесь важное место занимает механизм *принятия роли другого*, который является основой социального познания и развития личности. С точки зрения психологии личности одним из самых важных достижений интеракционистской теории можно считать учение о *самости* (self) человека (Мід, 2000).

Символический интеракционизм оказал влияние на многие научные разработки, использующие театральную метафору для описания социального взаимодействия, жизни человека, как драматической самопрезентации и т. д. (см. Brissett, Edgley, 1975; Mangham, Overington, 1987; Scheibe, 1979 и др.). Наиболее интересные и продуктивные среди этих разработок связаны с основателями социодраматического или драматургического направлений интеракционизма К. Берком (Burke, 1975) и И. Гофманом (2000).

Описанные теории и исследования, конечно, не охватывают всего разнообразия ролевых теорий и концепций, созданных в зарубежной социологии и социальной психологии, здесь изложены лишь наиболее значительные. К сожалению, отечественная социология и социальная психология не могут похвастать такими достижениями. Среди немногих отечественных социологических исследований личности, которые используют понятие «роли», следует выделить

работы И. С. Кона (1967, 1978, 1984), В. Б. Ольшанского (1994), И. О. Мартынюка, Н. И. Соболевой (1993). Существуют исследования, использующие понятие «роль» без достаточного теоретического и методологического обоснования, не как психологический феномен, а лишь как рабочее понятие, в лучшем случае, как инструмент социального взаимодействия. Во всяком случае, пока нельзя говорить о создании значительных научных ролевых теорий или концепций.

1.3. Психология роли: психометрический, социально-организационный и терапевтический аспекты

Если для социологии роль давно стало родным понятием, то этого нельзя сказать о психологии (не только общей, но и социальной). В зарубежных исследованиях все же существуют социально-психологические разработки, опираются на категорию роли, но для отечественной психологической науки – это сплошное белое пятно. Тем не менее, именно социологические и социально-психологические разработки, использующие ролевую парадигму, имеют значительный потенциал, который можно использовать в процессах общественной трансформации. Основатель социометрии, групповой психотерапии и психодрамы Я. Л. Морено писал, что «истинно терапевтический метод не должен иметь меньшей цели, чем все человечество». Претензии Морено на терапию общества проявляются, в частности, в предложенном им понятии *социатрия*, которая по аналогии с психиатрией призвана оздоровить человеческое общество.

Изучение и научно-практическое внедрение ролевых технологий должно включать три уровня научного обоснования: теоретико-методологический, эмпирико-методический и практико-технологический. *Социометрия*, как метод и как философия общественной динамики является научным обеспечением тех практических технологий, которые могут реализовать общественные трансформационные процессы (Морено, 2001а). Ролевые технологии охватывают такие области: а) ролевая психотерапия; б) ролевой тренинг личностного роста; в) психодрама в разных областях и тренингах; г) социодрама; д) ролевое моделирование, тренинг навыков и т. п.; е) трансактный анализ групп, организаций, психологических игр и т. п. Методы, которые используются в этих технологиях можно обобщить под названием «*методов действия*».

Среди психологических исследований ролей наиболее существенные результаты достигнуты в психодиагностическом изучении ролевого поведения, ролевых конфликтов в рамках организационной психологии, а также в других прикладных разработках в области практической психологии и психотерапии, где использовалось понятие «ролевая игра».

Психодиагностическое изучение ролевого поведения началось примерно с начала 70-х годов XX века, то есть позже исследований в других областях

экспериментальной и прикладной психологии. Одними из первых были созданы тестовые методики «*Шкала ролевого конфликта*» Дж. Р. Риццо и соавторов (Rizzo et al, 1970), «*Тест ролевого поведения*» У. Фoa и Э. Фoa (Foa & Foa, 1974) и «*Опросник персональных атрибутов*» Дж. Т. Спенса и соавторов (Spence et al, 1974). Большая часть психометрических исследований ролевого поведения касалась изучения *ролевых конфликтов* и двух других форм ролевого стресса: *ролевой неоднозначности* и *ролевой перегрузки*. Ролевой конфликт и ролевая неоднозначность считаются основными в описании ролевого взаимодействия, им посвящено наибольшее количество психодиагностических исследований, которые имели значение для практики организационного консультирования и организационного развития. Понятие ролевой перегрузки связано с еще одним, также нетрадиционным для отечественных эмпирических исследований явлением «*эмоционального выгорания*» (burnout) человека.

Методика Дж. Р. Риццо и соавторов «*Шкала ролевого конфликта*» является одной из самых известных среди ролевых тестовых методик, она позволяет исследовать и измерять ролевой конфликт и ролевую неоднозначность в сложных организациях (Rizzo et al, 1970). После тщательной психометрической проверки опросника было выявлено 2 факторно независимых конструкта, которые идентифицируются как *ролевой конфликт* и *ролевая неоднозначность*. Полученные измерения параметров ролевого конфликта и неоднозначности дали возможность прогнозировать склонность работника покинуть организацию в результате ролевого конфликта, связанного с организационной и руководящей практикой и поведением лидера.

Этот тест на данное время приобрел наибольшее распространение среди инструментов подобного рода, на его использовании построено много исследований. В работе Дж. У. Мак-Ги с соавторами для дополнительного подтверждения психометрических характеристик шкал, входящих в структуру теста, и статистической взаимосвязи между ними применялся факторный анализ. Исследование показало, что данный тест не репрезентирует ролевой конфликт и ролевую неоднозначность как два факторно независимых конструкта, хотя и не доказывает их тождественности. Авторы утверждают, что необходимы альтернативные методики, обсуждают предложения по их дальнейшей разработке (McGee et al, 1989).

В исследовании С. Смита и соавторов оценивалась размерность единиц и психометрические свойства описанной методики Дж. Р. Риццо. Как считают авторы, критика этого теста в литературе состоит в том, что его шкалы якобы не измеряют отдельные конструкты и загрязняются дисперсией метода. Тем не менее, все возрастающее использование шкал, как независимых мер, свидетельствует об обратном. Подтверждающие факторные исследования и единичные статистические проверки теста все же доказали дискриминантную валид-

ность для шкал теста, что является наилучшим приближением к 2-факторной модели, определяющей ролевой конфликт и ролевую неоднозначность как разные шкалы с перекрестной нагрузкой между ними (Smith et al, 1993).

Не менее интересным, но не таким распространенным в литературе является созданный испанскими психологами Х. М. Пейро с соавторами «*Опросник ролевого конфликта*», созданный для измерения конфликтов, переживаемых при исполнении роли (Peiro et al, 1987b). Этот тест создан на несколько других теоретических позициях, чем предшествующий. Понятие «роль» определяется как кластер социально и организационно определенного индивидуального поведения, как набор ролевых ожиданий направленных на тестируемого человека инициаторами ролевого взаимодействия с одной стороны и тестируемым человеком – с другой.

Адекватное исполнение роли предполагает, что создание и отправка информации инициатором ролевого взаимодействия не является несовместимым. Ролевой конфликт определяется как несоответствие между ожиданиями, связанными с ролью, и фактическим переживанием ролевой обязанности, то есть взаимная информация, которую получают партнеры по взаимодействию, является либо действительно несовместимой, либо выглядит таковой из-за дисфункциональных процессов коммуникации.

Авторы различают объективный и субъективный ролевые конфликты, которые можно оценить разными средствами. Объективные измерения нужны для идентификации каждого члена ролевого ансамбля и оценки их ожиданий для определения уровня взаимного несоответствия. Анализ несогласованности ролевых ожиданий – исчерпывающая процедура и не зависит от восприятия ситуации тестируемым индивидом. Субъективные измерения направлены на оценку ролевого конфликта таким, каким он воспринимается с точки зрения ролевой обязанности.

После статистической проверки психометрического инструмента с использованием факторного анализа авторами было выявлено 5 факторов: 1) ролевой конфликт цели ресурса, включающий конфликт из-за отсутствия времени (ролевая перегрузка) и других важных ресурсов; 2) общий межисполнительский ролевой конфликт; 3) иерархический межисполнительский ролевой конфликт; 4) персонально-ролевой конфликт, отнесенный к уровню ответственности и власти; 5) персонально-ролевой конфликт, отнесенный к работе. По данным авторов, созданная методика отвечает всем необходимым психометрическим требованиям и может использоваться для оценки такой характеристики ролевого стресса, как *ролевой конфликт*, который является одним из источников рабочего напряжения в организационных назначениях.

Тем же коллективом авторов был разработан тест для измерения переживания ролевой неоднозначности в поведении принятия роли – «*Генеральный*

опросник ролевой неоднозначности» для организационных назначений (Reigo et al, 1987a). Опросник с 24 показателями измеряет 5 факторов: 1) неоднозначность, связанную с позицией работы; 2) неоднозначность, связанную с выполнением работы; 3) неоднозначность, связанную со значимыми ожиданиями других и оценками; 4) неоднозначность, связанную с организационными целями и страховыми полисами; 5) неоднозначность, связанную с работой и социальными правами. По данным авторов, опросник имеет достаточные значения надежности и валидности для исследовательского инструмента в области стресса, связанного с работой.

Испанскими психологами В. Гонсалесом-Рома и соавторами также разработан *«Опросник рабочей тревожности»*. Предварительные результаты исследования психометрических свойств теста показали хорошие результаты и перспективы его использования как инструмента, разработанного для измерения такого важного аспекта ролевого стресса, как рабочая тревожность. Исследование осуществлялось с использованием факторного анализа. Внешними критериями, которые использовались для валидации опросника, были выбраны ролевой конфликт, ролевая ясность и удовлетворенность работой (Gonzalez-Roma et al, 1993).

Среди тестовых методик изучения гендерно-ролевых конфликтов наиболее распространенной является *«Шкала гендерно-ролевого конфликта»* для мужчин, разработанная Дж. М. О'Нилом с соавторами (O'Neil et al, 1986). По мнению авторов методики, гендерно-ролевой конфликт возникает, когда гендерные роли создают отрицательные последствия для людей. Чтобы измерять образцы гендерно-ролевых конфликтов, описанных в литературе, были созданы два варианта методики: *Шкалы гендерно-ролевого конфликта I и II (GRCS-I и GRCS-II)*. *GRCS-I* оценивает персональные гендерно-ролевые установки мужчин, гендерно-ролевое поведение и гендерно-ролевые конфликты. *GRCS-II* оценивает гендерно-ролевые конфликты мужчин в специфических конфликтных ситуациях.

Для психометрической проверки обеих методик было проведено факторно-аналитическое исследование на выборке студентов колледжа, для сравнения использовался также *«Опросник Персональных Атрибутов»*. В результате исследования выделено восемь значимых факторов: для *GRCS-I* – 1) успех, сила, компетентность; 2) сдержанная эмоциональность; 3) сдержанное любовное поведение между мужчинами; 4) конфликт между работой и семейными отношениями; для *GRCS-II* – 1) успех, сила, компетентность; 2) гомофобия; 3) недостаток эмоциональных реакций; 4) социальные затруднения вследствие гендерно-ролевой девиации. Результаты продемонстрировали отличия данных по сравнению с четырьмя категориями *«Опросника персональных атрибутов»*, что говорит в пользу существования *GRCS* как

самостоятельного диагностического инструмента. Значимые гендерно-ролевые различия конфликта по выявленным факторам были найдены для мужчин либо с инструментальным, либо с экспрессивным типом гендерно-ролевого поведения, либо и с тем, и с другим одновременно.

Кроме описанных тестовых методик изучения ролевых конфликтов существует еще много интересных работ, таких как «*Шкала ролевой перегрузки*» (Beehr T.A. et al, 1976); «*Поло-ролевой опросник Бем*» (Bem, 1974); «*Шкала установок мужской роли*» (Doyle & Moore, 1978); «*Шкала установок женщин*» (Spence & Helmreich, 1972) и многие другие.

Отечественная традиция далеко не так богата исследованиями, посвященными измерению ролевых конфликтов. Следует назвать методику «*Шкала ролевого конфликта*» С. И. Ериной (2000), а также разработанные П. П. Горностаем методики «*Шкала локуса ролевого конфликта*», «*Репертуар жизненных ролей*» и «*Опросник ролевой компетентности*».

Категория «роль» используется во многих прикладных социально-психологических направлениях, таких, как *организационное развитие и консультирование*. В книге И. Мангхама и М. Оверингтона «*Организация как театр*» и других (Mangham, Overington, 1987; Mangham, 1990, 2005) предпринята попытка обосновать понимание театра в его самом широком смысле, как исполнительского вида искусства для использования его в качестве общей модели социального действия. Такая модель имеет глубоко исторические корни и опирается на массу и классических и современных работ в социальной науке. Она может быть с успехом применена к организационной жизни, особенно к изучению взаимодействия среди старших менеджеров. Категория «роль» и театральная метафора находят практическое применение в различных тренингах, ролевых играх, наиболее интересные среди которых связаны с понятием «социодрама» – метода групповой работы, использующего ролевую драматургическую модель в решении различных социальных проблем от социальных конфликтов до практических задач организационной жизни (см., напр., Золотовицкий, 2003). Подробнее о социодраме написано в параграфе 10.5.

Еще одним плодотворным практическим направлением, опирающимся на категорию «роль», является *ролевая психотерапия*, объединяющая большую группу методов – психодрама, драматерапия, психотеатр, имагопсихотерапия и другие. Для практиков понятия «роль» и «ролевая игра» гораздо раньше, чем для теоретиков стало родным и привычным рабочим понятием, позволяющим решать огромное количество разнообразных практических задач. Методы ролевой психотерапии применяются не только в решении психологических проблем личности, но также и во множестве различных ролевых тренингов и других психотехнологий, опирающихся на методологию «ролевой игры». Все вместе они объединяются в понятие «*методов действия*».

Ролевая игра, являющаяся основой всех методов действия, настолько многообразна и разнопланова, что требует отдельного анализа, об этом подробно будет рассказано в третьем разделе книги.

В последнее время в области психологических и психотерапевтических наук накоплено немало достижений, касающихся психологии ролей, как в плане экспериментального и практического опыта, так и в плане теоретических обобщений. Можно назвать работу Адама Блатнера (2002), в которой с позиций психологии личности делается попытка создания обобщающей ролевой теории, претендующей на статус теоретической основы психотерапевтической (прежде всего психодраматической) практики, а также для прикладной психологии и социологии. Другой представитель психодраматического направления Дэвид Киппер рассматривает функционирование роли как своеобразного состояния личности, включающего ролевое удовлетворение, мотивацию и т. п. на протяжении всего цикла существования роли вплоть до ролевого распада (Kipper, 1991). Очень плодотворно развиваются многие современные приложения транзактного анализа (теория жизненного сценария, теория игр, перерешений) силами таких исследователей, как Клод Штайнер, Стивен Карпман, Роберт и Мэри Гулдинги и др. (см. Стюарт, Джойнс 2002).

1.4. Психологическая природа роли

Научное использование категории «роль» опирается на довольно широкий спектр разнообразных явлений, что является причиной сложностей в определении этой категории. Рассмотрим несколько, наиболее характерных с нашей точки зрения дефиниций. По Я. Морено, роль – это «синтетический опыт, в котором объединяются личные, социальные и культурные элементы» (Морено, 2001а, с. 245). Г. Атей и Дж. Дарли определяют роль как систему или набор «компетентностей взаимодействия» (см. Ickes, Knowles, 1982 с. 77). Э. Томас и Б. Биддл утверждают, что в самом общем определении роль – это набор предписаний, которые определяют, каким должно быть поведение члена социальной позиции (здесь речь идет преимущественно о социологическом толковании социальной роли), а в разных контекстах роль определяет предписание, описание, оценку и действие; в идее роли находят отражение скрытые и явные процессы, поведение себя и других, поведение, которое инициирует индивид, и поведение, которое направлено на него (Biddle, Thomas, 1966, с. 29). Согласно Р. Линтону (Linton, 1936), роль представляет собой динамический аспект статуса. Это определение считается одним из наиболее емких определений роли в социологии.

Данные дефиниции ярко иллюстрируют индивидуально-социальный дуализм природы роли: с одной стороны – она связана с личностными характеристиками

(компетентностями), с другой – с характеристиками социальной структуры, промежуточная позиция связывает роль с наблюдаемым поведением человека.

Одним из лучших и полных является определение роли Р. Г. Тэрнера:

«Ролью мы считаем совокупность паттернов поведения, которые составляют значимое целое и присущи человеку, занимающему специфический статус в обществе (например, доктора или отца), неофициальную позицию в межличностных отношениях (например, лидера или примиренца), или отождествляемому со специфической ценностью в обществе (например, честного человека или патриота)» (Turner, 1956, с. 316).

Очень интересное определение роли принадлежит создателю психодрамы Я. Л. Морено. Данная формулировка является не только «психодраматичной» по сути, но и наиболее «личностной» из всех определений:

«Роль можно определить как воображаемую личность, созданную драматургом, как, например, Гамлет, Отелло, Фауст. Воображаемая роль может обозначать несуществующих в реальном мире персонажей, например, Пиноккио или Бемби. Она может быть моделью существования, например, как Фауст, или ее имитацией, как Отелло. Роль может быть также определена как некоторый образ или характер, который принимает актер, так воображаемая личность Гамлета воплощается в реальность через личность актера. Роль может быть также определена как некоторый обобщенный характер или некоторая функция, существующая в социальной реальности, например: полицейский, судья, врач, конгрессмен. Роль может быть определена как актуальная на данный момент и осязаемая форма, которую принимает наша самость» (Морено, 2001б, с. 207).

Мы не ставим задачу дать обзор всех определений роли, которые встречаются в психологической и социологической литературе. Они слишком разноречивы, поэтому их классификация и систематизация являются проблематичными, хотя большинство из определений по смыслу тяготеют к приведенным выше. Единого определения понятия «роль», которое охватывало бы все аспекты его применения, не только не существует, но и представляется проблематичным в принципе. Вероятно, необходимо использовать разные методологические подходы в зависимости от фокуса, под которым рассматривается эта категория. Ведь понимание психологической роли, как характеристики личности принципиально отличается от социологического определения роли, как элемента структуры группы. Предмет данного исследования связан с личностным фокусом, основное внимание будет уделено личностной составляющей индивидуально-социального дуализма, хотя, естественно, мы будем касаться всего спектра проявления категории «роль».

Пытываясь сказать сказанное можно сделать вывод, что психологические роли в процессе своего функционирования выступают в различных качествах, отражающих разные стороны действительности. Как результат наших исследований, обобщая различные понимания роли, мы предлагаем следующие подходы к дефиниции понятия «психологическая роль»:

1. **Роль как поведенческая модель социальной позиции.** Это сугубо социологическая характеристика роли. Она определяется социальной структурой, элементами которой выступают социальные ролевые позиции, задающие общественно обусловленные варианты ролевого поведения и формирующие ожидания к ролевому репертуару участников социального взаимодействия.

2. **Роль как норма.** Роль выступает своеобразным набором стандартов соответствующей формы поведения, правил выполнения тех или иных действий, носителем нормативной базы поведения; кроме того, роль выполняет «инструментальную» задачу, т. е. концентрирует в себе информацию о моделях выполнения определенных видов деятельности, о целесообразных формах поведения и эффективных способах решения коммуникативных и других задач.

3. **Роль как функция.** Роль всегда связана с системой определенных практических задач, ее можно рассматривать как способ достижения определенных социальных целей, в ролях сконцентрировано целевое назначение человеческого поведения; в зависимости от цели деятельности или поведения роль приобретает те или иные стилевые или функциональные особенности (яркий пример – профессиональные роли).

4. **Роль как символ.** В человеческом обществе роль приобретает абстрактный характер в отличие от паттернов поведения животных, внешне похожих на ролевые. Роль всегда является носителем более общих свойств, чем ролевое поведение конкретного человека, следовательно, она является помимо других характеристик носителем смыслов, в которых отражается содержание, относящееся к большому классу подобных ролевых проявлений. В психодраме существуют особые роли (их называют «символическими»), которые не имеют аналога в реальной жизни, например, «роли» частей личности, различных чувств, явлений, абстрактных понятий и т. д.

5. **Роль как ценность.** Для каждого человека роли представляют собой важные функциональные качества, доходящие до уровня жизненных ценностей. Особенно это характерно для жизненных ролей. Роли часто связаны с призванием, с самореализацией, со смыслом жизни. Роли – это средства решения важных жизненных задач, благодаря чему они приобретают все качества ценностей и ценностных ориентаций.

6. **Роль как психическое состояние.** Роль имеет все свойства психических состояний, т. е. таких психических феноменов, которые являются относительно статичными (в отличие от психического процесса, четко локализованного во времени), следовательно, роль может существовать за пределами конкретной ситуации ролевого поведения; в то же время роль не постоянно присуща личности, что отличает ее от психического качества (даже жизненные роли, которые тесно связаны с качествами личности, являются не врожденными образованиями, а онтогенетическими приобретениями, и могут

быть при определенных условиях сняты). Исполнение роли, как интегральное психическое состояние, всегда включает в себя другие психические состояния: интеллектуальные, эмоциональные (примером может служить ролевое переживание, описанное в 8 главе).

7. Роль как личностный модус. Модус – это качество, которое присуще предмету лишь в определенных состояниях (в отличие от атрибута). Помимо характеристики роли как психического состояния, модус подчеркивает личностную составляющую роли. Психологические роли в разной степени представлены в личности, наиболее связанными с важными свойствами личности оказываются жизненные роли. Таким образом, психологическая роль выступает как форма личностной самопрезентации, как система интеракционных характеристик личности, как одна из важных форм социального бытия человека.

8. Роль как установка. Роль может рассматриваться как готовность к определенному способу реагирования на ситуацию и определенных индивидуализированных форм поведения. От исполнения роли зависит не только своеобразность паттернов социального поведения (что кажется очевидным), но и особенности когнитивных процессов, эмоциональные реакции и т. п. Так, например, исполнение психодраматических ролей приводит к феномену забывания важной информации, или, наоборот, в определенной ситуации ролевой игры человек вдруг припоминает то, что казалось прочно забытым. Человек, исполняющий роль, может по-другому начать воспринимать действительность, психодраматически принимая роль другого, он может понять этого человека, почувствовать то, что до этого не воспринималось.

9. Роль как отношение. Ролевое взаимодействие невозможно без взаимоотношения, то есть без взаимного отношения субъектов обмена ролевыми действиями друг к другу. Играть роль – значит относиться определенным образом к партнеру (проявлять чувства, оценивать его), к процессу (переживать его), к самому себе, как к субъекту роли (реализовывать ролевую Я-концепцию).

10. Роль как ресурс. Роль выступает мощным источником личностной самореализации, она помогает, с одной стороны, адаптации к обществу, вхождению в его структуру, с другой – оказывает содействие развитию разных сторон индивидуальности человека, а также сама выступает одним из компонентов этой индивидуальности. Эти закономерности широко используются в психотерапевтической, тренинговой и других видах практической деятельности (о роли как ресурсе подробнее см. Callero, 1994, а также параграфы 10.3–10.4).

11. Роль как защитный механизм. Роль может рассматриваться и как своеобразная психологическая защита личности (см. Фрейд, 1993), когда за ролевым поведением, приобретающим иногда ритуально-символический характер, прячется проявление истинного «Я». Происходит утаивание каких-то

сторон индивидуальности, самости за ролевой маской, принимающей функцию внешней стороны личности человека. Выполнение роли может оказывать содействие трансформации в сознании человека информации внешнего мира, когда личность находится в субъективном «ролевом» пространстве-времени, что сближает данную функцию роли с классическими защитными механизмами. Иногда ролевая маска используется не как защита, а с прагматическими целями, например при формировании такой «внешней индивидуальности» человека, как имидж.

Подчеркивая личностную направленность нашего подхода к изучению психологических ролей, следует все же не забывать, что личность имеет социальную природу, и что социальная сущность человека в значительной мере определяется ее психологическими ролями. Среди социальных феноменов личности наибольшее значение имеет групповая идентичность; ролевое толкование личности иллюстрирует связь человека и группы: каждой референтной группе, с которой человек себя идентифицирует, соответствует определенная психологическая роль из ее репертуара. Вместе с тем ролевой репертуар не сводится к набору референтных групп, он значительно шире и разнообразнее.

Если на одном полюсе ролевой диады расположена личность, которая хоть и имеет социальную природу, но все же индивидуально детерминирована, то на другом полюсе мы имеем социальную структуру, имеющую групповые характеристики. Роль, являясь центральным феноменом социально-индивидуального дуализма, имеет двоякую природу, выражающуюся во внешнем плане в форме *ролевого поведения*. Ролевое поведение является таким же сложным явлением, объединяющим как спонтанное самовыражение личности, так и действия, запрограммированные множеством социальных связей, в которых живет человек.

Мы можем говорить о различных характеристиках ролей и сопутствующих им проявлений. *Ролевыми детерминантами* мы называем факторы, определяющие роль: позиция личности, статус, социально-психологические установки и т. д. *Ролевые атрибуты* – это вещи, необходимые для исполнения роли. У актера – это грим и одежда. Атрибутом может быть все, что помогает воссоздавать ситуацию роли. Примером ролевых атрибутов может считаться имидж. *«Ролевой фетишизм»* – это придание вещам роли и свойств, которыми они физически не обладают. Как человек играет роль в социальной среде, так и вещь имеет присвоенную ей «роль» только среди людей. Вещь превращается в символ. Хорошим примером являются деньги, которые не имеют своих свойств вне человеческого общества. Еще одним примером является детская кукла, которая только в детской игре способна «ожить» и «играть» роль ребенка, за которым ухаживает девочка в роли мамы.

Ролевая ситуация – это совокупность обстоятельств, сопутствующих исполнению роли, своего рода ролевое окружение. По аналогии с «пентадой» К. Берка (Burke 1975), состоящей из 5-ти элементов (агент или актер, сцена, акт, агентство или средство и цель) мы рассматриваем такие элементы ролевой ситуации: место действия, время исполнения, роль, исполнитель роли и люди, для которых она исполняется. В театре этими компонентами являются сцена, представление, пьеса, актеры и зрители.

1.5. Роли и проблема классификации

Существует много классификаций психологических ролей. В социальной психологии часто используется деление ролей на *социальные* и *межличностные*. Богатые традиции анализа и классификации ролей существуют в социологии. В теории символического интеракционизма роли классифицируются по степени предварительной заданности и делятся на *конвенциональные* (формализованные, обусловленные позицией человека в социуме) и *межличностные* (определяемые индивидуальными особенностями участников социального взаимодействия). В теории социализации Т. Парсонса рассматриваются роли *аскриптивные* (предписанные, заданные включенностью человека в социальные структуры и обусловленные рождением человека, его полом, социальным происхождением и т. д.) и *достижительные* (которые достигаются благодаря личным усилиям человека, связанные с образованием, карьерой и т. п.).

В концепции Э. Томаса и Б. Биддла роль рассматривается как феномен, функционирующий на пересечении двух сегментов: личностного и поведенческого. Личностные сегменты включают такие понятия: *индивидуальная роль* (поведение индивидуума); *совокупная роль* (поведение совокупности, «групповая роль»); *поведенческая роль* (поведение исполнителя); *целевая роль* (поведение того, на кого направлено взаимодействие). Поведенческие включают такие понятия: *открытая роль* (открытые формы поведения всех людей); *скрытая роль* (скрытые формы поведения людей); *предложенная роль* («нормативная»); *описательная роль* («ролевые понятия»); *оценочная роль* (оценки людей); *активная роль* (действия людей); *санкционированная роль* (санкции людей). Личностные сегменты относятся к формам поведения конкретных личностей. Поведенческие сегменты относятся к личностям вообще, но к конкретным классам поведения. Понятия в пределах личностно-поведенческого сегмента (т. е. их пересечения) объединяют конкретизации от каждого из наборов (Biddle, Thomas, 1966, с. 29–32).

Из различных классификаций психологических ролей, пожалуй, наиболее широкая, включающая практически все проявления активности человека,

принадлежит психодраматической теории личности Я. Л. Морено (подробнее об этом см. параграф 4.3). В ней рассматриваются такие ролевые категории: *соматические* (или психосоматические), *психические*, *социальные*, *трансцендентные* (или интегративные) (см. Лейтц, 2007, с. 115–121). Жизненные роли, в нашем понимании, в той или иной мере охватывают все четыре компонента из классификации Морено, хотя не сводятся ни к одному из них отдельно.

Проанализировав разные подходы и концепции, мы разработали свои принципы классификации, которые заключаются в построении парных психологических конструктов, относящихся к одному из четырех измерений: лично-социальному, жизненно-временному, поведенческому, нормативно-функциональному. Каждое из измерений описывается, в свою очередь, рядом психологических конструктов.

Личностно-социальное измерение определяет место роли в социально-индивидуальном дуализме и состоит из таких конструктов: 1) *«Личностные роли–Социальные роли»* – это характеристики ролей, выражающие зависимость ролевого поведения либо от личностных мотивов, либо от социальных нормативов и ожиданий; 2) *«Индивидуальные–Групповые»* – роли, которые определяются включением индивида в структуру группы или относительной независимостью от нее; 3) *«Характерные–Межличностные»* – роли, которые являются паттернами поведенческих характеристик личности или заданы межличностными отношениями; 4) *«Неофициальные–Официальные»* – роли, которые определяются больше психологическими факторами или формальными нормативами.

Жизненно-временное измерение определяет функционирование ролей в психологическом времени и их связь с временными характеристиками и жизнью человека: 1) *«Устойчивые–Ситуативные»* – конструкт, определяемый свойством ролей существовать продолжительное время за пределами ситуации и независимо от нее; 2) *«Жизненные–Театральные»* – связь ролей с жизненным сценарием личности или искусственность, театральность ролей, которую следует понимать метафорически, как внешнюю ролевою или театральную маску; 3) *«Зрелые–Инфантильные»* – роли, которые соответствуют определенным стадиям возрастного развития, развитые, достаточно сформированные или отстающие от них, то есть соответствующие более ранним возрастным периодам, чем паспортный возраст; 4) *«Закономерные (Возрастные)–Случайные»* – связь ролей с закономерностями возрастного и личностного развития.

Поведенческое измерение определяет функционирование ролей в поведенческом «пространстве»: 1) *«Активные–Латентные»* – роли, которые являются открыто, являются функционирующими, и скрытые, которые не проявляются в ролевом поведении, а содержат ее лишь в потенции; 2) *«Внеш-*

ние–Внутренние (воображаемые)» – роли, которые осуществляются в актах поведения, или в воображении индивида; 3) «Явные (актуальные)–Теневые (антироли)» – развитые роли и вытесненные (репрессированные, запрещенные или заблокированные) роли; 4) «Статусные–Стилевые» – роли, которые определяются уровнем социального статуса, или независимые от статуса, но связанные с личностными стратегиями человека.

Нормативно-функциональное измерение определяет: 1) «Ритуальные–Спонтанные» – роли, базирующиеся на застывших схемах и паттернах, или такие, рисунок которых рождается «здесь и теперь», не связан с предыдущими схемами; 2) «Конвенциональные–Стихийные» – связь роли с системой договоренностей между субъектами ролей; 3) «Предписывающие–Достижительные» – роли, которые наперед заданы общественной ситуацией или достигаемые человеком в процессе жизни; 4) «Конструктивные–Деструктивные» – роли, осуществляющие творческое или, наоборот, разрушительное влияние на личность или межличностные и общественные отношения; 5) «Функциональные–Ценностно-смысловые» – роли, в которых преобладает инструментальный характер или роли, связанные с личностным смыслом и жизненными ценностями.

Описанный подход имеет преимущества перед другими в том, что он позволяет объединять качественный и количественный анализ: каждая из психологических ролей может всесторонне исследоваться как качественный психологический феномен, имеющий свои формы функционирования, разновидности и практические аппликации (отраженные в приведенных выше дихотомиях). В то же время каждому из конструктов может соответствовать измерительная шкала, с помощью которой можно количественно определять или, по крайней мере, оценивать дихотомию качества, положенного в основу данного конструкта. При этом следует помнить, что парные феномены, лежащие в основе конструктов, являются преимущественно качественными, они не определяются лишь одним измерением данной дихотомии, а значительно многограннее. Количественный же анализ полезен для удобства экспериментального исследования разных видов психологических ролей.

Принцип конструктивной дихотомии помогает не только эмпирически исследовать эти феномены, но и открывает возможность строить тестовые методики изучения психологических ролей. Можно создать как минимум 17 таких методик (по количеству конструктов), а если объединять разные шкалы с образованием новых дихотомий, а также делать акцент на разных аспектах функционирования, то их может быть значительно больше. Автором была создана методика «*Локус ролевого конфликта*», которая стала результатом объединения конструктов «Личностные–Социальные» и «Внешние–Внутренние» с ударением на аспекте «источники, или движущие силы ролевого поведения» (см. параграф 5.2).

Предложенная классификация очень удобна для описания большого количества психологических ролей, которые людям приходится играть в своей жизни. Однако названия частей парной дихотомии – это не синонимы конкретных видов психологических ролей, они являются более узкими характеристиками. Это следует учитывать, оперируя этими понятиями в разных контекстах. Например, понятие «социальные» в дихотомии «*Личностные–Социальные*» – это свойство ролей определяться социальными ожиданиями или позицией в социальной структуре, а не обозначение социальных ролей как таковых. Понятие «жизненные» в дихотомии «*Жизненные–Театральные*» – это свойство ролей, определяющее связь с жизненным путем человека, его сценарием, глубину роли, и т. д. Следует также понимать, что не существует ролей только «социальных», только «жизненных», «личностных» и т. д. Роль может быть жизненной и одновременно социальной, если ей соответствует четкая позиция в структуре социальных отношений и групп (например, семейные или профессиональные роли). В принципе каждую конкретную роль можно оценить по каждой из 17-ти дихотомических шкал, используя, например, процедуру семантического дифференциала.

Данная классификация охватывает не все виды ролей, встречающихся в человеческой практике. За ее рамками остается много специфических видов и типов психологических ролей. Так, в теории психодрамы рассматриваются *трансцендентные* роли или ролевые категории. В нашей концепции они наиболее близки к смысловым ролям, хотя представляют собой самостоятельный тип. Трансцендентные роли подчеркивают надличностную сущность человека, его связь с Космосом, с Божественным началом, то есть с высшими смыслами человеческого бытия.

Как отдельную категорию можно рассматривать *биологические роли*, т. е. роли, предопределенные биологией человека, связанные с выполнением биологических функций. Хороший пример – это половые роли. Биологические роли – это роли только «наполовину». Они являются ролями, так как стоящие за ними биологические функции связаны с поведением. Но их проявление строится несколько по иному механизму, чем другие психологические роли. Поведение, соответствующее биологическим ролям, имеет компоненты, формирующиеся под влиянием ролевых ожиданий, но есть составляющие, которые разворачиваются по внутренней программе (инстинкту). В этом смысле они не могут рассматриваться как роли.

Можно ввести понятие *персонифицированных ролей*, то есть ролей, связанных с конкретной личностью, например, актерские роли, изображающие определенного человека (скажем, роль Гамлета). Исполнение персонифицированной роли не обязательно является воспроизведением текста пьесы. Можно импровизировать на тему этой роли, но мы не можем выйти за рамки

данного образа, характера и всего, что ему соответствует. Персонифицированной ролью может считаться роль душевнобольного, который «перевосплащается», например, в какую-то историческую личность. *Полуперсонифицированными* можно назвать стандартизированные роли, окрашенные индивидуальным своеобразием, или такие персонифицированные, которые связаны не с конкретным персонажем, а с обобщенным (собирательным) образом. В этом смысле *стандартизированными* являются роли, связанные со стандартными социальными функциями (профессиональные, семейные), за которыми не стоит конкретный или собирательный человеческий образ.

Игровыми ролями в данном контексте мы будем называть роли, исполнение которых (или ролевое поведение) является психологической игрой. Речь идет, прежде всего, об играх, рассматриваемых в традиции транзактного анализа. Это, например, роли «Преследователя», «Спасателя» и «Жертвы» в концепции драматического треугольника С. Карпмана (Karpman, 1968). Это роли, соответствующие игровым позициям во всех транзактных играх, которые играют люди (см. Берн, 1988).

В отличие от них, роли драматического спектакля, а также исполняемые в ролевой игре, мы будем называть *драматическими ролями*. Чтобы подчеркнуть своеобразие вторых (они отличаются от первых импровизацией), мы будем прибавлять к ним эпитет *импровизированные*.

Ключевую ролью мы будем называть такую роль, ситуация которой вызывает к жизни другую роль (является психологическим ключом для нее). Так, любая, даже ситуативная роль может способствовать актуализации другой, более глубокой, например, межличностной или жизненной. Феномен ключевой роли часто используется в психодраме.

1.6. Жизненные роли и ритуалы

В данном исследовании наибольший интерес представляют *жизненные роли*, анализу которых будет посвящено несколько глав книги. Среди различных типов и видов психологических ролей жизненные роли наиболее тесно связаны с личностными основаниями. Жизненные роли имеют две характеристики. С одной стороны – это *типичные* роли, как правило, имеющие аналоги среди социальных ролей, например, семейные (родитель, сын, дочь), гендерные, профессиональные. С другой стороны – это *индивидуально-личностные* роли, определяющие своеобразную неповторимость человека и индивидуальные различия между людьми.

В драматургии есть понятия *характерной роли*, то есть роли, которая изображает не социальную функцию человека, а сложный (и, возможно, внутренне противоречивый) личностный типаж, своеобразный характер,

неповторимую индивидуальность. Каждому человеку в жизни приходится не только выполнять разные социальные функции-роли, но и быть разными в зависимости от обстоятельств (любящими или жестокими, сильными или слабыми и т. п.). Личностные роли – это, прежде всего, определенные состояния личности, позволяющие раскрывать разные стороны собственного «Я», воплощать их в форму ролевого поведения.

Эти роли развиваются на протяжении онтогенеза, они зависят от условий воспитания и особенностей отношений в группах, где воспитываются дети, прежде всего – в семьях. Есть данные о том, что жизненные роли зависят от порядка рождения детей, т. е. младшие и старшие сиблинги отличаются не только своей позицией в семье, но и жизненными ролями, которые влияют на развитие характеров людей (Forer, 1969; Ernst, Angst, 1983). Существует тесная связь между жизненными ролями и психологическими проблемами личности, которые нуждаются в психотерапевтическом вмешательстве, например, осуществляемом ролевой психотерапией.

В определенной мере противоположными жизненным ролям являются *«ритуальные роли»*, которые в наименьшей степени представляют собой самопрезентацию личности, характеристику неповторимой индивидуальности человека. Ритуал является ригидным вариантом психологической роли, в котором предписаны «извне» все этапы ролевого поведения и взаимодействия. В ритуале очень мало личностной составляющей, а социальная, наоборот, является доминирующей, ролевые экспектации выступают ведущими побудительными механизмами во всех ритуальных ролях.

Ритуальное поведение не полностью отделено от истинных побудительных механизмов человеческой активности – мотивов и потребностей, но эти причины социально опосредованы. Человек совершает ритуально-ролевые действия не потому, что испытывает глубинную потребность в определенного рода активности. Первичная потребность очень отличается от социально обусловленной потребности, побуждающей к ритуалу, которая является интериоризированным социальным требованием. Совершая ритуал, человек поступает так, потому что «так надо», потому что существует долг, обычай, привычка и т. п. Пользуясь языком транзактного анализа, в ритуале наиболее полно реализована «родительская» форма регуляции поведения. Мотивы и потребности, предшествующие ритуалу, побуждают к ролевому поведению, а не к ритуалу, как к таковому. Но эти потребности и поведение опосредуются социальными нормами, которые порой очень глубоко представлены в сознании и бессознательном человека. В религиозном ритуале, к примеру, существует первоначальная потребность человека в религиозном поведении (например – потребность молиться), но, эта потребность и последующие действия – это еще не обязательно ритуал в строгом смысле слова.

Во-первых – молитва может быть совершена разными способами (не обязательно точно по тексту, полностью или вслух, например, это можно делать мысленно). Но молитва, как элемент ритуала должна осуществляться в соответствующих условиях (месте и времени), например, это нужно делать во время религиозного обряда. Здесь эти действия должны быть осуществлены «по правилам» (например, мысленная молитва недопустима).

В ритуале нормативно-регулирующая функция роли развита наиболее сильно, норма и правило являются для ритуала ведущими, доминирующими. В то же время в ритуале свод правил и предписаний остается не до конца закрепленным формально, что позволяет считать его формой именно ролевого поведения. Ритуал оставляет определенную «свободу» выбора, хотя она бывает достаточно условной. Так, можно не поздороваться в ответ на приветствие, можно не сплунуть через левое плечо (чтобы «не сглазить»), никто «не заставляет» каждый раз ходить в церковь. Для человека ритуально-ролевые действия хоть и имеют внешний побудитель (ожидания социума), но оно реализуется через внутренние механизмы (интериоризованные ожидания, что-то вроде внутреннего «Родителя»).

Эти соображения не относятся к действиям священника, для него религиозная служба не ритуал, а профессиональная деятельность, которую он обязан осуществлять точно по правилам. В этой связи ритуалом также не являются такие правила и нормы, которые точно регламентируют ролевое поведение и взаимодействие людей, не оставляя никакой возможности выбора (то есть, которые нужно выполнять обязательно). Это – протоколы дипломатических встреч, правила спортивных игр, регламенты деятельности парламентов, расписания учебных занятий и много других вариантов, которые внешне похожи на ритуалы, но не являются таковыми. Также ритуалом однозначно не являются действия регулировщика на перекрестке автомагистралей, его поведение можно охарактеризовать, как исполнение профессиональной роли.

Можно сделать вывод, что ритуал – это такая форма ролевого поведения, в которой максимально проявляется его символическая природа и степень социальной опосредованности. Другой характеристикой ритуала является его связь с социальными ожиданиями, но исходящими не от конкретных групп и индивидуумов, а от обобщенного абстрактного коллективного субъекта, иногда имеющего трансцендентную природу. Третьей особенностью является мотивационный побудительный механизм ритуального действия, в основе которого лежит интериоризация социальных ожиданий. Эти соображения подтверждают ролевую природу ритуального поведения, можно также утверждать, что ритуальный компонент в большей или меньшей мере присущ всем другим видам психологических ролей.

Глава 2. Структура ролевого взаимодействия

2.1. Исполнение ролей как форма социального поведения

Один себя старался обелить,
другой лицо скрывает от огласки,
а кто – уже не в силах отличить
свое лицо от непрменной маски.

Владимир Высоцкий

Поведение человека – это активность, направленная на удовлетворение его потребностей. По аналогии, социальное поведение имеет своей целью удовлетворение социальных потребностей, которые формируются в процессе социализации под влиянием социальной среды. Однако их предпосылками являются врожденные физиологические и психические потребности, социализированные, то есть опосредованные социальными отношениями. Так, социальным аналогом потребности в самосохранении является потребность в *самоценности* (то есть в сохранении себя уже не просто как живого организма, а как личности). Потребность в защищенности и безопасности (защите физических границ) аналогична формирующейся потребности в *автономии* (защите личностных границ). Потребность в информации и «сенсорный голод» трансформируются в *познавательные* потребности. Эмоциональная потребность (ее часто не совсем точно называют потребностью «в острых ощущениях») на более высоком уровне соответствует потребности в *переживании*. Сексуальная потребность социализуясь, дает начало потребности в *любви*, потребность в продолжении рода – потребности в *заботе и покровительстве* и т. д. В действительности соотношение большинства потребностей разного уровня является более сложным. Правильнее полагать, что социальные потребности являются результатом развития личности в целом. Это ярко видно на примере важнейших социальных потребностей – в *общении*, в *достижениях*, во *власти*, в *самоактуализации*.

Социальное поведение не только реализует социальные (точнее, социализированные) потребности, оно происходит в социальном контексте, то есть во взаимодействии с социальной средой (с группами или с другими людьми). Социальное поведение делится на виды и формы. Виды поведения соответствуют *видам* реализуемых в нем социальных потребностей и других механизмов его регуляции (см. Шорохова, Бобнева, 1979). В этой связи можно рассматривать организационное, массовидное, ритуальное, политическое, экономическое, лидерское и другие виды социального поведения. Формы социального поведения рассматриваются как поведенческие структуры, офор-

мленные определенным *способом* реализации лежащих в их основе потребностей. Могут быть рассмотрены такие формы социального поведения, как адаптивные и неадаптивные, нормативные и девиантные и т. д.

Ролевое поведение – это особая форма социального поведения, которая связана с определенными социальными нормативными функциями личности и закреплена в относительно устойчивых поведенческих моделях. Это одна из важных форм социального поведения личности, если не самая важная. Социальные функции и поведенческие модели, как правило, находят отражение в позициях социальных структур, в которые включены участники ролевого взаимодействия. Ролевое поведение может быть связано с любым видом социального поведения.

Исполнения ролей преследует достижение многих психологических целей: 1) осуществления какой-либо деятельности (для которой свойственна именно эта роль); 2) защиты от чего-либо (подробнее об этом в 9.2); 3) психологического «выигрыша» от игровых ролей (подробнее об этом в 10.6); 4) реализации потребности во власти и всего, что она дает человеку, в форме социальных и статусных ролей; 5) самореализации личности.

Как уже отмечалось, роль – это переходный мостик между человеком и группой, что проявляется в социально-индивидуальном дуализме. Роль, это с одной стороны функция личности, с другой – элемент социальной структуры, отражением которой является ролевая структура общества. Социальные роли человека, включенного в социальную структуру, также отражают структуру социума (это относится, прежде всего, к групповым ролям). Следовательно, с социологической точки зрения можно говорить о соотношении между референтными группами человека и репертуаром его социальных ролей (сколько групп, столько и ролей).

Однако этот подход сразу же обнаруживает свою ограниченность при описании личности. Ролевое поведение можно рассматривать не только как социальную функцию, отраженную в ожиданиях общества или ролевых ожиданиях, но и как личностный феномен, связанный с ролевой идентичностью, ролевой Я-концепцией и другими личностными качествами. В этом случае репертуар личностных ролей формируется не только в контексте его социальной ситуации, но и в контексте истории его жизни, структуры его жизненного мира, системы личностных ценностей. В такой перспективе роли следует рассматривать не просто как привнесенный культурой (а, следовательно, как внешний по отношению к личности) феномен, но и как одну из форм функционирования личности, как составную часть ее жизнедеятельности.

Соотношение понятий личности и роли – это, пожалуй, одна из самых сложных и важных проблем в рамках данного исследования. Вопрос, что является первичным, не такой простой, как кажется на первый взгляд. По

мнению Я. Морено «исполнение роли предшествует зарождению самости. Не роль рождается из самости, но самость появляется из роли» (Морено 2001б, с. 211). Но, наверное, правильнее говорить о взаимовлиянии личности и роли в онтогенезе развития человека.

Вопрос о том, кто кем управляет – человек ролью или наоборот, тоже остается открытым. Вспомним об этимологии слова «личность», происходящем от слова «личина» (маска). Длительное исполнение роли может привести к изменениям личности. Возникает эффект «прирастания» театральной «маски». Под влиянием ролей могут формироваться и устойчивые личностные особенности (например, профессиональные деформации). Грань между личностью и ролью подвижна и относительна. Вопрос «где находится эта грань?» должен решаться в контексте психологии индивидуальных различий (для разных личностей эта грань разная, это будет обосновано ниже, в связи с понятием «локус ролевого конфликта»).

Следовательно, человек, исполняющий роль, может одновременно и *самовыражаться*, и *играть* (в театральном смысле слова, то есть притворяться). Само «притворство» может быть как умышленное, так и неумышленное, то есть человек полагает, что его поведение является искренним, а на самом деле оно является «одержимым» ролью, хотя человек об этом может не догадываться. Это – источник всевозможных психологических игр и манипуляций, которым уделено много внимания в теории трансактного анализа.

Здесь мы наталкиваемся на очень важную и сложную проблему *свободы воли*. Свободен ли человек в своем поведении, или оно продиктовано какими-то внешними предписывающими силами? Проблема свободы является одной из ключевых для психологии личности (см. Балл, 1997). Существуют самые разные трактовки ответа на этот вопрос. В психоанализе принято считать, что истинными побудителями поведения человека являются неосознаваемые влечения, комплексы, инстинкты. Лишь осознавая эти феномены, человек избавляется от их влияния, то есть приобретает *автономию*. В бихевиоризме поведение человека рассматривается как зависимое от внешних стимулов, истинная свобода воли, по сути, отрицается. Интеракционизм рассматривает похожие механизмы, только под внешними стимулами понимаются социальные экспектации общества. С точки зрения гуманистической психологии человеком движет потребность в самоактуализации, человек несвободен, если он оказывается зависимым от оценочных позиций общества, а не от собственной Я-концепции. В настоящее время очень популярной, хотя и довольно спорной, является позиция эзотерики с ее учением о *карме*. Карма (аналог понятия «судьба») – это некое вместилище психологических результатов жизнедеятельности (что-то вроде греха), которые предписывают человеку вести себя определенным образом (искупать, или выполнять карму).

На мой взгляд, проблема свободы воли наиболее последовательно решается в психодраме и транзактном анализе. Этим двум теориям в данной книге будет уделено много внимания, поэтому здесь я ограничусь лишь кратким резюме. С точки зрения психодраматической теории ролей человек не свободен, если он недостаточно *спонтанен*. Психологические роли могут как помогать, так и мешать развитию спонтанности. Транзактный анализ дает хорошее объяснение свободы поведения, используя теорию *жизненных сценариев*, в частности концепции сценарных ограничений или запретов, и концепцию *личностной автономности*.

Резюмируя, можно сделать вывод, что в большинстве теорий личности способность к истинной свободе воли, к спонтанности, к аутентичности, личностной автономии рассматривается как высшая цель самореализации человека. Если она не достигается, человек становится (точнее, остается) марионеткой внешних стимулов, оценок, навязанных социумом ролей, сценарных ограничений и т. п.

В действительности, мы не всегда осознаем, что играем или притворяемся. Нам кажется, что мы являемся самими собой, а на самом деле мы всего лишь исполняем роль. Это означает, что человек не всегда свободен в своем поведении, что он не в каждой ситуации может осуществить по-настоящему свободный *личностный выбор*. Часто бывает, что человек повторяет одни и те же ошибки или другие неконструктивные действия, например жена алкоголика, решившись на развод, повторно выходит замуж снова за алкоголика. Эти, на первый взгляд, непонятные действия можно объяснить жизненным сценарием, ограничивающим личностную свободу человека. Сценарием «предписано», что определенные вещи человеку обязательно следует делать (например, всегда стремиться к совершенству, или во что бы то ни стало подвергать критике других за сделанные ими ошибки). А другое поведение тем же сценарием запрещено (например, нельзя выказывать определенные чувства, или брать инициативу, или верить людям). Человек, живущий по сценарию, *не является автономным*, то есть его действия, продиктованы не свободным выбором, а сценарными, несознаваемыми установками и запретами.

Примерами «неумышленного притворства» являются *психологические игры* (см. Берн, 1988), причина которых – это боязнь психологической близости, искренности, необходимость подтверждать сценарные убеждения, стремление получить психологический выигрыш (подробнее об этом читайте в параграфах 10.6 и 10.7, посвященных транзактному анализу). *Манипуляция*, в отличие от игры является «умышленным притворством», хотя ее мотивы могут и не осознаваться, часто за ней стоят те же причины, что и за транзактными играми, между ними вообще нет четкой границы. Поведение человека, противоположное манипуляции, называется *актуализацией* (см. Шостром, 1992).

Роль может рассматриваться как манипуляция и как автоманипуляция (то есть ограничение собственной свободы). Можно сделать вывод, что свободный человек – это самоактуализированная личность, а несвободный – это манипулятор и автоманипулятор.

2.2. Явное и неявное содержание роли

Я Гамлета в безумии страстей
Который год играю для себя.

Борис Баркас («Арлекино»)

О существовании психологических ролей, то есть о действиях, соответствующих ролевым функциям, ролевым ожиданиям и другим компонентам ролевых позиций социума, можно судить по *ролевому поведению*, во всяком случае, оно является основным их признаком. Ролевое поведение – это объективная, «наблюдаемая» сторона роли, оно является критерием ее реализованности. Но психология личности не может фокусироваться только на «внешнем» ее проявлении, которое, как видимая часть айсберга, не дает полной феноменологии. Без внутренней составляющей роли невозможно понять, как функционирует личность в процессе ролевого исполнения. Мало того, «внутренняя роль» (т. е. воображаемая, интериоризированная или, наоборот, еще не развернутая вовне) может существовать отдельно, без внешнего поведенческого компонента.

Внутренние роли – это воображаемое действие, не реализованное в ролевом поведении, это роли одного актера и одного зрителя, в этом смысле для них не нужны внешние наблюдатели (в виде социума или группы). Они требуют развитого воображения и становятся возможными при достаточно высоком уровне личностного развития, связанного с интериоризацией психических функций. Формирование внутренних ролей – важная форма приобретения человеком жизненного опыта. Они имеют огромное значение для ролевого развития личности и ролевой социализации.

Внутренними ролями, помимо внешнего поведенческого компонента, определяется ролевая самореализация человека. Они являются примером высокого развития психических процессов, соответствующих воображаемой внутренней составляющей жизненного мира человека (об этом подробнее см. 7.3). Это может дать толчок для творчества, в котором реализуются роли, не проявленные в социальном поведении человека. В этой связи можно рассматривать активное и пассивное ролевое поведение (а также творчество). Примером пассивного творчества (или творческого переживания) может быть чтение книги или просмотр кинофильма, когда мы мысленно перевоплощаемся

в художественного персонажа, переживая его роли во внутреннем плане.

Роль может переходить из внешней во внутреннюю (интериоризироваться). Внутренняя роль – необходимый компонент *антиципации деятельности*, в этом смысле ее механизм сходен с *внутренним планом действия*. В воображаемом исполнении могут быть представлены любые роли, но некоторые из них никогда не реализовывались в социальном поведении, ограничиваясь лишь процессами воображения. Причины могут быть разные: либо для таких ролей нет необходимых условий; либо они запрещены по каким-либо соображениям; либо это фантастические роли; либо они просто не реализованы в силу внутренних барьеров, лени и других обстоятельств.

Переходить роли во внешний план помогает *ролевая ситуация*. Под ситуацией роли можно рассматривать не только реальное ролевое окружение, но и совокупность обстоятельств, вызывающих к жизни забытую психологическую роль, или воссоздание воображаемой или какой-либо иной роли, условия, облегчающие исполнение роли.

Внутренние роли имеют огромное значение для понимания других людей (*принятия ролей Значимых Других*). Жизненные роли значимых людей из социального окружения, с которыми есть хоть небольшая идентификация, являются особой разновидностью внутренних ролей. Они обычно существуют только в воображаемом плане, как отражение внешних объектов, подкрепляясь процессами *эмпатии*. Им, как правило, не присуща ролевая идентичность, то есть, человек не чувствует их своими собственными, личными. Но они могут быть активно реализованы, например, с помощью психодраматической техники *обмена ролями*, превращаясь в мощный механизм решения межличностных и внутриличностных проблем. Активное исполнение роли *Значимого Другого* может сделать доступным для понимания его внутренний мир, который до этого активно отвергался вследствие эмоциональных барьеров или конфликтов.

Разновидностью внутренних ролей являются *теньевые роли* или, как их называют в психодраме, *антироли* (подробнее об этом написано в 10 главе). Обычно они связаны с глубоко спрятанной сущностью человека, которая не проявляется вовне. В этой трактовке они эквивалентны *архетипу Тени* в теории К. Юнга. Часто человек сам не догадывается о своей теневой части, но он может в мечтах, сновидениях, или неясных фантазиях видеть себя в этой ипостаси, примерять на себя те роли, реализовать которые в жизни для него невозможно. Часто это репрессированные роли, запрещенные в силу сценарных запретов или других внутриличностных ограничений.

Человек может символически «реализовать» внутренние роли в творчестве (литературном, художественном). Так часто и происходит, внутренние роли при этом переходят во внешний план, но не в обычной, а сублимированной форме, являясь важным источником творческого вдохновения ху-

дожника. Здесь роль выступает формой *компенсации* и средством *самореализации*, а часто и тем, и другим одновременно.

О компенсации можно говорить, когда полноценная самореализация личности невозможна в реальности, но может быть восполнена воображаемыми ролями. Можно ли прожить не свою жизнь? Всегда ли это плохо? Критерием здесь могут служить соответствие привнесенных обстоятельств основным жизненным потребностям человека. Если они не соответствуют призванию, а реализуют сценарий, навязанный родителями или воспринятый от предков, это плохо. Подобные примеры описаны в рамках *трансгенерационного подхода*, когда повторяемость в разных поколениях событий (особенно, драматических) связана с «исключенными» фигурами рода, судьбу которых как бы «стремятся» повторить их потомки, с неосознаваемой лояльностью роду и другими факторами, объединенными под общим названием «*синдром предков*» (Шутценбергер, 2001).

В данном контексте речь идет о совершенно других явлениях. Если человеку не удастся реализовать все свои потенции, воображаемые роли могут стать хорошей компенсацией непрожитого. Это ярко видно на примере людей с ограничениями жизненного мира, о которых подробнее написано в параграфе 7.4. Но даже для вполне нормального человека такая внутренне-ролевая самореализация является хорошим дополнением реальной событийной части его жизненной истории. Ярким примером этого является Вильям Шекспир, жизнь которого была бедна внешними событиями, но дополнялась историей персонажей его произведений. Самое крупное путешествие, которое совершил автор – это переезд из Страсбурга в Лондон, где он вел спокойную и размеренную семейную жизнь. Но в своих драмах он «участвовал» в невероятных приключениях в лице своих героев, «проживая» множество жизней полных страстей и событий.

Наверное, сложно утверждать, какие роли (внешние или внутренние) более важны для самореализации человека. Внешние (поведенческие) роли – это проявление его творческой активности. Внутренние (воображаемые) роли помимо всего прочего свидетельствуют о богатстве внутреннего мира личности. Но роли могут быть как средством самореализации, так и формой связывания личностной автономии, средством превращения человека в марионетку. Подлинная самореализация человека связана с личностной свободой, а по настоящему самим собой можно быть не тогда, когда отсутствуют роли, а когда их много, и когда человек ими владеет. Важно, чтобы все роли представляли собой развитый и гармоничный ролевой репертуар. Владение ролью связано с особым интегральным качеством человека, называется ролевой компетентностью, которой посвящен параграф 5.4.

2.3. Внешняя и внутренняя детерминация роли

Человеку нередко кажется, что он владеет собой, тогда как на самом деле что-то владеет им; пока разумом он стремится к одной цели, сердце незаметно увлекает его к другой.

Франсуа де Ларошфуко

Социально-индивидуальный дуализм психологических ролей является более частной стороной проблемы диалектики социальных и биологических факторов развития личности. Это свидетельствует о том, что ролевое развитие является специфическим, но очень важным аспектом развития и становления личности как таковой. Личность имеет биосоциальную природу, детерминируемую двумя группами факторов – биологическими (задатками, врожденными потребностями) и социальными (влиянием культуры, социальной активностью, общественно-обусловленной предметной деятельностью). Аналогичную детерминацию имеет и ролевое поведение (или – шире, ролевое взаимодействие), определяемое внешними источниками – ролевыми ожиданиями и внутренними – психологической моделью роли, опирающейся на потребности в ролевой самореализации.

Мы разработали следующую структуру ролевого взаимодействия личности:

Подструктура *ролевых ожиданий* – это система требований социума к роли (как крайний вариант, «социумом» может быть и один человек), точнее, отражение личностью совокупности тех требований, которые выдвигают к человеку партнеры по ролевому взаимодействию, его собственные представления о том, какого поведения от него ждут другие. Ролевые ожидания – внешняя сторона взаимодействия, которая характеризует общественную детерминацию ролевого поведения человека.

Подструктура *ролевого поведения* – это реализация ролевых функций в конкретных действиях и поступках, которые осуществляются в процессе исполнения ролей. Ролевое поведение – одна из основных форм социального поведения человека и является главной, определяющей характер роли.

Подструктура *ролевой Я-концепции* – это внутренняя сторона взаимодействия, характеризующая личностную детерминацию ролевого поведения человека. Ролевая Я-концепция – это представление личности о собственных психологических ролях, ощущение себя субъектом той или иной роли, это внутренняя модель роли. Ролевая Я-концепция личности включает совокупность *ролевых переживаний* человека, касающихся ее различных социально-психологических ролей, и формирует *ролевые притязания* личности.

Согласно данному подходу социальная интеракция рассматривается не как взаимодействие абстрактных социально-психологических ролей между

собой, а как межличностное взаимодействие, осуществляемое посредством психологических ролей. Роль выступает как «посредник» в общении с другими личностями, как механизм включения личности в социальный контекст. О роли как о личностной характеристике можно говорить тогда, когда она является принятой личностью, т. е. когда человек ощущает ролевую идентичность, переживает себя субъектом роли.

Представленная нами структура ролевого взаимодействия фактически является вариантом социально-психологической структуры роли и может представлять собой основу ролевой структуры личности. Это построение отображает традиционную для многих подходов трехкомпонентную модель изучения личности, с которыми наша модель может быть сопоставлена (см. Таблицу).

Таблица 1. Сравнительная характеристика разных подходов к изучению структуры личности

№	Структура ролевого взаимодействия (социально-психологической структуры роли)	Структура психики по З. Фрейду (1991в)	Структурная модель трансактного анализа Э. Берна (1988, 1992)	Социальная структура личности по А. В. Петровскому (1982)	Принципы тройной типологии в теории личности по Д. Бему (Bem, 1983)
1	Социально-ролевые ожидания	Сверх-Я (Супер-Эго)	Эго-состояние «Родитель»	Мета-индивидуальная подструктура	Класс эквивалентности: «ситуация»
2	Ролевое поведение	Я (Эго)	Эго-состояние «Взрослый»	Интер-индивидуальная подструктура	Класс эквивалентности: «поведение»
3	Ролевая Я-концепция (ролевые переживания и притязания)	Оно (Ид)	Эго-состояние «Ребенок»	Интра-индивидуальная подструктура	Класс эквивалентности: «человек»

Остановимся кратко на характеристике основных подструктур ролевого взаимодействия:

Ролевые ожидания являются его внешней подструктурой. Их можно рассматривать с объективной и субъективной точек зрения. Объективно – это реальные нормы и правила, закрепленные в обществе и функционирующие в форме требований, направленных на отдельных представителей общества и группы. Субъективно – это представление индивида о тех требованиях, которые к нему предъявляются социумом. На первый взгляд, кажется, что ролевые ожидания, идущие от социума, просто отражаются в индивидуальном сознании. На самом деле представления человека о ролевых ожиданиях, направленных к нему, является результатом довольно длительного формиро-

вания, при котором они порой настолько сильно отличаются от «оригинала», что представляют собой самостоятельный феномен индивидуального сознания человека. Эти представления существуют по собственным законам и мало изменяются во времени, несмотря на то, что меняющаяся действительность становится совершенно другой.

В этом понимании ролевые ожидания очень близки к понятию «Родительские предписания» в традиции транзактного анализа. Первые социальные ролевые ожидания, как правило, исходят от родителей, потом от других авторитетных («Родительских») фигур. Затем эти требования интериоризируются, человек как бы «выращивает» внутри себя своего собственного внутреннего «Родителя», формирует Родительское эго-состояние. Эти внутренне образованные становятся частью жизненного сценария, они являются достаточно автономными (то есть не зависящими от действительности) и устойчивыми. В ролевом поведении мы часто руководствуемся не реальными ожиданиями социума, а этими сценарными убеждениями, принимая их за объективную истину.

Ролевые ожидания (как реальные, так и сформированные из «Родительских предписаний») имеют как положительные, так и отрицательные влияния на человека. Ролевые ожидания тесно связаны с понятиями «мораль» и «менталитет». Культурно-историческая психология подчеркивает огромную важность социальных ожиданий и их влияние на развитие и социализацию личности – как форму передачи общественного опыта. Отрицательные свойства ролевых ожиданий связаны с уменьшением личностной автономности человека сценарными ограничениями, которые являются «Родительской» формой ролевых ожиданий.

Ролевое поведение, как уже отмечалось в предыдущих параграфах, является одной из важнейших форм социального поведения. Это – форма активности, осуществляемая под влиянием двух форм детерминации: внешней (ожидания) и внутренней (Я-концепция). Ролевое поведение – основа функционирования психологической роли, без которой она невозможна. Реальные роли реализуются в реальном ролевом поведении; воображаемым ролям соответствует воображаемое поведение; теневой антироли присущи ролевые фантазии (сновидения) или то поведение, которое вдруг проявляется в чрезвычайных обстоятельствах. Способность к исполнению роли связана с *ролевой компетентностью* и ее компонентами – ролевой гибкостью и ролевой вариативностью (подробнее об этом в 5.4).

Ролевое поведение может выполняться на разных уровнях: явном (развернутом в пространстве и времени) и скрытом (воображаемом). Оно может включать интеллектуальные, коммуникативные, телесно-двигательные и экспрессивно-эмоциональные действия. Ролевое поведение может происходить в реальных условиях, связанных с конкретными прагматичными функциями

и целями, а может быть имитационным, искусственным, театральным, то есть предназначаться для обучения, развлечения или обмана.

Ролевая Я-концепция связана, прежде всего, с потребностью личности в ролевом развитии. Это представления личности о себе, как о субъекте ролей, она тесно связана с ролевой идентичностью и является важной составной частью общей Я-концепции человека. Ролевая Я-концепция включает в себя в качестве важнейших компонентов ролевое переживание и ролевые притязания.

Ролевое переживание – это совокупность чувств и эмоций, сопровождающих исполнение роли. Потребность в ролевом переживании очень важна для ролевой самореализации. Она является основой ролевых потребностей вообще. Ролевому переживанию будет целиком посвящена 8 глава.

Ролевые притязания можно рассматривать как ролевые ожидания, направленные личностью на саму себя. Они зависят как от внешних ожиданий (социальных экспектаций), так и от ролевой Я-концепции человека в целом, являясь мотивационной основой ролевого поведения.

Ролевые притязания, если речь идет о жизненных ролях человека, являются одним из проявлений или компонентов его жизненных притязаний. Это – модель жизненной роли в ее протяженности из прошлого в будущее, включающая ролевые потребности (прежде всего потребность в ролевом переживании), они являются производной от ролевой Я-концепции личности. Ролевые притязания – это претензия на ролевое поведение человека, потенциал ролевой самореализации. Данное понятие тесно связано с понятием «желанного Я», отличаясь от последнего тем, что в ролевых притязаниях уже воплощено движение к осуществлению, начало реализации ролевых потребностей. Однако в силу различных индивидуальных и социальных факторов (прежде всего семейного воспитания и влияния родителей и других авторитетных фигур в раннем детстве) у человека формируются всевозможные барьеры и запреты на пути свободной ролевой самореализации личности. Под воздействием таких ролевых ожиданий формируется жизненный сценарий, который направляет, а иногда и жестко регламентирует жизненные притязания, ограничивая личностную автономию человека.

Ролевые притязания могут рассматриваться как модель жизни человека, представленная в его ролевой Я-концепции. В связи с этим драматическое моделирование желанного будущего (как одного из проявлений жизненных притязаний человека) представляется одной из наилучших практических моделей, позволяющей успешно решать диагностические, терапевтические, познавательные и многие другие практические задачи. Они уже давно и успешно реализуются в широкой практике работы с людьми (консультативной, психотерапевтической, тренинговой, образовательной, театральной и др.), которая нуждается в теоретическом и методологическом обосновании.

2.4. «Короля играет свита» или Эффект инерции ролевых ожиданий

Играть при полном и сочувствующем вам зрительном зале то же, что петь в помещении с хорошей акустикой. Зритель создает, так сказать, душевную акустику. Он воспринимает от нас и, точно резонатор, возвращает нам свои живые человеческие чувства.

К. С. Станиславский

Используемая нами трехкомпонентная модель ролевого взаимодействия позволяет объяснить много интересных закономерностей, связанных с влиянием ролевых ожиданий на поведение людей. Экспектации могут фактически предопределять ролевое поведение участников взаимодействия, подчеркивая тем самым социальную природу личности человека. Значение ролевых ожиданий настолько велико, что можно без преувеличения считать их одним из основных факторов социализации человека. С самого рождения младенец чувствует ожидания родителей, направленные на него: то, каким хотят они видеть ребенка, в значительной мере предопределяет его судьбу.

Рассмотрим частные проявления этих закономерностей. Эффект «давления» ролевых ожиданий на ролевое поведение является примером того, как ролевые ожидания могут управлять ролью. Вера в человека, ожидание успеха, удешевляет его силы и способности. Известен эксперимент, проведенный в американских школах во времена всеобщего измерения у школьников коэффициента интеллектуальности (IQ). После очередного испытания в одном из классов психологи сообщили учителям, что несколько учащихся имеют более высокие показатели интеллектуального развития, чем у других (имена этих учеников были отобраны совершенно случайно без учета результатов тестирования). Через год после повторного исследования интеллекта у этих детей был выявлен более высокий (на статистически значимом уровне) рост показателей, чем у их сверстников – повышенные ожидания учителей привели к более высокому интеллектуальному развитию.

Существует поговорка, которая является иллюстрацией данного свойства ролевых ожиданий: «Если человека все время называть свиньей, то он рано или поздно захрюкает». Хоть поговорка воспринимается вполне аллегорически, но, тем не менее, мы часто оказываемся свидетелями таких явлений. Подобная «трансформация» описана в новелле Проспера Мериме «Локис» в 1869 году (по этому произведению снят также одноименный кинофильм).

Герой новеллы граф Шемет, по мнению его сумасшедшей матери, родился от медведя, который утащил ее во время охоты и якобы изнасиловал. Именно в тот

момент несчастная женщина лишилась рассудка. Своего ребенка мать все время считала зверем. Ее фантазия оказала настолько сильное влияние на графа, что он во время своей первой брачной ночи «превратился» в медведя, загрыз свою невесту и скрылся в лесу. История умалчивает, было ли это мистическим превращением в зверя, или это пример поведения человека в «роли» зверя, возможно в состоянии, похожем на острый психоз. Но, тем не менее, этот случай подтверждает описываемые закономерности.

Значение ролевых ожиданий учитывается в психологии рекламы, основная задача которой – сформировать соответствующие ожидания у потенциальных потребителей. Чем большего они ожидают от того, кто предлагает свои услуги (от ролевого поведения исполнителя), тем успешнее будет осуществляться его деятельность. «Раскрученный» бренд – это ролевые ожидания, превратившиеся в символ высокого уровня качества. Этим часто пользуются в сфере оказания психологических услуг, где специалисты порой тратят свои усилия, время, деньги не на профессиональное совершенствование, а на «раскрутку», позволяющую легче «продать» свой «товар». Наиболее ярко это проявляется в сфере психологического обеспечения бизнеса, где спрос часто определяется маркой тренинговой фирмы, а не профессиональным уровнем тренеров.

Влиянием ролевых ожиданий объясняется феномен успеха псевдо-экстрасенсов, всяческих «целителей», бабок-гадалок, основанный на высоких ожиданиях людей и их вере в чудодейственность оказываемых ими услуг. Результаты недобросовестной рекламы можно наблюдать во всех сферах, но здесь разница между качеством и ожиданиями гораздо больше, чем в других видах человеческой практики. По этим же закономерностям соответствующие ожидания к политикам (от них не ждут ничего хорошего) позволяют им легче вести себя именно так, не вызывая возмущения в общественном сознании. Говорят: «Короля играет свита», это означает, что без системы ожиданий (в данном случае от придворных, окружающих царственную особу) его роль не будет достаточно полноценной.

В замечательном произведении Марка Твена «Принц и нищий» мы оказываемся свидетелями того, как ролевая ситуация влияет на роль. Два брата-близнеца, один из которых является принцем, а второй – нищим, по воле случая меняются ролями и оказываются в противоположных ситуациях. Попытки играть старые роли, неподкрепленные ожиданиями окружающих, не удаются, роли трансформируются. Принц не может оставаться принцем там, где никто не верит в его происхождение; нищий, попав в королевское окружение, тоже перестает быть нищим, его старое ролевое поведение утрачивается.

Влияние ролевых ожиданий является причиной *инерции роли* (инерции ролевого поведения): мы не можем исполнять роли, если они окружены

ожиданиями, которые им не соответствуют; мы не можем изменить ролевое поведение, если ролевые ожидания остаются неизменными. Для того чтобы роль имела больший успех (легче реализовалась), нужно создать положительные ожидания, окружив себя их носителями. И наоборот, если ожидания препятствуют роли, ролевое поведение будет встречать сопротивление. Не во всяком окружении человек может чувствовать себя тем, кем хочет, то есть реализовать ролевую Я-концепцию. Пример: в школу после пединститута идет работать ее бывшая выпускница, или на кафедре остается работать выпускник университета. В профессиональных коллективах их долго будут воспринимать не как коллег, а как ученицу или студента, и им трудно будет чувствовать себя иначе. В то же время другие молодые специалисты гораздо быстрее адаптируются в новых коллективах, на них не действует инерция старой роли.

Как видно, для того, чтобы психологические роли были успешно реализованы, важно правильно зарекомендовать себя (возможно даже в первой встрече), т. е. исполнить эти роли должным образом. Это создает соответствующие ролевые ожидания, которые впоследствии уже сложно изменить, потом они будут помогать поддерживать нужную роль. Мы говорим: «Сначала человек работает на свой авторитет, затем авторитет работает на него». Здесь инерция роли дает положительный результат. В теории социальной перцепции эти закономерности носят название «*эффект ореола*» и *эффект первичности*, их можно также назвать «*ролевым импринтингом*» т. е. формированием ролевых ожиданий под воздействием первого впечатления.

Согласно этим закономерностям, чтобы начать новую жизнь, надо не только начать играть новые роли, но и сменить окружение (королю сменить «свиту»). Это справедливо не только для руководителя, но и для любого человека. Оставаясь в прежнем окружении начать играть новые роли очень непросто, старые ожидания будут «заставлять» человека возвращаться к старым ролям (происходит что-то вроде *эффекта проторенной колеи*). Пытаясь исполнять новые роли, человек будет постоянно попадать в ситуацию внешнего ролевого конфликта – несоответствия между старыми ролевыми ожиданиями окружающих и его новым ролевым поведением, которое не получает в данном случае достаточной социальной почвы.

Примером может служить поведение героя кинофильма «Осенний марафон» Андрея Бузыкина (в исполнении Олега Басилашвили), фактически игравшего роль «тряпки», о которую все вытирали ноги. Однажды ему надоело, что на нем все «ездят» и решают за его счет свои проблемы. Он стал «другим» человеком, сумел ответить своим обидчикам такими словами, на которые раньше не отваживался. Тем не менее, окружающие продолжали видеть его таким же человеком, как и раньше. В такой ситуации очень тяжело отстаивать свое право на новое поведение. В результате он снова возвратился в свою прежнюю роль.

Можно наблюдать случаи «разрушения» ролевого взаимодействия под влиянием ролевого поведения. Это обратное влияние, когда изменение поведения одного из партнеров (или невыполнение им ролевых ожиданий) способствует изменению ролевого поведения другого партнера вплоть до разрушения взаимодействия. Чтобы помешать человеку совершить ролевые действия, нужно разрушить *ролевую ситуацию* (для этого может быть изменен любой компонент ситуации, но в нашем контексте представляет интерес поведенческие составляющие). Это приводит к нарушению комплиментарности ролей: когда один из партнеров демонстрирует поведение, не соответствующее ожиданиям другого, невыполнение ожиданий приводит к внешнему ролевому конфликту. Две ролевые матрицы (см. параграф 3.1) становятся неконгруэнтными. Происходит либо полный распад ролевой ситуации (прекращение взаимодействия), либо изменение ролевого поведения кого-то из партнеров. Как правило, меняется поведение того из партнеров, чья ролевая позиция оказывается более слабой. Под *силой ролевой позиции* мы понимаем суммарную силу двух факторов: силы и устойчивости социальной позиции (например, официальной значимости данной роли, авторитета) и «силы Я» исполнителя роли. Но если субъектами взаимодействия выступают личность и группа, в большинстве случаев влияние группы оказывается сильнее.

Примеров таких ситуаций может быть множество. Аудитория не хочет воспринимать лектора; как результат – лекция не удастся. Наоборот – доброжелательная и подготовленная публика способствует расцвету вдохновения рассказчика. Точно также трудно без привычки общаться с микрофоном или с камерой без публики. Нужно иметь сильное воображение (это похоже на элемент воображаемой роли), чтобы представить аудиторию и сыграть. Это хорошо удается опытному актеру. Футболисты на чужом поле, как правило, играют хуже. Причина не только в незнакомой обстановке, главным фактором здесь являются болельщики (которых даже называют «двенадцатым игроком»), чьи мощные «ожидания» влияют на игру футболистов обеих команд. Если учитель не верит в ученика (а ролевая позиция первого, как правило, оказывается сильнее), то для последнего это может обернуться катастрофой; даже талантливый ученик может не реализовать себя в ситуации тотального неверия. Неправильно полагать, что талант все равно «пробьется», мы знаем множество случаев загубленных и нераскрытых талантов, в этой связи справедливыми звучат строки Льва Озерова: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами».

Агрессор перестает нападать, если жертва ведет себя «не по правилам». Здесь возможны случаи практически полного «разрушения» ролевого поведения агрессора, если жертва будет вести себя не как жертва, а любым другим способом (например, не будет бояться, или начнет совершать «нестандартные» в этой ситуации действия). Такое поведение иногда даже специально

рекомендуют в качестве противодействия насилию. Очень эффективным может быть симуляция тошноты или психического расстройства. В практике известен случай, когда женщина, на которую напали два насильника, вместо традиционного «Караул!» или «Помогите!», громко закричала: «Ура!». Известно, использовала ли она подобный совет, или это у нее случайно получилось, но злоумышленники быстро оставили ее в покое.

Пример, когда человеку удалось практически полностью переломить ролевую ситуацию, созданную группой, описывает Ираклий Андроников в одном из своих устных рассказов, в истории, которую ему поведал выдающийся артист А. А. Остужев.

Итальянский драматический актер Томазо Сальвини во время выступления в роли Отелло во Флоренции (где его очень любили и почитали), забыл загримировать руки. Когда публика увидела черного мавра с белыми руками, величайшее почитание сменилось на такое же возмущение. Используя свой огромный авторитет, Сальвини каким-то невероятным движением остановил свист и улюлюканье и в полной тишине доиграл сцену. Зрители с нетерпением ждали появления его во втором акте. Когда он появился на сцене, зал заревел, так как тот снова вышел с белыми руками. Но тут Сальвини, как ни в чем, ни бывало, снял белые перчатки, продемонстрировав свои черные руки. Публика была в диком восторге. Люди все поняли, они оценили находчивость актера, мало того, они захотели поверить, что ошибся не он, Сальвини, а она, публика.

А. А. Остужев говорит (в пересказе Андроникова):

«Вот это самое поразительное, дорогой, из того, что может случиться в театре! Вы понимаете, конечно, что убедить публику могут многие актеры, – без этого не существовало бы сценическое искусство! Но *переубедить* публику – очень трудно. А чаще всего – невозможно. Один раз, поверив во что-нибудь, она уже не захочет верить в другое. Она не хочет знать многих Гамлетов и многих Отелло. Она хочет знать одного Отелло и одного Гамлета в исполнении разных актеров. Вот почему так трудно переменить даже внешность, а тем более характер героя, которого зритель уже знает и любит. Вот почему так трудно ломать театральные традиции и предлагать свое понимание знаменитой пьесы. Это под силу только очень большому мастеру» (Андроников, 1975, с. 48).

Возникающий в подобной ситуации ролевой конфликт может решаться двояко, в зависимости от силы ролевой позиции участников. У Сальвини она оказалось наивысшей, и она проистекала из величайшего авторитета и большой силы Я этого актера в сочетании с несомненной харизмой, что помогло противостоять толпе неистовых фанатов.

Мы часто сталкиваемся с *косностью роли* – невозможностью преодолеть стереотип устаревшей неконструктивной роли, которая себя исчерпала. Пример: крестьянин, который сажает на своей усадьбе то, что у него плохо растет, вместо того, чтобы купить его на рынке (продав то, что ему выгодно

выращивать). Но это противоречит психологии крестьянина (которая опирается на модель натурального хозяйства), которому не пристало покупать сельскохозяйственные продукты.

Мы часто не можем противостоять не только ролевым ожиданиям, идущим из социума, но и самим себе. Мы постоянно носим внутри себя старые ролевые ожидания (в форме Родительского эго-состояния), и не можем их нарушить. Эти установки, стереотипы, предписания и запреты, когда-то воспринятые от авторитетных взрослых, становятся основой жизненного сценария, ролевые ожидания превращаются в часть нашей личности. В разных ситуациях она именуется «Родитель», «Внутренний Критик (Цензор, Контролер и т. п.)».

2.5. Ролевые конфликты: закономерности и парадоксы

... когда тебе с другими плохо,
а им с тобою хорошо.

Александр Дольский

Ролевые конфликты различных форм и типов встречаются везде: в семейных отношениях, в системе образования и подготовки кадров, практически на всех уровнях профессиональных структур (от производственных коллективов до управленческих звеньев), даже в политическом устройстве общества. Современный социальный и экономический кризис и трудности переходной эпохи усугубили и без того запутанную систему социально-психологических ролей, существенно трансформировав старые и добавив совершенно новые, нетрадиционные для советского общества роли. Это привело к резкому усложнению функционирования этих ролей, к усилению ролевой неоднозначности, возрастанию всевозможных противоречий между ролями и компонентами их структуры.

Вспользуемся определением ролевого конфликта одного из ведущих специалистов в области ролевых теорий Брюса Биддла. Это достаточно широкое определение, охватывающее большой круг противоречий в такой важной форме социального поведения личности, как ролевое поведение:

«Ролевой конфликт – это любое из нескольких возможных относительно продолжительных несоответствий между элементами ролей, проявляемых людьми в социальной ситуации, которые приводят к проблемам для одного или большего числа этих людей как индивидуумов» (Biddl и др., 1960, с. 32).

В теории ролевых конфликтов важное место занимает вопрос о типологии. Обобщая данные исследований, в которых изучается структура ролевого

взаимодействия и типы ролевых конфликтов (Келлерман, 1998; Лейтц, 2007; Ольшанский, 1994; Biddle, 1986; Biddl et al., 1960; Gross et al., 1957; Kahn et al., 1964; Stryker & Maske, 1978 и др.), можно сделать вывод, что конфликты возникают из противоречий между тремя группами факторов: а) *организационными* (ролевыми предписаниями, или социально заданными ролевыми позициями); б) *межличностными* (стилем взаимодействия, взаимными ролевыми ожиданиями); в) *личностными* (мотивами, ценностями, опасениями, Я-концепцией человека).

В разных источниках насчитывается от 4 до 16 типов ролевых конфликтов, среди которых, наиболее часто встречаются такие: а) *инtrarоловой* – конфликт между разными компонентами или разновидностями одной и той же роли; б) *интерролевой* – конфликт между несовместимыми (дивергентными) ролями, которые играет один индивид; в) *интраперсональный* – конфликт между различными моделями одной и той же роли; г) *интерперсональный* – конфликт между несовместимыми (дивергентными) ролями разных людей.

Предложенная нами трехкомпонентная модель ролевого взаимодействия (*ожидания–поведение–Я-концепция*) позволяет не только объяснить названную классификацию, но и дополнить ее новыми компонентами. Так, первый тип конфликта может рассматриваться как противоречия между ролевым поведением человека и его ролевой Я-концепцией. Второй тип – это противоречие между различными видами ролевого поведения человека, которые оказываются несовместимыми. Третий тип – это противоречия между различными вариантами ролевых ожиданий к роли. Четвертый тип – это пример *двойной дивергентности*, то есть взаимные противоречия между ожиданиями и ролевым поведением обоих партнеров взаимодействия. Мы также считаем, что возможна одинарная или односторонняя дивергентность ролей, то есть интерперсональные ролевые конфликты могут быть не только двусторонними, но и односторонними, что не вошло в указанные типологии.

Попробуем пояснить это. Согласно данной модели *конвергентными* или дополнительными (иногда используется и термин комплиментарные) называются такие взаимные роли партнеров по взаимодействию, когда ролевые ожидания одного из них частично или полностью соответствуют ролевому поведению (а, в конце концов, и ролевым притязаниям) другого, и наоборот. Но поскольку и ролевые притязания, и ролевые ожидания есть у каждого из партнеров, то совпадение может быть частичным: например, поведение партнера А соответствует ожиданиям со стороны партнера Б, который удовлетворен ситуацией общения, а вот поведение партнера Б не удовлетворяет А и противоречит его ожиданиям. В результате мы получаем парадоксальное на первый взгляд явление *одностороннего ролевого конфликта* или *односторонней дивергентности* ролей.

В целом, все ролевые конфликты можно разделить на две большие группы: 1) *внешние*, или межличностные, зависящие от объективных характеристик (реальных ролевых ожиданий, ролевого поведения, ролевых норм и т. п.); 2) *внутренние*, или внутриличностные, зависящие от субъективных характеристик (компонентов когнитивной структуры индивида, например, его представлений о ролевых ожиданиях других людей, Я-концепции человека). Соответственно, ролевые конфликты могут протекать в межличностной и внутриличностной сфере. В некоторых источниках рассматриваются понятия *объективного* и *субъективного* ролевого конфликта.

В данной модели в качестве основы конфликта рассматривается противоречие между ролевыми ожиданиями человека и его ролевой Я-концепцией (прежде всего, его притязаниями). Если ролевые ожидания и притязания соответствуют друг другу (т. е. внешняя и внутренняя модели роли совпадают), то ролевое поведение строится в соответствии с ними и конфликт не возникает. Если же между ожиданиями и притязаниями есть противоречие, то возникающий ролевой конфликт имеет разные варианты. При внешней детерминации поведения (под влиянием ожиданий) происходит внутренний конфликт между ролевым поведением человека и его собственными ролевыми притязаниями. При внутренней детерминации поведения (под влиянием ролевой Я-концепции) происходит внешний конфликт ролевого поведения с ролевыми ожиданиями.

Внешние и внутренние конфликты могут переходить друг в друга. Поддаваясь групповому давлению и меняя свое ролевое поведение на социально желательное, человек «загоняет» конфликт вовнутрь. Наоборот, если он начинает строить свое поведение в соответствии с собственной Я-концепцией и по внутреннему побуждению «снимает» с себя нежелательную роль, то внутренний конфликт переходит во внешний.

В реальных ситуациях общения ролевое взаимодействие – это двусторонний процесс, следовательно, структура ролевого взаимодействия является двойной, т. е. принадлежащей каждому из партнеров по взаимодействию. Так, в случае общения двух людей (простейшая модель взаимодействия) каждый из них имеет свое представление о собственной роли (ролевое притязание), является субъектом собственных ролевых действий и поступков и строит взаимные ролевые ожидания (т. е. на поведение партнера А влияют ожидания со стороны партнера Б и наоборот).

Покажем это на примерах. В отношениях двух людей один всегда бывает активнее, чем второй. Если позиции лидера и ведомого совпадают с ролевыми ожиданиями и притязаниями, т. е. один человек хочет играть роль лидера, а от другого ждет роли подчиненного, а его партнер – наоборот, то наблюдается полная (гармоничная) ролевая совместимость, или комплиментарность ролей,

когда взаимное удовлетворение ролями партнеров по общению является оптимальным. Ролевой конфликт начинается тогда, когда, например, оба партнера стремятся к лидерским позициям, а друг от друга ждут уступчивости.

Такие же закономерности лежат в основе того, что легко уживаются между собой «садист» и «мазохист». Описанные роли представляют собой *ролевые пары*. Известны случаи, когда очень стабильными оказываются браки, когда один из супругов намного старше другого. Это происходит в том случае, когда люди находят взаимное удовлетворение в потребности реализовать символические роли «Отца» – «Дочери» (или наоборот – «Матери» – «Сына», если женщина старше мужчины). Эти роли также составляют ролевые пары.

Комплиментарными могут быть и роли, не входящие в ролевую пару. Например, муж в семье играет роль «Покровителя», т. е. является защитником своей жены, лидером, принимает все важные решения. В то же время, от жены он ожидает роли «Хозяйки»: чтобы вкусно готовила, воспитывала детей. Если жене тоже нравится играть роль «Хозяйки», она любит готовить, вести хозяйство, а от мужа ждет покровительства и защиты, то можно прогнозировать, что в такой семье ролевые конфликты будут редкостью. Значительно хуже, если взаимные ожидания и притязания не совпадают. Например, муж ждет от жены роли «Сексуальной партнерши», а она хочет быть «Подругой» и проводить время в душевных разговорах. В этом случае налицо противоречия семейных ролей, и семья будет время от времени переживать ролевые конфликты.

Поскольку конфликт может переходить из внешнего во внутренний и наоборот, то для практики представляют интерес так называемые *интериоризованные интерперсональные* конфликты, то есть внутренние конфликты, имеющие своим происхождением межличностные отношения. Примером его может быть ситуация психологического дискомфорта, возникающего у человека в непривычных для него обстоятельствах, когда внешняя социальная ситуация требует от него действий, не имеющих ничего общего с его представлением о собственном призвании, о собственных ролях. В то же время человек должен подчиняться ролевым ожиданиям и не имеет возможности пойти на открытый внешний ролевой конфликт.

Подобные ситуации очень часто происходят в воинских коллективах в связи с призывом на срочную военную службу. В армейский коллектив часто попадают не по призванию, а согласно обязанности, и потому противоречие между ролевыми ожиданиями и ролевыми притязаниями и переживаниями может быть довольно значительным. В этой связи очень остро встает проблема социально-психологической адаптации человека в воинских коллективах.

Ситуация «одностороннего» ролевого конфликта на первый взгляд является искусственной и парадоксальной, ведь мы привыкли считать, что конфликты

всегда двусторонние. Но на практике, например, в семейных отношениях, степень удовлетворенностью партнерскими отношениями у мужа и жены очень часто бывает разной. Несовпадение становится в особенности явным, когда один из партнеров по браку скрывает свой дискомфорт и тем самым загоняет конфликт вглубь. В таком случае разрыв отношений, который может за этим наступить, для второго партнера становится настолько большой неожиданностью, что тот не может понять его причины. Практика семейного консультирования насчитывает таких случаев очень много.

Однажды в психологическую консультацию обратилась женщина по поводу предстоящего развода с мужем. Решение было для нее очень трудным, она переживала большую внутреннюю борьбу и, не будучи уверенной в правильности своих действий, обратилась за советом. Причиной неудовлетворенности браком было поведение мужа, который, по мнению клиентки, «превратился в настоящего монстра», он не только не соответствовал ее представлениям о том, каким должен быть муж, но и сознательно провоцировал конфликты, всегда делал не то, чего хотела она. Даже если он и выполнял ее просьбы (чаще всего, какие-то домашние дела), то не тогда, когда это надо и совсем не так, как она просила. У женщины начало складываться впечатление, что муж умышленно издевается над ней, и она начала серьезно думать о разводе.

На вопрос психолога, пробовала ли она объяснить мужу, каких действий и поступков она от него ожидает, женщина ответила, что на подобные заявления он никогда не реагирует, или отвечает, что и сам все хорошо знает. Психолог предложил прийти на консультацию мужу. Тот сперва категорически отказывался, но когда узнал о намерении жены, пришел и почти с порога разрядился агрессией в адрес психолога, который, по его мнению, «подговорил» жену к разводу. Поняв, что это не так, он успокоился, и удалось выяснить суть дела. В отличие от жены муж считал свой брак если не идеальным, то, по крайней мере, очень счастливым, и он просто не мог поверить, что она сама могла до такого додуматься. Поведение жены его полностью удовлетворяло, и он даже не предполагал, что в ее видении семейная ситуация может быть другой. А вследствие недостаточного развития эмпатии он не заметил, что в эмоциональном состоянии жены что-то неладно.

В практике семейного консультирования часты случаи, когда действия, осуществляемые с наилучшими намерениями, являются причиной недоразумений. Они усугубляются нарушенной коммуникацией в семье, когда супруги не могут объяснить друг другу суть своих притязаний. В одном случае муж решил развестись из-за того, что ему надоело есть одно и то же «ненавистное» кушанье, которое жена все время готовила. Самым интересным было то, что жена тоже не любила это блюдо и готовила его лишь для того, чтобы угодить своему мужу, для которого, по ее мнению, оно было любимым. А дело было в том, что он как-то (достаточно давно) очень похвалил его в присутствии своей матери.

Односторонний ролевой конфликт случается и в тех случаях, когда человек «перерастает» свою роль и стремится изменить свое поведение. Но в ситуации, когда человек хочет «с завтрашнего дня начать новую жизнь», ему это боль-

шей частью не удастся, так как в социальном окружении сформировались устойчивые ролевые ожидания, соответствующие старой обычной роли человека. Здесь возникает эффект *инерции роли*, описанный в предыдущем параграфе. Стремление играть новую роль наталкиваются на эти ожидания, которые «загоняют» человека в предыдущую ролевую модель. Вообще изменение роли в ситуации «застывших» ролевых ожиданий – это проблематичное дело.

Персонаж повести Ирины Грековой «Кафедра» профессор Флягин занимает место умершего заведующего кафедрой известного ученого Завалишина, и хотя он и исправно выполняет все свои обязанности, его поведение, прежде всего – дотошные требования дисциплины, вступило в противоречие с ролевыми ожиданиями членов кафедры. Эти ожидания сформировались под влиянием привычного стиля жизни коллектива и связывались с образом его предшественника, который значительно отличался от Флягина. Как результат – возник открытый ролевой конфликт между кафедрой и ее новым заведующим.

Ролевые конфликты являются причиной многих сложностей в общении, из-за них возникают многочисленные недоразумения и проблемы в ролевом взаимодействии. Но они неизбежны, так как никогда невозможна полная конгруэнтность всех компонентов роли во всех ситуациях. Мало того, ролевой конфликт играет позитивную роль, так как является движущей силой развития личности (об этом подробнее – в 5 главе) и важнейшим условием ролевой самореализации.

2.6. Ролевые игры

...имитационная игра со значением ролевой игры и повторного воспроизведения событий является открытой формой повторения и «принятия» опыта, который нуждается в исследовании.

С. Миллер (1999, с. 199)

Важность игры в истории культуры отмечена в начале книги. В процессе познания игра имеет не меньшее значение и присуща не только человеку. Нам известны игры животных, используемых для обучения борьбе и охоте. Игры детей появились задолго до появления психологии детской игры и попыток подвести под эти стихийно найденные формы активности научную базу. Пожалуй, наиболее «человеческими» видами игр являются ролевые игры, которые дети используют для усвоения социальных ролей, формирования практических жизненных навыков, освоения социального опыта предыдущих поколений.

Ролевой игрой называется такая активность человека, которая обусловлена принятыми человеком *игровыми ролями* (то есть соответствующими данной игровой ситуации), а не предписанным заранее сценарием. Это озна-

чает, что ролевая игра всегда предполагает определенную спонтанность, в отличие, например, от театральной игры в драматургии.

Использование ролевой игры в практической деятельности и обучении насчитывает длительную историю. Еще с древности известны военные ролевые игры, в которых имитировались боевые действия для обучения и подготовки к будущим сражениям. Но настоящий расцвет ролевых игр начался в XIX и особенно в XX столетии. Один их источник связан с неформальным детским движением типа скаутов, а затем – пионеров, тимуровцев и т. п., в деятельности которых использовались элементы ролевых игр. Наиболее яркими примерами являются детские военизированные игры «Зарница» и «Орленок», проводимые в СССР в масштабах всей страны в 60–70-е годы XX столетия.

Еще один источник ролевых игр связан с именем английского писателя, родоначальника жанра *фэнтэзи*, Дж. Р. Р. Толкиена. Его последователи создали целое движение, использующее ролевые игры для воссоздания фантастического мира его героев. Сейчас существует много подобных движений, использующие ролевые игры самой разной направленности и содержания. К ним можно отнести и военно-исторические реконструкции, которые используют сюжеты реальной истории.

Игра имеет существенные отличия от учебной и трудовой деятельности. Каждая форма активности представляет собой *процесс*, который связан с определенными потребностями, эмоциями, когнитивной сферой и т. д. С другой стороны все формы активности предполагают некий *результат*, ради которого эта активность совершается. Кроме того, активность человека всегда приводит к совершенствованию умений в данном виде деятельности, то есть предполагает *учебный эффект*.

Если рассматривать три основных вида активности человека: труд, обучение и игру, то для каждого из них можно выделить все три мотивационных компонента. Каждая активность имеет результат (в труде – это продукт труда, в обучении – это решение задачи, в игре – это выигрыш). Во всех трех видах активности можно научиться чему-то. Наконец, во всех видах может нравиться сам процесс, активность может осуществляться ради самой Деятельности. Но если рассматривать мотивационные приоритеты, то для труда это, как правило, результат, для обучения – учебный эффект, а для игры – процесс. Разумеется, для игры важен и результат (выигрыш), но он отходит на второй план, когда речь идет о ролевых играх. Это можно проиллюстрировать таблицей 2.

Используя игру в обучении, можно добиться суммирования мотивационных компонентов, т. е. обучение производится уже не только ради того, чтобы чему-то научиться, но и ради самого процесса, ради удовольствия от

игры, как таковой, что не только усиливает мотивацию, но и делает процесс обучения намного более эффективным.

Схема 1. Мотивационные приоритеты разных видов деятельности

Виды деятельности	труд	обучение	ролевая игра
Основная цель деятельности	результат	учебный эффект	процесс

Ролевая игра имеет ряд характеристик. Одной из особенностей игры является *притворство*, то есть театральность, условность и символизм роли: все знают, что происходящее действие не является настоящим, как говорят дети – понарошку. Второй особенностью является *естественность опыта и переживаний*, то есть действия должны происходить так, как если бы это было на самом деле, в реальных условиях, чувства и переживания также являются настоящими, несмотря на то, что события происходят в воображаемой реальности. Третьей особенностью ролевой игры является *опора на реальные потребности* человека: акциональный голод, потребность в ролевом переживании.

Преимуществом ролевой игры перед другими формами активности, с точки зрения познавательных целей, состоят в ее максимальной приближенности к реальности. Более реальной может быть только сама действительность, сама реальная ситуация. Очень хорошо сказала о психодраме, которая является основной сферой применения ролевых игр, Грете Лейтц (2007, с. 37): «Психодрама как психо- и социотерапевтический акциональный метод представляет собой максимально приближенную к жизни форму групповой психотерапии».

В заключение, назовем основные области и сферы человеческого поведения и практики, где встречаются и применяются ролевые игры:

а) *ролевая психотерапия* – использование ролевой игры для решения психологических проблем человека, моделируя ключевые проблемные жизненные ситуации (психодрама, драматерапия и т. д.);

б) *ролевой тренинг* – использование ролевой игры для развития умений и навыков, личностного роста, самопознания при анализе моделировании и разыгрывании типичных ситуаций, с которыми участники могут встречаться на практике. Такие действия могут быть максимально приближены к реальности, например, в так называемых армейских «штабных играх», которые хоть и называются играми, но используют не игровые роли, а реальные роли участников, однако не в реальных боевых действиях, а в их имитации;

в) *образование* – здесь ролевая игра и ее элементы, наряду с другими активными формами обучения, используется как вспомогательный компонент. В отличие от ролевого тренинга в образовательном процессе модели-

руются ситуации, как правило, не имеющие отношения к основной деятельности участников, а относящиеся к изучаемому предмету.

г) *драматургия* (новаторские формы театра, где допускается отход от первоначального текста драматургического произведения, а также – театр импровизации, плэй-бек и т. п.) – здесь важным элементом творчества, наряду с творчеством драматурга, режиссера и актера-исполнителя, является импровизационное творчество актера;

д) *«ролевые игры живого действия»* – неформальные движения, использующие ролевую игру, историческую реконструкцию для развлечения и самовыражения. Как правило, в этих играх большое значение уделяется костюмам и декорациям, которые должны быть максимально приближены к действительности;

е) *сексуальное поведение* – здесь ролевая игра используется для отхода от однообразия, дополнительной стимуляции участников и воплощения их сексуальных фантазий с помощью исполнения различных ролей в разнообразных ситуациях (включая переодевания), например, роли «госпожи», «раба», «рабыни», «секретарши» и т. д.;

ж) *игры разведчиков* – поведение людей, вынужденных выдавать себя за других личностей (играть роль других людей) в силу особого задания, которое они должны выполнять во враждебном окружении;

з) *игры преступного мира* – примеры криминального поведения, в котором используются ролевая игра для достижения преступных замыслов. Элементы ролевого поведения (притворство, изображение не себя, а другого) используются практически всеми злоумышленниками, но виртуозного уровня это достигает, например, у мошенников, брачных аферистов и т. п. Ярким примером того, какого уровня может достигать актерское мастерство преступника, является фильм Фрэнка Оза «Отпетые мошенники».

2.7. Роль и измененное состояние сознания

Если психодрама и социодрама помогают людям достигать измененных состояний сознания и удовлетворяют это желание безопасным способом, это само по себе может рассматриваться как средство предотвращения насилия и злоупотребления наркотиками.

Э. Шайффеле (2003, с. 26)

Когда мы играем какую-то роль, мы становимся немножко другими. Исполнение роли приводит к изменению сознания, тем большему, чем большая *ролевая дистанция* этой роли (см. Гофман, 2000), и чем интенсивнее был

процесс разыгрывания (чем сильнее *ролевое переживание*).

Характеристики ролей имеют много общего с характеристиками субличностей, которые описываются в разных теориях личности. Если наши роли имеют значительное индивидуальное своеобразие и отличаются разным ролевым поведением, то при исполнении их наша личность в какой-то мере трансформируется. По степени этого изменения мы делаем вывод, идет ли речь об отдельной субличности, или нет. С другой стороны, субличности имеют свойства жизненных ролей, функционируя, они обязательно воссоздают соответствующее этим ролям индивидуально-своеобразное поведение. Можно привести пример поведения слушателей на курсах повышения квалификации учителей. Люди, еще несколько дней назад проводившие уроки со своими учениками, едва сев за студенческую скамью, начинают вести себя как «дети», например, просят отпустить их пораньше с лекции, то есть демонстрируют поведение, которое в роли учителя было для них совершенно несвойственным.

Об изменении сознания при исполнении ролей в психодраме и социодраме пишет Э. Шайффеле (2003), обосновывая свои доводы характеристиками 14-ти измерений изменения сознания, среди них такие, как изменение внимания, восприятия, памяти, внутренней речи, эмоций и переживаний и другие. Протагонист после психодраматической сессии начинает лучше понимать других людей, он «вспоминает» информацию, которая к нему якобы не относилась, особенно если речь шла о ролях значимых близких. Как в стихотворении Роберта Рождественского: «Все, что было не со мной – помню».

Следует понимать, что речь может идти о психодраматическом исполнении любых ролей, как своих (явных и неявных, инфантильных, вытесненных, теневых, нераскрытых), так и ролей других людей, а также символических ролей *сверхреальности* (животных, предметов, чувств и т. д.). Для всех перечисленных ролей характерно явление внушения (иногда очень сильное), поэтому при исполнении ролей других (особенно, если они нежелательны для человека) следует произвести *деролинг* (снятие роли), чтобы избавиться от суггестивного эффекта этой роли.

В психодраме становится возможным очень глубокое погружение в роль, в ситуацию; при исполнении инфантильных ролей часто происходит значительная регрессия – воскрешение ранних детских воспоминаний и связанных с ними ролей. Исполнение роли себя в далеком детстве – это психологическая трансформация человека в того ребенка, которым он был много лет назад; тогда он являлся, по сути, другой личностью. Это очень связано с Детским эго-состоянием: отождествление себя с Детской частью транзактной структуры личности, что также может считаться идентификацией со своей определенной субличностью.

В процессе исполнения роли человек становится более внушаемым, само принятие роли обязательно предполагает процессы внушения, а исполнение роли похоже на суггестивное состояние, наиболее отчетливо проявляемое при исполнении роли под гипнозом. Существует даже *ролевая теория гипноза*, разработанная Теодором Сарбином, в которой гипнотическое состояние рассматривается как принятие роли и исполнение соответствующего поведения (Сое, Sarbin, 1993).

Очень интересны в данной связи опыты В. Л. Райкова (1968), в которых человеку в состоянии гипноза внушается психологическая роль. В результате этих экспериментов удавалось активизировать творческую (например, изобразительную) деятельность с устойчивым эффектом, то есть люди сохраняли развитую под гипнозом способность к изобразительной деятельности спустя продолжительное время. *Постгипнотическое внушение*, то есть изменение поведения (и сознания) после выхода человека из гипнотического состояния, тоже имеет все свойства ролевого поведения. Интерпретируя опыты Райкова, можно сделать вывод о значительном влиянии роли на личность человека. Аналогичные результаты получены в исследовании Ю. Б. Темпер (1983).

Существуют и другие исследования, доказывающие, что творчество в состоянии внушенной роли под гипнозом повышают творческий потенциал человека. Например, в одном из опытов, описанных О. К. Тихомировым, В. Л. Райковым и Н. А. Березанской, использовался известный тест креативности, заключающийся в нахождении как можно большего числа способов использования какого-нибудь предмета. По результатам эксперимента, внушенная в состоянии гипноза роль значительно повышала результат выполнения задания, однако исполнение роли в обычном состоянии не влияла на результат (Психологические..., 1975 с. 196–198).

Нами была повторена «негипнотическая» часть эксперимента, результаты которой оказались более интересными. После исчерпания фантазии при выполнении задания (нужно было найти как можно больше вариантов использования кирпича) испытуемым было предложено продолжить работу, представив, как бы ее проделал известный изобретатель. Из 20 человек тренинговой группы только трое не смогли придумать ни одного нового использования. Остальные же добавили по несколько примеров (в среднем от 5 до 15 процентов от общего числа). Это упражнение проводилось в сочетании с небольшой ролевой игрой и другими разогревающими упражнениями, касающимися стимулирования различных форм ролевого поведения.

Отличие результатов данного эксперимента от описанных выше, возможно, состояло в том, что он проводился в рамках ролевого тренинга. Это позволило участникам гораздо глубже войти в предлагаемые роли и испы-

тать ролевые переживания. Можно предположить, что элементы ролевого перевоплощения и ролевое переживание в той или иной степени характерно и для обычных процессов творчества, особенно во время таких креативных состояний, как вдохновение, инсайт и т. п.

Используя данные о связи ролевого поведения с творчеством, в частности, о влиянии ролей на повышение творческого потенциала, автором был разработан «ролевой креативный тренинг», способствующий более полному раскрытию уже существующих творческих возможностей взрослого человека. Один из вариантов этого тренинга посвящен формированию творческого мышления у педагогов (Горностай, 1998), хотя возможно его использование для самых разных целевых аудиторий, особенно для тех, кто занимается деятельностью, основанной на коммуникации или взаимодействии с другими людьми.

Внушение роли в обычном состоянии (негипнотическом) позволяет утверждать, что существует определенная способность человека к более или менее сильному и глубокому принятию психологических ролей. Такую интегральную способность мы назвали *ролевой глубиной*, которая выражает способность человека к более или менее глубокому погружению в роль (к более или менее глубокому внушению и самовнушению) и является одной из главных характеристик *ролевой компетентности* (параграф 5.4). Исходя из изложенных выше соображений, можно предположить, что внушаемость человека и ролевая глубина, как характеристика ролевой компетентности, связаны между собой, хотя для проверки этого утверждения нужно дополнительное исследование.

Примеры суггестивных состояний в обыденной жизни, когда человек действует согласно внушению и самовнушению, тоже хорошо вписываются в концепцию, согласно которой роль приводит к изменению состояния сознания, а изменения сознания, происходящие под воздействием внушения, имеют все свойство психологических ролей.

Глава 3. Группы и роли

Роль – это средство функциональной включенности индивида в группу. Роли человека очень тесно связаны с группами. Можно ввести понятие *групповой роли*, т. е. такой роли, которая почти не имеет окраски индивидуальности, а определяется лишь принадлежностью к группе или социальной позицией. В этом случае человек «играет» не сам себя, а выступает носителем социального статуса или олицетворением групповых ожиданий. Человек может играть в разных группах похожие роли. В этом случае говорят о доминирующем амплуа, которое может быть связано с его жизненной ролью. В одной группе человек может играть и несколько ролей, при этом одна роль, как правило, бывает основной. Другие роли – побочные, но и они в основном связаны с микрогруппами, группировками, подгруппами, образующимися внутри группы.

О значении группы, которая является носителем ролевых ожиданий и влияет не только на ролевое поведение, но и на формирование личности человека, говорилось в предыдущей главе (2.4). Это еще раз подтверждает, что человека по праву можно считать социальным существом (существует даже термин «социальное животное»).

Значение ролевых ожиданий группы и принятия ролей подчеркивается в теории символического интеракционизма, которую вследствие этого даже называют «социальный бихевиоризм». Этот подход имеет много ограничений, тем не менее, значение групповой психологии для личности человека настолько велико, что мы решили посвятить этим закономерностям целую главу.

3.1. Ролевая комплиментарность и ролевые матрицы

Ролевое взаимодействие подчиняется многим закономерностям, одну из которых можно назвать «*законом ролевой дополнительности (комплиментарности)*»: Люди имеют тенденцию к сближению, если их роли являются комплиментарными, то есть взаимно сочетаются (являются конгруэнтными) *ролевые ожидания* одного из партнеров и *ролевые притязания* к собственному ролевому поведению у другого партнера по общению. Ролевые ожидания включают также установки и представления о ролях другого, потребности в роли и т. д., а ролевые притязания связаны с ролевой Я-концепцией человека.

Ролевая комплиментарность – один из важных факторов совместимости людей. Обычно партнеры находят друг друга по этому признаку, тогда их взаимодействие является устойчивым, вплоть до ситуации невозможности существования друг без друга, т. е. симбиотических отношений. Ролевая комплиментарность имеет множество примеров: а) заботливый родитель и

беспомощный ребенок (иногда такое взаимодействие возникает между взрослыми людьми, играющими соответствующие символические роли и пребывающими в одноименных эго-состояниях); б) руководитель, создающий культ личности, и подчиненные-льстецы; в) эстрадная звезда и восторженные поклонники; г) садист и мазохист.

Отсутствие комплиментарности, как правило, создает ситуацию ролевого конфликта. Часто совместимость является односторонней, то есть совпадают только ожидания одного с притязаниями другого. Это создает парадоксальную ситуацию одностороннего ролевого конфликта, о чем было написано в предыдущей главе (2.5). Как ни странно, но такое состояние тоже часто является устойчивым. Объяснить это можно свойствами жизненного сценария человека, где любое поведение (в том числе и конфликтное) подчинено подтверждению сценарных убеждений.

Закон ролевой комплиментарности может действовать не только между двумя партнерами, но и между многими партнерами и группами людей (как большими, так и малыми). Когда человек начинает играть роль, он тем самым как бы создает в окружающем микросоциуме комплиментарные ролевые позиции (происходит выстраивание ролевой структуры этого микросоциума). Потенциальные партнеры по ролевому взаимодействию (представители комплиментарных ролей) имеют тенденцию попадать в эти позиции. Их затягивает в своеобразный ролевой водоворот тем сильнее, чем больше энергия первичной роли. Как правило, это характерно для ярких лидеров, которые способны повести за собой людей, они являются основателями новых больших и малых групп (организаций, институтов, партий, научных школ, религиозных течений и т. п.)

Формирующиеся в таких группах комплиментарные роли являются факторами ролевого поведения и других форм группового взаимодействия участников. Взаимные ожидания и притязания, а также ролевые установки, стереотипы и т. п. становятся компонентами формирования не только групповых ролей, но также других форм групповых психических процессов и состояний. Значительная часть этих феноменов относится к области *группового бессознательного*.

Можно привести множество примеров, для иллюстрации этих явлений: а) спонтанный лидер во вновь создавшейся группе способствует эффективному развитию групповых процессов; б) гениальный учитель всегда находит талантливых учеников; в) выдающиеся военачальники всегда появляются во время боевых действий (здесь комплиментарность надо рассматривать на уровне больших групп – участников военного конфликта). Можно уверенно утверждать, что роли появляются там, где есть спрос на них, наблюдаемый в форме социальных или ролевых ожиданий.

Можно ввести еще одно понятие – *ролевой матрицы*, некоего слепка роли, задаваемого ею в социуме. Матрица имеет структуру, аналогичную структуре процесса ролевого взаимодействия: *ролевые ожидания, ролевое поведение, ролевые притязания*. Различные матрицы как отдельные пазлы сочетаются друг с другом, создавая неповторимый ролевой узор. Сочетаемость (комплиментарность) ролевых матриц определяется совпадением их «краев» (*ожиданий – притязаний*). Социум можно рассматривать, как структуру, состоящую из отдельных ролевых матриц. Сообщества являются тем более устойчивыми, сплоченными и т. д., чем более комплиментарными оказываются составляющие их матрицы.

Но реальные сообщества являются «многомерными», а не «плоскими», как картинки, состоящие из пазлов. Одна и та же матрица (роль) может сочетаться с множеством других матриц одновременно. Количество измерений по разным направлениям не одинаково. Также не одинаковыми оказываются ролевые структуры разных сообществ, включающих любое количество участников: от диады до человечества. В зависимости от размера группы матрицы имеют разные уровни организации: ролевую структуру *малых групп* составляют матрицы *индивидуальных ролей* (соответствующих индивидуальным исполнителям); *большие группы* строятся из матриц *групповых ролей* (соответствующим обобщенным ролевым позициям).

В группах разного размера возникают противоречия между составляющими их элементами, которые можно решать с помощью методов, моделирующих ролевое поведение, или *методов действия*. Например, проблемы, связанные с конфликтами индивидуальных ролей решаются средствами *психодрамы*, групповые роли становятся объектом исследования в *социодраме*.

Можно рассматривать и другие критерии использования того или иного анализа. Так, изучение комплиментарности ролевой структуры группы в организационно-социологическом срезе предполагает исследование сочетания ролевых позиций; социально-психологический срез выявляет сочетаемость психологических ролей на поведенческом уровне. Психологическая роль здесь рассматривается в конкретном исполнении. Она представляет собой комплекс, состоящий с одной стороны из ролевой позиции, а с другой из поведения актера (исполнителя).

В организационной психологии и оргконсультировании должны ставиться задачи исследования или разработки ролевой структуры группы, а именно – охват основных групповых функций и достижение их комплиментарности; подбор исполнителей с учетом ролевой структуры группы и их индивидуальных ролевых структур; коррекция возникающих противоречий при помощи методов действия, использующих метафору «организация как театр».

Личность можно рассматривать как интегральную структуру не только потому, что она невероятно сложна и многопланова, но и потому, что, имея репертуар психологических ролей (которые, как выяснилось, могут обладать свойствами субличностей), личность приобретает свойства группы. Образ или метафора «личность как группа» используется во многих психологических и психотерапевтических практиках, например в *интрансихической психодраме*. Следовательно, проблема конгруэнтности ролевого репертуара личности (минимизация межролевых внутриличностных конфликтов) может решаться по аналогии с группой и с помощью группы (психотерапевтической).

Ролевые матрицы изменчивы, они пребывают в постоянной динамике. Ролевая структура социума не постоянна, в процессе эволюции общества она постоянно меняется, трансформируется, развивается. Это особенно заметно в переломные, революционные или кризисные периоды жизни общества, периоды реформации и т. п. Точки изменения ролевой структуры социума связаны с внутриличностными компонентами (ролевыми притязаниями). Ролевые позиции не возникают «из ничего», то есть, не общество изменяется само по себе, а находятся люди, которые предлагают данные функции и демонстрируют новые формы и виды поведения, а они постепенно закрепляются в социальных позициях. Таким образом, первичным рассматривается поведение и его побудительные причины (своеобразные потребности). Порой это носит форму социальных девиаций, то есть отклонений от общепринятых норм и стандартов. Огромное значение здесь имеет ненормативная (надситуативная) активность людей, то есть такая активность, которая не вписывается в нормы и актуальные потребности общества (опережает их).

3.2. Роли и социальная перцепция

Скрыть наши истинные чувства труднее, чем изобразить несуществующие.

Франсуа де Ларошфуко

Ролевое поведение – это такая форма активности, которая всегда предполагает партнеров по взаимодействию. Оно невозможно без взаимной коммуникации, то есть обмена информацией, непременно включающей ее восприятие другими. Эта информация не является лишь вербальной, мы должны целиком «воспринимать» роль партнера, а не только сообщаемый текст. Следовательно, можно говорить о восприятии психологических ролей или о явлении *ролевой перцепции*.

Восприятие ролей нужно рассматривать в более широком контексте *социальной перцепции*, которая, в свою очередь, является одной из трех состав-

ных частей процесса общения между людьми (наряду с коммуникативной и интерактивной стороной). Можно утверждать, что восприятие другого человека невозможно без восприятия его ролевого поведения или тех ролей, которые он играет.

В процессах социальной перцепции прослеживается ряд закономерностей и феноменов, имеющих отношение к восприятию ролей. Одно из них – это явление *каузальной атрибуции* (Heider, 1958), то есть приписывание другим людям причин ролевого поведения и ролевых ожиданий. Часто эти приписываемые вещи не соответствуют действительности, а являются преувеличенными или искаженными. Еще одним механизмом социальной перцепции является *проекция* – проецирование своих ролей на другого. *Идентификация*, или отождествление себя с другим, обязательно возникает в процессе принятия ролей. Этот эффект очень ярко проявляется при исполнении театральных ролей и в психодраме. Идентификация с героем художественного произведения возникает в процессе восприятия художественной роли при просмотре кинофильма или спектакля, а также при чтении книги. Об эффектах *«ореола»* и *первичности* (ролевом импринтинге), возникающих при влиянии на ролевые ожидания какой-либо первичной или предваряющей информации о человеке и его ролях, уже сообщалось в параграфе 2.4.

Для процесса восприятия ролей имеют значение и другие явления, например, *эмпатия*, которая связана с адекватностью понимания внутреннего мира другого человека. В частности, от точности ролевой перцепции зависит адекватность восприятия ролевых ожиданий партнера по ролевому взаимодействию.

Интегральный образ человека, который несет в себе своеобразие его ролей, называется *имиджем*. Имидж имеет колоссальное значение для социальной перцепции, в его формировании большую роль играют *ролевые атрибуты*, то есть предметы, помогающие создавать своеобразие имиджа. Существуют внешние атрибуты имиджа (одежда или ее обязательный характерный элемент, прическа, привычные аксессуары – трость, курительная трубка и т. д.) и внутренние (своеобразная походка, выражение лица, использование в речи характерных слов, выражений и т. д.).

Одним из качеств человека, связанным с его имиджем, является *харизма* – восприятие человека таким, как будто он наделен какими-то необычными (иногда сверхъестественными) способностями, качествами. Это позволяет ему влиять на людей и совершать незаурядные поступки. Харизма не существует сама по себе, она создается благодаря восприятию человека другими людьми и основывается на его ролевых действиях, имеющих большое значение в создании такого образа. В некоторых исследованиях обосновывается возможная связь харизмы с архетипами (Штайпер, 2001).

Одно из возможных воплощений харизматической личности – это *кумир*. Его можно рассматривать и как интегральную роль и как образ. Образ – это то, что связывает кумира и его роль. Одной из причин, по которой люди избирают себе кумира, является потребность в психологическом *присоединении* к нему, попытка таким образом поднять свою собственную значимость. Кумир – это партнер воображаемого взаимодействия для его обожателей, когда придумывается роль и для него, и для себя.

Что же именно воспринимается в ролях и ролевом поведении, то есть что является предметом ролевой перцепции? Пожалуй, можно выделить три основные сферы: а) восприятие *ролевых ожиданий* (сообщений о том, какого ролевого поведения ждет партнер); б) восприятие *самой роли* как таковой (исполняемой другим); в) восприятие *реакции других* на собственные ролевые действия (проверка ролевых ожиданий).

Восприятие роли как таковой в свою очередь включает в себя: а) слова, текст, сообщаемую информацию; б) восприятие ролевого поведения, ролевых действий, движений и их символического смысла (мы можем говорить – прочтение языка роли); в) восприятие внешности человека, на которой «отпечатаны» особенности его ролей; здесь имеются в виду поведенческие (представленные во внешности) особенности этих ролей.

Восприятие внешности человека с точки зрения исполняемых им ролей также включает в себя восприятие следующих элементов: а) *лицо*: мимика, черты лица, выражение лица; б) *тело*: поза, жесты, осанка; в) *конституция*: комплекция, строение скелета, поверхность кожи, форма рук; г) *поведенческая характеристология*: поведенческие особенности внешности (в том числе и вне данной роли).

Психологическая роль всегда имеет телесный компонент. Она выражается позой, мимикой, характерными движениями. Вследствие продолжительного исполнения роли у человека могут формироваться характерные черты внешности. Можно говорить о таком понятии, как *«ролевая маска»*, то есть совокупность эмоционально-поведенческих особенностей человека и его ролей, которые отражаются в его мимике, выражении лица. Т. Шибутани (1969, с. 123) для характеристики этого комплекса использует понятие *«нервно-мышечный грим»*. Но роль человека отражается не только на лице, но и во всем теле, в осанке, движениях, жестах и других проявлениях, характеристику которых по аналогии с *«ролевой маской»* можно назвать *«ролевым костюмом»*.

Изменения в теле происходят и на более глубоком уровне: вырабатывается своеобразная конституция и комплекция тела, могут происходить характерные изменения в тканях и органах, вплоть до болезненных проявлений. Подобная связь является предметом изучения в рамках биоэнергетического

подхода. В нашем контексте это доказывает связь ролевого поведения с психологическими проблемами и является теоретической основой эффективности ролевой психотерапии.

Внешность человека зависит от социальной среды, в которой он вырос. Черты внешности могут усиливаться в одной культуре и нивелироваться в другой. Представитель одной этнической группы (даже расы), воспитываясь в другой культуре, приобретает соответствующие ей черты внешности. Общеизвестно, что в нашем обществе по внешности, по выражению лица можно узнать иностранца, так же, как за границей почти безошибочно мы узнаем своего соотечественника. Здесь даже не важно, во что человек одет, определяющими являются его «ролевой костюм» и «ролевая маска». Можно говорить о восприятии национальности (этнической роли), которое строится на сочетании внешних проявлений генотипа и ролевой маски.

По выражению лица, по внешности мы не только можем отличить доброго человека от злого, честного от лжеца, умного от глупого, смелого от труса (это тоже связано с соответствующими характерными ролями), но и угадываем, например, его принадлежность к определенной профессии. Мы говорим: военная выправка, начальственный вид, педагогическая назидательность, демонстрируя этими примерами *поведенческой характерологии* влияние роли на воспринимаемую внешность.

Ролевая перцепция тесно связана с ролевыми ожиданиями. Восприятие роли человека зависит не только от того, как он презентует себя, свое ролевое поведение, но и от наших субъективных факторов. Здесь очень важны явления *ролевой апперцепции*, которые всегда имеют место в восприятии ролей.

От чего зависит ролевая апперцепция? Прежде всего – от личности воспринимающего, от его собственного ролевого опыта, от его индивидуальной истории, от выработанных им *ролевых установок* и от индивидуальных моделей психологических ролей. Апперцепция зависит также от общества, в котором живет человек, от социального опыта, отраженного в общественных стереотипах (которые можно рассматривать, как закрепленные в социуме ролевые ожидания), от особенностей менталитета и социо-культурного своеобразия социальной среды человека, а также от менее устойчивых социальных факторов, таких как общественное мнение и общественное настроение. На высшем уровне общности апперцепция связана с общечеловеческим опытом, закрепленным в коллективном (общечеловеческом) сознании и бессознательном, прежде всего в архетипах, имеющих отношение к основным жизненным ролям человека. Можно утверждать, что на ролевое восприятие влияют индивидуальные, социальные и общечеловеческие стереотипы.

Апперцепция тесно связана с каузальной атрибуцией. Мы склонны приписывать другому человеку причины и мотивы его ролевого поведения, ро-

левые ожидания, чувства, сопровождающие роль, соответственно нашим собственным представлениям о том, как эти компоненты роли должны функционировать, а это не что иное, как процессы апперцепции. На восприятие роли влияют не только внутренние установки, стереотипы, но и процессы переноса (то есть на образы близких нам людей мы переносим психологические роли значимых людей из прошлого, если отношения с ними по каким-либо причинам были не завершены). Часто мы видим не то, что перед нами, а то, что мы готовы видеть, хотим видеть или можем (способны) понять или принять.

Подобные искажения часто возникают в значимых эмоциональных отношениях. Порой мы любим не конкретного человека, а образ, который создаем в своем воображении (как поется в песне: *«Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу»*). Мы наделяем любимого всяческими немислимыми добродетелями, мы фантазируем о том, что он собой представляет, идеализируя его, воплощая в нем свою мечту и собственное стремление к идеалу. Французский писатель Фредерик Стендаль в своем трактате «О любви» назвал это явление *«кристаллизацией»*, используя образ веточки, которая, будучи помещенной в соляные копи Зальцбурга, так обрастает кристалликами соли, что ее форма изменяется до неузнаваемости.

В силу этого образ любимого может значительно отличаться от реальной личности, но в то же время остается настолько устойчивым, что его не удастся скорректировать жизнью, его легче разрушить, чем трансформировать. Причина этой инерции, возможно, связана с жизненным сценарием человека, предписывающим, кого он должен любить, кого выбирать в качестве партнеров и т. д. Может быть, здесь задействованы образы родительских фигур и гендерно-ролевые идеалы, сформированные в раннем детстве.

Тем не менее, в жизни все меняется, под натиском реальности этот иллюзорный образ часто разрушается, и человек начинает видеть то, что раньше не замечал (или не хотел замечать). Возникший ролевой конфликт (между идеальными ожиданиями и реальными ролями, выраженных в ролевых притязаниях партнеров) становится причиной разочарований, семейных драм и разводов. Ролевое взаимодействие на данном этапе превращается в силовую борьбу между взаимными ролевыми ожиданиями и ролевыми притязаниями. В ней ролевая перцепция имеет определяющее значение. Если супругам удастся преодолеть эту фазу противоборства, у них есть шанс построить отношения на взаимной любви, пришедшей на место исчезнувшей влюбленности. Но так, к сожалению, бывает не у всех.

Ролевая перцепция имеет большое значение в процессах бессознательной коммуникации. Собственно, значительная часть информационного обмена в ролевом взаимодействии является бессознательной (особенно, если

это касается невербальной составляющей общения). Ролевая перцепция тесно связана с групповым бессознательным, которое может рассматриваться как взаимодействие бессознательной информации партнеров ролевого взаимодействия, происходящее при обмене явными и, особенно, скрытыми транзакциями. Как это происходит (с помощью каких знаков, носителей, форм), мы знаем еще далеко не все, но без этих процессов были бы невозможны явления *теле, переноса, эмпатии* и многие другие, вплоть до совершенно таинственных и необъясненных пока явлений, вроде *теленатии*, или бессознательной связи близких людей, происходящей порой на значительном расстоянии.

3.3. Феномен групповой идентификации

Человек тогда человек, когда он со всеми вместе.

Жоржи Амаду

«Я» и «Мы», человек и группа, индивидуальное и общественное. Издавна диалектика этих понятий питала философию и логику, мораль и право, социологию и психологию. Какое из них считать первичным, базовым? В этом, на первый взгляд, очевидном вопросе ответ оказывается не таким однозначным. Казалось бы, «Я» возможно само по себе, а «Мы» невозможно иначе, чем состоящим из отдельных личностей. Эти воззрения нашли свое выражение в основной позиции солипсизма, крайнего субъективно-идеалистического течения, утверждающей, что «существует только Я», только индивидуальное сознание и ничего больше.

Однако не только теоретические исследования Г. Лебона (1896), В. М. Бехтерева (1921), З. Фрейда (1991а), рассматривающие феномен растворения личности в толпе, но также и общественная практика тоталитарно-идеологических государств XX века показали, что вполне правомерно рассматривать «Мы» без «Я», группу без личностей и индивидуальностей, продемонстрировало почти первобытное доминирование группового над единичным вплоть до полного отрицания ценности отдельного человека. Подобные эксцессы групповых ценностей не случайны и вряд ли были бы возможны, если бы «*феномен Мы*» не имел глубоких психологических корней и не был бы в самой природе человека. Личность по самой своей сущности социальна, т. е. нельзя стать человеком, не пройдя через социализацию, не переплавив личностно-психологические качества в горниле общественных отношений.

Под «феноменом Мы», прежде всего, подразумевается *групповая идентификация*, осознанное или неосознанное отождествление личности с психологически значимой группой, которая выступает *коллективным субъек-*

том социального поведения и связано с понятиями *социальной* и *ролевой идентичности*, описанными в параграфе 5.3, а также с понятием *идентичность группы*, описанном в следующем параграфе.

Примеры коллективного субъекта можно проиллюстрировать высказываниями: «Такое-то государство выявило волю...», или «Коллектив такой-то организации решил...». Но не существует такого реального субъекта, как коллектив или государство. Речь идет об особом субъекте, который возникает не как арифметическая сумма отдельных субъектов, входящих в ее состав, а является производным от групповых феноменов, прежде всего – связанных со структурой власти. Тем не менее, понятие «групповой субъект» и «субъект власти» (см. Васютинский, 2005) не являются тождественными, второе понятие не только более индивидуализировано, в отличие от первого, группа выступает в нем, как правило, «объектом власти». Здесь также можно говорить об особых групповых формах психического (см. Донченко, 1994).

Какие психологические корни имеет «феномен Мы», какие закономерности лежат в основе формирования групповой идентичности и других социальных качеств личности? Один из парадоксов человека заключается в том, что для становления личности необходимо обязательно пройти через процессы обезличивания, о которых говорилось выше. Филогенетический период обезличивания, когда индивид сначала растворяется в группе, а после этого становится человеком, повторяется в онтогенезе отдельного человека. «Феномен Мы» связан с откатом в какие-то древние состояния (возможно, освобождением архетипических представлений). Описанные К. Г. Юнгом *архетипы* является важным примером группового в человеке, общим для всех людей – родовой памятью человека. Единение с группой, слияние с ней не может не происходить без актуализации архетипических основ психологии человека.

Если воспользоваться данными исторической психологии и антропологии, то можно прийти к выводу, что групповая идентификация имела чрезвычайное значение для развития вида *homo sapiens*. Существует много исследований, утверждающих, что коллективное существование для диких предков человека было намного важнее, чем для других животных. Роль стадности для первобытных людей проявлялась в частности в том, что существовал довольно длительный исторический этап эволюции, отсутствующий у животных, когда не происходило никакой дифференциации в половых отношениях (так называемый *групповой брак*), т. е. каждый мужчина первобытного племени принадлежал каждой женщине этого племени. Эти данные можно встретить в исследованиях Л. Моргана (Morgan, 1877), на которые ссылался Ф. Энгельс (1973). Одна из причин такой ситуации состо-

яла в том, что первобытному человеку, намного уступавшему животным по степени защищенности от внешних врагов, чтобы выжить, нужна была максимальная сплоченность, не оставлявшая места даже для индивидуального соперничества между самцами за обладание самкой.

Если осуществить небольшой экскурс в возрастную психологию, то, анализируя процессы социализации личности, можно также выделить периоды повышенной «социальности» ребенка, которые совпадают с такими личностными кризисами, как кризис 3-х лет и подростковый. Для первого из них характерна усиленная потребность в подражании, когда ребенок копирует множество образцов поведения взрослого. Этот период переходит в фазу *ролевой игры*, когда ребенок осуществляет многочисленные репетиции разнообразных вариантов социального поведения.

«Стремление к обезличиванию» можно наблюдать на примере феномена подростковой потребности в *группировании* (за которыми стоят сильные процессы групповой идентификации), особое стремление быть в группе, быть одинаковым с другими. Интересно, что это сопровождается достаточно критичным отношением ко многим социальным нормативам, особенно таким, которые идентифицируются с «миром взрослых», частые явления в этом возрасте – подростковый *нонконформизм*, *подростковый гнев* и многочисленные *реакции эмансипации*. Это является своего рода протестом «Ребенка» против «Родителя» (как символических ролей), когда подросток, отстаивая собственную автономию, старается сбросить «родительскую» власть над собой. Вместе с тем подросток является «*рабом нормы*», т. е. стремится во что бы то ни стало быть таким, как все, это является обязательным этапом формирования личности в подростковом возрасте. Характерно в этом отношении подростковое деление всех людей на «наших» и «не наших», т. е. на тех, кто принадлежат к одной с подростком группе (это могут быть не только малые группы, но и большие) и тех, кто к ней не принадлежит. Кто не помнит из своего детства магическую силу мальчишеского: «Наших бьют!..», способного моментально разбудить дремлющие силы первобытного единения.

Проблема групповой идентификации репрезентирует целый спектр разнообразных ее проявлений от простого осознания себя представителем какой-то группы до фанатичной преданности группе, когда групповые интересы доминируют над личными или когда все люди делятся на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших» (т. е. явно неконструктивных ее форм). В этом плане показательным является феномен кровной мести, когда убивают человека только за то, что он принадлежит группе (роду, нации и т. д.), за то, что какой-то представитель этой группы виноват в преступлении против другой группы. Эти закономерности лежат в основе таких отрицательных общественно-психологических явлений, как шовинизм, расизм, нацизм и т. п.,

связанных с таким страшным общественно-политическим преступлением, как геноцид (причины этих явлений исследуются в следующем параграфе). За ними кроме других общественных деформаций всегда стоит социально-психологическая незрелость на общественном уровне, как для подростка (которому часто присущи перекосы групповой идентификации) характерна социально-психологическая незрелость на личностном уровне.

Принадлежность к группе часто нуждается во внешних атрибутах, которые являются общими для группы и отличают ее членов от другой группы. Примером может служить одежда футбольных фанатов. Важным компонентом групповой идентичности является язык, выступающий не только атрибутом принадлежности к группе, но и формой группового сознания, отражением групповых ценностей и т. п. Это, прежде всего – язык общения этноса (национальный язык), это – профессиональный язык, как компонент *профессиональной идентичности*. Подростковый жаргон и криминальный сленг – это тоже формы языковой автономии, стремление иметь «свой» язык для дифференциации «своих» и «чужих». Кроме языка люди отличаются друг от друга индивидуальными способами восприятия, мышления и поведения, обобщенным понятием *ментальность*. Коллективные, присутствующие в группе особенности ментальности ее членов составляют *менталитет*, выступающий одной из групповых характеристик психологии человека.

Феномен «Мы» дает чрезвычайное ощущение силы, особенно, когда «Нас» много (как поется в гимне «Оранжевой революции», «*Разом нас багато, нас не подолати*») и особенно, когда «Мы» вооружены. Даже возможность собственной гибели перестает беспокоить (вспомните пушкинское «Есть упоение в бою...»). Персонаж кинофильма «17 мгновений весны» немецкий офицер говорит в поезде Штирлицу: «Страшно умирать, когда ты один. А когда скопом – это пустяк, можно даже пошутить». Ощущение защищенности «Я» в ситуации идентификации с «Мы» является одной из причин описанного Э. Фроммом (1989) феномена «*бегства от свободы*», когда человек добровольно отказывается от индивидуальной свободы ради стабильности, которую ему дает группа. В этом автор усматривает психологические корни тоталитаризма.

Следовательно, существуют важные групповые потребности, возможно групповые инстинкты, которые на соответствующих филогенетических и онтогенетических этапах развития человека играют чрезвычайно важную роль в формировании социально-ролевых качеств личности и выступают одним из источников ее социализации. Но на высших этапах развития личности они могут превратиться тормоз личностной самореализации.

Можно говорить о таком понятии, как «человек ролевой» т. е. человек, у которого социальность преобладает над индивидуальностью. С точки зрения

ананьевского представления о человеке, как об «индивиде–личности–индивидуальности» (см. параграф 6.3) «ролевой человек» – это личность без индивидуальности. Человек толпы – это, соответственно, индивид без индивидуальности, который потерял признаки личности, поскольку толпа обезличивает человека. Поведение человека в толпе (если его рассматривать как групповую ситуативную роль) – это пример феномена подавления личности ролью, человек в толпе несвободен, это отмечено почти во всех исследованиях массовидных явлений.

В ракурсе сказанного новую окраску приобретает проблема личной ответственности. «Феномен Мы» может рассматриваться как отказ от индивидуальной ответственности, ведь «ролевой человек» будет всегда оставаться винтиком социальной машины, выполнять указания и приказы социума (власти), а также стремиться отвечать явным или неявным социальным ожиданиям. Он даже способен пойти на преступление, объясняя, что это лишь работой или выполнением социального долга (яркий пример – фашистские солдаты). Коллективная ответственность (за которой кроется *индивидуальная безответственность*) – это также одна из сторон «феномена Мы». Формирование группового сознания (классового, национального, религиозного) имеет много положительных моментов, но если это делается в отрыве от формирования индивидуального самосознания – это означает, что ударение делается на формировании личности, отказываясь от развития индивидуальности. Подобными перекосами страдала и советская педагогика, которая, несмотря на многие положительные моменты, все же сосредотачивалась на формировании личности (ее целью, фактически был «человек ролевой»), а задача развития индивидуальности (самореализации человека) в этой педагогике в сущности не ставилось.

Что может произойти, если преобладающее формирование группового сознания осуществляется в условиях, когда у человека сформирована (или еще не изжита) психология раба, можно убедиться на примере тоталитарных государств. Для тоталитарной общественной структуры вполне достаточно, чтобы люди были личностями (винтиками социальной машины), но этой структуре совсем не нужны индивидуальности, которых она безжалостно уничтожает (вспомните репрессии в 30-е годы XX-го столетия над «врагами народа», среди которых было много ярких индивидуальностей). Признаком тоталитарной психологии есть преобладание групповых ценностей над индивидуальными, а ее следствием является множество социальных проблем, о которых говорилось выше. Все эти закономерности давно прослежены западными социальными и политическими психологами и социологами. Тем не менее, некоторые современные адепты коммунизма, национализма, религиозного фундаментализма и других идеологий с тоталитарной окраской эти выводы не хотят принимать во внимание.

3.4. Групповая идентичность, групповой нарциссизм и коллективные травмы

Каждая общественная группа имеет свой собственный кодекс чести.

Фридрих Энгельс

Одним из важнейших в данном контексте является понятие *групповой идентичности*, определяемой принадлежностью личности к значимым большим и малым группам. Можно также говорить об *идентичности группы*, т. е. самоидентификации группой самой себя, как коллективного субъекта. Эти понятия взаимно связаны между собой.

Идентичность группы связана с таким ее характеристиками как менталитет и *национальный характер*. Большая группа (этнос и даже цивилизация) может обладать характером наподобие отдельного человека, например, иметь большую интроверсию или экстраверсию. Так, американская цивилизация, основанная завоевателями западных земель, путешественниками и искателями приключений, является типично «экстравертивной». Это видно на примере американского искусства, в частности – кинематографа, который, по мнению специалистов, является «искусством действия», т. е. описывает преимущественно внешний план событий и человеческого поведения, а также выражения эмоций.

Европейская цивилизация более «интровертивна», «рефлексивна», что также нашло отражение в искусстве. Например, в европейском кинематографе переживаниям героев, анализу внутреннего мира уделяется гораздо больше внимания, чем в американском. Не случайно психоанализ возник в Европе, а бихевиоризм в Америке. Но европейская культура, в свою очередь, уступает интровертивностью восточной цивилизации, где традиция самозерцания и самопогружения во внутренний мир поднялась до уровня философии и способа бытия.

Каждая большая или малая группа имеет тенденцию воспринимать саму себя как лучшую по сравнению с другими. Это служит источником так называемого *нарциссизма группы*, проявляющегося в стремлении оградить свои ценности от внешней критики (со стороны других групп). Он считается нормальным явлением в умеренных проявлениях, но может стать причиной многих сложностей и конфликтов в межгрупповых отношениях. Любое наступление на чувство самолюбия группы (даже если это наступление – явное преувеличение или плод коллективной фантазии) приводит к тому, что группа стремится, во что бы то ни стало, защитить свои интересы. Происходит так называемая *когнитивная асимметрия* в восприятии себя и других. Атакованная групповая гордость ведет к стремительному росту групповых цен-

ностей, касающихся своей группы, к ее идеализации, к взрыву нарциссического величия группы и формированию «образа врага» в лице другой группы (см. Кукиер, 2004). Нарциссизм группы характерен для всех сообществ. Это хорошо видно на примере семейной системы, когда ребенок, даже страдая от издевательств своих родителей, бросается с кулаками на сверстников, если те каким-то образом их оскорбляют.

Благодаря идентичности больших групп, например, этнических (Морено называл ее «идентичностью роли»), при ущемлении гордости группы все индивиды переживают себя оскорбленными, даже если эта критика лично их не затрагивала. Среди разных видов групповой идентичности этническая идентичность является одной из самых существенных. Без нее, как и без других видов групповой идентичности невозможно существование больших групп людей, она определяет национальный характер, менталитет, культуру, групповое сознание и бессознательное. Но здесь опасны две крайности: ослабление групповой идентичности чревато опасностью растворения группы в других сообществах, социокультурной амнезии, размывания групповых ценностей. Но чрезмерное усиление групповой идентичности приводит к процессам *группоцентризма*. Это может происходить как при ущемлении интересов группы (например, у так называемых групп-изгоев, т. е. групп различных меньшинств, систематически испытывающих притеснения со стороны групп большинства), так и у групп большинства в условиях тоталитарной психологии. Среди отрицательных последствий группоцентризма (например, такого яркого образца, как *этноцентризма*) такие явления, как шовинизм, расизм, нацизм и другие агрессивные проявления национализма.

Другой важной подоплекой живучести межгрупповых конфликтов являются механизмы так называемой *трансгенерационной передачи травм*, т. е. передачи следующим поколениям последствий коллективной травматизации, если они не нашли достаточной психологической проработки в предыдущих поколениях. Такая передача характерна для всех уровней социальной структуры – от общества в целом до отдельной семьи (см., напр., Де Гольжак, 2003; Шутценбергер, 2001). По мнению многих психологов, занимающихся изучением общественных проблем (Volkan, 1997; Келлерман, 2004; Кукиер, 2004, Наор, 2005), коллективная травматизация (война, террор, катастрофы, геноцид и т. п.) нуждается в определенном окультуривании, ритуализации, т. е. увековечении в разных формах, воспевании, оплакивании, трауре.

Если этого не происходит (например, если тема коллективной травмы запрещена по каким-либо идеологическим, политическим или религиозным причинам), то травмированное поколение передает последствия травматизации следующему. Новое поколение, не будучи свидетелями этих событий, ощущает себя травмированным, переживает все эти травмы как собственные

(как будто не было отрезка истории в десятки или даже сотни лет). Оно стремится отомстить потомкам тех врагов или обидчиков, которые считаются собственными врагами, или испытывает потребность оплакать это тяжелое наследие своих предков, окультурить эти травмы за предыдущее поколение или использовать другие формы отреагирования. Следующие поколения несут бремя психологических проблем своих предков и, так же, как и они, нуждаются в психологической помощи. Это проявляется в самых разных формах, например, потомкам жертв Холокоста снятся повторяющиеся кошмары, наподобие тех, что снились их родителям (Наор, 2005, с. 18).

Трансгенерационная передача травм в сочетании с такими проявлениями идентичности больших групп, как гордость группы, нарциссизм группы, являются причиной таких страшных явлений, как этнический терроризм, кровная месть, геноцид и война. Эти трагедии являются одновременно и следствием, и причиной, вызывающей к жизни новую волну социальных потрясений, и этот порочный круг разорвать очень трудно, это видно на примере множества горячих точек на планете, история конфликтов в которых насчитывает десятки и даже сотни лет.

Примером хорошего преодоления коллективной травмы является увековечивание Великой отечественной войны. Благодаря многочисленным памятникам, книгам, кинофильмам, празднованиям юбилеев наш народ оплакал эту трагедию, ее последствия были значительно ослаблены, и как результат – мы готовы простить немцев и немецкую нацию. Но в то же время не могут примириться ветераны Красной армии и Украинской повстанческой армии (УПА), так как этот общественный конфликт в нашей истории замалчивался и не получил никакого психологического разрешения. Большое количество коллективных травм, испытанных нашим обществом, также не нашли достаточного выражения, были проигнорированы, а то и просто запрещены. Это – голодомор 30-х годов, репрессии 30–40-х годов, депортация целых народов, Чернобыльская катастрофа и т. п.

Недавние события осени 2004 года в Украине, а именно выборы президента Украины, а также «оранжевая революция» и поляризация общества, которые стали их последствиями, без сомнения является значительной коллективной травмой, а, следовательно, нуждается в психологической помощи. Общество вдруг стало чем-то напоминать послереволюционную Россию, расколотую гражданской войной, когда вопрос: «Ты за кого, за „красных» или за „белых»?» определял принадлежность человека к друзьям или к злейшим врагам. Революционное противостояние, тоже окрашенное в разные цвета, разделило страну не только географически, водораздел часто проходил через трудовые коллективы, семьи, компании старых приятелей. Всем отчего-то вдруг стало очень важно, за кого голосовали близкие, родственники,

друзья. Резкая поляризация общества способствовала формированию образа врага не только в лице кандидатов в президенты, но и в лице их многочисленных сторонников. Политические симпатии превратились в лакмусовую бумажку отношения к человеку, иногда даже причину того, останется ли он другом или с ним прекратятся всяческие отношения. Это усугублялось (особенно в первые дни революции) противостоянием «разноцветных» митингов и съездов, что нагнетало негативные эмоции, агрессию, порождало реальную угрозу сепаратизма и раскола страны. Были моменты, когда в воздухе даже витал призрачный запах гражданской войны.

В то время автор использовал метод социодрамы по урегулированию конфликтов на почве политического противостояния (Горностай, 2004в). Проведение социодрамы с группой людей с разными политическими симпатиями имело много положительных эффектов, среди которых – заметное повышение политической толерантности, принятие расхождений во мнениях, взглядах и политических симпатиях. Драматическое действие помогло значительно снизить агрессию участников. Смех, который часто возникает в подобной игре, оказывается хорошим способом переработки и отреагирования агрессивных импульсов.

Групповые методы действия, особенно – социодрама, оказываются очень эффективными для решения проблем в межгрупповых отношениях (этому методу специально посвящен параграф 10.5). Но в психологической проработке нуждаются разные последствия коллективной травматизации, так как нерешенные проблемы могут иметь долговременный эффект. Они могут проявляться через длительное время, вспыхивая с новой силой, будучи спровоцированными новыми заострениями социальных противоречий. Но для того, чтобы приступить к решению, проблемы должны быть сначала названы, обозначены в групповом сознании, выведены из группового бессознательного.

Глава 4. Методологические источники и теоретические предшественники

4.1. Теории личности в психологии

Теории представляют собой не ответы на загадки, а ответы, на которых мы можем успокоиться.

Уильям Джемс

Термин «теория личности» стал общепринятым гораздо позже, чем были созданы первые теории личности, появившиеся на рубеже XIX и XX веков. Традиционно принято считать, что история теоретического изучения личности начинается с Фрейда. Однако, справедливости ради следует также назвать и Уильяма Джемса с его концепцией «потока сознания», хотя в учебниках по теориям личности ему уделяется незаслуженно мало внимания. Закономерно, что эти две теории предложили для изучения важнейшие личностные сферы – «*психологию сознания*» и «*психологию бессознательного*».

Понятие «теория личности» появляется только в 30-е годы XX века, пожалуй, один из первых, кто его использовал, был Курт Левин в вышедшей в 1935 г. книге «*Динамическая теория личности*». Окончательно этот термин был «узаконен» появлением учебников, обобщающих теории разных авторов. Одной из первых в этом ряду была книга К. С. Холла и Г. Линдсея «*Теории личности*» (1997), первое издание которой появилось в 1957 г.

Чтобы называться *теорией личности*, психологический труд должен отвечать ряду критериев, открывать возможностью не только для объяснения поведения людей, но и обладать предсказательной валидностью, позволяющей предвидеть особенности поведения и развития личности. Теория должна включать основные концепции, необходимые для разностороннего освещения функционирования личности. Так, Л. Хьел и Д. Зиглер (1997, с. 28–35) в своем учебнике по теориям личности предлагают учитывать следующие их компоненты:

1. *Структуру личности* (наряду с ней рассматривается и типология);
2. *Мотивацию* (основную тенденцию существования);
3. *Развитие личности* (стадии или закономерные этапы);
4. *Психопатологию* (объяснение причин нарушений);
5. *Психическое здоровье* (критерии оценки);
6. *Изменение личности с помощью терапевтического воздействия*.

С. Мадди (2002, с. 467–472) в книге, посвященной сравнительному анализу теорий личности, выделяет такие их составляющие: *ядро личности*, включающее основную тенденцию и основные характеристики ядра; *развитие личности*, предполагающее в качестве базовой концепцию стадий развития; *периферию*

личности, рассматривающую типологию личности, как совокупности черт, или построенную на других теоретических основаниях. Кроме того, автор анализирует такую составляющую, как систему кодирования данных или набор правил наблюдения, то есть указание на то, что будет подвергнуто объяснению.

Для оценки теории нужно выработать систему формальных характеристик, которые определяли бы, насколько данная теория способна описать и объяснить то, что предполагается исследовать. Л. Хьел и Д. Зиглер (1997, с. 35–39) формулируют следующие критерии оценки теории личности:

1. *Верифицируемость* (открытость для проверки);
2. *Эвристическую ценность* (толчок для новых исследований);
3. *Внутреннюю согласованность* (непротиворечивость);
4. *Экономность* (отсутствие избыточного теоретического багажа);
5. *Широту охвата* (разнообразии поведенческих феноменов);
6. *Функциональную значимость* (возможность понять повседневное поведение).

С. Мадди (2002, с. 472–480) предлагает аналогичные критерии формальной адекватности теории личности, согласно которым она должна быть: *существенной* (нетривиальной), *операциональной* (позволяющей определять значения понятий связанными с ним операциями измерения), *экономичной* (не избыточной), *точной* (по минимуму имплицитной и метафоричной), *стимулирующей* (способствующей исследованиям в этой области) и *эмпирически валидной* (предполагающей систематическую эмпирическую проверку предсказаний, формулируемых на основе теории).

В современной психологии личности еще не достигнуто полного согласия. Несмотря на разработанные варианты структуры теорий личности и критерии для их оценки, мы не всегда можем с уверенностью утверждать, какие концепции могут претендовать на статус «теории личности», а какие – нет. Отбор, осуществляемый авторами учебников, весьма субъективен и неполон. Многие теории личности, например, *транзактный анализ* Э. Берна, представляющий, на мой взгляд, блестящий образец этого направления теоретической психологии, до сих пор не удостоились этой чести. В то же время, некоторые из описанных концепций не только в гораздо меньшей степени отвечают критериям, но и в принципе имеют гораздо меньшее отношение к личности как таковой.

Сколько существует теорий личности? В классических учебниках (см. Холл и Линдсей, 1997; Хьел и Зиглер, 1997; Мадди, 2002; Первин и Джон, 2000; Фрейджер и Фейдимен, 2001; Feist & Feist, 2006; Ryckman, 2000; Schultz & Schultz, 2006 и др.) их насчитывается в среднем от 15 до 30. Не отличается в этом плане и первое отечественное издание по теориям личности Б. В. Зейгарник (1982). Словарь-справочник «Психология личности» (2001) содержит уже около 60 теорий и концепций личности, в издание включены наработки отечественных

психологов, а также зарубежные теории, отсутствующие в классических учебниках. В первом издании, посвященном отечественным теориям личности, В. В. Рыбалка анализирует 20 теорий только российских и украинских авторов (Рыбалка, 2006), в том числе и такие, которые никогда раньше не были обобщены под этим углом зрения. Правда, в последних двух книгах не все описываемые теории отвечают вышеперечисленным критериям, часть из них представляют собой не теории личности (в строгом смысле слова), а оригинальные концепции представлений о природе личности (впрочем, этим грешат и зарубежные учебники). По некоторым данным, за столетнюю историю психологии личности создано около сотни теорий и концепций личности. Но, я думаю, что с учетом строгих критериев, эта цифра должна быть меньше.

Несмотря на то, что теории личности представляют собой довольно пестрый спектр взглядов, подходов, методов и идеологических позиций, есть много попыток их классификации. В большинстве классических учебников рассматриваются такие группы теорий: психодинамические, бихевиоральные, социально-когнитивные, гуманистические, экзистенциальные. Мадди (2002) предлагает свои критерии для классификации: *модель конфликта* (включающий психоаналитический или психосоциальный и интрапсихический подходы); *модель самореализации* (варианты самоактуализации и самосовершенствования); *модель согласованности* (варианты когнитивного диссонанса и активации). Следует понимать, что описанные классификации разработаны или для удобства описания и систематизации, или для реализации авторской модели анализа теорий, и не являются классификациями в строго научном смысле. Не создана также классификация психологических феноменов, положенных в основу для описания личности. В разных теориях рассматриваются такие феномены: а) поведение; б) динамические характеристики, инстинкты, потребности, мотивы; в) черты личности, диспозиции; г) когнитивная сфера; д) личностные смыслы, личностные конструкты, психосемантические пространства; е) жизнь, бытие, переживание, эмоционально-чувственная сфера; ж) архетипы; з) психологические роли.

Мы считаем, что в основу классификации могут быть положены такие подходы к теориям личности: *динамические* (рассматривающие личность с точки зрения движущих сил поведения); *когнитивно-смысловые* (ставящие в центр личности когнитивную сферу личности или систему личностных смыслов); *факторные* (рассматривающие модель личности, как совокупность психологических черт); *ролевые* (рассматривающие личность, как социальное, межличностное проявление, презентация себя в социум). Но эта идея требует отдельного исследования, мы не претендуем здесь на какую бы то ни было законченную концепцию классификации.

В ней мы выделяем только теории, относящиеся к ролевому подходу, анализу которых будет посвящена данная глава. Ролевой подход объединяет, прежде

всего, *интеракционистскую* теорию личности (Дж. Мид), *психодраматическую* теорию личности (Я. Л. Морено) и *транзактную* теорию личности (Э. Берн). В определенной мере они дополняются некоторыми концепциями и отдельными положениями других теорий. В рамках ролевого подхода может быть также рассмотрена разрабатываемая нами *теория ролевого конфликта*, анализу которой фактически посвящена вся книга, в особенности ее второй раздел.

4.2. Личность в теории символического интеракционизма

Человек является личностью, так как он принадлежит к сообществу, так как он вносит институты этого сообщества в свое собственное поведение.

Джордж Герберт Мид

Теория символического интеракционизма является одним из теоретических и методологических источников ролевой теории личности. Наибольший вклад в ее разработку принадлежит Дж. Г. Миду.

Джордж Герберт Мид (1863–1931) – американский философ, социолог, социальный психолог, один из лидеров Чикагской школы социологии и философии, которую впоследствии возглавил его ученик и последователь Г. Блумер. Мид родился в Южном Хэдди (штат Массачусетс), окончил Гарвардский университет, затем продолжил свое образование в Европе, изучая философию и психологию в Германии. С 1894 г. он работал профессором Чикагского университета. По своим научным воззрениям был приверженцем философского течения прагматизма, в котором отождествлялась реальность с «опытом», а действие рассматривалось как основная форма жизнедеятельности человека. В этих взглядах он был последователем У. Джемса и Дж. Дьюи. Мид очень мало публиковался при жизни. В основном, это статьи в научных журналах: «Социальное сознание и сознание смысла» (Mead, 1910), «Механизм социального сознания» (Mead, 1912), «Социальная самость» (Mead, 1913), «Генезис самости и социальный контроль» (Mead, 1925) и др. Его основные труды увидели свет уже после смерти автора. Многие из книг являются конспектами его лекций, набросками и черновиками, изданными его учениками: «Философия настоящего» (Mead, 1932), «Дух, самость и общество» (1934; см. Мид, 2000), «Философия действия» (Mead, 1938) и др.

Из всех социологических теорий символический интеракционизм наиболее основательно исследует разные аспекты личности, а, следовательно, может по праву считаться одной из теорий личности. Эта теория интерпретирует личность и представляет такие сложные феномены, как человеческое «Я», самость с помощью ролей и социального взаимодействия. С точки зрения интеракционистских представлений социальная среда является решающим фактором развития личности, которое происходит с помощью механизмов межличностного взаимодействия людей (интеракций), ролевого поведения.

Основной механизм и структура личности, согласно этому подходу, связаны с ролевой сущностью. Личность рассматривается как совокупность ее социальных ролей. Человек в своей жизни, общении с другими людьми, деятельности никогда не остается «просто человеком», а всегда выступает в той или иной роли, является носителем определенных социальных функций и общественных нормативов. По ролевой теории Дж. Г. Мида, исполнение роли имеет большое значение в развитии человеческой личности. Развитие психики, социальных потребностей, психическая деятельность происходят не иначе, как в выполнении определенных общественных ролевых функций, а социализация человека представляет собой формирование ее социальных ролей.

Социальные роли рассматриваются в трех планах: 1) в социологическом – как система ролевых ожиданий, т. е. заданная обществом модель роли, которая имеет большое значение для формирования личности и овладения ею социальными ролями; 2) в социально-психологическом – как исполнение роли и реализация межличностного взаимодействия; 3) в психологическом – как внутренняя или воображаемая роль, которая не всегда реализуется в ролевом поведении, но определенным образом на него влияет.

Взаимосвязь этих трех аспектов и представляет ролевой механизм личности. При этом ведущими считаются социальные ролевые ожидания (экспектации), которые определяют поведение человека, за что концепция интеракционизма сама основоположником названа «социальным бихевиоризмом». Одно из важнейших понятий этой теории – «*принятие роли обобщенного другого*», т. е. представление себя на месте партнера по взаимодействию и понимание его ролевого поведения. При этом человек приводит свои экспектации к партнеру в соответствие с его социальными ролями. Без такого соответствия не может возникнуть интеракция, а человек не может стать социальным существом, осознать значимость и ответственность собственных действий и поступков.

Очень важным положением теории Дж. Г. Мида является концепция *самости*. Под этим феноменом автор понимал способность видеть себя как объект, т. е. быть одновременно и субъектом, и объектом.

Обязательным условием для развития самости Мид считал социальную среду, в которой индивид приобретает социальный опыт. Механизм развития самости заключается в рефлексивности, т. е. повернутости опыта индивида на самого себя. Развитие самости в онтогенезе происходит в процессе *детской игры*, которая проходит две стадии: а) ролевые игры; б) коллективные игры. В результате ребенок учится принимать на себя роли обобщенного другого, что, по мнению Мида, является обязательным условием формирования самости.

В рамках интеракционистских подходов, которые иногда называют «социологией личности», опирающихся на понятие роль и рассматривающих жизнь как драматический спектакль, осуществлено много научных исследований в

последующие десятилетия, включая наиболее современные разработки последних лет. Они рассматривают с позиций драматургической или ролевой моделей такие феномены, как «личность», «жизнь», «общество», «группа», «организация».

Наиболее интересные среди них, развивающие драматическое или драматургическое направления интеракционистских подходов, связаны с именами К. Берка и И. Гофмана. Оба автора не считаются прямыми последователями символического интеракционизма, хотя их идеи (особенно – Гофмана) очень близки к этой традиции.

Кеннет Берк (1897–1993) – американский философ и теоретик литературы, является основателем теории, которая называется «*драматизм*». Основная идея драматизма опирается на два понятия: «действие» и «движение», отличающихся по степени целеустремленности или произвольности. Действия имеют дело с основными формами мышления, которые могут стать превосходящими через приписывание мотивов. Для объяснения природы мотивов используется одна из основных концепций теории Берка – концепция «*пентады*», состоящей из пяти элементов: действие (act), агент (agent), средство (agency), сцена (scene), и цель (purpose). Действие – это то, что происходило; агент – кто совершал действие; сцена – где проходило действие (предпосылка действия); средство – чем человек выполняет действие; цель – для чего действие имело место. Пентада может использоваться для объяснения и анализа почти любой вещи, происходящей в мире: физического действия, того, что кто-то говорит или думает (Burke, 1975).

Ирвинг Гофман (1922–1982) – американский социолог социалингвист и социальный психолог, является основателем *драматургического подхода* интеракционизма, который заключается в толковании социальной жизни как ряда драматических спектаклей на манер происходящих на сцене (Гофман, 2000). Социальное «Я» человека, его самость не является собственностью актера, а скорее продуктом театрализованного взаимодействия между исполнителем и публикой. Место взаимодействия человека с социумом (равно как театральные подмости для драматического актера) Гофман структурирует, выделяя «передний план» действия, «обстановку», «личный передний план», «закулисную зону», «внешнюю зону» и «никакую область». Находясь на переднем плане, или на авансцене социального спектакля люди, как правило, стараются преподнести идеализированный вид самих себя, скрывая что-то такое в себе, что могло бы изменить впечатление публики на отрицательное. Это явление имеет как негативную, так и позитивную сторону. Негативная описывается понятием «*стигма*», т. е. расхождением между явной и действительной социальными идентичностями (практически каждый человек имеет в той или другой сфере свои стигмы). Эти процессы могут иметь и положительное, прагматическое значение, которое легло в основу разработанного

Гофманом практического метода «управление впечатлениями». Этот метод базируется на разных приемах коррекции индивидуального поведения человека и его взаимодействием с командой (а также тактику поведения команды). Метод управления впечатлениями успешно используется в современных практических технологиях создания имиджа.

Интеракционистский подход в исследовании личности представлен также такими именами, как Т. Сарбин, К. Щейб, Ч. Гордон, Р. Карсон, Т. Шибутани и др. (Carson, 1970; Gordon, 1976; Sarbin, 2005; Sarbin, Scheibe, 1983; Scheibe, 1979; Шибутани, 1969).

4.3. Личность и роли в теории и практике психодрамы

Я бы описал ее (структуру личности – П. Г.) как набор ролей (частных и коллективных). Личностное простирается далеко за пределы биологического организма, одно из таких «запределий» – межличностные отношения.

Якоб Леви Морено

Основные положения теории и практики психодрамы, а также методов социометрии и групповой психотерапии разработаны Я. Л. Морено.

Якоб Леви Морено (1889–1974) – австрийско-американский психиатр, социальный психолог, социолог, философ. Морено родился в Бухаресте, в возрасте пяти лет он вместе с родителями переехал в Вену, где прожил до 1925 г. Окончил Венский университет по специальностям философия и медицина. В 1917 г. получил диплом доктора медицины. В 1915 г. Морено был медицинским служащим в концентрационном лагере в Миттендорфе, с 1918 г. до самой эмиграции работал общинным врачом в Бад-Веслау под Веной и фабричным врачом на веславской камвольной фабрике. С венским периодом жизни Морено связаны первые психотерапевтические опыты и разработка идей социометрии, групповой психотерапии и психодрамы, а также выход в свет его первых трудов, в том числе и знаменитой книги «Театр спонтанности» (1923, см. Морено, 1993). Основной замысел вышедшей в 1934 г. книги «Кто выживет?», где изложены основы социометрии и социодрамы, тоже возник в этот период.

В 1925 г. Морено эмигрировал в США, где прожил до конца жизни. В первые годы американского периода он работает в школах, воспитательных учреждениях и тюрьмах. В 1932 г. Морено предлагает ввести разработанные им методы социометрии и психодрамы в работу с пациентами психиатрических клиник, заключенными, воспитанниками исправительных колоний. Первым центром психодрамы стал частный психиатрический санаторий в Биконе (штат Нью-Йорк), где Морено работал главврачом более 30 лет, и где в 1936 г. был создан первый психодраматический театр. Позднее театры психодрамы, а также институты социометрии и психодрамы стали появляться в различных клиниках США, а затем и Европы.

Значительна организаторская и издательская деятельность Морено. В 1941 г. он основал Американское общество групповой психотерапии и психодрамы, в 1951 г. стал профессором Нью-йоркского университета, а в 1958 г. – президентом Международного центра групповой психотерапии, социометрии и психодрамы (Бикон), оказавшего большое влияние на мировое психодраматическое движение. В 1937 г. начал выходить созданный Морено журнал «Социометрия», а в 1947 г. – известный журнал «Социатрия», который несколько раз переименовывался и сейчас называется «Журнал групповой психотерапии, психодрамы и социометрии». Морено – автор и редактор таких книг: «Кто выживет?» (см. Морено, 1934), «Социометрия, экспериментальный метод и наука об обществе» (1951; см. Морено, 2001а), трехтомный труд «Психодрама» (1946–1969; см. Морено, 2001б) и многих других.

В теории личности Морено наиболее глубинным филогенетическим фактором личности, которая формирует человеческое поведение, считается ее спонтанность. Морено писал:

«Едва ли можно назвать личностью человека, спонтанность которого равна нулю. С исчезновением спонтанности личность погибает. С ростом спонтанности развиваются личностные качества. Если возможности спонтанного безграничны, безграничен и потенциал личностного» (Морено, 1993, с. 15).

С нарушением спонтанности Морено так или иначе связывал все психологические проблемы, которые возникают у человека. Более того, спонтанность рассматривается им как источник всякой активности личности:

«В силу универсальности действия и своей исконной природы она (спонтанность – П. Г.) включает в себя все остальные формы выражения. Они естественным образом протекают из нее, или же она содействует их появлению...» (Морено, 2001а, с. 172).

В теории Морено одним из ключевых является понятие «роль». Заимствованное из театральной терминологии, оно отражает гениальную шекспировскую мысль, что «весь мир – театр», в котором люди – «все актеры... и каждый не одну играет роль». Морено распространяет психодраматическую концепцию ролей на все измерения жизни, рассматривая не только социальные (как это делается в традиционной социологии), но и соматические, психические и трансцендентные ролевые категории. Он сделал участников своих терапевтических групп не зрителями, а актерами, справедливо считая, что «действовать целебнее, чем говорить» (Цит. по: Лейтц, 2007, с. 280). Он писал, что «состояние катарсиса восходит от зрителя к актеру и от актера назад к зрителю» (Морено, 1993, с. 36), полагая, что на эмоциональное потрясение актер способен не меньше, чем зритель, на чем, собственно, и строится один из важнейших психотерапевтических механизмов в психодраме.

Важность категории «роль» в концепции личности Морено, подчеркивается тем, что появление роли он считал первичным по отношению к «Я» (самости, self): «Не роль рождается из самости, но самость появляется из

роли» (Морено 2001б, с. 211). Личность функционирует в ролях, ибо «непосредственно осязаемыми аспектами того, что называется «Я», являются роли, в которых оно действует» (Цит. по: Лейтц, 2007, с. 106). Эти соображения очень важны для психотерапии, так как «работа с понятием „роль“ как точкой отсчета обладает методическим преимуществом по сравнению с „личность“ или „эго“. Последние менее конкретны и покрыты вуалью метапсихологической таинственности» (Цит. по: Лейтц, 2007, с. 293).

Структура личности, по мнению Морено, включает в себя собой набор ролей. Фундаментальное значение имеют роли (первичные ролевые категории): *соматические* (или психосоматические), определяемые физиологическими потребностями и эмоциями; *психические*, возникающие уже в социальной матрице и расширяющие сферу переживаний ребенка; *социальные*, задаваемые структурой социальных отношений, в которых участвует человек; *трансцендентные* (или интегративные), в которых человек совершает имманентную присущую миру трансценденцию и приходит к общему взгляду на мир (Морено, 2001, с. 211–214; Лейтц, 2007, с. 115–121).

Развитие личности Морено рассматривал в двух аспектах: как социоэмоциональное (формирование способности к межчеловеческим отношениям) и ролевое развитие (приобретение опыта благодаря ролевому обучению).

Социоэмоциональное развитие начинается с феномена спонтанной социализации не связанных родством людей на самой ранней ступени их развития. На 1–20 неделе младенцы живут на стадии органической изоляции, не замечая друг друга. С 20–24 недели начинается стадия горизонтальной дифференциации, когда контакты не зависят от индивидуальных особенностей младенцев, а обусловлены степенью близости (расположением кроваток). На 40–42 неделе начинается стадия вертикальной дифференциации, когда на групповую организацию начинают влиять физическая сила и сообразительность. В группе образуются «верх» с ее лидерами и «низ» с несамостоятельными и обособленными членами группы. Однако взаимные социометрические выборы у маленьких детей редки вследствие незрелости феномена *теле*, т. е. способности общаться на некоторой дистанции, передавая издалека эмоциональные сообщения друг другу. Примерно на седьмом году жизни социометрическая структура детских групп меняется. Многочисленные взаимные выборы свидетельствуют о том, что фактор теле становится более действенным. До завершения пубертата и появления типичных для взрослых людей групповых структур, сменяя друг друга, следуют две стадии преобладания разнополюх и две стадии преобладания однополюх выборов (см. Лейтц, 2007, с. 95–97).

Огромное значение для развития личности Морено придавал *ролевому развитию*, которое рассматривается как чередование нескольких стадий развития человека.

Эмбриональная стадия. На этом уровне человек, по мнению Морено, вступает в отношение с миром, то есть у него появляется поведение. Ребенок и мать образуют функциональное органическое единство (органическая плацента). Важнейшим фактором нормального развития в это время является спонтанность (S-фактор). Нормальные (спонтанные) роды – это бестравматический переход от внутриутробных к внеутробным условиям существования.

Первая психическая вселенная (матрица вселенской идентичности). На этой стадии ребенок еще не дифференцирует объекты и живые существа. Мать вместе с младенцем образуют интеракциональное единство (социальная плацента), переживание которого становится глубинным переживанием тождественности с миром и формирует последующее доверие к собственному бытию (соответствующее описанному Эриксоном базовому доверию к миру). Причиной сильной концентрации ребенка на стадии вселенской идентичности является акциональный голод, побуждающий его целиком отдаваться действию. Интеракция (как и на последующих стадиях) осуществляется благодаря процессам разогрева.

Первая психическая вселенная (матрица вселенской реальности). Ребенок начинает различать и узнавать окружающих людей и предметы, однако он делает это только в тот момент, когда они реально присутствуют. Представления о вещах отсутствуют или, во всяком случае, не дифференцируются от самих предметов.

Вторая психическая вселенная. Единое восприятие мира ребенком разделяется на восприятие реальности и на фантазию, что является предпосылкой возникновения дискурсивного мышления. Благодаря абстрактному мышлению постепенно изменяется восприятие мира, происходит дифференциация речи и формирование понятий. На этой стадии ребенок знакомится с ролями еще до того, как он способен действовать. Он должен научиться жить и в реальности, и в представлении, не отдавая предпочтения ни одному из миров в ущерб другому. Если человек остается на уровне восприятия реальности (в рамках матрицы вселенской реальности), это грозит ему слабоумием. И наоборот, застревание на своих представлениях может стать причиной невротической отгороженности от реальности из-за возникающих ирреальных страхов и желаний.

Третья психическая вселенная. Человек переживает тождество с трансперсональным бытием. Это переживание не является обязательным в психосоциальном отношении. Оно совершается не только в психических или социальных ролях, а и благодаря трансценденции к новой ролевой категории интегративного переживания (см. Лейтц, 2007, с. 97–106).

В процессе ролевого развития происходит последовательное формирование всех ролевых категорий: соматических, психических, социальных и транс-

цендентных. Если какая-либо фаза минует (скачкообразная прогрессия), если происходит возврат на предыдущие уровни (регрессия) или застой в какой-то фазе, то наблюдаются различные случаи личностной патологии. Так, пропуск формирования психических ролей (перескакивание с соматических на социальные) ведет к психопатическому развитию, а пропуск социальных (перескакивание с психических на трансцендентные) – к шизоидному.

Возврат к низшим уровням является причиной развития страха, который может проявляться в различных нарушениях: невротических (при регрессии с трансцендентных ролей на социальные); психотических (при регрессии с социальные ролей на психические); и шизофренические (при регрессии с трансцендентных до уровня психических или соматических ролей).

На этапе «второй психической вселенной» (справедливо считающейся фундаментом развития личности) человек должен научиться жить и в реальности, и в воображении, не отдавая преимущества ни одному миру перед другим. Если человек остается на предыдущем уровне восприятия (в рамках матрицы вселенской реальности), это угрожает ему слабоумием. И наоборот, застревание на уровне своих представлений может стать причиной невротической отгороженности от реальности через ирреальные страхи и желания (см. Лейтц, 2007).

Роли могут не только развиваться, но и деградировать, увядать, что проявляется в различных формах атрофии ролей или вторичного ролевого дефицита (подробнее см. параграф 9.1).

Целью психодрамо-терапии является пробуждение спонтанности человека, которая находит выражение в творческом акте.

4.4. Личность в транзактном анализе

Транзактная теория личности – это одновременно и теория жизни. Чтобы систематически планировать свою работу транзактный аналитик должен быть хорошо знаком с последовательностью событий, через которые проходит любое человеческое существо в нормальных человеческих условиях.

Эрик Берн

Основоположником транзактного анализа является Эрик Берн.

Эрик Берн (1910–1970) – американский психолог и психиатр. Он родился в Монреале, его семья имела российские корни. Эрик рано потерял отца, умершего в возрасте 38 лет. В 1931 г. он окончил университет Макгилла, а в 1935 г. там же получил степень доктора медицины и магистра хирургии. Затем Э. Берн переехал в США, работал в

Энглвудской больнице (штат Нью-Джерси) и имел психиатрическую практику в Психиатрической клинике Йельского университета. Затем работал в штате больницы Горы Сион в Нью-Йорке, а во время войны в Армейском Медицинском Корпусе.

С 1941 г. Берн проходил обучение в Нью-Йоркском психоаналитическом институте, а после войны – в Психоаналитическом институте Сан-Франциско. После многих лет психоаналитической практики Берн отошел от фрейдовского движения. Причиной разрыва были трудности получения сертификата психоаналитика, которые переживались Берном очень болезненно, но с другой стороны, это стимулировало его разработать свой собственный подход в психотерапии, получивший название «трансактный анализ» (ТА).

Большую часть времени Берн посвящал частной клинической практике и проведению обучающих семинаров. В 1961 г. он издал книгу «Трансактный анализ и психотерапия» (см. Берн, 1992), в которой он изложил основы своего метода и свое понимание структуры и функции личности. Систематический анализ основных методов трансактной психотерапии описан в книге «Групповая психотерапия» (1966; см. Берн, 2000). Его книга «Игры, в которые играют люди» (1964; см. Берн, 1988), первоначально предназначенная для профессионалов, стала бестселлером. Берн основал «Журнал трансактного анализа», который издается Международной ассоциацией трансактного анализа.

Согласно теории Э. Берна структура личности включает три подструктуры: *экстеропсихику*, *неопсихику* и *археопсихику*, которые феноменологически и операционно проявляются в виде трех особых состояний Я или эго-состояний: *Родитель*, *Взрослый* и *Ребенок*¹. Берн полагал, что в личности взрослого сохраняются остатки, следы Я ребенка, которые при некоторых обстоятельствах оживают. Эти следы могут спонтанно проявляться у человека во вполне нормальном (непсихотическом и негипнотическом) состоянии в виде специфических состояний сознания и образцах поведения.

«*Родитель*» – состояние, копируемое с подлинных родителей или иных авторитетных в детстве личностей. Кроме модели роли родителя, оно содержит много других стереотипов и автоматизированных форм поведения, отражая традиции, ценности, нормы и правила. «Родитель» олицетворяет функции контроля над соблюдением норм и предписаний (которые человек заимствует, часто некритически, на протяжении жизни), а также покровительства и заботы.

«*Взрослый*» – состояние, в котором осуществляется переработка информации и ее вероятностная оценка для эффективного взаимодействия с окружающим миром; демонстрируются трезвость, независимость и компетентность. «Взрослый» способен контролировать действия «Родителя» и «Ребенка», являясь посредником между ними.

«*Ребенок*» – часть личности, сохранившаяся от подлинного детства, содержащая аффективные комплексы, связанные с ранними детскими впечат-

¹ Во избежание путаницы, как это принято у Э. Берна, одноименные эго-состояния мы обозначаем с заглавной буквы, в отличие от реальных родителей, взрослых и детей.

лениями и переживаниями. Это состояние может быть в двух формах: как *естественный «Ребенок»*, являющийся источником интуиции, творчества, спонтанных побуждений и радости; как *приспособившийся зависимый «Ребенок»*, который меняет поведение под влиянием «Родителя» (может быть послушным или, наоборот, капризным).

В разных эго-состояниях поведение человека значительно отличается. Так, например, меняется отношение человека к проблеме ответственности: Родитель склонен брать на себя ответственность за других, Ребенок склонен отдавать свою ответственность другому (Родителю), а Взрослый берет ответственность за самого себя и не принимает ответственности за других. Считается, что Родитель – это актуализация моральной сферы личности, Взрослый – это актуализация рациональной сферы личности, а Ребенок – это актуализация эмотивной сферы личности. Последнее – не всегда верно, так как эмоции и чувства возникают во всех эго-состояниях, хотя их природа и характер различны.

В различных жизненных ситуациях, прежде всего в процессе общения с другими людьми, личность находится, как правило, в одном из трех эго-состояний, которое в данный момент активизировано (катектировано). Однако возможно и сочетание двух эго-состояний, или, точнее «заражение» (контаминация) одного состояния другим. Таким механизмом заражения Берн объясняет различные случаи личностных патологий и отклонений вплоть до психических заболеваний. С помощью разработанного Берном метода психотерапии может происходить «*обеззараживание» (деконтаминация)* эго-состояния «Взрослого», достижение его автономности с последующим восстановлением «Я-подлинного».

С помощью концепции эго-состояний можно рассматривать процесс межличностного взаимодействия. Элементарная единица общения, состоящая из транзакционного стимула и реакции, называется *транзакцией*. С помощью своей концепции Берн изучает и более сложные формы поведения человека – *игры*, или «серии следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом» (Берн, 1988, с. 37). Хотя людям кажется, что с помощью игр они решают свои проблемы, но на самом деле это не так, они лишь подпитывают их, иногда усиливают, а в целом – они только подтверждают жизненный сценарий. В психологических играх не бывает настоящего выигрыша, а бывает лишь *выплата* (или *расплата*). Игры – это, как правило, неосознанные формы поведения. Часто люди не догадываются, что играют в игры, просто они не способны к настоящей искренности или не верят, что открытое общение может привести к успеху. С помощью психологических игр люди часто неосознанно компенсируют свои личностные проблемы.

Жизненный сценарий – еще одно базовое понятие ТА. Сценарий – это неосознаваемый план жизни, который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается последующими событиями и завершается так, как было предопределено с самого начала (Берн, 1988, с. 174–177, 370–373). Берн создал собственную теорию и типологию игр и сценариев. Сценарий представляет собой более широкий, чем игра транзактный ансамбль, сложный набор транзакций, периодичных по своей природе. Важными элементами сценария являются *запреты* и *предписания*. Согласно им одни формы активности запрещаются, а другие предписывается обязательно осуществлять. Запреты и предписания первоначально исходили от родителей, но постепенно стали руководством к действию самого человека. Авторами этой концепции являются Мэри и Роберт Гулдинги (Goulding R., Goulding M., 1976).

В сценарии могут быть запрещены какие-то чувства или действия. Это означает, что в детстве такое поведение запрещалось, осуждалось, или создавались условия, когда проявлять его было невыгодно или попросту опасно. Вырастая, человек продолжает избегать такого поведения, как бы запрещая его сам себе. Одним из основных свойств жизненного сценария является неосознанное стремление человека всегда попадать в такие жизненные ситуации, которые этот сценарий подтверждают. Например, если у человека сценарий «Неудачника», то он будет выбирать ситуации, где может потерпеть неудачу, а ситуаций, сулящих успех, он будет избегать, не веря, что справится с ними. Человек стремится «подгонять» мир под собственный сценарий, искать способы для подтверждения сценарных убеждений, для этого используются игры и разные формы «пассивного поведения» (например, обесценивание). Таким образом, можно сделать вывод, что свою судьбу (удачную или неудачную) человек творит сам, согласно сценарию, хотя и не осознает этого.

Целью личностного развития (а также – транзактной психотерапии) является достижение личностной *автономности*, которая состоит в *сознательности* (восприятии мира без искажений, без подгонки под сценарий), *спонтанности* (умении владеть всеми эго-состояниями) и способности к *психологической близости* (умении отказываться от игр).

Теория транзактного анализа является наиболее самодостаточной из рассмотренных теорий, поскольку она содержит почти все основные компоненты теории личности, прежде всего – концепцию структуры личности (структурная модель эго-состояний), концепцию развития (формирование жизненного сценария) и концепцию личностной психопатологии (контаминации эго-состояний, дисгармоничность жизненного сценария). В теории транзактного анализа довольно широко используется понятие *роль*, в частности в концепции психологических игр, хотя оно рассматривается скорее

как рабочее понятие, а не категория, которая несет методологическую нагрузку. Понятие «роль» приобретает определенное развитие у последователей Э. Берна, например С. Б. Карпман разработал концепцию «драматического треугольника», в которой он, пользуясь понятиями ролей «Жертвы», «Преследователя» и «Спасателя», осуществляет драматический анализ сценария (Карпман, 1968). Тем не менее, отдельные ролевые аспекты еще ждут своей разработки, в частности нуждается в выяснения соотношения между понятиями «роль» и «эго-состояние», место «игровых» и жизненных ролей человека в жизненном сценарии и т. п.

4.5. Другие теории личности и ролевой подход

Описанные в предыдущих параграфах теории представляют собой методологическую и теоретическую основу разрабатываемой нами ролевой теории личности. Но мы используем различные понятия, закономерности, теоретические положения других теорий и концепций.

Одним из источников ролевого подхода является *когнитивная теория личности*, в частности, концепция ролевого конструкта и терапия фиксированных ролей, разработанная американским психологом *Джорджем Александером Келли* (1905–1967). Автор предположил, что все люди в общении и взаимодействии с другими людьми создают систему представлений о личности другого, как бы выступая в роли «исследователя». Эти представления строятся по принципу *личностных конструктов*, то есть системы биполярных признаков, которые определенным образом связаны между собой. С помощью системы личностных конструктов человек воспринимает, оценивает, интерпретирует и прогнозирует свой опыт. Келли также рассматривает понятия «роль» и «ролевой репертуар». «*Ролевой конструкт*», как особый вид личностных конструктов, люди используют для объяснения мыслей и поступков других людей. Принятие роли предполагает понимание того, каким другой человек видит свой мир. Для эмпирического объяснения положений своей теории Келли разработал *репертуарный тест ролевого конструкта* (Реп-тест), а также технику *репертуарных решеток*, позволяющие исследовать репертуары личностных ролей и ролевые конструкты. Еще одним практическим приложением теории Келли стал разработанный им метод *психотерапии фиксированной роли* (Келли, 2000).

Основой любой теории личности является концепция движущих сил ее развития. В нашем исследовании мы опираемся на ряд теоретических положений, методологически близких к нашим концепциям. Важным теоретическим положением психологии является *принципа развития*, который разрабатывал украинский психолог *Григорий Силович Костюк* (1899–1982). Он является

автором оригинальной концепции развития личности и познавательных процессов. Особый интерес представляет его идея *саморазвития*, как *субъектного уровня* развития человека, к которому очень близки идеи о ролевой самореализации личности (Костюк, 1940, 1988).

Наивысшего уровня идеи саморазвития достигли в *теории самоактуализации*, разработанной американским психологом **Абрахамом Гарольдом Маслоу** (1908–1970). Автор считал, что теории личности, разработанные до него, прежде всего – психоаналитический подход, страдали недостатком, строя модель человека по образцу ущербной (невротической) личности. Он предложил исследовать другой полюс континуума – *самоактуализированную личность*, как высший предел развития человека. Ролевую самореализацию можно рассматривать как составную часть самоактуализации личности человека (Маслоу, 1997а, 1997б).

Подобные идеи развивались также в рамках *гуманистической психологии* американским психологом **Карлом Рэнсомом Роджерсом** (1902–1987). В его теории личности мы опираемся на понятие «*Я-концепции*», или «самости», определяемой как гештальт, состоящий из восприятия себя и своих взаимоотношений с другими людьми, а также из ценностей «Я». Она включает не только восприятие себя реального, но также и представление о себе таком, каким бы человек хотел быть (Я-идеальное). Несмотря на то, что «Я» человека постоянно меняется в результате опыта, оно всегда сохраняет качества целостного гештальта, т. е. представление человека о себе самом остается относительно постоянным (Роджерс, 1994).

В рамках *культурно-исторической психологии*, разработанной российским психологом и педологом **Львом Семеновичем Выготским** (1896–1934) наиболее важным положением является учение о формировании высших психических функций. Важнейшим механизмом этого процесса является *интериоризация*, то есть формирование внутренних психических структур человека под влиянием внешней активности (прежде всего – предметной деятельности). Развитие личности Выготский понимал как чередование различных *стадий*, перемежаемых *кризисами*, имеющими большое значение для формирования *психических новообразований* (Выготский, 1983, 1984).

Одной из движущих сил развития личности рассматривается *стремление к превосходству или совершенству*, что составляет уникальный для данного человека *стиль жизни*, как это изложено в созданной австрийским психологом **Альфредом Адлером** (1870–1937) теории *индивидуальной психологии*. Эти потребности формируются в качестве компенсации чувства недостаточности, которое при неблагоприятных условиях развития в детстве перерастает в комплекс неполноценности. Стиль жизни человека тесно связан с его жизненными ролями (Adler, 1930; Адлер, 1993, 1997).

В основу психотерапевтического метода *логотерапии* и теории личности, разработанных австрийским психиатром и психологом **Виктором Эмилем Франклом** (1905–1989) положено учение о *смысле жизни*, стремление к которому представляет собой движущую силу ее развития. Утрата смысла жизни является причиной различных психологических проблем, среди которых для нас представляют интерес *экзистенциальные фрустрации*, в связи с ролевой концепцией жизненных кризисов (Франкл, 1990, 1997).

В нашей работе мы активно используем учение о человеке как о личности и индивидуальности, предложенное в *концепции человекознания* российского психолога **Бориса Герасимовича Ананьева** (1907–1972). Индивидуальность по Ананьеву – это результат интеграции основных характеристик человека как индивида, личности и субъекта деятельности, которые складываются в неповторимое своеобразие. «Если личность – „*вершина*” всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность – это „*глубина*” личности и субъекта деятельности» (1980, I, с. 172). Сознание человека «является одновременно субъективным *отражением* объективной деятельности и *внутренним миром личности*» (там же, с. 171). Одним из важных компонентов в структуре личности, как социальной сущности человека Б. Г. Ананьев рассматривал *социальные роли*, хотя, на мой взгляд, это положение не получило у него достаточного развития.

В *философско-психологической концепции* человека российского психолога и философа **Сергея Леонидовича Рубинштейна** (1889–1960) наибольший интерес для нас представляет концепция *жизненного пути личности* как целостного, непрерывного явления, происходящего в постоянном взаимодействии с другими людьми и с миром в целом. Человек становится личностью благодаря тому, что имеет свою жизненную историю. Личность рассматривается как субъект деятельности и субъект своего жизненного пути (Рубинштейн, 1957, 1976).

Очень важной составляющей концепции развития личности является модель возрастной периодизации. Одна из лучших концепций *периодизации психического развития* в детском возрасте и развития личности ребенка принадлежит российскому психологу **Даниилу Борисовичу Эльконину** (1904–1984). Представляют также особый интерес его работы по *психологии детской игры*, прежде всего – творческой ролевой игры дошкольников (Эльконин, 1957, 1989).

Не менее интересная концепция периодизации принадлежит американскому психологу **Эрику Эриксону** (1902–1994), автору *эпигенетической теории личности*, в которой подчеркивается ее биосоциальная природа. Представляет интерес его концепция *жизненного цикла личности*, делящая жизнь на восемь так называемых *психосоциальных стадий развития*, а также концепция *психосоциальной идентичности* – одного из ключевых понятий в этой теории (Erikson, 1980; Эриксон, 1996а, 1996б).

Важные для наших исследований идеи мы находим в теории «*психологии отношений*», разработанной российским психологом и психоневрологом **Владимиром Николаевичем Мясищевым** (1892–1973). В его теории личности в качестве базового понятия рассматриваются *отношения личности*, которые тесно связаны с феноменологией личностных ролей. Отношения рассматриваются как система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности: с явлениями природы и миром вещей; с людьми и общественными явлениями; личности с самой собой как субъектом деятельности. Система отношений определяется всей историей развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, переживания (Мясищев, 1995).

Теория личности грузинского психолога **Дмитрия Николаевича Узнадзе** (1886–1950) строится на понятии *установки*, которую он считал главным психологическим образованием и основным регулятивным механизмом поведения человека. Мы рассматриваем установку, как необходимую сторону функционирования психологической роли (Узнадзе, 1966).

В теории личности швейцарского психолога и психиатра, основателя *аналитической психологии* **Карла Густава Юнга** (1875–1961) наибольший интерес представляет учение об *индивидуации*, как общей тенденции развития личности, и теория *архетипов коллективного бессознательного*, которые генетически связаны с основными жизненными ролями человека. Наибольший интерес представляют такие архетипические фигуры, которые являются компонентами структуры личности: Тень, Самость, Персона, Эго, Анима, Анимус (Юнг, 1995, 1996а, 1996б, 1996в, 1997).

Одним из ключевых понятий теории личности французского психолога, психиатра и философа **Пьера Жана** (1859–1947) известной как «*психология поведения*», является понятие «*персонаж*», которое представляет собой совокупность *присвоенных ролей*. «Персонаж» – это первая ступень в историческом развитии личности. Высший уровень развития – это индивидуальность, строящаяся на личной ответственности человека и социальных потребностях (Janet, 1929).

В *межличностной теории психиатрии* американского психиатра и психолога **Гарри Стэка Салливана** (1892–1949) утверждается позиция об опосредованности специфически человеческих черт социальным взаимодействием и культурой. В теории личности Салливана рассматриваются также концепция личностной типологии, которая опирается на основания, близкие к представлениям о жизненных ролях человека (Салливан, 1999).

В теории личности немецко-американского психолога, философа и социолога **Эриха Фромма** (1900–1980) наиболее интересной для нас является концепция *социальных типов характера*, которая концептуально близка к

представлению о личностных ролях человека, а также социально-психологические основы тоталитарной идеологии, проявляющиеся в феномене «бегства от свободы» (Фромм, 1989, 1990, 1992).

Очевидно, в каждой из описанных в этом и предыдущем параграфах теорий, а также в других, которые не были упомянуты, но повлияли на формирование мировоззрения автора этой книги, есть много ценных идей и интересных результатов. Все теории очень разные, однако, заслуживают внимания не только расхождения между ними (хотя при поверхностном анализе они наиболее заметны), но и возможность их взаимодействия, когда положения одной теории выступают дополнением или продолжением другой. Речь идет об *интегративном подходе*, в рамках которого могут быть разработаны составные части общей *метатеории личности*.

4.6. Обоснование ролевой теории личности

Психология личности есть психология драматическая. Почва и центр этой драмы – борьба личности против своего духовного разрушения.

А. Н. Леонтьев

Классическая эпоха теоретической психологии личности, давшая целый ряд интересных теорий и концепций личности, о которых написано в предыдущих параграфах, стала историей. Если проводить аналогию психологии личности с естественными науками, то классический период соответствует древнегреческой *натурфилософии*, когда параллельно существовало много различных теорий и философских систем, каждая из которых представляла собой относительно завершенную и независимую от других картину мира. На несколько столетий натурфилософию сменила эпоха *эмпиризма* – экспериментальной науки, которая вместо спекулятивных научных построений предлагала выверенные факты, отказавшись от претензий на объяснение мира в целом. Накопление эмпирического материала и необходимость его теоретического осмысления привели к новому расцвету теоретической науки, но на более высоком методологическом уровне. Началась эпоха *единых научных картин мира*, в основу которых было положено небольшое количество теорий (иногда одна-единственная). Такой теорией в физике стала классическая механика (а затем электромагнитная и квантовая теории); в химии – периодическая система элементов; в биологии – теория эволюции и генетика.

В современной психологии личности налицо все признаки того, что эмпиризм начинает приходить на смену натурфилософии. Экспериментальные работы (если судить по числу публикаций в современных зарубежных жур-

налах) значительно преобладают над оригинальными теоретическими разработками. Из многих возможных моделей в психологии личности наиболее популярными являются факторные теории и теории черт, приобретшие статус доминирующего подхода, как в экспериментальных, так и в теоретических исследованиях личности. *Теория черт* рассматривает личность как факторную систему, состоящую из нескольких измерений (факторов), представляющих собой более или менее устойчивые личностные черты. Их можно объективно оценивать с помощью тестов с последующей обработкой методом факторного анализа. Самой популярной сегодня является *5-факторная теория личности*, или, как ее иногда называют, «Большая пятерка» (Big Five), представляющая обобщение П. Т. Костой и Р. Р. Мак-Кра теорий Г. Оллпорта, Л. Голдберга, Г. Айзенка, Дж. Гилфорда, Р. Б. Кэттелла и др. (Психология личности..., 2001, с. 188–189).

В то же время многие современные персонологи ощущают ограниченность такого подхода, при котором теряется социальный контекст существования и развития личности. В такой системе понятий нет места для «Я» с его самосознанием, субъектностью, бессознательным и т. п. Наконец, за рамками фундаментальных личностных оснований оказывается динамическая система личности, мотивация рассматривается как источник активности в поведении, при этом недооценивается ее роль как движущей силы развития личности. Налицо методологический разрыв с классическими теориями, в которых важнейшим компонентом рассматривались такие тенденции личности, как, например, максимизация удовлетворения инстинктов при минимизации наказания и вины (З. Фрейд), стремление к совершенству (А. Адлер), потребность в самоактуализации (А. Маслоу, К. Роджерс), стремление к достижению самости (К. Юнг).

Понимание ограниченности теории черт привело к появлению ряда дискуссионных публикаций. Осторожная критика концепции черт прозвучала в развернутой дискуссии на страницах журнала «Psychological Inquiry» в 1994 г., где известный современный персонолог Лоуренс Первин делает вывод, что «модель черт – не единственная модель личности, чтобы признать последовательность и согласованность в ее функционировании» (Pervin, 1994, с. 103). На 11-й Европейской конференции по психологии личности в 2002 г. (в которой участвовал автор) среди множества исследований, опирающихся на методологию теории черт, лишь несколько выступлений были посвящены ее критике. Часть из них были объединены в рамках маленького симпозиума, названного «Ложное измерение личности: Переосмысление измерения и оценки в науке о личности». Два выступления на этом симпозиуме известных ученых – Карла Шейба из Веслейского университета и Рома Харре из Оксфордского университета заслуживают внимания тем, что они поднимают

проблему построения модели личности в русле *ролевого подхода*. К. Щейб, например, писал в тезисах к конгрессу:

«Я утверждаю, что психологические предпосылки, присущие театральному подбору актеров, являются совершенными по сути, но они радикально отличаются от предпосылок <...> обращения к проблеме оценки в традиционной теории личности. Пока такие теоретики, как Меррей, Кэттелл, Сарбин, и Гофман решительно убеждали, что личностная оценка должна быть представлена как диалоговая инициатива, полностью зависящая от контекста, современные персонологи продолжали думать в терминах фиксированных черт, с последующей идеей, что маркировка нескольких измерений личности будет иметь функциональную полезность. <...> Понимание человеческой жизни как драмы может обеспечить свежий и плодотворный подход к проблеме описания людей...» (Scheibe, 2002, с. 76).

С позицией К. Щейба перекликается мнение Рома Харре, одного из современных классиков теории личности:

«Я заявляю, что в психологии личности, как и в других областях психологии, где культура играет доминирующую формирующую роль, диспозиции относятся не к чертам, а к нормам. Как только мы сделаем этот поворот, мы будем вольны возродить пренебреженную, но крайне плодотворную идею о личности, как о диалоговом, межличностном проявлении, понятом в пределах структуры общей драматургической модели, тянущейся от Гофмана, Берка и других. <...> Эмпирический вопрос, который должен быть адресован людям в этой структуре – не в том, что он или она имеет определенные черты личности, но каковы пределы репертуара личностных представлений, доступных этому человеку» (Napé, 2002, с. 77).

Эти идеи, казалось, должны открывать совершенно иные перспективы развития теории личности, но, тем не менее, общая тенденция современной персонологии, о которой сказано выше, пока что не меняется. Совсем другая ситуация наблюдается в области практики психологической помощи личности – психотерапии. Для этого научного направления личностная черта не является реальностью, с которой можно успешно работать. Культивируя безоценочное принятие, психотерапия все больше отказывается от психодиагностической парадигмы оценки личности. Метафизичность понятия «черта» и оторванность ее от практики, которая все же должна быть критерием истины, заставляют применять совершенно другие концепции, среди которых драматургическая модель, использующая базовое понятие «роль», имеет для практики совершенно иной статус, чем в теоретической и экспериментальной персонологии. На нем строятся не только многие психотерапевтические концепции, но и практические методы. Одно из ведущих мест в подобной практике занимает *ролевая психотерапия*, а также психотерапия, опирающаяся на концепции ролевого взаимодействия (трансактный анализ, терапия фиксированной роли и др.) (см. Берн, 1992; Лейтц, 2007; Морено, 2001; Келли, 2000; Allen & Krebs, 1979).

Вообще сейчас, по моему мнению, наблюдается резкое размежевание современной психологической науки. Психология личности и психотерапия живут самостоятельной жизнью, почти не пересекаясь. Представители этих направлений печатаются в разных журналах, принимают участие в разных конференциях, сосуществуют как бы в разных информационных пространствах. Сейчас мало вспоминают о том, что обе эти отрасли знаний имеют общие генетические корни, что самые яркие теории личности выросли, прежде всего, из психотерапевтических систем. Размежеванными оказываются даже психология личности (особенно экспериментальная) и теории личности, а также различные психотерапевтические направления (их сейчас насчитывается несколько сотен).

Среди теорий личности *ролевые теории* находятся несколько особняком. Несмотря на авторитетные мнения, что ролевая или драматургическая трактовка личности больше выражает ее сущность, чем теории черт или факторные модели личности, ролевые теории, о которых говорилось выше, не получили должного признания. Не одна из них не попала, например, в учебники по теориям личности.

В то же время это направление исследований представляется довольно перспективным не только для отечественной, но и для мировой психологии. Развитие ролевого и драматургического подходов – это возможный путь преодоления ограниченности современных персонологических концепций, а также снятие противоречий между практическими и теоретическими научными психологическими подходами. Ролевую теорию личности можно рассматривать и как первый шаг к метатеории личности, которая призвана преодолеть натурфилософскую разобщенность многих существующих теорий личности. Определенный вклад в этот процесс сделан автором благодаря разработке основных положений ролевой теории личности, базирующейся на *концепции ролевого конфликта*, который рассматривается как движущая сила развития личности.

Глава 5. Основная тенденция и ролевые характеристики личности

5.1. Между ролевым конфликтом и самореализацией: социально-индивидуальный дуализм

Природа личности, факторы и движущие силы ее развития всегда считались наиболее сложными фундаментальными проблемами психологии. Мы не ставим задачей дать даже поверхностный обзор этой проблемы, а лишь попытаемся осветить один ее аспект, связанный с ролевым подходом. Личность имеет дуалистическую природу, в ней пересекаются биологическое и социальное, индивидуальное и групповое, врожденное и приобретенное. *Социально-индивидуальный дуализм* личности является причиной существенных трудностей на пути создания холистических научных концепций, которые бы не страдали уклоном в ту или другую сторону. По нашему мнению, определенный вклад в решение этой проблемы может быть сделан с помощью категории «роль», которая является одновременно и повседневным выражением и научным термином, но, не смотря на очень широкое использование его в обыденной жизни, в научном плане оно разработано еще недостаточно, особенно в аспекте психологии личности. Роль – это тот мостик, который соединяет групповое и индивидуальное, личностное и общественное, это средство и механизм включения личности в группу. Следовательно, роль, являясь неотъемлемым компонентом социальной природы личности, может выступить ключевым звеном в решении проблемы ее социально-индивидуального дуализма.

Если упростить сложную и пеструю картину взаимосвязи категорий «биологического и социального», «врожденного и приобретенного», «генотипического и фенотипического», то развитие личности можно свести к зависимости от двух групп факторов: 1) *интернальных*, связанных с удовлетворением инстинктов, базовых потребностей и мотивов, с тенденцией актуализации внутренних потенциалов; 2) *экстернальных*, связанных с культурой, социальными ожиданиями, интериоризацией социального опыта, условиями и стереотипами воспитания.

Очевидно важнейшей теоретической, методологической и практической задачей является выяснение взаимоотношения, в котором находятся внешние и внутренние факторы развития личности, и механизмов их взаимодействия. С точки зрения ролевого подхода с каждой из этих групп факторов связана определенная группа потребностей: с одной стороны – это потребность подражать другим, осваивать социальные роли, то есть – *ролевое научение*; с другой – потребность в действии, акциональный голод, потребность

максимально выражать себя, свою самобытность и индивидуальность, то есть – *ролевая самореализация*.

Эти группы потребностей могут вступать в противоречие, провоцируя *ролевой конфликт*, который проявляется при несовпадении социальных ролевых ожиданий и внутренних потребностей личности. Соответственно можно говорить о двух мотивационных тенденциях личности – *социализации* (усвоения социального опыта в форме социальных ролей) и *индивидуализации* (обретение ролевой автономии и независимости от социальных ролей), о которых подробнее пойдет речь в следующей главе. Баланс между этими группами мотивов можно рассматривать как основную тенденцию функционирования личности и движущую силу ее развития.

Ролевое развитие является одной из наиболее существенных сторон развития личности, это обосновывается практически во всех ролевых теориях. В теории Дж. Мида оно рассматривается преимущественно как принятие роли, ориентированное на социальные ожидания (ролевая социализация). В теории Я. Морено под ролевым развитием понимается спонтанное развертывание соматических, психических, социальных и трансцендентных ролей, которые становятся основой для развития «Я» (Self) (ролевая индивидуализация). Очевидно, что обе группы потребностей (как и обе группы факторов) имеют большое значение в развитии личности, и отдавать предпочтение одной из них (как это делается в отдельных ролевых теориях) – это методологически некорректно: здесь приоритет не носит фундаментального характера, а относится скорее к сфере индивидуальных различий.

Дело не только в невозможности точного измерения уровня человеческих потребностей, что связано со сложностью сопоставления потребностей разной модальности и природы, а значит и с трудностью определения приоритетов развития. С точки зрения современных представлений о мотивационной сфере человека существуют не отдельные потребности, а более сложные образования, которые объединяют противоположные мотивационные тенденции. Автор современной *реверсивной теории мотивации* М. Дж. Аптер утверждает:

«...психологические потребности образуют противоположности: то есть для каждой психологической потребности есть противоположная потребность. Потребности в безопасности и покое „противопоставлена“ потребность в волнении и приключении; потребности в серьезном достижении „противопоставлена“ потребность в веселье и немедленном удовлетворении. Вообще говоря, здоровые люди требуют удовлетворения каждой из этих альтернативных потребностей, и это достигается переключениями назад и вперед между ними („реверсированием“) в ходе повседневной жизни. Это означает, между прочим, что людям на протяжении времени присуща непоследовательность и даже внутренняя противоречивость. Каждая из этих потребностей – часть более общего „способа бытия“, которые известны в теории как „метамотивационные модусы“» (Apter et al., 1998, с. 7).

Потребности в ролевом развитии подчиняются таким же реверсивным закономерностям, и здоровая личность требует удовлетворения всех частей *метамотивационного модуса*. Тем не менее, противоположные мотивационные тенденции не всегда возможно насытить путем реверсирования. Это зависит от многих факторов: от интенсивности влияния социума, от силы личностных потребностей, от противоречивости между общественными требованиями и потребностями личностной самореализации. Потребности могут вступать в противоречие, когда одновременное удовлетворение противоположных тенденций невозможно, или встречает большие препятствия.

Между потребностями в ролевом научении и ролевой самореализации также может возникать противоречие, которое можно рассматривать как движущую силу развития личности. В силу этого основной тенденцией функционирования личности мы считаем ***стремление минимизировать ролевой конфликт, возникающий в процессе ролевой социализации, при максимизации удовлетворения потребностей в ролевой самореализации.***

Однако баланс между экстернальными и интернальными тенденциями для разных людей оказывается различным. Вследствие того, что для разных людей внешний и внутренний ролевые конфликты вызывают различные степени напряжения, люди по разному избегают этих двух вариантов противоречий. Одни личности предпочитают ориентироваться на внутренние ценности, избирая *интернальные стратегии* поведения в условиях ролевого конфликта. При этом они усиливают противоречие между собственным ролевым поведением и социальными ожиданиями, провоцируя внешний или межличностный ролевой конфликт. Другие личности ориентируются на внешнюю систему ценностей и избирают *экстернальные стратегии*, провоцируя внутренний или внутриличностный ролевой конфликт. Ролевой конфликт, естественно, вызывает напряжение, связанное с отрицательными переживаниями разной степени тяжести. Стремясь избавиться от неприятных переживаний, человек проявляет активность, которая, в конечном счете, и побуждает к развитию его личности.

Собственно, ролевой конфликт переживается личностью не в любой ситуации удовлетворения базовых потребностей, а лишь тогда, когда невозможно одновременно удовлетворить потребности в ролевом научении и в ролевой самореализации (то есть следовать социальным ожиданиям и развивать ролевую автономию). Тем не менее, человек в своей жизни довольно часто ощущает обострение ролевого конфликта, связанного с развитием его личности.

Первые ролевые конфликты, с которыми сталкивается человек, возникают еще в младенчестве и связаны поощрением или неодобрением родителей по поводу тех или иных спонтанных ролевых действий ребенка. Послания родителей следует делить на *обучающие* (способствующее усвоению ролей)

и *ограничивающие* (запрещающие одни роли и поощряющие развитие других, иногда даже деструктивных для ребенка).

Жизненный опыт у ребенка формируется не абстрактно, а в субъектно-ролевой форме. Именно поэтому учиться первоначально можно только на собственных ошибках. На чужих ошибках можно совершенствоваться уже существующие роли. Следовательно, роли можно рассматривать, как *функциональные единицы жизненного опыта*. Можно привести пример, связанный с обучением языка: язык по-настоящему усваивается только тогда, когда формируется активная роль (то есть можно говорить о *языковой личности*). Изучение иностранного языка наиболее эффективно происходит в реальных языковых условиях при исполнении человеком психологических ролей. Точно также лучшее освоение профессии происходит в реальной практике (то есть в форме активных ролей). В условиях учебной аудитории наиболее приближенной к реальности является ролевая игра, поэтому игровые методы являются очень эффективными в обучении.

5.2. Локус ролевого конфликта

Связь психологических ролей с личностными предпосылками – не является принципиально новой идеей. Об этом писали разные авторы, в частности А. Басс и С. Бриггс, которые рассматривали связь между характеристиками ролей и индивидуальностью человека. С их точки зрения роль может соответствовать ролевой идентичности, то есть быть в соразмерности с набором индивидуальных характеристик человека, а может и значительно отличаться от них; в этом случае человек должен изображать характер, отличный от его индивидуальности. Люди также различаются между собою в зависимости от социальной обусловленности их поведения: одни личности эквивалентны социальным ролям, которые они исполняют, их индивидуальность состоит главным образом из специфического паттерна этих ролей; другие – имеют личную и индивидуалистическую идентичность, которая характеризуется преобладанием личностного над социальным (Buss & Briggs, 1984, с. 1320–1321).

Эти результаты наводят на мысль, что должна существовать психологическая характеристика, которая может объяснить описанные закономерности, то есть раскрыть различия людей относительно детерминации их ролевого поведения. Если необходимость играть роль, которая значительно отличается от идентичности человека, приводит к ролевому конфликту (что закономерно), то разные личности используют не одинаковые стратегии и тактики поведения в условиях этого конфликта, о чем написано в предыдущем параграфе. На этом примере видно, по сути, иллюстрацию не только внутреннего (личностного) и внешнего (социального) источников ролевого поведения, но глубже – отраже-

ние действия биологических и социальных факторов активности человека. И не только его активности, но и вообще – функционирования и развития личности.

Как утверждают А. Басс и С. Бриггс, люди отличаются большим или меньшим соответствием ролевого поведения собственной индивидуальности. Можно предположить, что существует более или менее устойчивая тенденция личности избирать соответствующие тактики и стратегии поведения в условиях ролевого конфликта. Среди этих стратегий две являются основными – это интернальная и экстернальная. Разные люди переживают больший дискомфорт и напряжение от разных типов конфликта: одни легко переносят внешние, но всячески избегают внутренних противоречий, другие – наоборот, готовы идти на большие внутренние конфликты, во избежание разногласий в межличностной сфере. Такая тенденция преобладания одной из стратегий (внешней или внутренней) названа нами *локус ролевого конфликта*.

Локус ролевого конфликта – это конструкт, который определяет склонность личности выбирать одну из двух стратегий поведения в ролевом конфликте: интернальную или экстернальную, то есть, ориентироваться соответственно на внутренние или внешние детерминанты ролевого поведения (потребности, ценности, установки) с преобладанием вероятности внешнего или внутреннего ролевого конфликта. В первом случае у личности доминирует тенденция отстаивать собственную ролевою идентичность и строить ролевое поведение в соответствии с ней, даже если она противоречит выполняемой роли. Во втором случае ролевое поведение строится большей частью в соответствии с ролевыми ожиданиями, и если они противоречат идентичности и Я-концепции человека, то последняя ущемляется, и развивается внутриличностный ролевой конфликт.

По нашему предположению локус ролевого конфликта – это не ситуативная поведенческая реакция, определяемая условиями ситуации, а личностная характеристика, которая в целом является стабильной, независимо от условий социальной ситуации, хотя отдельные поведенческие проявления могут значительно отклоняться в обе стороны в границах метамотивационного модуля.

Для проверки этого предположения было осуществлено экспериментальное исследование, результатом которого стала разработка психодиагностической методики «*Шкала локуса ролевого конфликта*». Это помогло сделать вывод, что локус ролевого конфликта – это интегральная характеристика личности, которая определяет не только доминирующую стратегию поведения человека в условиях ролевого конфликта, но и базовую тенденцию ролевого развития личности. Она влияет на целый ряд ролевых характеристик личности и на особенности ролевой самореализации в целом.

Для экспериментального изучения локуса ролевого конфликта и конструирования соответствующего измерительного инструмента были использова-

ны типичные высказывания клиентов психологической консультации, которые обращались с проблемами, связанными с ролевыми конфликтами. Вопросы отбирались по критерию отношения к внешним или внутренним факторам, определяющим ролевое поведение человека. Это должно было обеспечить высокую *конструктивную валидность* будущей методики, то есть соответствие исследуемого психологического конструкта теоретической гипотезе о природе измеряемой переменной. Эти утверждения составили 46 пунктов предварительного варианта опросника, которые надо было оценить по степени согласия с помощью 5-балльной шкалы. После обработки результатов с помощью корреляционного и факторного анализа с целью повышения внутренней согласованности и надежности теста, был составлен окончательный вариант опросника «Шкала локуса ролевого конфликта» из 24 утверждений (см. приложение П а).

Результаты теста были обработаны посредством факторного анализа на выборке 296 человек (62% женщины и 38% мужчины). Это дало возможность выделить 8 значимых факторов: «Зависимость–независимость от требований других людей»; «Боязнь доставить неудобства окружающим»; «Зависимость–независимость от норм и стереотипов»; «Зависимость–независимость от родителей»; «Стремление выгодно выглядеть в глазах других»; «Зависимость–независимость от мнения других людей»; «Легкость нарушения правил и стереотипов»; «Стремление к совершенству».

Однако выделенные факторы оказались не ортогональными, существовала слабая корреляция между ними. Содержательная интерпретация факторов свидетельствует о том, что они очень близки по своему содержанию и описывают разные оттенки одного явления. Поэтому мы отказались от попытки построить многофакторную диагностическую методику, считая локус ролевого конфликта одной интегральной характеристикой. Результаты получения восьми факторов следует использовать не для количественного измерения восьми параметров, а для качественной оценки разных граней такой характеристики личности, как «локус ролевого конфликта». Для того чтобы доказать, что полученные факторы измеряют одну и ту же характеристику, были осуществлены процедуры определения надежности и валидности теста как однофакторного психодиагностического инструмента. Вычисление коэффициента альфа Кронбаха продемонстрировало достаточно высокое и приемлемое значение: 0,64. Вычисление надежности частей теста показало следующие значения: корреляция первой и второй половинок теста имеет значение 0,49, а корреляция четных и нечетных ответов соответственно равно 0,65. Также достаточно высоким является показатель ретестовой надежности 0,72 ($p \leq 0,001$). Статистические нормы устанавливались на основе опроса 367 человек в возрасте от 19 до 48 лет (61% женщины и 39% мужчины). Значимых гендерных отличий статистических норм не выявлено.

Для измерения *конкурентной валидности* путем сравнения с другими психологическими методиками были избраны методологически близкие к нашему психологические тесты, которые имеют отношение к интернальности–экстернальности: шкала *локуса контроля* Дж. Б. Роттера, шкала *экстраверсии–интроверсии* из личностного опросника Айзенка и шкала *конформизма* из опросника 16PF Р. Б. Кэттелла. Корреляция с указанными тестами, сделанная на выборке 71 человек, составила соответственно 0,34 ($p \leq 0,01$), 0,21 ($p \leq 0,10$) и 0,06 (незначимый). Эти показатели являются достаточно низкими, что свидетельствует о том, что перечисленные тесты и наша методика измеряют разные психологические качества. Это позволяет сделать выводы о достаточной конкурентной валидности и правомерности использования теста «Локус ролевого конфликта» как самостоятельного измерительного инструмента.

Очень интересным является вопрос о генетических аспектах локуса ролевого конфликта. Вероятно (хотя еще нет достаточного количества экспериментальных доказательств этого утверждения), что локус ролевого конфликта зависит от врожденных предпосылок. У маленьких детей наблюдается различная выраженность проявлений негативизма и нонконформизма, что является косвенными показателями интернальности. Однако также правомерно считать, что поведение ребенка зависит от того, какие стратегии поощрялись, а какие, наоборот, подавлялись родителями. Авторитарное воспитание, блокирование свободы и автономии ребенка, родительские запреты не только формируют соответствующий жизненный сценарий человека (создавая сценарные запреты), но и способствуют увеличению тенденции экстернальности, что сужает возможности полноценной ролевой самореализации личности.

Значение методики «Шкала локуса ролевого конфликта» выходит за рамки только психодиагностики. Это не просто новая тестовая методика, измеряющая еще один личностный параметр. Понятие «локус ролевого конфликта» является одним из базовых в разрабатываемой нами ролевой теории личности.

5.3. Ролевая идентичность

Мы так привыкли притворяться перед другими, что под конец начинаем притворяться перед собой.

Франсуа де Ларошфуко

В процессе самоосознания, говоря о себе «я являюсь тем-то», или «я есть такой-то», т. е. используя для самоописания определенные понятия, человек относит себя к тому или иному сообществу, группе, категории. Каждое понятие является обобщением какой-то совокупности вещей. Это – свойство

человеческого языка, лежащего в основе сознания и самосознания. Например, слова «женщина», «мужчина», «отец», «рабочий», «подруга», «красивый», «умный» и т. п. характеризуют не одного человека в мире, а относятся ко всем людям, соответствующим содержанию этого понятия. Следовательно, *идентичность* обязательно имеет социальную природу и вместе с тем дает человеку представление о себе, как об уникальной индивидуальности, в которой неповторимо объединены многие качества и атрибуты. Развитие идентичности – это история становления психологических основ тех противоречий, конфликтов и деформаций, которые пронизывали наше общество на протяжении всей истории человечества.

Идентичность – одна из самых существенных характеристик человека, без которых он не может быть сознательной автономной личностью. По определению Э. Эриксона (1996, с. 59), идентичность базируется на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что эти тождество и непрерывность признаются окружающими. Идентичность связана с образом «Я», с осознанием собственной индивидуальности и неповторимости индивидуальных физических и психологических черт. Вместе с тем идентичность – очень сложна и разнообразна. В зависимости от обстоятельств она выступает в разных качествах. Можно говорить о целом множестве, или о системе идентичностей, которые актуализируются в различных ситуациях, соответствующих разным социальным и личностным ролям.

Как социальное существо, человек характеризуется не только индивидуальной, но и *групповой идентичностью*, которая, по мнению Э. Эриксона (там же, с. 57), связана с групповыми, прежде всего географическими и историческими представлениями (коллективное «эго»-пространство-время), а также с экономическими задачами (коллективные жизненные цели). Групповая идентичность связана с отождествлением себя с определенной группой или сообществом. В социологии и социальной психологии используют понятия «социальная идентичность» (Коростеліна, 2003) и «ролевая идентичность». Согласно теории социальной идентичности Г. Таджфела и Дж. Тэрнера (см. Robinson, 1996), в основе *социальной идентичности* лежат процессы социальной категоризации, т. е. разделение социальных объектов на такие, с которыми личность себя отождествляет (in-group), и те, которые составляют группы других (out-group), а также процессы само-категоризации, т. е. отнесение личностью самой себя к определенной социальной категории или группе. Социальная идентичность лежит в основе большинства групповых процессов, таких как групповая поляризация или стереотипизация.

Ролевая идентичность, которую можно рассматривать, как отдельную форму социальной идентичности, – это идентичность, обусловленная социа-

льными ролями, т. е. культурно приемлемыми социальными ожиданиями к соответствующим видам поведения, характерным для определенных социальных позиций. Ролевая идентичность, в основе которой лежит осознание себя субъектом психологических ролей, теснее связана с понятием *самости*, чем социальная идентичность. Американский социолог Ч. Гордон, рассматривающий ролевую идентичность как важную составную часть Я-концепции личности, выделяет пять ее видов: 1) *половую* идентичность, основанную на гендерной идентификации человека как мужчины или женщины; 2) *этническую* идентичность, т. е. идентификацию человека как члена расового, религиозного, национального сообщества, языковой группы, субкультуры или другой социальной структуры; 3) идентичности *членства*, базирующиеся на связи между человеком и организационной жизнью общества благодаря всем формам группового членства (формального или неофициального); 4) *политическую* идентичность, которая происходит от типичных паттернов отношений человека к конкуренции, власти и принятию решений; 5) *профессиональную* идентичность, т. е. систему ролевых идентичностей относительно работы, как в домашнем хозяйстве, так и за его пределами (Gordon, 1976, с. 407).

Ролевая идентичность человека тесно связана с его именем. Существуют данные в рамках трансгенерационного подхода, что имя человека в определенной мере влияет на его жизненный сценарий. Имя, данное в честь кого-то из предков, повышает вероятность неосознаваемой идентификации с ним, вплоть до повторений некоторых элементов его судьбы. Трансгенерационное повторение особенно опасно, если тот, с кем происходит идентификация, имел трагическую судьбу или какие-то другие психологические проблемы.

Примером могут служить так называемые «замещающие дети». Если в семье умирает маленький ребенок, но вскоре рождается другой ребенок того же пола, то иногда родители, особенно, если они не смогли сполна пережить горе, пытаются представить, что новый ребенок заменит им прежнего, они даже называют его в честь умершего брата или сестры. Излишне говорить, что такие дети всю жизнь имеют проблемы с идентичностью, им кажется, что они живут не свою жизнь, на них давит груз вины, они уверены, что получают родительскую любовь, предназначенную другим.

Ярким образцом этого является судьба у французского художника Винсента Ван Гога, который родился ровно через год (в тот же день) после рождения старшего брата, также названного Винсентом и вскоре умершего. Ван Гог всю жизнь страдал депрессиями, психическими расстройствами, его жизнь трагически оборвалась в возрасте 37 лет (он застрелился из револьвера). Как пишет исследовательница синдрома годовщины А. А. Шутценбергер (2005, с. 168), «жизнь у Винсента Ван Гога была трагической, как будто кто-то запрещал ему существовать». Шутценбергер описывает еще один пример «замещающего ребенка» – судьбу испанского художника Сальвадора Дали, который очень страдал от недостатка родительской любви, считая,

что родители любят не его, а умершего старшего брата, тоже Сальвадора. Всем своим экстравагантным поведением и необычным творчеством Дали как бы доказывал свое право на собственную индивидуальность и идентичность.

Роль и имя (название, псевдоним, кличка, прозвище и т. д.) вообще являются очень близкими понятиями. Имя – это вербальное выражение имиджа и роли одновременно, за ним могут стоять характерные роли. Казалось бы, какое значение для жизни человека имеет простой набор звуков? «*Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет*» – говорит Джульетта¹. Но речь имеет свою силу в символической и смысловой природе. Семантическая сторона речи является ключом для смыслов и значений, которые для человеческого сознания (построенного на 2-й сигнальной системе) очень важны. Сведения о человеке, сообщаемые ему в разных формах, становятся частью его самосознания и идентичности. Имя само по себе порой является не только абстрактным названием, но и символом определенного образа, идентификация с которым происходит, как правило, бессознательно, фиксируется только результат. Так, некоторые имена несут определенное семантическое содержание в латинских, древнегреческих, древнееврейских и других переводах, что тоже может определенным образом влиять на идентичность. Вот несколько примеров таких значений: Александр – «защитник людей», Геннадий – «благородный», Земфира – «непокорная», Михаил – «подобный богу», Соломон – «мирный». Имя может быть выражением также и антироли, как характеристики скрытой идентичности или обратной стороны идентичности.

Имена принадлежат не только людям, но и многим предметам, имеющим свойства коллективных субъектов (для которых, вероятно можно ввести понятие коллективной идентичности). Существует поговорка: «*Как корабль назовешь, так он и поплывет*». Многие читали в детстве повесть А. С. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля», герой которой решил назвать свой корабль гордым названием «Победа», но так как после аварийной ситуации две буквы названия отвалились, корабль превратился в «Беду», что и предопределило многочисленные злоключения корабля и его команды. Хоть повесть и является юмористической (даже фантастической), но описанная в ней закономерность подтверждается и в довольно серьезных реалистических ситуациях. Общеизвестно, что после трагедии «Титаника» называть корабль таким именем никто не рискует. И дело здесь не только в элементарном суеверии. Хотя суеверие тоже может влиять на идентичность.

Влияние имени на идентичность прослеживается, например, в таких случаях консультативной практики, когда к взрослому клиенту, имеющему проблему, связанную с личностным инфантилизмом, все окружающие во всех

¹ В. Шекспир, «Ромео и Джульетта» (Перевод Б. Пастернака).

ситуациях обращаются с помощью детского (инфантильного) имени, например, Вита, вместо Виталина, Виталия или Виктория. Но любопытно, что в подобных случаях детский вариант имени часто оказывается даже записанным в паспорте (а перед этим – и в свидетельстве о рождении), то есть инфантилизм человека предопределялся едва ли не с самого рождения. Следует ли удивляться, что человек, с детства окруженный соответствующими ролевыми ожиданиями (скорее всего, не осознаваемыми теми, кто их выдвигает), вырастает инфантильным и таким ощущает себя постоянно, то есть имеет такую же идентичность.

Ролевая идентичность связана не только с именем, но и с языком вообще. Язык, на котором человек учится говорить, предопределяет его идентичность. Язык является необходимым атрибутом роли. Можно говорить о таких понятиях, как *«языковая роль»* и *«языковая личность»*. Когда человек начинает говорить и думать на другом языке, у него происходят изменения в идентичности. Люди, говорящие (и думающие) на нескольких языках, имеют в связи с этим как бы несколько идентичностей или несколько *«языковых субличностей»*. Язык имеет отношение и к групповым формам идентичности, он теснейшим образом связан с ментальностью, от него зависит характер формирования картины мира, как особой субъективной реальности, у отдельного человека, а также у малых и больших групп людей (т. е., он является основой менталитета).

Имя человека и его язык – очень важные элементы имиджа, включая не только собственно язык, но и диалект, сленг, использование характерных слов и выражений и т. п. Для этой же цели часто используется псевдоним или кличка. Образ кино- или литературного героя при переходе из одной культуры в другую (например, при переводе литературного произведения) трансформируется, не остается прежним по разным причинам, в том числе и из-за языка. В современном кино пользуются синхронным переводом за кадром (вместо дубляжа), что позволяет частично сохранить колорит роли, связанный с языком первоисточника.

С языком связаны межличностные роли. При возникновении контакта сразу устанавливается определенный язык общения (включая его диалектические и социокультурные разновидности), который становится составной частью формирующихся межличностных ролей. Впоследствии эту модель трудно изменить, например, перейти с этим человеком на другой язык общения или его разновидность. Так, с одним человеком легко говорить на «литературном» языке, а с другим это почему-то вызывает дискомфорт (часто у обоих). Возможно, в этом случае человек стесняется своей межличностной роли, своей «излишней» образованности, чувствует себя «не своим». Этот дискомфорт исчезает, если перейти на «язык» собеседника. Подобную зако-

номерность используют в консультативной практике, предлагая консультанту всегда подстраиваться под язык клиента.

Можно привести еще один пример из практики: парень и девушка (для которых родным языком был украинский) познакомились далеко от дома в туристическом лагере, где общепринятым был русский язык. Затем, вернувшись в свою языковую среду (а они, как выяснилось, жили в одном городе), молодые люди, тем не менее, долго продолжали общаться друг с другом по-русски.

Объяснить этот феномен можно с помощью гипотезы, что в формировании межличностных ролей всегда задействованы лишь определенные (в данном случае, языковые) субличности. Это связано также с устойчивостью ролевых ожиданий. Ожидания, возникающие в момент исполнения ролей (даже не свойственных человеку в какой-то ситуации) приводят к тому, что в другой ситуации исполнение других ролей с этим партнером (даже более естественных) затрудняется. В данном примере речь идет о языковых ролях.

Итак, можно утверждать, что роль (особенно такой ее компонент, как язык) является выражением идентичности, проявлением личности и формой воплощения индивидуальности человека. Но роли могут выступать и заменой идентичности, компенсацией недостатка индивидуальности (в этом случае формируется тип личности, которого мы назвали «человек ролевой»). Можно установить закономерность: чем беднее внутренний мир личности, тем активнее проявления индивидуальности заменяется ролевым поведением.

5.4. Ролевая компетентность

Во мне два человека – актер и зритель. Часто зритель недоволен актером.

Хенрик Сенкевич

Социальное поведение человека или шире – его жизнедеятельность может рассматриваться как непрерывный процесс решения различных, возникающих перед личностью, задач. Насколько эффективно происходит это решение и от чего зависит его результат? Ответ на этот вопрос может быть связан с еще одним предлагаемым нами понятием ролевой психологии – *ролевой компетентностью*, которая является одной из важных составляющих жизненной компетентности личности.

Что понимается под компетентностью? В большинстве источников она отождествляется с системой умений и способностей человека решать определенные задачи. В зависимости от вида задач рассматриваются разные виды компетентности. *Жизненная компетентность*, как наиболее широкое понятие, охватывает способности и умения человека решать жизненные пробле-

мы. Близким к нему (хотя и более узким) является понятие «*социальный интеллект*». С точки зрения Т. М. Титаренко (2003, с. 204–206) жизненная компетентность – это умение не сосредотачиваться лишь на себе, а выходить за рамки личного эгоцентризма, вера человека в свои адаптивные возможности, умение разумно выходить за пределы норм, избегать лишней изменчивости и относительности мира.

В литературе можно встретить понятия, генетически связанные по смыслу с ролевой компетентностью. Так, «*компетентность в общении*» – это умение преодолевать трудности в общении, в первую очередь, социально-перцептивного плана, способность рефлексировать собственные проявления в общении и использовать полученную информацию для самопознания (Петровская, 1989). «*Социально-психологическая компетентность*» – это специальная способность чувствовать ситуации, людей, понимать их поведение, уметь налаживать отношения, а через них – взаимопонимание и дела (Лепихова, 2002, с. 60). «*Коммуникативная компетентность*» рассматривается как готовность личности к коммуникативной деятельности (Кобзарь, 1999; Лютова, 2007). В зарубежных источниках встречается толкование социальных ролей с точки зрения «*компетентностей взаимодействия*» (interaction competencies). Так, М. Атей и Дж. Дарли под компетентностями взаимодействия понимают способности создания новых образцов ролевого поведения путем реконструирования известных, приобретенных в практике примеров, которая дает возможность действовать в специфических изменениях ситуаций взаимодействия. Среди базовых компонентов рассматриваются «способности брать перспективу другого» и умение «самоконтроля» (Ickes, Knowles, 1982, с. 70).

Близким к компетентности является понятия грамотность. Существует концепция «*эмоциональной грамотности*» (emotional literacy), предложенная известным трансактным аналитиком К. Штайнером. Автор связывает это свойство с системой способностей и жизненных умений, прежде всего таких, как способность понимать свои эмоции, способность слушать других и сочувствовать их эмоциям, способность продуктивно выражать эмоции. Для объяснения сути понятия эмоциональной грамотности он использует такое понятие, как «*эмоциональный интеллект*» (emotional intelligence) (Steiner C., Perry, 1999, с. 11).

Некоторые характеристики личности, описываемые в психологических теориях, имеют прямое отношение к ролевому поведению, что согласуется с нашим пониманием ролевой компетентности. Так, в теории психодрамы Я. Морено использует такое понятие, как «*ролевой дефицит*», т. е. недостаточность функционирования ролей, возникающая в процессе ролевого развития. Рассматривается первичный (*ролевая недостаточность*) и вторичный (*ат-*

рофия ролей) ролевой дефицит (см. Лейтц, 2007, с. 303–317). Хотя это понятие использовалось преимущественно в клиническом контексте, его можно экстраполировать на проявления здоровой психики, в таком случае ролевой дефицит описывает тенденции, противоположные явлению ролевой компетентности.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что ролевая компетентность личности – это способности и умения решать жизненные проблемы, связанные с ролевым поведением, с функционированием жизненных ролей или средствами ролевого поведения. Она включает способность оперативно владеть своими психологическими ролями, выступать полноправным субъектом этих ролей, включать ролевое поведение в процесс собственной жизнедеятельности и жизнестворчества, которые оказывает содействие гармонической ролевой самореализации личности. Ролевая компетентность может рассматриваться не просто как функциональная надстройка над личностью, а как интегральная характеристика самой личности.

Одним из компонентов ролевой компетентности является *ролевая вариативность*, т. е. разнообразие репертуара психологических ролей личности, богатство ее ролевого поведения. Кроме стандартного набора социальных и межличностных ролей в референтных группах, т. е. ролей, определяемых позиций личности в социуме, ее статусом, ролевая компетентность предполагает существование многих разновидностей этих ролей. Например, семейная роль не ограничивается одной, пусть и важнейшей функцией, а выступает во многих качествах в зависимости от обстоятельств (друг, собеседник, любовник, хозяин и т. п.); межличностные роли также имеют значительный спектр вариантов, который позволяет личности быть другой в каждой новой ситуации общения.

Другой составляющей ролевой компетентности является *ролевая гибкость*, т. е. умение легко переходить от одной роли к другой. Выдающийся пианист Эмиль Гилельс говорил: «Исполнитель должен быть немного хамелеоном. Играть в одной программе Баха и Прокофьева – здесь мало чувства и виртуозности». Во многих жизненных ситуациях бывает необходимо отказываться от некоторых ролей, которые в определенных условиях становятся неконструктивными и превращаются в источник психологических проблем. Негибкая, ригидная личность словно «застревает» на отдельных ролях, не может отказаться от них, или принять на себя новую роль. Такая особенность становится причиной ее низкой адаптивности. Это наиболее заметно в период социального кризиса, когда стремительно изменяются условия жизни, перестраивается ролевая структура общества. Многие люди не могут приспособиться к новым социальным ролям, не способны усвоить изменчивые требования к профессиональной деятельности и другим видам социальной

активности. На первый взгляд, такая беспомощность присуща людям старшего возраста, но на самом деле людей, как с высокими, так и с низкими показателями ролевой гибкости достаточно много во всех возрастных группах, хотя она имеет тенденцию снижаться с возрастом человека.

Третьим параметром ролевой компетентности является *ролевая глубина*, т. е. развитость глубинной структуры ролей, опора в ролевом поведении не только на ролевые ожидания окружающих (хотя совсем не учитывать их невозможно – это также ведет к дезадаптации личности), но и на такие личностные составляющие, как ролевая идентичность, ролевая Я-концепция, *ролевое переживание*. Последнее является очень важным компонентом жизненной роли, поскольку оно выступает индикатором включенности роли в жизнь человека, в конце концов – это показатель психологического владения ролью. Ролевое переживание – это совокупность своеобразных эмоциональных состояний и процессов, которые сопровождают ролевое поведение. Потребность в ролевом переживании (т. е. потребность личности в новом чувственном опыте, который приобретается в процессе исполнения ролей) – также важная составляющая ролевой глубины личности. Кроме того – способность к глубоким ролевым переживаниям – это одно из условий актерского искусства, для которого без сомнения надо владеть высокой ролевой компетентностью.

Четвертым компонентом ролевой компетентности выступает *способность к ролевой децентрации и принятию роли других* (противоположное качество носит название «ролевой эгоцентризм»). Умение принимать роли других рассматривается как основная цель социализации личности в концепции Дж. Г. Мида (Мид, 2000). Оно считается ценным качеством человека и помогает ему адаптироваться в социуме, в частности – избегать ролевых конфликтов.

Ролевая децентрация – это сложное психологическое образование, которое включает целый ряд умений и способностей: *способность к перевоплощению*, т. е. умение играть роли других (оно очень развито у актеров, собственно – это важный компонент актерских способностей); *ролевая эмпатия*, т. е. принятие роли другого человека, способность «примерить» ее на себя, понимать внутреннюю логику, умение смотреть на мир глазами этого человека, с позиции его ролевой Я-концепции; *ролевая рефлексия*, т. е. умение оценить себя, свое ролевое поведение со стороны, с точки зрения других людей, способность определять и прогнозировать ролевые ожидания к себе.

С целью эмпирической проверки теоретической концепции ролевой компетентности мы разработали психодиагностическую методику, измеряющую данное качество личности. Первоначальный вариант опросника составил 48 утверждений, касающихся свойств ролевой компетентности личности, описываемых всеми параметрами теоретической модели. Исследование проводилось на выборке 243 человека в возрасте 18–53 года (76 % женщины, 24 % мужчи-

ны). После обработки результатов с помощью корреляционного и факторного анализа был получен окончательный вариант опросника из 32 утверждений и выделено 2 значимых фактора (см. приложение II г). Первый фактор описывает такие параметры ролевой компетентности, как *ролевая гибкость*, *ролевая вариативность* и *способность к ролевой децентрации* (в частности – *ролевая эмпатия* и *ролевая рефлексия*), которые оказались взаимосвязанными между собой, а, следовательно, вошли в одну измерительную шкалу. Второй фактор описывает такое свойство, как *ролевая глубина* (в частности – *способность к ролевым переживаниям*).

Описанные показатели взаимосвязаны между собой. Так, существует слабая отрицательная статистическая связь между первым фактором (ролевая гибкость и вариативность) и вторым фактом (ролевая глубина). Это означает, что широкая ролевая вариативность и высокая ролевая гибкость часто связаны с поверхностностью ролей, а значительная ролевая глубина (т. е. способность к произвольному изменению силы ролевых переживаний от полного его исчезновения до чувства потрясения и катарсиса) характерна для ограниченного репертуара психологических ролей. Тем не менее, в случаях высокой ролевой компетентности возможно существенное развитие казалось бы несовместимых между собой параметров. Это свидетельствует о том, что мы имеем дело с интегральным психологическим феноменом с довольно сложной структурой, и в его характеристике должны учитываться вклады всех отдельных компонентов.

Ролевая компетентность определенным образом связана с целостностью личности. Чем богаче система жизненных ролей человека, (а, следовательно, выше его ролевая компетентность), тем многограннее его социальное лицо, тем многомернее его личность, тем многоаспектнее его функционирование в разнообразных социальных ситуациях, к которым он может лучше адаптироваться, тем больше возможностей его творческой самореализации. Творческое отношение к себе и своей жизни, необходимое для владения искусством жизнетворчества, помогает выжить в чрезвычайно сложных социальных условиях. Можно утверждать, что ролевая компетентность в значительной мере способствует творческому осуществлению человеком своей жизни, а значит, является важным условием жизнетворчества человека (см.: Жизнь..., 1985). Компоненты ролевой компетентности могут рассматриваться как составные части методов и технологий искусства жить, то есть выступать существенными факторами жизненной компетентности. Для творческой личности явление атрофии ролей, которое может наблюдаться в критические моменты жизни, не будет слишком патологическим, ведь утраченные роли могут быть замещены другими, в том числе и воображаемыми.

Атрофия ролей, как и другие виды ролевого дефицита, являются причиной обедненности личностного ролевого репертуара. Личностные роли – это

формы проявления человеческой индивидуальности в социальном поведении. Воплощаясь в социальных ролях, они, тем не менее, выражают личностные типы, характеры, являются характерными ролями. В жизни человека отдельные личностные роли часто оказываются неразвитыми, заблокированными, важные стороны личности – нераскрытыми из-за того, что соответствующие сферы жизнедеятельности когда-то подавлялись, вытеснялись, не получили достаточного развития.

Особое значение в контексте ролевой компетентности созданные творческой фантазией имеют *«воображаемые роли»*, о которых написано в параграфе 2.2. Ролевая децентрация предполагает умение перевоплощаться в образы, которые соответствуют таким воображаемым ролям, и идентифицироваться с героями творчества. С помощью них формируется внутренняя составляющая жизненного мира личности, которая, бесспорно, способствует повышению ролевой компетентности и может, например, ослабить разрушительное влияние жизненного кризиса (об этом подробнее см. параграфы 6.6 и 6.7). В процессе творческой активности возникает ролевое переживание, имеющее огромный терапевтический эффект (подробнее об этом см. 8 главу). Описанные феномены используются во многих методах психотерапии: психодраме, арттерапии, психотерапии творчеством и творческим самовыражением (Бурно, 1989), библиотерапии и других.

Важно развивать ролевую компетентность, как за счет реальных жизненных ролей человека, так и за счет воображаемых, которые, как будет видно дальше, обогащают жизненный мир личности за счет внутренней, созданной творчеством части. Внутренняя составляющая жизненного мира может иметь компенсаторный характер, выступая довольно сильным психотерапевтическим фактором. Тем не менее – следует помнить, что она не всегда может целиком заменить отсутствие важных жизненных функций.

Интересным практическим дополнением описанных теоретических соображений является разработанная автором система формирования практических умений и привычек, или *«тренинг ролевой компетентности»*, который является составной частью уже упоминавшегося «Ролевого креативного тренинга», или тренинга творческого общения. Тренинг ролевой компетентности заключается: в оптимизации управления собственными психологическими ролями, которые уже есть в ролевом репертуаре человека; в развитии многомерности ролей за счет новых разновидностей существующих ролей и овладения новыми воображаемыми ролями, несущими не только компенсаторную функцию, но и выступающими инструментом повышения творческого потенциала личности; в умении более гибко вести себя в конфликтных ситуациях и решать много других практических творческих задач.

5.5. Половые и гендерные роли

Мужчины обнажают свою душу, как женщины – тело, постепенно и лишь после упорной борьбы.

Андре Моруа

Одним из самых глубоких и интересных аспектов проблемы личностной идентичности связана с половыми и гендерными ролями, сущность которых связана с половой и гендерной идентичностью. Этой теме посвящено множество исследований (Бендас, 2006; Берн Ш., 2001; Говорун, Кікінежді, 1999, 2004; Горностай, 2004г; Джонсон, 1996а, 1996б; Ильин, 2003; Кочарян, 1996; Лебединська, 2003; Титаренко, 2003; Хамитов, 1997; Хорни, 1993б; Echabe, Gonzalez Castro, 1999; Levin, 1977 и многие другие).

Половая идентичность, которую можно считать одной из наиболее существенных среди всех ролевых идентичностей, связана с разделением людей на группы мужчин и женщин и осознанием принадлежности человека к тому или иному полу. Она заключается в переживании своего соответствия половым ролям, т. е. таким формам поведения, которые обусловлены биологическими различиями между полами (это касается, прежде всего, полового поведения и сексуальных чувств, рождения детей и т. п.). Половая идентичность является не только одной из самых существенных идентичностей, но и едва ли не самой первой, формирующейся онтогенетически. Когда мы говорим, что родился ребенок, мы обязательно подчеркиваем, что родился мальчик или девочка. Эти слова являются первой информацией о себе, которую ребенок получает после рождения и продолжает получать всю свою жизнь.

Девид Гоулинг, соавтор главы «Психотерапия и гендер» одного из учебников по психотерапии, так описывает первую встречу ребенка с собственной идентичностью:

«Когда родился мой третий ребенок, акушерка сказала: „Это – прекрасный мальчик. О... Нет”. Она посмотрела снова: „Я имела в виду девочку”. В те считанные секунды мой мысленный образ моего ребенка должен был быстро измениться. Акушерка смотрела на наличие или отсутствие малых половых губ и влагалища или пениса, но даже в те короткие моменты, я начал думать о моем ребенке как о мальчике, и в своей голове я должен был восстановить его как девочку. Путешествие в установление гендерной идентичности начинается в те первые считанные моменты жизни; тот яркий момент первой реализации: „Это – девочка”; „Это – мальчик”» (Ernst, Gowling, 1994, с. 86).

История культуры выработала много моделей и образцов полового поведения. Информацию о них ребенок начинает получать с рождения, формируя на фундаменте половой идентичности то, что мы называем *гендером*. Надо различать понятие «половая идентичность» и «гендерная идентичность». Если

половая идентичность – это преимущественно осознание себя представителем того или иного пола, то *гендерная идентичность* заключается в переживании своего соответствия гендерным ролям, т. е. совокупностям общественных норм и стереотипов поведения, характерных для представителей определенного пола (или приписываемым представителям определенного пола общественно-исторической или социокультурной ситуацией). Человек может иметь некоторую четко определенную половую идентичность и вместе с тем иметь трудности с гендерной идентичностью, переживать несоответствие гендерным ролям и стереотипам, ощущать нереализованность себя как мужчины или женщины, несоответствие женскому или мужскому идеалу.

Поскольку гендерные роли и стереотипы – это продукт общественной истории, несущий в себе социокультурные особенности и традиции, иногда не имеющие ничего общего с природой пола, то гендерная идентичность зависит большей частью от социальных (исторических и географических) факторов, а не от биологической природы человека. Для зрелой личности гендер становится функциональной заменой биологического пола, который, социализируясь, теряет значительную часть естественной непосредственности, а, следовательно, социально-ролевые закономерности и противоречия определяют большинство естественных сфер полового поведения. Гендерная идентичность складывается в основном под влиянием традиций, стереотипов и другой информации (сознательной и бессознательной) семьи и рода. Это влияние не всегда благотворно для человека и часто создает для него множество проблем.

В одной из психодраматических игр протагонистка Настя (36 лет) заявила о проблеме неуверенности в себе как жены и матери. С помощью техники «реконструкция рода» удалось выйти на две интересные фигуры – родные тети, старшие сестры отца. Они были намного старше родителей Насти, поэтому скорее идентифицировались не с их поколением, а с поколением бабушек и дедушек. Обе тети остались одинокими, без детей, их молодость совпала с трудным послевоенным временем, когда не хватало мужчин, когда нужно было много работать. Не имея собственных детей, они всю свою нереализованную материнскую любовь отдавали младшим родственникам, в том числе и племяннице Насте. Настя очень любила их, бессознательно идентифицируясь с ними. В реконструкции она выделила их, отмечая особую связь с ними, которая очень чувствовалась. Гипотеза об идентификации подкрепилась, когда оказалось, что бабушка Насти неоднократно говорила, что Настя очень похожа на Наташу – одну из этих тетушек. Желание быть чем-то похожим на любимого предка, *незримая лояльность* (Boszormenyi-Nagy, 1984), может быть причиной повторения элементов его судьбы. Настя нарушила родовый сценарий, она вышла замуж и родила ребенка. Но это стало причиной неясного чувства вины и неуверенности в себе как в жене и матери. В своем бессознательном она как бы «предала» тетю Наташу, «изменила» ей. Психодраматическое общение с ней оказало благотворное влияние на Настю.

Весьма существенными характеристиками личности, тесно связанными с идентичностью и определяющими гендерные особенности личности, выступают такие признаки мужественности или женственности, как *фемининность* и *маскулинность*. Маскулинность и фемининность – это системы свойств личности, которые традиционно считаются мужскими или женскими; это такие особенности человека (прежде всего – психологические), которые определяют соответствие собственному психологическому полу, гендерно-ролевым нормам и стереотипам, типичным для мужчин и женщин формам поведения, стилям жизни, способам самореализации, выбора соответствующих ценностей, установок и т. п.

Типичными маскулинными качествами считаются интеллект, рациональность, независимость, активность, сила (как физическая, так и психологическая, или сила характера), авторитарность, агрессивность, сдержанность в эмоциональных проявлениях, склонность к риску, способность к достижениям. Типичными фемининными качествами считаются эмоциональность, мягкость, слабость, заботливость, практичность, консервативность, интуитивность, реалистичность, коммуникативность, сензитивность, эмпатийность. Для женщины важно, чтобы ее поняли, ей необходимо, чтобы кто-то разделил ее чувство, высказал свое отношение к ней, психологические отношения для женщины важнее, чем результат деятельности. Для мужчины важно считаться компетентным, быть признанным, ему нужно достижение своих целей, результат решения задачи для него важнее, чем система отношений, которые сопровождают процесс решения. Согласно общественным стереотипам, которые в значительной мере определяют особенности социального поведения человека, для мужчины нормативной и желательной считается выраженная маскулинность. Для современной женщины, наоборот, чрезмерная фемининность не настолько нормативна и желательна, как маскулинность – для мужчины.

Следует подчеркнуть, что типичные черты фемининности и маскулинности – это, прежде всего, общественно закрепленные нормы, стереотипы, а не результат объективных естественных различий между полами. В определенных случаях эти черты действительно отражают среднестатистические различия мужчин и женщин. Но часто они являются результатом воспитания, когда психологические различия формируются под давлением стереотипов, навязываемым человеку обществом. А бывает и так, что традиционные черты фемининности и маскулинности противоречат истинной природе людей. Так, до недавнего времени считалось, что женщины имеют более эмоциональный характер, а мужчины более склонны к логическому мышлению.

Согласно современным нейрофизиологическим исследованиям, у женщин в среднем более развитой является левое (логическое) полушарие мозга,

а у мужчин – правое (эмоциональное) (Гингер, 2003 с. 5–6). В частности, большинство исследователей в области дифференциальной психологии сходятся во мнении, что у девочек более развиты языковые способности (связанные с левым полушарием), чем у мальчиков. Тем не менее, история свидетельствует, что большинство писателей во все времена и во всех странах были мужчинами. Женщины и мужчины действительно имеют различия, которые, тем не менее, не всегда совпадают с общественными стереотипами и которые, тем более, не имеют ничего общего с неравноправием полов, имеющим сугубо социальные и классовые корни. В действительности, реальные гендерные различия – это результат сплава естественных различий и воспитания, которые определенным образом подгоняет природу человека под стандарты, сложившиеся в том или ином культурно-историческом сообществе.

Традиционные черты маскулинности присущи не только мужчинам, равно как фемининность – не является только женской характеристикой. Практически каждое фемининное или маскулинное качество может встречаться как у мужчин, так и у женщин. В жизни современного общества есть немало фемининных мужчин и маскулинных женщин (здесь речь идет преимущественно о психологических характеристиках). В последние годы наблюдается общая тенденция некоторой феминизации мужского поведения и маскулинизации женского, что сказывается на таких сферах, как выбор профессии, одежда и т. п.

Долгое время считалось, что маскулинность и фемининность – это противоположные полюса одной шкалы, т. е. высокая маскулинность рассматривалась как низкая фемининность (и наоборот). В современных психологических концепциях пола и поло-ролевого поведения эти свойства рассматриваются, как относительно независимые один от другого конструкты. Возможно одновременно высокое развитие обеих характеристик, или одновременно низкий уровень этих гендерно-ролевых проявлений. Оба конструкта определяются скорее социально, чем биологически (т. е. больше относятся к гендерным, чем к половым ролям), и могут измеряться отдельными шкалами.

Объединение высокого развития фемининности и маскулинности в одном человеке (независимо от его пола) получило название *андрогинность*. В психологии личности андрогиния рассматривается как личностная характеристика, не связанная с нарушениями полового развития, половой и гендерной идентичности или поло-ролевой ориентации. Развитая андрогиния у человека, независимо от его пола, предусматривает богатый арсенал и гибкость его гендерно-ролевого поведения, высокие социально-адаптивные способности и другие важные качества. Например, подмечено, что одаренным людям часто присуща высокая андрогиния. Андрогинная модель поло-

вых и гендерных ролей имеет преимущество перед другими моделями, хотя и она не совершенна. Так А. С. Кочарян (1996) доказывает, что она имеет возрастные и клинические ограничения, например не работает для мальчиков и девочек до 15–16 лет, а фактически формируется в более поздние возрастные периоды.

Понятие андрогинии ввел в психологическую терминологию Карл Юнг, объясняя ее понятиями Анима и Анимус. Американский психолог Сандра Бем создала психологическую методику измерения маскулинности и фемининности «Поло-ролевой опросник» (the Bem Sex-Role Inventory), согласно которому можно диагностировать четыре типа людей независимо от их физиологического пола: 1) маскулинные (с выраженными мужскими качествами); 2) фемининные (с выраженными женскими качествами); 3) андрогинные; 4) неопределенные (без выраженных качеств маскулинности и фемининности) (Bem, 1974). Существуют также другие методики измерения маскулинности и фемининности, например, «Опросник персональных атрибутов» (Spence et al, 1974), «Шкалы маскулинности и фемининности» (Heilbrun, 1981) и другие.

5.6. Гендерные роли и соперничество полов

Мужчины имеют столь же преувеличенное представление о своих правах, как женщины – о своем бесправии.

Эдгар Хау

Исследование гендерных ролей, маскулинности и фемининности значительно выходит за рамки проблем психодиагностики и приобретает в современном мире социальное, и даже политическое значение. Проблема неравенства полов, породившая множество феминистских движений, стала толчком для научных разработок в области гендерной психологии, пробудила интерес к этим научным понятиям у широкой общественности и фактически инициировала появление нового научного направления, занимающегося гендерными исследованиями.

Эта тема в общественно-историческом плане восходит к «вечной» проблеме соперничества между полами, где с переменным успехом одерживали победу обе стороны. Эта проблема связана с гендерными аспектами психологии власти (см. Васютинский, 2005, с. 266–315). Но не стоит думать, что здесь приоритет принадлежит только мужчинам, хотя они, вероятно, чаще доминировали благодаря большей физической силе и агрессивности. Вспомним, хотя бы длительную эпоху матриархата, или истории, связанные с

группами женщин-воительниц (амазонок у древних греков, или валькирий у древних скандинавов), которые успешно противостояли мужской деспотии в патриархальные периоды истории. Несколько предыдущих столетий были отмечены преобладанием мужской власти, что собственно и породило общественные движения, направленные против нее. Проблема остается актуальной и сегодня, особенно в мусульманском мире, где женское самосознание только начинает пробуждаться. Но корни гендерного неравенства значительно глубже, они опираются на гендерные стереотипы, обыденные семейные мифы, в которых отражаются и остаются живучими многие общественные предрассудки.

Но проблема «сильного» и «слабого» пола не такая простая и однозначная, как кажется на первый взгляд. В нашей культуре она имеет ряд особенностей. В знаменитом музыкальном произведении – дуэте Одарки и Карася из оперы С. С. Гулака-Артемовского *«Запорожец за Дунаем»*, мы наблюдаем типичную картину, отражающую распространенный сюжет украинской культуры. Сильная и властная женщина (фактически – глава семьи), энергично спорит с безответственным мужчиной, предпочитающим выпивку решению каких-то семейных проблем. Подобный мотив актуален и сегодня, а на фоне всеобщей феминизации мужчин и маскулинизации женщин (что наблюдается и во всем мире) в нашей культуре он представляет серьезную проблему. Одна из причин – в традиционной феминности украинского менталитета, о чем говорят многие этнопсихологи. Как видно из описанного примера, это имеет и культурно-исторические корни. Еще одним историческим свидетельством является Запорожская Сечь, которая по мнению многих историков, помимо выполнения прямых функций военизированной самообороны украинского народа являлась своего рода «мужской вольницей», куда мужчины бежали из семьи, от исполнения семейных обязанностей. Вероятно, тема «сильной женщины» имеет много общего и с российской традицией, где она отражена, например, в поэтических строчках Н. А. Некрасова, посвященных русской женщине: *«Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»*.

Но не стоит думать, что подобные закономерности наблюдаются только в славянской культуре. Существуют общие социально-исторические предпосылки, ведущие свои истоки, вероятно, еще из эпохи матриархата. Это нашло отражение в литературных источниках, особенно мифологии, фольклоре и сказочных сюжетах, где во множестве фигурируют властные и агрессивные женщины. Большинство из этих персонажей имеет негативный оттенок, возможно, это следствие более поздних переоценок с позиций ценностей патриархата. Очень распространенной среди них является роль злой *Мачехи*, которая, бесспорно, является воплощением Родительского эго-

состояния (в его негативной концентрации). Можно предположить, что Мачеха, наряду с архетипом Матери, будучи ее антиподом, также является архетипической фигурой.

Еще одним образом в этом ряду является роль *Ведьмы*, которая, по мнению многих исследователей, является одной из основных архетипических ролей женщины. Негативную окраску она приобрела благодаря христианской культуре Средневековья (вспомним хотя бы историю охоты на ведьм, осуществляемой Инквизицией). Но на самом деле она является лишь символическим воплощением таинственной женской (в том числе и сексуальной) силы и власти над мужчиной, и ведет истоки из древних культов, обрядов и традиций, где женщина выступает, как хранительница некоего тайного знания и власти. Роль Ведьмы можно считать обобщенным вариантом образов колдуний, волшебниц, которые во множестве существуют в сказочных сюжетах. Очень богатой на подобные персонажи является славянская сказочная культура, создавшая, например, такой яркий и неповторимый образ, как Баба-Яга.

В сегодняшних реалиях примеры, похожие на общение Одарки и Карася, можно наблюдать повсеместно. В психодраматических группах роль «*Сильной женщины*» появляется очень часто, конкретизируясь в теме: «Надоело быть сильной женщиной». Парадоксально, но подобные запросы выдвигают друг друга и представляют собой комплиментарную пару. Взаимодополняемость ролевого поведения в семье, которое является фактором устойчивости (но отнюдь не благополучия) брачных отношений, отмечают и другие авторы. Так, например, Р. Ф. Массей пишет о комплиментарности сцепляющихся *ркетных систем* супругов, которые используются ими для поддержания сценариев друг друга (Massey, 1989, с. 130–131). Отчасти, данные примеры отражают специфическую выборку психотерапевтических групп, куда редко попадают успешные и состоявшиеся во всем женщины и мужчины, но все же высокий процент подобной проблематики дает основания предположить, что это характерно и для нашего общества в целом.

Почему сложилась такая ситуация? Можно говорить о *культуральных сценариях* общества, которые проявляются в индивидуальных *жизненных сценариях* людей. Одной из причин является женское воспитание в школах и, особенно, в детских садах. Важную роль играет уже упоминавшаяся тенденция феминизации мужчин и маскулинизации женщин, а также процесс *андрогинизации*. Андрогинность – это, в сущности, положительное явление, так как она может снимать ограниченность мужских и женских *гендерных ролей*, снижать внутренние конфликты, связанные с принятием своей второй сущности. Но общественные стереотипы, требующие от человека других моделей поведения, создают большие противоречия.

Немаловажную роль в их развитии играют стандарты масс-медиа, среди которых в центре внимания находятся состоятельный мужчина и сексапильная женщина. Героями нашего времени (ярче всего это представлено в кинематографе) являются полукриминальные мужчины-бизнесмены и их подруги с внешностью фотомоделей. Но раз сформированы такие стандарты, то, следовательно, все, что им не соответствует, считается плохим, неполноценным. Однако такая ситуация формирует не модели поведения (ввиду их недоступности для большинства людей), а лишь массовый комплекс неполноценности.

Традиционные *стереотипы мужского и женского поведения*, проявляющиеся в поло-ролевом программировании (см., напр.: Берн Ш., 2001; Штайнер, 2003; Gregory, 2001; O'Neil et al., 1986), требуют от мужчины силы, рациональности, ограничения эмоциональности (за исключением агрессии, которая считается приемлемой для мужчины). Эти же стереотипы требуют от женщины слабости, мягкости, заботливости, эмоциональности (опять же, за исключением агрессии, которая не должна быть свойственна женщинам), ограничения рациональности (показывать высокий интеллект для женщины считается зазорным). В общественном сознании эти стереотипы давно себя изжили, но они оказались живучими в бытовой психологии. В то же время, прогрессивное движение освобождения от этих стереотипов, в котором лидерами оказались женщины-феминистки, начало формировать другие стандарты и, похоже, создавать новые проблемы гендерных ролей.

Если роль *«Сильной женщины»* выбирается как форма противодействия мужскому авторитаризму, то это редко ведет к личной гармонии. В ТА существует понятие *«контрсценарий»* (Steiner, 1966), то есть такой жизненный сценарий, который противодействует родительским запретам и установкам и предлагает другие (иногда – противоположные) паттерны поведения. На первый взгляд, кажется, что это – выход из ограниченности сценария, но на самом деле контрсценарий (то есть новый сценарий), вместо одной несвободы предлагает другую.

Противодействуя гендерному неравенству, воплощенному в модели *«Сильный мужчина – Слабая женщина»*, женщина избирает ролевую позицию *«сильной»*, не осознавая, что она может быть устойчивой лишь в комплиментарной паре со *«Слабым мужчиной»*. Ее партнером действительно оказывается слабый мужчина (по крайней мере, он таким является в семье), а в результате – к ролевой перегрузке работающей и ведущей домашнее хозяйство женщины прибавляется еще одна роль – *«Главы семьи»*, усложняющей и без того сложное положение. Это хорошо иллюстрируется примерами алкогольных семей, где проблема обостряется максимально. Жена алкоголика не только ведет хозяйство и воспитывает детей, она не только

работает, но и принимает все важные решения семейной жизни, финансово содержит семью и мужа, который пропивает все, что зарабатывает, паразитируя на своей жене.

Если женщина избрала роль «Сильной» потому, что в ее сценарии есть указание, что нельзя надеяться на мужчин, что им нельзя доверять, что они все плохие («хлюпки», «тряпки», «козлы» и т. д.), то ее поведение будет в определенной степени предрешено этим. Она будет стремиться подтверждать такие *сценарные убеждения*, избирая ситуации, которые им соответствуют, а если таких ситуаций не окажется, она их будет провоцировать с помощью *психологических* или *сценарных игр*.

Причиной игр являются с одной стороны сценарные убеждения, с другой – *социальные предубеждения*, как искаженная форма социальных стереотипов. Пример женского предубеждения: «У мужчин на уме только одно: секс». Это предубеждение может наталкиваться на сценарное убеждение (часто формирующееся в детстве): «Секс – это плохо (грязно, греховно и т. п.)». Далее по логике следует вывод: «Значит мужчины, требующие этого – плохие люди». Пример мужского предубеждения: «У женщин на уме только одно: деньги». Далее по такому же механизму следует умозаключение: «Но много денег заработать в нашей стране невозможно (сложно и т. п.). Значит, либо я слаб и никчем, либо женщины, требующие этого – сволочи». В результате предубеждения могут приобретать такие крайние отрицательные формы: «Все мужчины „козлы“»; «Все женщины „стервы“». Это примеры *гендерных суеверий и предрассудков*, которые, пользуясь языком ТА, являются результатами Детских и Родительских *контаминаций*.

Игры подтверждают многие сценарные убеждения, например: «Мужчины опасны, от сильного мужчины можно ожидать чего угодно»; «Я должна надеяться только на себя». У женщин такие позиции, как правило, формируются в семье, где эти убеждения традиционны. Например, девочка видела в родительской семье модель отношений, когда мать либо что-то требовала от отца, либо ругала за любую оплошность.

Существует распространенный стереотип, иногда приобретающий форму семейного мифа: «Никакой отрицательный поступок не должен быть безнаказанным. Однако хвалить надо очень редко иначе захвалишь». В ТА это называется «*принципом экономии поглаживаний*» (Steiner, 1971). Супруги часто строят отношения на подобных принципах. В частности, жена может иметь убеждения: «Мужа надо критиковать», или «От мужа нельзя ожидать самостоятельности», которые будут влиять на нее еще на этапе выбора брачного партнера. Женщина будет иметь тенденцию выбирать такого будущего мужа, которого будет за что ругать (благо, недостатка в таких мужчинах в нашем обществе нет). Она будет избегать сильных, самостоя-

тельных мужчин, потому что боится их. Кстати, такие мужчины тоже будут избегать властных женщин, которые, по их мнению, представляют угрозу их авторитету. Женщина будет неосознанно пытаться загнать мужа «под каблук». Но, с другой стороны, кому же хочется быть женой «подкаблучника»?

Парадоксально, но на уровне идеалов у этой женщины присутствует совсем другой образ мужчины. Это либо *«Рыцарь»* (сильный, но добрый и заботливый), либо *«Принц»* (красивый, романтичный и всемогущий). От мужа жена требует принятия решений, но когда он их принимает, они отвергаются, ибо с ее точки зрения являются плохими. Например: *«Как он мог купить эту вещь, которая совсем нам не подходит»* (вариантов может быть очень много). Парадокс: муж должен быть инициативным, но это должно совпадать с интересами жены (другими словами быть ее инициативой). Но человек не может принимать чужие решения. Это должны быть решения либо жены (тогда принимать их должна она), либо – мужа, но тогда они имеют право отличаться от того, чего хочет она. В результате муж либо постоянно конфликтует с женой и оказывается «плохим», или перестает принимать решения вообще и тоже оказывается «плохим». В обоих случаях сценарий жены подтверждается.

Может возникнуть иллюзия, что подобные браки является гармоничными, в силу их относительной устойчивости. Но это не совсем так. Несмотря на комплиментарность семейных ролей и устойчивый симбиоз, эти пары испытывают много эмоциональных проблем, среди которых есть достаточно серьезные. Так, многие из них имеют проблемы в интимных отношениях. Одна из причин этого – неспособность к *психологической интимности*, что как раз и проявляется в склонности к психологическим играм. Другая причина заключается в преобладании Родительской позиции женщины, которая, по сути, выступает в роли *«Матери»*, а мужа ставит в позицию *«Ребенка»*. С этой точки зрения интимные проблемы вполне закономерны, ведь секс между «матерью» и «сыном» это, по сути дела – инцест, а он, как правило, несовместим с моральными убеждениями большинства людей. Существует много других аспектов сложностей взаимоотношений в подобных брачных или партнерских парах, испытывающих разнообразные психологические трудности и, безусловно, нуждающихся в психотерапевтической помощи.

Глава 6. Ролевое развитие личности

Посеешь поступок – пожнешь привычку. Посеешь привычку – пожнешь характер. Посеешь характер – пожнешь судьбу.

Древнеиндийская пословица

Проблема развития личности всегда стояла в центре внимания наук о человеке. Самые первые донаучные и более поздние натурфилософские концепции трактовали развитие как развертывание врожденных качеств и свойств. Несмотря на то, что еще в античной психологии выдвигаются идеи о зависимости развития личности от образа жизни (Аристотель), тем не менее, очень долго развитие понималось как *созревание*. Позже, как отрицание этих воззрений, появляется противоположная примитивно-социологизаторская трактовка личности как пассивного слепка внешних факторов и жизненных обстоятельств.

В XX веке одно из лучших объяснений социальной сущности личности осуществлено в рамках культурно-исторической теории Л. С. Выготского (1983), согласно которой личность не «созревает» из внутренних предпосылок, а *«формируется»*, достраивается на биологическом фундаменте той системой общественных отношений, в которых развивается человек. Высшие психические функции не представлены в человеке от рождения, а даны лишь в виде потенциальной возможности. Переход из потенциального в актуальное происходит благодаря взаимодействию природных и социальных факторов в процессе *социализации*, важнейшим механизмом которой является *интериоризация* личностью культурного опыта человечества. В отличие от социологизаторских теорий, где фактически отрицается роль наследственности, развитие с позиций культурно-исторической теории является *диалектическим отрицанием*. В процессе онтогенеза приобретает относительная независимость от врожденных задатков человека, которые, в конечном счете, не предопределяют развития высших психических функций.

Ролевой подход предоставляет хорошую модель развития личности, в которой рассматриваются механизмы взаимодействия между врожденными биологическими задатками и формирующим влиянием общества, связанные с такой формой активности, как ролевое поведение. Развитие человека – это формирование устойчивых личностных качеств, происходящее в процессе его поведения и деятельности. Формирование характера происходит на основе поведенческого динамического стереотипа, под влиянием социальных и ролевых установок. Психические состояния могут переходить в устойчивые психические свойства и качества личности, подобно тому, как роль может переходить из внешней во внутреннюю. Грань между личностью и ролью весьма подвижна.

6.1. Различные трактовки жизненного опыта

Каждый человек рано или поздно выдумывает для себя историю, которую считает своей жизнью.

Макс Фриш

Человек приходит в этот мир чистым, как капелька росы, не имея за плечами никакого опыта. Но за свою короткую жизнь, являющуюся мгновением по сравнению с существованием Космоса, человек создает свой неповторимый жизненный мир, не менее сложный и разнообразный чем Вселенная.

Развитие человека, в частности, ролевое развитие происходит в процессе всей его жизни, представляющей собой развитие, разворачивание, формирование, эволюцию личностных новообразований и изменение, сворачивание, увядание, инволюцию других личностных составляющих. Одним из самых существенных в этом процессе является приобретение человеком *жизненного опыта*. Человек, его личность, действительно, представляет собой совокупность опыта (мы являемся тем, что мы о себе помним), но его сущность можно понимать по-разному.

Опыт можно представить как накапливаемую информацию, то есть как своеобразное повествование. Он может быть пересказан, для характеристики этого процесса используется понятие *нарратива*. Согласно этим представлениям жизнь представляет собой *текст*, зафиксированный с помощью знаков, которым присвоены определенные значения и смыслы. В определенной мере к такой трактовке близка концепция *потока сознания* У. Джемса (1991, С. 56–80), согласно которой сознание представляет собой предельную степень, крайнюю форму «внутреннего монолога». Эти взгляды получили развитие в таких направлениях психологии, которые базируются на положениях структурализма, постструктурализма, используют методы семиотики, герменевтики (Р. Барт, Ж. Делёз, Ж. Лакан, К. Леви-Строс, М. Фуко, Ю. М. Лотман и др.).

Но есть и другая трактовка опыта как *переживания*. Далеко не весь опыт можно свести к лингво-семантической парадигме, даже если будем использовать достаточно сложные и тонкие инструменты, базирующиеся на семантической структуре сознания, анализе символов бессознательного и других. Образный, чувственный опыт человека можно описать и пересказать с помощью языка, но при этом неминуемо утрачиваются важные сущностные характеристики. Очевидно, понимание жизни как текста (или, тем более человека как текста) является далеко не полным.

Разумеется, трактовка сущности жизненного опыта не сводится к этим двум направлениям, есть много других интересных подходов, например экзистенциальная психология и психотерапия, рассматривающая жизнь как

бытие, и опирающаяся на богатые философские традиции экзистенциализма (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Л. Бинсвангер, М. Босс, Дж. Бьюдженталь, Р. Мэй, В. Франкл и др.). В отечественной психологии проблемы психологии жизни исследуют Д. А. Леонтьев, Л. В. Сохань, Т. М. Титаренко.

Категория «*жизнь*» в контексте социальной психологии личности тесно переплетается и со многими другими подходами, освещенными в работах К. А. Абульхановой-Славской, А. Адлера, Б. Г. Ананьева, А. Маслоу, В. А. Роменца, С. Л. Рубинштейна, Л. В. Сохань, Е. Б. Старовойтенко, Т. М. Титаренко, Э. Эриксона и многих других. Жизнь можно рассматривать как тотальное переживание человеком своего бытия. Ее определяют такие характеристики-феномены: *стиль жизни* – индивидуальный способ осуществления жизненного пути; *образ жизни* – способ жизнедеятельности, мера включения в типичные формы взаимодействия с обществом; *смысл жизни* – целостное представление о собственном предназначении, высшей цели, о фундаментальных основаниях собственного бытия; *жизненные цели* – одна из форм самопрогнозирования, идеального представления значимого, желанного будущего; *жизненная перспектива* – способ осознанного, структурированного освоения личностью своего будущего; *жизненные стратегии* – жизненные цели в объединении со способами их достижения (Психология личности..., 2001); *жизненные отношения* (Старовойтенко, 2004).

Методологические противоречия в трактовке жизненного опыта человека ярко проявляется в соперничестве различных психотерапевтических направлений. Часть из них опирается на метафору «*жизнь как текст*» и использует преимущественно вербальные (базирующиеся на языке и речи) методы. Так в психоанализе, который считается предтечей многих современных методов психотерапии, используется преимущественно *интерпретация* (смысловое толкование), *осознание* неосознаваемых конфликтов (опять же основанное на понимании, то есть на рациональном процессе), интеллектуальный *инсайт*. Основной метод анализа – *ассоциативный эксперимент* (вербальный по своей природе), цель терапии – это, по большому счету, перевод иррационального в рациональное. *Катарсис* не обязателен, но если он и есть, то имеет вспомогательную функцию, для облегчения последующего инсайта. На преимуществе рациональных представлений базируется также большая группа методов *когнитивной психотерапии*.

Но существует и другое направление так называемых *экспириентальных* методов (от английского *experience* – опыт, переживание), которые отрицают возможность глубоких личностных изменений только на основе рациональных языковых методов и разговорных техник. Эти методы опираются на метафору «*жизнь как действие*» (или театральное представление).

Вот как пишет о разных психотерапевтических подходах Э. Шайффеле:

«Много видов терапии, практикуемых и финансируемых в области психического здоровья, продолжают заботиться о том, как *уменьшить* нежелательные эмоции, типа гнева или печали. Когнитивная терапия, например, пытается показать клиенту, что его „отрицательные эмоции“ ... вызваны его „дисфункциональными мыслями“. Затем эти мысли заменяются „более рациональными“ с помощью навыка убеждения, присутствующего терапевту, и, возможно, эмоции исчезнут, а пациент будет чувствовать себя лучше, или, по крайней мере, лучше функционировать и прекратит жаловаться. Выражения гнева или печали, таким образом, заглушаются, и в такой системе катарсис, конечно, не одобряется.

С другой стороны, сегодня также существует намного больше форм экспириентальной терапии, большинство из которых были под влиянием Морено и явно или неявно используют катарсис (такие как гештальттерапия, первичная терапия, ребёфинг и другие формы дыхательных практик, райхианская терапия и биоэнергетика, и самая недавняя процессуальная работа Арнольда Минделла)» (Шайффеле, 2005, с. 10).

Драматургический подход, хоть и принадлежит к экспириентальным методам, но не сводится только к использованию переживания. Он имеет преимущества перед другими методами (как в теории, так и в психотерапевтической практике), так как имеет дело и с рациональным, и с иррациональным, и с эмоциональным в поведении и личности человека. Разные виды действий опираются на разные реальности, фактически охватывающие почти весь круг психических явлений: а) *интеллектуальные действия* (понимание, выводы, инсайт в действии); б) *речевое действие*, взаимодействие (диалог, монолог); в) *перцептивные действия* (восприятие ролей, создание образов, работа воображения, вплоть до конструирования сверхреальности); г) *эмоциональные процессы* (выражение эмоций и чувств, ролевое переживание, катарсис); д) *телесные компоненты поведения*, действия и движения, включая язык тела и его глубинный смысл; е) *работа с телесными симптомами* на глубинном смысловом уровне; ж) *ценностно-смысловая сфера* человека (прежде всего, личностный или жизненный смысл), работа с трансцендентными ролями.

Ролевая теория личности, построенная на этой парадигме, открывает перспективу для целостной (холистической) модели человека, так как она опирается на такие практические методы (прежде всего, методы действия), которые представляют единство когнитивного, эмоционального и телесного проявлений. Этот подход не отрицает значения речи и рационального начала в поведении и жизни человека. Напротив, как это будет видно в последующих параграфах, язык и речь имеют исключительное значение для социализации личности. В психодраме речь, диалог занимает значительное место (в том числе и в процентном отношении по сравнению с другими видами действий). У некоторых психодраматистов вся психодрама строится только на речевом взаимодействии, но это неправильно, ибо такая психотерапия не реализует все свои возможности и способна решать далеко не все задачи.

6.2. Ролевая социализация

Развивающаяся личность, имея дуалистическую, био-социальную природу, является одновременно и результатом развертывания потенциальных, заложенных в наследственности возможностей, и продуктом формирующего влияния общества. В этом процессе формирования личности под влиянием социальных факторов понятие *социализации* является одним из ключевых. Однако, несмотря на многочисленные теоретические и прикладные исследования этого феномена, существует много противоречий во взглядах и мнениях относительно механизмов, с помощью которых она происходит.

Согласно большинству определений, социализация личности – это усвоение человеком общественного опыта, социальных норм и ценностей. Так, в бихевиоральных и социально-когнитивных теориях личности (Б. Ф. Скиннер, А. Бандура, Дж. Роттер) усвоение трактуется как разные формы научения. В культурно-исторической теории (Л. С. Выготский) процесс социализации – это интериоризация культурных ценностей, происходящая в процессе деятельности и общения.

Хотя в указанных теориях и не отрицается активность личности, влияющая на характер и индивидуализацию усвоения общественных нормативов, тем не менее – источник или движущая сила этого процесса связывается с обществом или внешними стимулами. *Человек* (субъект, а в таком понимании, скорее – объект социализации) и *общество* (носитель социального опыта и культурных ценностей) находятся как бы по разные стороны этого процесса, отдельно друг от друга. Это противопоставление не полностью снимается введением опосредствующего понятия деятельности как условия социализации.

Возникает вопрос: *корректно ли, что движущая сила развития личности выносится как бы за пределы этой личности?* Можно снять это противоречие, рассматривая в качестве движущей силы ролевой конфликт, который переживает личность в процессе освоения социального опыта (см. параграф 5.1). Но в этом случае под социализацией необходимо понимать не только усвоение каких-то абстрактных норм и ценностей, но также формирование социальных ролей и ролевое развитие личности. Эти процессы, как составная часть общей социализации, мы назвали *ролевой социализацией*.

Если рассматривать социализацию как процесс постепенного вхождения индивида в структуру общества, то нельзя не согласиться с тем, что усваивать социальный опыт невозможно иначе, чем, находясь внутри общества, выполняя определенные общественные функции (социальные роли). Ведь для человека общественные нормативы существуют не как абстрактные правила, а как социальные ожидания, нормативные требования к форме выполнения и содержанию социальных ролей, направленные на формирующуюся личность. Они являются той общественной средой, в которой происходит

ролевая социализация. Но источником этого процесса является *субъектная активность личности*, избирательно реагирующей на разнообразие ролевых ожиданий согласно собственным потребностям человека и представлений о себе (ролевой Я-концепции).

Социальная роль, как важная функциональная единица, является формой участия человека в социальном взаимодействии. Одна из основных составных частей социализации – это усвоение человеком ролей. В них закреплены нормы и правила социального поведения, важнейшей формой которого является ролевое поведение. Роли – это средство вхождения личности в группу, в социум, это форма социальной адаптации и личностного самовыражения одновременно. Особенности ролевой социализации заключаются не только в усвоении общественных ожиданий относительно социальных ролей, но также в формировании самих ролей (личностных, межличностных, характерных, жизненных и т. п.) и в ролевом развитии личности (развитии ролевых качеств, ролевой идентичности, развертывание ролевой Я-концепции).

Эти идеи не новы. В теории Дж. Мида социализация рассматривается как непосредственное формирование социальных ролей, однако в ней недооценивается ролевое развитие личности. В теории Я. Морено, наоборот, ролевое развитие помещено в центр концепции развития личности, однако, здесь преуменьшается влияние социума, поэтому такой процесс вряд ли может называться социализацией.

По нашим представлениям социализация включает в себя следующие составляющие: 1) *усвоение языка* как средства социальной коммуникации, без которого невозможна связь (а значит и продуктивное взаимодействие) личности с обществом и ролевое поведение; 2) *усвоение социального опыта, ценностей и норм*, в форме социальных ролевых экспектаций, которые выступают регулятором социального поведения личности; 3) *ролевое развитие*, включающее усвоение социальных ролей, формирование личностных ролей и развитие личностных качеств человека. Эти компоненты находятся в тесной взаимосвязи между собой.

Важность языка для развития и функционирования личности следует подчеркнуть отдельно. Язык и речь не возникают сами из себя, из глубины личности, они формируются только в языковой среде, в процессе заимствования извне, что наиболее последовательно доказано в культурно-исторической теории Л. С. Выготского. В данном контексте под языком понимается язык знаков, который опирается на вторую сигнальную систему, а не, скажем, «язык образов», «язык чувств» и т. п., которые языками можно назвать в определенной мере метафорически.

Когда говорят о «языке бессознательного» (который, в соответствии с теорией К. Г. Юнга, существовал еще до рождения человека), о его интер-

претации или расшифровке (толковании), то не следует забывать, что расшифровать любой неизвестный язык – это означает перевести ее на другой язык – известный. Как минимум, этот второй язык уже должен существовать. Поэтому, даже признавая за языком бессознательного символическую природу, следует понимать, что постичь ее можно лишь владея языком знаков и символов, а значит, абстрактным мышлением.

Значение социализации для развития личности невозможно переоценить. Ее важность доказывается фактами ее отсутствия. Примеры «детей-маугли», наподобие девочек Амалы и Камалы, воспитанных волками и возвращенных со временем в человеческое общество, демонстрируют невозможность формирования у них человеческих ролей. Подобные примеры, объединенные понятием «синдром Каспара Хаузера»¹, показывают, что социализация – это не наслоение чего-то внешнего на внутреннее, существенное, развивающееся независимо от внешнего, а развитие этого внутреннего, обязательно происходящее под влиянием социальной среды.

Если представить себе мысленный эксперимент, позволяющий выделить личность в «чистом виде», «отобрав» у нее все, что привнесено цивилизацией, то мы будем вынуждены: кроме социальных ролей «забрать» у нее язык и речь; «лишить» абстрактного мышления (так как оно неразрывно с речью), а значит, и способность к пониманию символов; «разрушить» семантическую структуру сознания (так как оно опирается на смыслы, а, следовательно, на язык); «разрушить» ментальные структуры (так как ментальность тесно связана с языком и сознанием человека). То, что «останется», едва ли можно назвать личностью. Итак, надо говорить не об антагонизме личности и роли, а скорее об их глубинной взаимосвязи, об определенной родственности ролей с человеческим «Я».

К личностным ролям можно отнести половые роли, которые очень тесно связаны с глубинными основами и личностной структурой (а возможно и архетипами Анимы и Анимуса). Это подтверждается примерами разных девиаций поло-ролевого поведения, которые часто имеют эндогенную природу. А такая патология, как *транссексуализм* заставляет думать, что психологическая детерминация половых ролей (поло-ролевая идентичность) едва ли не более глубокая, чем биологическая природа человека, так как в отдельных случаях, при невозможности изменить *половую роль*, прибегают к хирургическому изменению *биологического пола* транссексуала.

Причина приписывания психологическим ролям только внешней, социально-регулирующей функции, состоит в отождествлении ролей с закреплен-

¹ Назван по имени юноши Каспара Хаузера, обнаруженного при загадочных обстоятельствах в 1828 г. на рыночной площади г. Нюрнберга, и отличавшегося значительной задержкой психического развития. Наблюдается у лиц, выросших в полной изоляции от людей.

ными в обществе ролевыми стереотипами, влияющими с помощью экспектаций на ролевое поведение человека. Тем не менее, неправомерно утверждать, что влияние направлено только от общества к личности, отрицая вклад самого человека в формирование социальных экспектаций. Такая позиция свойственна социологическим подходам. Однако с точки зрения социальной психологии личности (в частности, ролевой парадигмы), как это доказано в предыдущей главе, влияние личностных (в том числе и глубинных) факторов на ролевое поведение огромно.

Значение ролевого развития подчеркивается важностью игры в процессе социализации и развития личности (Эльконин, 1957, 1978; Piaget, 1951). Детская ролевая игра выступает важнейшим средством социализации личности, без которого у ребенка не только не формируются важные социальные функции, но и не происходит достаточное интеллектуальное развитие. Очень важна связь ролевой игры ребенка именно с развитием личности, что подтверждается на примере кризиса 3-х лет: с появлением ролевой игры снимается противоречие, вызванное кризисом, и личность поднимается на качественно новую ступень развития. Коллективные ролевые игры детей (появление которых приходится на старший дошкольный возраст) в наибольшей степени влияют на будущие жизненные роли человека и способствуют личностной самореализации. Кризис 3-х лет – это период развития самосознания – важнейшего личностного компонента. В этом возрасте происходит, по сути, первое рождение личности, которая появляется вместе с ролевой игрой.

6.3. От социализации к индивидуализации

Процесс социализации личности всегда есть процесс индивидуализации личности. В реальности личность не скована рамками заданных социальных ролей.

А. Г. Асмолов (1996, с. 77)

Всякое развитие содержит в себе свое собственное отрицание, как рождение уже несет в себе будущую смерть. Развиваясь в одном направлении, отказываясь от развития в других. Когда из множества возможностей выбирается одна, другие неминуемо утрачиваются.

Ролевая самореализация личности не сводится к формированию и развитию ролей (хотя они выступают ядром данного процесса), то есть к ролевой социализации. Она должна рассматриваться в значительно более широком контексте – диалектическом единстве процессов *социализации* (усвоения ролей, отрицания индивидного, перехода от индивида к личности) и *индивидуализации* (развития ролевой автономии, независимости от роли, отрицание

социально-общего, переход от личности к индивидуальности). Рассмотрим это подробнее.

Социализация – это основа развития личности, в процессе которого индивид (как носитель биогенетической информации и врожденных задатков) становится *личностью*. Без сочетания внутренних и внешних предпосылок, биологических и социальных факторов, врожденных и приобретенных качеств человек не сможет реализовать свои возможности, которые, не будучи востребованными, неминуемо утрачиваются с возрастом. Личность является *«результатом» социализации*, суть которой – переход от индивида к личности, от биологически заданных характеристик к общественно опосредованным качествам. Личность – это диалектическое *«отрицание»* индивида, которое «снимает» и опосредует влияние индивидных предпосылок.

Биологические факторы лишь в том случае играют решающую роль в развитии (а точнее, в неразвитии) личности, когда существуют врожденные органические дефекты (чем больше патология, тем большее влияние они оказывают). В этом случае, развитие может не выходить за рамки созревания. При отсутствии врожденных патологий на определенном этапе решающим становится формирование в условиях социальной среды. От него, в конечном счете, зависит, останется ли человек на уровне *индивида* (например, дети, выросшие вне общества), или сформируется как *личность*.

Но проблема диалектики биологического и социального в человеке на этом уровне не решается до конца. Очевидно, что невозможно все индивидуальные проявления личности, например, такие ее высшие формы развития, как выдающиеся способности человека и яркие достижения его творческой активности объяснить влиянием системы общественных отношений, а тем более – нельзя вывести их из индивидных характеристик. Понятий «индивид» и «личность» оказывается для этого явно недостаточно.

Эту ограниченность можно преодолеть, используя категорию *«индивидуальность»*, которая согласно Б. Г. Ананьеву (1980), рассматривается как надличностное образование, высшее проявление человека, интегративно объединяющее понятия «индивид», «личность» и «субъект деятельности». Оно является следствием гегелевского *«отрицания отрицания»*, результатом процессов, которые в разных теориях личности носят название самоактуализация, индивидуация, развитие самоидентичности и т. п., а по сути являются результатом личностной *самореализации*.

Если личность – это социальная сущность человека, то она неминуемо несет на себе отпечаток общественной системы и является ее продуктом. Для личности одной из существенных потребностей является потребность выполнения общественного долга (социальных ожиданий). Именно поэтому в общественную машину тоталитарных режимов хорошо вписывались лич-

ности, но совершенно не вписывались индивидуальности, которых она безжалостно уничтожала.

Индивидуальность – это возврат к человеку, рассмотрение его не как «винтика» общественной системы, а как субъекта не только деятельности, но и собственной судьбы. Однако это не возврат к индивиду, а переход на новую диалектическую ступень, *второе отрицание*. Процесс развития индивидуальности можно назвать *индивидуализацией*, в основе которой лежит механизм *экстериоризации*, то есть социальной отдачи личности, творчества. Но стать индивидуальностью можно, лишь став личностью, однако социальной детерминации для этого недостаточно. Здесь вступают в силу индивидуальные, личностные, субъектные факторы. Выдающаяся индивидуальность становится как бы над обществом, может вступать с ним в противоречие, развивается вопреки социальным ожиданиям. Такой уровень развития нельзя свести к формированию. Индивидуальность не просто формируется, а саморазвивается, *самореализуется*. Иными словами, гения нельзя сформировать. Создать его может лишь он сам. Как утверждал А. Г. Асмолов, *«индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают»*.

Приоритет внутренних факторов в развитии индивидуальности часто рождает некорректные выводы о врожденности высших проявлений способностей – таланта и гениальности. Это мнение опровергается «надличностной» трактовкой индивидуальности, ибо «движитель» развития индивидуальности не врожденный, а формируется как личностное образование. Культурно-историческое влияние на развитие личности опосредует влияние наследственных факторов. Самореализация личности всегда характеризуется ситуацией, когда личность становится субъектом собственного развития. Это хорошо подтверждается мнением Ф. Баррона (1990), считающего способность проектировать себя главной функцией личности, осуществляемой посредством творчества.

Три уровня развития – созревание (развертывание по внутренней программе), формирование (интериоризация внешних влияний, ассимиляция, адаптация) и самореализация (экстериоризация, творческая деятельность, жизнетворчество), а также факторы и результат развития представляют собой гегелевскую триаду – *отрицание отрицания*. Взаимосвязь этих уровней может иметь следующий вид:

Схема 2. Диалектика уровней развития личности

Уровни развития	<i>индивид</i>	<i>личность</i>	<i>индивидуальность</i>
Факторы развития	биологические	социальные	субъектные
Основа развития	созревание	формирование	самореализация

Ступени развития личности, соответствующие им процессы и механизмы развития, а также основные формы активности можно представить в виде следующей схемы:

Схема 3. Диалектика ступеней развития личности

Ступени развития	<i>индивид → личность (первое отрицание)</i>	<i>личность → индивидуальность (второе отрицание)</i>
Процессы развития	социализация	индивидуализация
Механизмы развития	интериоризация	экстериоризация
Формы активности	научение	творчество

Уровни развития человека не следует понимать как этапы, разделенные во времени, точно также ступени развития – это не хронологические стадии, а скорее характеристики неких качественных результатов развития, которые не всегда последовательны. Элементы самореализации могут наблюдаться очень рано. Примером тому являются одаренные дети, которые избирательно и интенсивно занимаются любимым видом деятельности, что является условием развития их способностей. Детская одаренность – одно из проявлений индивидуальности человека.

Концепция самореализации, как и близкие ей концепции самоактуализации тесно связаны с развитием гуманистической психологии на Западе во 2-й половине XX столетия, прежде всего – в трудах А. Маслоу (1997а). Однако сходные мысли развивал еще в 1940 году украинский психолог Г. С. Костюк. Рассматривая сложную диалектику влияния наследственности, среды и воспитания на развитие личности, когда приобретенные качества становятся новыми внутренними условиями развития, он пришел к идее *саморазвития*:

«Возникают высшие формы самодвижения развивающейся личности, выражающиеся в ее сознательной целеустремленности, в стремлении работать над собой, вырабатывать у себя те или иные качества, руководствуясь определенным идеалом, подчинять своей власти игру сил своей собственной природы. При наличии такой целеустремленности *личность до некоторой степени сама начинает руководить своим собственным психическим развитием*» (Костюк, 1940, с. 37).

Позднее эти идеи нашли воплощение в концепциях индивидуальности Б. Г. Ананьева (1980), личностной субъектности К. А. Абульхановой-Славской (1991), А. В. Брушлинского (1994), В. А. Татенко (1996), жизнетворчества Д. А. Леонтьева (1999), Л. В. Сохань (Жизнь..., 1985) и многих других. С идеями самореализации и в нашей стране, и на Западе связано развитие разнообразных гуманистических направлений психотерапии: клиент-центрированной психотерапии, гештальттерапии, психодрамы и других.

Во многих современных работах анализируются родственные категории и понятия: И. П. Маноха (1995, 2001) ставит в центр внимания потенциал индивидуального бытия человека, А. П. Колиснык (2007) исследует духовное саморазвитие личности, проблему саморазвития в контексте целевой направленности личности рассматривает Я. В. Васильев (2007). Отдельные проблемы самореализации разрабатываются в отечественных исследованиях: так, проблемы самореализации в брачно-семейных отношениях рассматривает Л. А. Коростылева (2000), самореализацию в рамках ролевой парадигмы исследует П. П. Горностай в докторской диссертации «Психология ролевой самореализации личности».

6.4. Гендерно-ролевая социализация

Некоторые из нас стали мужчинами, за которых мы хотели бы выйти замуж.

Глория Стайнем

Как уже отмечалось, половые и гендерные роли являются одними из самых существенных в репертуаре личностных ролей. Поэтому их развитию в процессе социализации должно быть уделено особой внимание. Мы рассматриваем *гендерно-ролевую социализацию* как усвоение человеком гендерных ролей, социальных ожиданий к этим ролям, а также гендерное развитие личности, т. е. формирование психологических характеристик, соответствующих гендерным ролям. Половые и гендерные роли имеют огромное значение для нормальной социализации личности среди множества ролей, которые усваивает человек (см., например, Алешина, Волович, 1991). Они тесно связаны с осознанием себя представителем определенного пола и с нормативами поведения, характерного для представителей этого пола, с половой и гендерной идентичностью личности.

Гендерная социализация имеет ряд особенностей и специфических трудностей у мужчин и женщин (см., напр., Берн Ш., 2001; Говорун, Кікінежді, 2004 и др.). С самого рождения ребенок попадает в социальное окружение, задающее множество стереотипов гендерно-ролевого поведения. Маленький ребенок слышит от своих родителей, воспитателей: «Это не красиво, это не прилично для девочки (мальчика)»; «Не плач, мальчики не плачут!»; «Не бейся, девочки не дерутся!». Начало осознания себя представителем определенного пола ребенок связывает с целым рядом признаков: с одеждой, с правилами поведения, с проявлениями чувств (или с запретами на них). На естественные дифференциально-психологические отличия между полами накладываются модели мужских и женских ролей, существующие в общест-

венном сознании, иногда не имеющие ничего общего с настоящими психофизиологическими половыми различиями.

Эти общественные модели существуют не просто как система взглядов на нормы гендерно-ролевого поведения. Они действуют как социальные экспектации, ожидания, играют активную роль в формировании социального поведения человека. Если реальное поведение не совпадает с нормативами, то общество осуществляет давление на сознание человека, использует определенные санкции. Иногда они довольно жестки (в архаических обществах за нарушение гендерно-половой идентичности и другие отклонения от общественных стандартов виноватых наказывали изгнанием, или даже более суровыми наказаниями), но в современном обществе подобные санкции носят преимущественно психологический характер: психологическое осуждение, отрицательные оценки и т. п. Как результат – человек переживает чувство вины, стыд, внутренние или внешние ролевые конфликты. Чтобы избежать неприятных переживаний, человек стремится удовлетворить общественные ожидания, усваивая формы гендерно-ролевого поведения более или менее адекватные общественным требованиям. Ведь социальные стереотипы относительно женских и мужских гендерных ролей способны влиять на гендерное развитие человека, накладывая много ограничений на их самореализацию (Берн Ш., 2001).

Интересный пример трудностей, связанных с проявлением женской идентичности, наблюдался в психодраматической игре, которую можно назвать «Женственной быть неприлично». Протагонистка (Татьяна, 23 года) поделилась своими трудностями: «Когда я поступаю, как сильный человек, я чувствую себя хорошо. Но если мне не удается быть сильной, мне кажется, что пренебрегают принимаемыми мною решениями, игнорируют меня как человека». Но и сила не давала ей полного комфорта, мешала чувствовать себя женщиной. Рядом с сильной женщиной не может быть сильного мужчины. Попытка сыграть мягкую, женственную Татьяну привела к парадоксальному выводу: «По-настоящему женственной быть неприлично». Умом она понимает, что это неправильно, но где-то из подсознания доносится другой голос. Как оказалось, это был голос мамы. Следование родительскому предписанию накладывает некий запрет на спонтанное проявление чувственности, приводит к отрицанию собственной женственности. Выяснилось, в роду Татьяны (идущем из дворянских корней) преобладали очень строгие и сильные женщины, не допускающие никакой излишней чувственности. Но, одна из представительниц рода (двоюродная прабабушка) была актрисой и считалась женщиной легкого поведения. Естественно, идя вразрез с традициями рода, она завоевала плохую репутацию, что не могло не сказаться на запрете на женственность. Благодаря технике «диалог с предком» Наташа получила от прабабушки позитивное послание, по сути, разрешение на женственность, ресурс, который поможет ей решить ее проблему.

Процессы гендерно-ролевой социализации мужчин и женщин имеют много отличий. Для женщины, согласно исторически сформированным патриар-

хальным стереотипам, которые, вопреки общественному прогрессу, еще имеют место, преобладает ориентация на семью и семейные ценности, ведение домашнего хозяйства и т. п. Для мужчины, согласно тем же стереотипам, нормативно желательной является большая активность за пределами семьи: профессиональная деятельность, общественная активность. Недаром, существует поговорка, что *«для женщины семья – вторая работа, а для мужчины работа – вторая семья»*. Согласно такому размежеванию важным условием самореализации для женщины считается успешный и своевременный брак. Женщина, которая не создала семью, общественным мнением оценивается как неудачница, ее называют «старой девой». Мужчину, никогда не вступавшего в брак, никто не называет неудачником, и для него нет соответствующего прозвища. С другой стороны, успешность самореализации мужчины связывается с его карьерой, часто со статусом в обществе. Если со временем мужчина не приобрел профессиональных достижений, это также может считаться равнозначным его жизненному неуспеху.

Такие стереотипы влияют на сознание ребенка, только начинающего путь в общественной жизни. Так, девочки часто вырастают с убеждением, что они не могут быть такими же ценными работниками в профессиональной сфере, как мужчины, что влияет на самооценку и в определенной мере «оправдывает» тот факт, что среди женщин очень имело лидерских ролей (тем меньше, чем выше статус такой роли). По результатам некоторых исследований, девочки в школе имеют более низкие оценки по математике, чем мальчики, не потому, что у них хуже математические способности, а потому, что имеют заниженную самооценку в этой сфере и сталкиваются с соответствующими ожиданиями педагогов. Если учесть, что существуют совершенно реальные социальные и экономические условия, закрепляющие такую асимметрию, то становится понятно, что есть серьезные социальные проблемы, связанные с социально-психологической и ролевой самореализацией женщин. Эти проблемы привели к возникновению многочисленных феминистических движений, ставящих цель преодолеть эти трудности.

Однако не следует полагать, что трудности гендерной социализации ожидают только женщин. Мальчик в процессе гендерного развития сталкивается с многочисленными проблемами, прежде всего связанными с признанием в окружении сверстников, с лидерством, соперничеством и т. п. Если для девочки проблема лидерства заключается в том, что она, с точки зрения социальных стереотипов, не должна к нему стремиться, то для мальчика – наоборот. Общественное мнение заставляет мальчика считать лидерство неотъемлемой ценностью своего бытия. Мужчина, не реализованный в сфере лидерства (даже если он имеет весомые профессиональные достижения), тем же общественным мнением считается менее компетентным, чем мужчина с

высоким социальным статусом (то есть, руководитель), иногда даже – неудачником. Это мнение нередко давит на сознание, заставляет отказываться от призвания в пользу восхождения ступенями власти.

Для мальчика стремление соответствовать образцам маскулинности (кроме власти – это необходимость быть сильным, храбрым, компетентным, эмоционально сдержанным и т. п.) является не столько внутренней потребностью, сколько общественной нормой, и несоответствие ей служит причиной более критического отношения к нему, чем для девочки несоответствие стандартам фемининности. Особые требования выдвигаются к мужчине в сфере интимных отношений, например, всегда иметь потенцию (для сравнения – женщина таких проблем практически не имеет). Как результат всех перечисленных сложностей – большое количество стрессовых ситуаций, в которые попадает мужчина, внутренние конфликты, неврозы, проблемы со здоровьем и т. п.

Несоответствие общественным нормам, приписываемым гендерным ролям, и соответствующим ценностям создает многочисленные противоречия между гендерными ролями человека, его гендерной идентичностью и социальными ожиданиями к стандартам гендерных ролей. Такие противоречия проявляются как различные гендерно-ролевые конфликты личности. Гендерно-ролевой конфликт чаще всего происходит как противоречие между общественными стереотипами гендерной роли (т. е. традиционными представлениями о гендерной роли) и реальными потребностями человека. Например, существует стереотип, согласно которому мужчины должны проявлять невысокую эмоциональность и сами справляться с собственными эмоциональными проблемами. Если мужчина следует стереотипу, он получает внутренний гендерно-ролевой конфликт, вступая в противоречие с собственными потребностями в эмоциональных проявлениях и психологической поддержке; если поведение мужчины строится вопреки стереотипам, он рискует получить внешний гендерно-ролевой конфликт с ближайшим окружением, которое может считать его недостаточно мужественным. Ощущая на себе давление этого и других стереотипов, мужчина постоянно находится в состоянии *гендерно-ролевого стресса*.

Типичные для мужчины способы реагирования на депрессию – это игнорирование проблемы и алкоголь. Это, например, одна из причин того, что на сеансы психотерапевтов и в терапевтические группы приходит в 5 раз меньше мужчин, чем женщин (приблизительно такие же цифры приводятся почти во всех зарубежных исследованиях). Вместе с тем реальная потребность в психологической помощи у мужчин не меньше, чем у женщин, о чем свидетельствует, например, высокий процент самоубийств среди мужчин, менее короткая, чем у женщин продолжительность жизни, значительный процент мужской части среди пациентов психиатрического стационара и т. п. Иссле-

дователь гендерно-ролевого конфликта О'Нил считает одной из существеннейших характеристик мужских гендерных ролей «боязнь фемининности», которая проявляется в гомофобии (боязни обнаружить формы поведения, присущие гомосексуалистам), ограничении эмоциональности и других проявлениях гендерных стереотипов (O'Neil, 1986).

Для женщин самые типичные формы гендерно-ролевого конфликта связаны с общественными стереотипами о меньших, чем у мужчин, профессиональных возможностях женщин и о более низких лидерских качествах женщины, что создает для них значительные трудности профессиональной самореализации. Еще один стереотип, мешающий женской самореализации – это стереотип о том, что домашним хозяйством должна заниматься преимущественно женщина. Следуя им, женщины часто имеют двойную нагрузку, одновременно работая, ведя домашнее хозяйство и воспитывая детей. Как результат – у них возникают серьезные противоречия в выполнении профессиональных и семейных ролей, они попадают в ситуации ролевого конфликта и ролевой перегрузки (Алешина, Лекторская, 1989). Общественные стереотипы также предъявляют завышенные требования к внешности женщин, по сравнению с мужчинами. Потребность обязательно привлекательно и молодо выглядеть, усиленная средствами массовой информации, рекламой, кинопродукцией, противоречая жизненным реалиям, может стать источником многочисленных гендерно-ролевых конфликтов у женщин.

6.5. Развитие жизненных ролей и периодизация развития личности

Мы вступаем в различные возрасты нашей жизни, точно новорожденные, не имея за плечами никакого опыта, сколько бы нам ни было лет.

Франсуа де Ларошфуко

Одним из важнейших аспектов функционирования жизненных ролей является возрастной, рассматривающий их трансформацию на протяжении онтогенеза. Развитие жизненных ролей происходит всю жизнь человека, начиная с того момента, когда ребенок вступает во взаимодействие со значимым социальным окружением, т. е. с самого рождения. Большое значение имеет опыт общения с родителями, под влиянием которых (прежде всего, их прямых установок, запретов, оценок) формируется жизненный сценарий ребенка и его первые жизненные роли.

В рамках ролевого подхода в основе социализации личности рассматривается формирование психологических ролей человека, среди которых

жизненные роли в наибольшей мере связаны с личностной идентичностью и с онтологическими основаниями личности. Существует мнение (см., напр. Могено, 1962), что развитие ролей имеет чрезвычайно большое значение в развитии «Я», самости (self). В то же время жизненные роли личности и «Я» человека неправомерно отождествлять.

Существует много концепций периодизаций личностного развития. Одними из лучших являются концепции Д. Б. Эльконина и Э. Эриксона. Эльконин рассматривает деление жизни на возрастные этапы в зависимости от основных потребностей личности и характера ведущей деятельности. Эриксон рассматривает жизнь как цикл, состоящий из психосоциальных стадий. Переход от одного периода или стадии к другой сопровождается возрастным кризисом. Временные рамки периодов или стадий обеих концепций, в общем совпадают.

Мы предлагаем развить эти положения, рассматривая критерием периодизации жизненные роли человека. Личность характеризуется репертуаром жизненных ролей, которые меняются на разных этапах онтогенеза. Каждому возрастному периоду или стадии соответствуют свои жизненные роли, связанные с позицией субъекта ведущей деятельности и с базовыми потребностями на данной стадии. Эти роли формируются, как новообразования этого возраста и являются ведущими на данной возрастной ступени, уступая затем свое лидирующее значение другим ролям – ведущим в новых периодах.

По мнению Я. Л. Морено первая жизненная роль возникает еще на эмбриональной стадии жизни, это роль «*Паразита*» в утробе матери. Данное положение довольно спорно, ведь вряд ли можно поведение плода и его взаимодействие с организмом матери («органическое единство», как называл его Морено), назвать социальным или ролевым взаимодействием.

Очевидно, большинство согласится с тем, что первой жизненной ролью на первом году жизни является роль «*Ребенка*», т. е. существа, получающего материнскую ласку и опеку. Ребенок нуждается в материнской заботе, просит и требует ее, вступая в ролевое взаимодействие с матерью. Эмоциональное общение в период младенчества является именно ролевым взаимодействием, поскольку предусматривает четкое размежевание ролевых позиций ребенка и матери, которые образуют своеобразный симбиоз. В концепции развития теории психодрамы такое единство называется «*социальная плацента*». В этот период (практически сразу после рождения) начинается формирование и первого личностного эго-состояния «*Ребенка*» согласно теории транзактного анализа. Роль «*Ребенка*» является настолько значимой, что она, хотя и периодически уступает по актуальности другим жизненным ролям на более поздних возрастных стадиях, но не исчезает и остается (вместе с одноименным эго-состоянием) одной из самых развитых жизненных ролей на протяжении всей жизни человека.

После овладения прямохождением и началом развития речи у ребенка появляется новая детская роль «Исследователя». У него резко расширяются возможности познания окружающего мира. Большая часть детской активности приходится на манипулятивную деятельность, которая состоит в изучении физических свойств окружающего мира. Ребенок получает в свое распоряжение много игрушек, исследуя, он иногда ломает их, но это следует считать познавательной, а не деструктивной деятельностью. Роль «Исследователя» также остается на всю жизнь, актуализируясь в разных жизненных ситуациях. Приблизительно в завершение периода раннего детства (от 1 до 3 лет) по данным трансактного анализа у ребенка появляется первый вариант эго-состояния «Взрослого», так называемый «*Маленький профессор*». Это состояние, по нашему мнению, является высшим развитием детского варианта жизненной роли «Исследователя».

Кризис трех лет знаменует не только переход к следующему возрастному этапу (дошкольного детства), но и появление новой жизненной роли «*Играющего*». Эта роль является показателем появления ролевой игры в жизненной активности ребенка. Способность к восприятию знаков и символов (что характеризуется хорошим владением языком и ролевым символизмом) поднимает познавательную деятельность ребенка на более высокую ступень: если до этого он исследовал физические свойства окружающего мира, то теперь ребенок переходит к изучению общественного окружения. Делает это он в основном посредством языка и принятия множества *игровых социальных ролей*. Они являются прообразом будущих взрослых жизненных ролей (например, профессиональных и семейных).

Начиная с 3-хлетнего периода, у ребенка активно развивается самосознание и потребность в самостоятельности (период «Я сам!»), что напрямую связано с актуализацией роли «*Взрослого*». Ребенок в этом возрасте исполняет и другие жизненные роли, например роль «*Почемучки*», т. е. ребенка, задающего множество вопросов взрослому, что подчеркивает приоритет языка в познавательной деятельности (в отличие от предыдущей стадии). В этот период уже довольно сформированы все личностные эго-состояния: «Ребенка», «Взрослого», «Родителя». Последнее актуализируется не только в игровой деятельности (например, в игре с куклами и ролевой игре «Дочки-Матери»), но и в реальных социальных интеракциях с младшими сиблингами, и даже со старшими, например с реальными родителями.

В возрасте 6–7 лет ребенок начинает осуществлять новую для него деятельность – учебную, и у него соответственно появляется новая социальная и жизненная роль «*Ученика*». Эта роль является первой (если не учитывать элементы обучения на предыдущих возрастных этапах) в ряде будущих учебных ролей человека, которые он будет играть, будучи школьником, студентом,

учась на разнообразных курсах, в аспирантурах, проходя разные тренинги и семинары. Учебная деятельность является настолько важной, что ее исследует отдельная психологическая дисциплина – педагогическая психология. Не менее важны и учебные роли, от успешной реализации которых зависит не только результат учебной деятельности, но и успех в социально-психологическом развитии ребенка, социально-психологический статус в детском коллективе и т. п., что имеет чрезвычайно большое значение в развитии его личности.

Подростковый кризис совпадает с периодом пубертатного развития, которое предопределяет формирование таких жизненных ролей, как «*Половые*» и «*Гендерные*». Они уже существовали раньше (ведь ребенок еще с рождения усваивает нормы поло-ролевого поведения), но находились большей частью в латентном виде. В подростковый период эти роли резко активизируются, в связи со стремительным развитием полового и гендерного самосознания и идентичности.

Подросток, переживая потребность быть взрослым, «примеряет» на себя также роль «*Взрослого*», которая выступает в этом возрасте именно как интегральная жизненная роль, а не только как возрастной феномен или эго-состояние. Эта роль связывается, прежде всего, с освоением «взрослой» социальной позиции подростка в общественной структуре, осуществляемой в подростковых группировках, как моделей общества, с примеркой на себя функциональных особенностей «взрослости». Это не всегда совпадает со «Взрослым» эго-состоянием, а часто даже осуществляется из позиций функционального эго-состояния «Адаптивного Ребенка» в позиции «Бунтаря». Поскольку ведущей деятельностью подростка являются общение, а важными потребностями в этом возрасте выступают потребности в группировании и признании в коллективе сверстников, у подростка актуализируются жизненные роли «*Собеседника*», «*Члена группы*» и «*Лидера*».

Младший юношеский возраст – это время социального и профессионального самоопределения. В связи с этим у юноши начинает формироваться прообраз будущих «*Профессиональных*» жизненных ролей. В этом возрасте можно говорить о полноценной самореализации личности, о переходе от социализации к индивидуализации, о развитии субъектных основ индивидуальности. Активное развитие мировоззрения служит причиной появления роли «*Мыслителя*». Рождение первой романтической любви связано с возникновением жизненных ролей «*Любовника*» или «*Любовницы*», которые, трансформируясь со временем, в разных модификациях и вариантах занимают важное место в системе жизненных ролей личности.

Развитие жизненных ролей происходит и на всех последующих этапах онтогенеза. В течение всей жизни человека, при переходе от одной жизненной фазы к другой происходит актуализация разных жизненных ролей в разных

сферах жизнедеятельности человека. В семейной – это роли, сопровождающие изменение семейного статуса: сначала – «Сын», «Дочь», «Брат», «Сестра», потом – «Муж», «Жена», «Отец», «Мать», затем – «Теща», «Дедушка» и т. п. Любые изменения в семейной ситуации (например, рождение ребенка) приводит к переструктурированию всей системы семейных отношений, к возникновению новых и трансформации существующих жизненных ролей членов семьи. Более серьезные жизненные перемены человека также сопровождаются существенными изменениями в семейных ролях. Например, развод и создание новой семьи часто связаны с появлением новых, существенно отличных от прежних жизненных ролей (семейных и межличностных).

Изменения происходят и в сфере профессиональных ролей. В процессе деятельности и восхождения ступенями карьеры человек меняет свои профессиональные роли, соответствующие развитию профессионализации и разному статусу его назначений. Жизненные кризисы взрослого возраста и переход от одних стадий жизни к другим часто сопровождаются и более важными изменениями профессиональных ролей, связанными со сменой места работы и профессии.

6.6. Жизненный кризис как ролевой конфликт

В ходе нормального развития на каждой стадии добавляются новые роли, тогда как отдельные уже существующие роли теряют свое значение или исчезают вовсе.

Грете Лейтц (2007, с. 295)

Жизненные роли личности постоянно развиваются, изменяются, возникают и разрушаются. Эти трансформации происходят в течение всей жизни человека, иначе он не может развиваться. Если они протекают гармонично, т. е. без непомерного обострения жизненных проблем и противоречий, или, по крайней мере, эти сложности продуктивно разрешаются человеком, то можно говорить о его гармоничном развитии.

Но часто изменение ролей происходит с большими трудностями; человек не может самостоятельно их преодолевать, потому что не в состоянии принять новую роль, диктуемую логикой его психосоциального развития. Другими словами, новая социальная роль не становится его жизненной ролью. Например, женщина не может идентифицировать себя с ролью «Матери», или мужчина с ролью «Отца»; человек не может принять на себя роль «Пенсионера» или «Тяжело больного». Бывает, что человек не может отказаться от старой роли, потерявшей свое функциональное значение, приводящей к деформациям и дисгармониям в его поведении и превратившейся в тормоз

личностного развития. Так, люди тяжело переживают изменения старых ролей (скажем, не могут примириться с разрушением межличностных ролей при потере близких людей). Если изменения жизненных ролей человека сопровождаются большими противоречиями и провоцируют психологические проблемы, то развитие идет дисгармонично. В данном случае происходит **жизненный кризис, который можно рассматривать как особый вид ролевого конфликта личности в сфере жизненных ролей.**

Жизненный кризис – это переходной период жизни, когда происходит ломка и активное изменение жизненных ролей личности. Так, характерное для многих кризисов стремление «убежать от себя» – это не что иное, как желание человека избавиться от тех ролей, которые почему-то стали причиной его дисгармоний. Кризис характеризуется невозможностью (или трудностями) усвоить новые жизненные роли, или сложностями оставить старые. Причиной дисгармоний личности, также приводящих к кризису, может быть инфантильность психологических ролей человека, связанная с неразвитостью ее важных социальных функций. Это затрудняет формирование «взрослых» жизненных ролей, что также может приводить к ролевому конфликту.

Жизненный кризис можно сравнить со сменой раковины растущей улитки. В какой-то момент жизни ее панцирь становится тесным, улитка ломает его и некоторое время живет без защитной оболочки, уязвимая и незащищенная, пока не образуется новая скорлупа. Под «защитным панцирем» человека подразумевается система личностных ролей, которые, помимо прочего, имеют и адаптивную, защитную функцию. Как уже говорилось, роли могут выступать в качестве защитных механизмов: человек «надевает на себя маску», чтобы спрятать за ней свое настоящее лицо, стремясь защитить некоторые болезненные стороны своего «Я».

Примером могут служить профессиональные роли, за которыми человек прячет более интимные стороны своей личности. Это может быть одной из причин трудоголизма, т. е. повышенной страсти к работе (по аналогии с термином «алкоголизм» – страсть к алкоголю). Человек избирает деятельность (а ею может быть и какое-то увлечение или хобби), чтобы погрузиться в мир, созданный этой деятельностью, и защититься от реалий жизни, которые для него оказываются травматичными. Кстати, не только роль «Трудоголика», но и роли «Алкоголика» или «Наркомана» также являются стремлением защититься от жизненных неурядиц, бегством от одних жизненных ролей и попытка «спрятаться» в рамках другой роли.

Разрушение ролей, происходящее в процессе жизненного кризиса, всегда сопровождается разрушением их адаптивной, защитной функции: потерей смысла жизни, нарушением адекватного представления о себе, утратой привычных форм поведения, снижением способности создавать новые поведен-

ческие паттерны (в том числе и адаптивные), которых перед этим еще не было, и т. д. Это разрушение не происходит безболезненно, особенно если построение новых ролей или их принятие осложнено.

Как человек переживает кризис? Обострение внутренних противоречий, сопровождающих кризис, всегда затрагивает основные жизненные роли личности. *Кризис – это внутренний ролевой конфликт, переживаемый человеком в переломные моменты жизни, когда необходимость изменения жизненных ролей наталкивается на трудности, которые человек не способен преодолеть сам.* Жизненный кризис – это рубеж между старым и новым опытом, качественный переход из одного состояния в другое. Он, как и всякое изменение, имеет два вида детерминации: внутреннюю (постепенные личностные изменения, приводящие к качественному скачку) и внешнюю (обстоятельства жизни, сложности межличностных отношений, какие-то значительные жизненные события).

Внутренняя детерминация связана с изменением ролевой идентичности, когда развивается потребность стать субъектом новой роли, для которой еще не созданы объективные условия, и возникает представление о себе как о ее носителе. Если новая жизненная роль не может реализоваться в ролевом поведении, это может стать причиной сложного жизненного кризиса с самыми серьезными последствиями.

Примером может служить подростковый кризис, связанный с противоречием между чувством взрослости подростка (он стремится играть новую роль «Взрослого») и непризнанием этой роли окружающими. Нереализованные потребности могут стать причиной девиантного и делинквентного поведения подростка.

Подобное может происходить и во время кризиса 3-х лет, когда активное развитие самосознание и потребности в самостоятельности, не поддержанное взрослыми, собственно и порождает кризис и детский негативизм. Кризис 3-х лет – один из наиважнейших для становления человека, но обычно недооцениваемый (более важным считается подростковый кризис). В этом возрасте формируются основы жизненного сценария, что во многом предопределяет будущую судьбу человека. Вообще, все возрастные кризисы происходят преимущественно под влиянием внутренних факторов, они являются нормативными (то есть происходящими закономерно), их можно рассматривать как противоречивую смену «возрастных» ролей.

Внешняя детерминация жизненного кризиса связана с изменениями обстоятельств жизни человека, когда существующие жизненные роли теряют значение и должны замениться другими, вступая в противоречие с новыми социальными ролевыми ожиданиями. Здесь причиной жизненного кризиса становится необходимость отказа от старых жизненных ролей, которые еще

не отжили, и трудности рождения новых жизненных ролей человека, принять которые он еще не готов.

В уже упоминавшемся романе Марка Твена «Принц и нищий» мы видим пример жизненного кризиса, переживаемого героем, попавшем по воле обстоятельств в водоворот простой жизни, оказавшемся среди людей, которые не признавали в нем принца. Этот кризис имел для него благотворное значение, он вышел из него новым человеком. Положительная трансформация вследствие жизненного кризиса происходит с героями романа Л. Н. Толстого «Воскресенье» Катей Масловой и Нехлюдовым. Реальная жизнь дает множество самых разных примеров, когда внешние обстоятельства (такие, как война, экологическая катастрофа, террор и т. п.) могут возвысить человека, сделать его лучше и выносливее, но иногда они просто ломают судьбы людей.

Способность человека одолевать жизненные кризисы зависит от развития ролевой компетентности личности, которая помогает преодолеть жизненный кризис с меньшими отрицательными последствиями для человека: высокая ролевая гибкость способствует большей легкости, а, следовательно, и гармоничности изменения жизненных ролей; ролевая вариативность помогает компенсировать недостаточно развитые роли другими ролями из богатого ролевого репертуара человека.

Для ролевой компенсации большое значение имеют воображаемые роли, создаваемые активным или пассивным творчеством человека. Они являются важными компонентами внутреннего мира, а значит и жизненного мира личности. Воображаемая роль помогает преодолеть жизненный кризис даже в тех случаях, когда реальные жизненные роли утрачены человеком навсегда или становятся невозможными из-за драматических перипетий судьбы. Человек с богатым ролевым арсеналом, как правило, владеет многими социальными функциями, и потеря некоторых не приводит к личностной катастрофе, так как смысл жизни человека может быть переориентирован на другие ценности. Оставшиеся роли могут компенсировать утраченные. Наоборот, ограниченность ролевого репертуара (например, если человек отдал всю жизнь профессии, не успев создать семью; или если он посвятил себя воспитанию детей, отказавшись от карьеры) может стать причиной жизненной катастрофы, если из-за трагических случайностей человек теряет возможность полноценно реализовать свои основные ролевые функции.

Люди творческих профессий (а талантливый человек, как правило, имеет высокую ролевую компетентность за счет воображаемых, созданных творчеством образов и ролей) преодолевают жизненные кризисы средствами творческой деятельности. В результате – художник или артист, несмотря на внешнее впечатление неприспособленного к жизни и непрактичного человека, переживает критические или драматические события лучше, чем практичный прагматик, которого может сломать неудача в области собственного дела

или карьеры, если в них концентрируется вся его жизнь. Художник всегда несет в себе богатый творческий внутренний мир, как важную составляющую его жизненного мира, который помогает ему не утратить личностной идентичности, даже если «внешний» жизненный мир под воздействием кризиса испытал разрушительные деформации.

Правда, история богата примерами трагической судьбы многих творческих личностей, которые не смогли пережить свои жизненные кризисы. Но здесь причина совершенно в другом – в особенностях жизненного сценария этих людей (подробнее об этом можно прочитать в параграфе 10.7).

Низкая ролевая компетентность, проявляемая в узости репертуара жизненных ролей, также может быть связана с жизненным сценарием человека. Сценарий – это всегда ограничение жизненной активности (ролевого поведения), когда многие формы активности (или многие роли) запрещены или ограничены сценарными запретами. Сценарий часто предполагает главную или доминирующую (иногда почти единственную) жизненную роль, например, роль «*Неудачника*», которая способна поглотить в себя все другие жизненные роли человека. Жизненные роли в процессе своего развития должны пройти этап «*модель (проект) – решение*». Они не должны появляться раньше социальных ролей, а проекты должны быть многовариантными, предполагающими высокую ролевую компетентность. Сценарные роли, наоборот, отличаются своей узостью, ограниченностью, негибкостью. Характерные жизненные роли могут стать сценарными (например, «*Неудачник*», «*Мнимый больной*», и т. д.). Смена сценария или выход из него (как результат трансактной терапии) – это выход из такой жизненной роли. Следовательно, одним из важнейших механизмов жизненного кризиса может стать формирование и коррекция жизненного сценария человека. Но при этом надо, чтобы у него были в запасе другие роли, что опять же предполагает развитую ролевую компетентность. Иначе, выход из сценария может иметь для человека драматические последствия.

6.7. Формы жизненных кризисов

Человек боится не столько окончания собственной жизни, сколько утраты мира, разрыва ролевых и социальных связей и взаимоотношений.

А. Л. Гройсман (1979, с. 196)

Жизненные кризисы очень многообразны, они имеют обширную феноменологию, дающую возможность для различных классификаций и типологий. Например, классификацию можно осуществить с точки зрения содержания и характера психологических проблем или жизненных обстоятельств, послу-

живших причиной кризисной ситуации, а также личностных ролей, которые возникают, развиваются и исчезают. Не претендуя на методологические обобщения, мы предлагаем следующий вариант классификации с позиций ролевой психологии. Исходя из этих соображений, можно рассматривать такие формы жизненных кризисов:

1. Кризисы становления личности. Наиболее характерными среди них являются возрастные кризисы, которые считаются нормативными, т. е. закономерными и необходимыми для нормального процесса становления личности. Возрастным кризисам присущи немалые качественные изменения, происходящие в психологии человека: формирование психологических новообразований, изменение ведущей деятельности и т. д. Но поскольку любая деятельность (игра, общение, обучение и т. д.) предполагает и соответствующую ей жизненную роль, кризисные изменения всегда сопровождаются изменением жизненных ролей человека. Кризисы становления личности характерны не только для детства, подростничества и юности. По мнению многих авторов, вся жизнь человека закономерно сопровождается чередованием определенных периодов. Так, еще древние мыслители делили жизнь человека на *возрасты* или *циклы* (у Гиппократы, например, по 7 лет, у других по 9), начинающиеся и заканчивающиеся переломными, критическими фазами (Толстых, 1988, с. 32–34).

Очень интересную точку зрения на становление личности взрослого человека высказывает современный американский автор Гейл Шихи, которая рассматривает такие кризисы взросления (и здесь прослеживается 7-летняя периодичность): 16 лет – «отрыв от родительских корней»; 23 года – «план на всю жизнь»; 30 лет – «коррекция»; 37 лет – «осознание середины жизни». Эти кризисы, безусловно, связаны с изменениями жизненных ролей человека. Кризисы становления личности во взрослом возрасте могут сопровождаться важными жизненными событиями: сменой профессии, места работы, уходом из семьи или созданием новой, переездом в другой город и т. д. (а иногда и более драматическими, вплоть до самоубийства). Они обязательно предполагают изменение жизненных ролей человека в профессиональной, семейной, межличностной и других важных сферах. Г. Шихи связывает способ переживания кризиса человеком со «стилем проживания жизни», представляющем своеобразные жизненные роли человека: «вечный ребенок», «клозет», «транзит», «интегратор», «наседка», «карьеристка с налаженной семейной жизнью» (Шихи, 1999; Максимов, 1986, 1987).

2. Кризисы здоровья. Часто человек переживает серьезный кризис в связи с потерей здоровья, увечьем или другими серьезными проблемами, которые коренным образом меняют жизнь. Наиболее фрустрирующими кризисными факторами является потеря в связи с изменением здоровья каких-то

значимых жизненных и социальных функций (а, следовательно, и важных психологических ролей), отказ от существенных жизненных планов в связи с невозможностью их воплотить (т. е. отказ от будущих ролей).

3. Терминальные кризисы. Очень серьезными являются кризисы, связанные с терминальными ценностями человека, в частности с возможным или неминуемым близким концом ее жизни. Примеры: известие о неизлечимом заболевании; любые обстоятельства, которые угрожают жизни и которых невозможно избежать; смертный приговор суда и т. п.

4. Кризисы значимых отношений. Чрезвычайно важной является сфера взаимоотношений человека с другими, а, следовательно, значительные изменения в структуре этих взаимоотношений часто сопровождаются кризисами и изменениями жизненных ролей. Наиболее значимыми причинами подобных кризисов могут выступать: смерть близкого человека, вынужденная разлука, измена других людей, развод (что связано с потерей межличностных ролей).

В автомобильной катастрофе погиб единственный сын родителей. Все жизненные перспективы, связанные с ним и его будущей судьбой (а это составляло значительную часть смысла жизни родителей) сразу были уничтожены. А сын (ему было 20 лет) к тому же был очень талантливым, и его ожидало большое будущее. Возраст родителей уже не позволил им мечтать о другом ребенке. Взять ребенка на усыновление они также не решились. Собственная жизнь для них потеряла смысл. Излишне объяснять, что родители пережили один из самых страшных жизненных кризисов.

К кризисным явлениям может приводить и появление новых межличностных ролей. Так, рождение ребенка для семьи тоже может стать причиной кризиса. Как отдельную категорию кризисов значимых отношений можно рассматривать кризисы любви (неразделенная любовь, потеря любви, разочарование в любви).

Девушка познакомилась с юношей на курорте. Оказалось, что они жили в одном городе, и по возвращении девушка мечтала продолжить отношения, так как она, казалось, влюбилась в своего нового знакомого. Дни отдыха пролетели, будто сон. А в завершение поездки молодой человек сообщил, что их знакомство – это хотя и прекрасный, но лишь эпизод в его жизни, и вообще у него есть невеста, которая его ждет. Девушка, поплавав, уже смирилась с судьбой. Но потом она узнала, что невеста бросила юношу, и в сердце снова вспыхнула надежда. Но парень заявил, что не любит ее, и никакие отношения между ними невозможны. Еще не зажила первая душевная травма, а девушка получила новую, еще более сильную: раньше она считала, что есть объективные препятствия (другая невеста), но вдруг оказалось, что ее просто не любят и даже не хотят видеть. И не кто-нибудь, а любимый человек. Девушка пережила настоящий жизненный кризис, который едва не закончился для нее драматически.

5. Кризисы личностной автономии. Причиной кризиса могут быть обстоятельства, связанные с потерей или ограничением личностной автономии

или свободы: попадание в фатальную зависимость от людей или обстоятельств, лишение свободы. Если кризис значимых отношений состоит в потере значимых межличностных ролей, то кризис личностной автономии (представляющий разновидность предыдущего) связан с попаданием в новую нежелательную межличностную роль.

Человек осужден к лишению свободы приговором суда по ошибочному обвинению. До последней минуты, когда произнесли приговор, он надеялся на справедливость. Уже после этого, не веря в возможность такого результата, он был уверен, что новое рассмотрение дела по кассационной жалобе адвоката обязательно исправит ошибку. То, что происходило дальше, было похоже на продолжительный кошмарный сон длиной несколько лет. Просидев две трети срока, человек был освобожден, так как был задержан настоящий преступник. Хоть справедливость, в конце концов, и восторжествовала, человека не миновал жизненный кризис, который наложил отпечаток на всю его жизнь, одним из последствий которого было неверие не только в добро и справедливость, но и в себя, в свои силы и возможности.

6. Кризисы самореализации. Жизненный кризис может наступать вследствие обстоятельств, связанных с невозможностью нормальной, обычной или планируемой самореализации человека: потеря работы, значимой социальной роли (проигрыш на выборах, потеря высокого социального статуса и т. п.), выход на пенсию, банкротство, крах жизненных планов, осознание ошибочности жизненного пути, вынужденное изгнание (например, вследствие социальных конфликтов).

В последнее время приобрела значимость проблема реабилитации пострадавших от экологических, техногенных и социальных катастроф. Это касается не только жертв одной из самых страшных техногенных катастроф человечества – Чернобыльской, но и проблем беженцев (которые стали достаточно актуальными после многих военных и межнациональных конфликтов) и жертв террористических актов. Одна из важных проблем, которые возникают в связи с этим, – это теоретические и практические аспекты кризисной психологии.

7. Кризисы жизненных ошибок. Часто кризисные явления развиваются вследствие совершения каких-нибудь фатальных поступков (кризис, который переживается человеком вследствие совершенной им измены, преступления, даже если это не связано с отбыванием наказания), потеря ценной вещи (автомобиль, дом, квартира; сюда можно отнести и злключения вследствие стихийного бедствия), кризисы греха. Кризисы жизненных ошибок могут быть следствием и неосуществленных поступков, если это имело фатальные или драматические последствия.

Предложенная классификация, конечно, не единственно возможная, ее можно осуществить, используя и другие критерии. Так, весомую роль в харак-

теристике жизненных кризисов играет категория *времени жизни*, поэтому возможно рассматривать феноменологию кризиса с точки зрения характера изменения ролей и временной ориентации личности. Согласно этим соображениям кризисы можно разделить на три типа: а) кризисы с ориентацией в будущее; б) кризисы с ориентацией в прошлое; в) кризисы без четко выраженной временной ориентации.

Кризисы с ориентацией в будущее – это кризисы с *желательной* сменой психологических ролей, когда человек хочет принять новую роль и/или избавиться от старой. Хорошим примером являются возрастные кризисы, когда старая роль уже отживает, но принятие новой осложнено: так, подросток во что бы то ни стало стремится взять на себя роль *«Взрослого»*, но это не получается из-за невозможности реально усвоить эту достаточно сложную роль, или вследствие нежелания взрослых считаться с новой потенциальной ролью подростка. К этому типу относятся и кризисы личностной автономии, когда человек хочет, но не может избавиться от роли *«Заключенного»*, от зависимости от кого-то или чего-то, а также некоторые кризисы значимых отношений (вынужденная разлука), кризисы самореализации (потеря работы) и другие. Для таких кризисов характерно самоощущение, выраженное в словах: *«Скорее бы все это закончилось!»*.

Кризисы с ориентацией в прошлое – это кризисы с *нежелательной* сменой психологических ролей, когда человек не хочет принять новую роль и расстаться со старой, или хочет, но не может это сделать безболезненно. Примером могут быть кризисы здоровья и терминальные кризисы, когда человек не может смириться с новой для себя ролью *«Инвалида»*, *«Тяжелобольного»* или *«Неизлечимо больного»*, и это становится причиной тяжелого кризиса. К этому типу относятся и некоторые кризисы значимых отношений (смерть близкого человека, потеря любви), кризисы самореализации (выход на пенсию) и другие. Для таких кризисов характерно самоощущение, выраженное в словах: *«Как хорошо было перед этим!»*.

В этой главе сделан лишь краткий экскурс в область кризисной психологии с позиций ролевого подхода. О многих из описанных кризисов (*экзистенциальные фрустрации* прошлого, настоящего и будущего) более подробно рассказывается в параграфе 11.5.

Глава 7. Жизненные роли в структуре жизненного мира личности

7.1. Жизненные роли и их содержание: эго-состояния, игры, сценарии, архетипы

Жизнь – это заглядывание в разные зеркала в поисках собственного лица.

Войцех Бартошевский

В процессе социализации у человека формируется определенная жизненная модель: система устойчивых значимых отношений, поведенческие паттерны, иерархия основных видов деятельности. Центральным новообразованием в этой системе являются жизненные роли. Как функциональные единицы социального поведения человека, роли относятся к важным социальным функциям личности и воплощают цели и смыслы человеческой деятельности и поведения. Психологические роли невозможны без представления человека о себе как о субъекте роли (ролевой идентичности), следовательно, они имеют большое значение в формировании Я-концепции личности. Жизненные роли связаны с такими характеристиками жизни человека, как стиль жизни, смысл жизни, жизненный сценарий.

В течение жизни у человека складывается определенный репертуар психологических ролей, которые связаны со структурой его личности. Они определяются не только социальными ожиданиями и группами, в которых функционируют, но имеют и индивидуальную окраску, несут на себе отражение личности. Например, роль «Учителя» настолько разнопланова, что даже характеристики «Строгий учитель», «Учитель-демократ» и т. п., не охватят всех вариантов ролевого поведения, которое у каждого человека будет своим, неповторимым. По большому счету каждая роль является в определенной степени характерной, то есть в ней отражается индивидуальность человека.

В наибольшей степени это справедливо в отношении *жизненных ролей*, занимающих особое место в репертуаре психологических ролей человека и лучше всего отражающих его индивидуальное, личностное содержание. Они связаны с важными жизненными функциями, с личностной идентичностью, имеют большое значение в реализации его жизненного пути. Жизненные роли влияют на основные жизненные стратегии личности, имеют экзистенциальное значение, определяя способ ее бытия. Они, как правило, не исчезают в определенных ситуациях, а существуют на протяжении длительного периода, иногда всю жизнь. Репертуар жизненных ролей всесторонне характеризует индивидуальность человека и наиболее существенные свойства личности.

Жизненные роли и соответствующие им ролевые позиции, как уже отмечалось, имеют двойственную природу. С одной стороны – они связаны с социальными ролями (ролевыми матрицами). С другой стороны – их нельзя сводить лишь к социальным ожиданиям, формирующим ролевое поведение, так как в них воплощается «Я» человека, не существующее в чистом виде, без ролевого компонента. У каждого конкретного человека жизненные роли окрашены собственными сценарными особенностями (которые, возможно, происходят от представлений его родителей в прошлом), чертами индивидуальности и стилевыми характеристиками. Исполнение этих ролей сопряжено с удовлетворением важных личностных потребностей, с жизненными целями, планами и т. п.

Если пользоваться психологической классификацией ролей (см. параграф 1.5) то жизненные роли описываются не только жизненно-временным измерением, где они тяготеют к полюсам «устойчивые, жизненные, закономерные» (хотя следует понимать, что не все жизненные роли являются «закономерными» с точки зрения возрастного развития). С позиций социально-личностного измерения жизненные роли соответствуют личностному полюсу и характеризуются такими качествами, как «личностные, индивидуальные, характерные, неофициальные». В поведенческом измерении они могут занимать любые позиции континуума во всех четырех дихотомических конструктах.

Спектр ролевого поведения, хотя и обусловлен индивидуальностью человека, тем не менее, разнообразнее ее. Личностные роли как своеобразные состояния личности, позволяющие раскрыть определенные грани «Я» и стороны человеческого характера, могут воплощать разные, иногда противоположные (и даже взаимоисключающие) сущности человека. Личностные роли могут порождать как бы разные индивидуальности, разные воплощения личности (связанные с субличностями).

Но возможны ситуации, когда отдельных ролей в этом репертуаре может не хватать, некоторые стороны личности не находят свободного выхода в ролевом поведении, что эквивалентно неразвитости отдельных сторон личности. В лучшем случае – недостающие роли сублимируются в других формах, или компенсируются воображаемыми ролями; хуже – если происходит полное вытеснение в теньевую сферу, или блокирование развития личностных ролей, что равнозначно дисгармоничному развитию соответствующих сторон индивидуальности, депривации жизненных потребностей и т. п.

Это является причиной разных личностных дисгармоний, которые требуют психологической помощи. Самой распространенной формой этих нарушений являются различные варианты *ролевого дефицита*, о чем подробно раскрывается в параграфе 9.1. Некоторые психотерапевтические методики (например, психодраматическая техника «*антиролей*») позволяют не только

выявлять неразвитые личностные роли (они часто оказываются просто заблокированными в процессе ролевого развития личности), но и в определенной мере раскрывать их, что позволяет преодолевать нарушения ролевого развития.

Еще одно весомое подтверждение связи ролей с личностью человека можно найти в концепции эго-состояний Э. Берна (1992). Всем приходилось быть в роли *ребенка, взрослого, родителя*, или, по крайней мере, тесно соприкасаться с ними на протяжении всей жизни. Эти роли по своей значимости далеко выходят за пределы ролевого поведения и становятся важными составляющими личности, связанными с ее структурой. Они входят в состав более крупных ролевых систем и сопряжены с другими психологическими ролями, сценарными формами поведения, трансактными играми и т. п. Важной частью этой структуры являются эго-состояния, которые можно рассматривать как символическое воплощение жизненных ролей человека.

Эго-состояния могут быть связаны с соответствующими ролями, особенно, если речь идет о структурной модели (то есть, о *Детской, Взрослой и Родительской* частях в структуре личности). Но эго-состояния не сводятся к ролям, это разные (нетождественные) феномены (см., напр., English, 1970). Особенно это справедливо для функциональной модели (ролевого взаимодействия, то есть для социального контекста). Так, социальная роль «*Взрослого*», которую стремится играть подросток, и социальная роль «*Родителя*», возникающая после рождения собственного ребенка, далеко не всегда совпадают с одноименными эго-состояниями. Смена эго-состояний не всегда должна сопровождаться выходом их этих ролей или принятием их. В то же время между эго-состояниями и соответствующими им ролями есть тесная генетическая связь. В совокупности они могут рассматриваться как своеобразные жизненные *метароли*. Идентичность базируется на их индивидуальном сочетании (включая взаимные переходы).

Связь между жизненными ролями и эго-состояниями прослеживается и в том, что структура жизненных ролей может рассматриваться в терминах эго-состояний. В каждой жизненной роли можно выделить компоненты, соответствующие определенным состояниям Я. Исполнение роли предполагает их активизацию (катектирование). Разные роли предполагают использование разных эго-состояний или их сочетаний. Есть «*Детские*», «*Родительские*», «*Взрослые*» роли, в которых одно из состояний является ведущим. Такая характеристика жизненных ролей связана не только с характером роли, но и с личностью человека, их носителя. Даже сходные жизненные роли у разных людей могут иметь различную эго-структуру.

Психологическая роль всегда предполагает не только определенный набор функций, но и конкретные модели ролевого поведения. Как для теат-

ральной роли существует текст, где записаны все действия и поступки персонажа, жизненные роли связаны с «жизненными сценариями», в которых в определенной мере запрограммированы жизненные события человека. Сценарий связан с системой установок, влияющих на его поведение, и с совокупностью характерных для данной личности способов решения жизненных проблем, а, следовательно, с жизненными ролями.

Одна из форм реализации жизненного сценария – это *психологические игры*, которые хорошо иллюстрируют идею о том, что «жизнь – это игра». Согласно этому подходу исполнение жизненных ролей действительно происходит в форме транзактных игр, в которых реализуется жизненный сценарий человека. Типология игр, как это будет видно в следующем параграфе, тесно связана с типологией жизненных ролей.

Согласно транзактной традиции, личностные роли связаны не только с играми, но и с такой формой сценарного поведения, как *драйверы* (Kahler, Sapers, 1974), или поведенческими стратегиями, при которых человек выполняет положительное сценарное предписание, нейтрализующее пагубное влияние сценарного запрета (подробнее об этом см. параграф 10.7). За выполнением драйверов «*Будь совершенным!*», «*Будь сильным!*», «*Радуй других!*», «*Упорно старайся!*» и «*Спеши!*» угадываются очертания соответствующих жизненных ролей человека. С драйверами связаны типы личностной адаптации (Ware, 1983; Joines, Stewart, 2002), за которыми также могут стоять соответствующие жизненные роли: «Эмпатик», «Трудоголик», «Бунтарь», «Мечтатель». Связь жизненных ролей с жизненным сценарием прослеживаются и в том, что сценарные запреты можно рассматривать как ролевые ожидания, влияющие на формирование личности и ее жизненных ролей.

В жизненных сценариях содержатся, как правило, бессознательные компоненты психологических ролей. Но на роли влияют не только индивидуальные, но и коллективные формы бессознательного, особенно если речь идет о ролевом самосознании (то есть об осознании себя субъектом выполнения роли), о ролевой Я-концепции человека и ролевой идентичности. Жизненные роли связаны с основами личностной структуры, наиболее глубинными элементами которой являются *архетипы*. Можно предположить, что существуют инвариантные, кросскультурные составляющие жизненных ролей, возможно, закрепленные в архетипической природе человека.

Если проанализировать основные *архетипические фигуры*, то за ними можно выявить максимально обобщенные человеческие образы, которые отражают соответствующие генерализированные роли. Следовательно, под архетипами можно понимать такие роли, которые закрепились в культуре ввиду их ключевого значения или силы влияния на личность и социум. Эти роли являются общими для человеческого общества и имеют кросскультур-

ный (универсальный) характер. Архетипы – это наиболее универсальные из социальных типов человека. Пример архетипического анализа гендерных типов людей (гендерных ролей) исследует В. В. Козлов (2007). Как отдельную категорию жизненных ролей можно рассматривать *архетипические роли*, или роли, обусловленные конкретными воплощениями архетипов. Например, роль руководителя может быть связана с такими архетипами управления, как «отец», «герой», «спаситель» и «царь» (Штайрер, 2001).

Сколько жизненных ролей у человека? По большому счету у каждого из нас одна главная жизненная роль – это «роль себя». В связи с этим мы вводим понятие *интегральной жизненной роли*, которая связана с его сценарием и определяет тип его личности. Она уникально неповторима, поскольку отражает его индивидуальность. Есть типичные формы интегральных жизненных ролей у разных людей – это уже может рассматриваться как типология личности.

Тем не менее, жизненная роль не обязательно должна быть одна. Так же, как личностные черты в дифференциальной психологии группируются в симптомокомплексы, личностные и жизненные роли также объединяются в репертуары, определяющие ролевое своеобразие каждого индивида. Отдельные роли в этом репертуаре имеют тенденцию сочетаться друг с другом (как черты симптомокомплекса). Конкретные жизненные роли в различных личностных сферах (профессиональные, семейные, гендерные и т. д.) вносят определенный вклад в интегральную жизненную роль и несут на себе ее отпечаток. От богатства репертуара психологических ролей зависит развитие ролевой компетентности, о которой говорилось в параграфе 5.4.

7.2. Репертуар жизненных ролей и проблема типологии

Типология жизненных ролей – это научная проблема не менее сложная, чем проблема типологии личности. На современном этапе развития психологии она порождает скорее огромное множество новых вопросов, чем готовые и завершенные ответы. Поскольку жизненные роли определяются важными личностными факторами, мы считаем, что типы жизненных и личностных ролей тесно связаны с типами личности, следовательно, *типология жизненных ролей плавно переходит в типологию личности*. Но в этом вопросе нужно разводить понятия «жизненная роль» и «интегральная жизненная роль». Типология первых относится скорее к *типологии поведений*, вторые фактически являются одним из вариантов *социальных типов личности*. Поэтому мы не делаем методологического различия между «типологией интегральных жизненных ролей» и «типологией личности на основании репертуара ее жизненных ролей», используя для описания обеих подходов понятие «роле-

вая типология личности». Эта позиция требует отдельного теоретико-методологического обоснования, но мы ее используем как рабочую модель.

Следует также различать *структурный* и *типологический* подходы к исследованию личности. Первый является аналитическим и заключается в нахождении отдельных существенных компонентов, общих для всех личностей. Второй подход – синтетический и рассматривает личность как целое, но выявляет ее типичные формы. Эти подходы не являются принципиально различными, как кажется на первый взгляд, возможно даже их объединение. Например, можно рассматривать типы личности, как своеобразие комбинаций отдельных ее структурных компонентов. Так, сочетание этих подходов (построенное на дихотомии 3-х личностных черт) дало типологию личности К. Г. Юнга. В ролевой теории типы также могут быть построены из компонентов ролевой структуры личности (комбинации личностных ролей или ролевых качеств личности).

В различных вариантах ролевых типологий не меньше разнообразия, чем в типологиях личности, и пока не видно попытки свести их хотя бы в какое-то подобие системы. Многие исследования жизненных ролей предлагают даже не типологии, а скорее описания разных типов ролей в отдельных сферах жизнедеятельности человека. Рассмотрим некоторые примеры. Интересным вкладом в ролевую типологию личности является *программно-ролевой подход* М. Г. Ярошевского и соавторов (2000), в котором изложена концепция «научно-исследовательских ролей». Она является обобщением результатов изучения исследовательских стратегий ученых, среди которых наиболее известной является концепция «*типов личности ученого*» Г. Селье (1987). Существует теория Ш. Вегшейдер, которая определяет типы жизненных ролей детей в алкогольных семьях (эти закономерности, конечно, можно распространить и на другие семьи). Самые характерные из этих ролей такие: «герой», «приспособленец», «талисман», «козел отпущения», «потерянный ребенок» (Wegscheider, 1981). Гендерный ракурс жизненных ролей личности как моделей поведения мужчин («неустойчивые», «замкнутые», «вундеркинды», «мужчины, которые никогда не женятся», «воспитатели», «скрытые дети») и женщин («заботливые», «или-или», «интеграторы», «женщины, которые никогда не выходят замуж», «неустойчивые») в контексте психологии жизненного кризиса освещается в работе Г. Шихи (1999, с. 217–294).

Очень интересные решения проблемы типологии жизненных ролей можно получить в связи с типологией транзактных игр и жизненных сценариев. Яркий пример таких ролей представлен в теории Э. Берна: в «играх на всю жизнь» и в «супружеских играх» а также в разнообразных типах жизненных сценариев (Берн, 1988). Само название игр («Алкоголик», «Должник», «Фри-

гидная женщина», «Загнанная домохозяйка» и другие) предполагает наличие жизненной роли человека. Игровые роли «Жертвы», «Преследователя», «Спасателя» в «драматическом треугольнике» (Karpman, 1968), иногда дополняемые другими ролями, например, «Наблюдателя» (см. Clarkson, 1987; Summertop, 1992), также связаны с соответствующими жизненными ролями.

Не менее красноречивая картина жизненных ролей предстает при анализе жизненных сценариев: как общих типов, например, «Победителя», «Непобедителя», «Неудачника» (Берн, 1988, с. 285–287), так и частных – «Бесприданницы», «Золушки», «Красной Шапочки», «Спящей красавицы» и других. Берн анализирует различные типы сценария по формам их протекания, которые связываются с образами мифических героев Древней Греции, безусловно, являющимися особыми персонифицированными (а возможно даже архетипическими) жизненными ролями человека. Он выделил такие типы сценариев: «Никогда» (мифический герой *Тантал*), «Всегда» (*Арахна*), «До тех пор, пока» (*Ясон*, *Геракл*), «После того, как» (*Домокл*), «Снова и снова» (*Сизиф*), и «С открытым концом» или «Незавершенный» (*Фелемон и Бавкида*) (Берн, 1988, с. 287–289).

К. Штайнер и Х. Викофф анализируют типичные мужские и женские сценарии, за каждым из которых, опять же, стоят соответствующие типажи жизненных ролей: «*Матушка Хаббард*», «*Искусственная женщина*», «*Женщина за спиной мужчины*», «*Бедняжка*», «*Непривлекательная красавица*», «*Медсестра*», «*Полная женщина*», «*Учительница*», «*Демоническая женщина*», «*Сильная женщина*», «*Королева пчел*», «*Большой и сильный папочка*», «*Мужчина перед женщиной*», «*Плейбой*», «*Простой парень*», «*Интеллектуал*», «*Женоненавистник*» (Штайнер, 2003, с. 236–273). В рамках транзактного подхода предпринимались и другие попытки личностной типологии (см., напр., Klein, 1985).

Если посмотреть «с другого конца», то в классических теориях личности в личностных типологиях также можно усмотреть ролевую окраску. Так, в отдельных типологиях психологические типы имеют «сценарную» природу, т. е. определяют некоторые типы социального поведения, в которых четко прослеживаются определенные жизненные роли. Так, у Г. Салливана (1999) можно встретить такие типы: «*Самопоглощенная личность*», «*Безнадежная личность*», «*Негативистская личность*», «*Неинтегрированная или психопатическая личность*», «*Заика*», «*Личность, одержимая амбициями*», «*Асоциальная личность*», «*Неадекватная личность*», «*Гомосексуальная личность*» и «*Вечный подросток*» (см. Мадди, 2002, с. 489–490). То же самое можно сказать о типологии «*стилей жизни*» по А. Адлеру (см. Мадди, 2002, с. 495–496), и о *социальных типах характера* по Э. Фромму (1992), которые также имеют социально-личностную природу с ролевой окраской.

Ролевая типология может строиться не только на основании существующих жизненных ролей. Факт наличия вытесненных, заблокированных, неразвитых психологических ролей может быть основанием отнесения к тому или иному психологическому типу. В данном случае речь может идти не просто о типологии личности, а скорее о типах личностной психопатологии.

Мы предлагаем, как наиболее продуктивный, следующий вариант типологии жизненных ролей: «*характерные*» (стилевые, определяемые индивидуальными социально-психологическими характеристиками); «*сценарные*» (формирующиеся под влиянием жизненного сценария и используемые для его реализации); «*смысловые*» (определяемые смыслом жизни человека и основными жизненными ценностями); «*архетипические*» (ролевые воплощения глубинных оснований личности связанных с коллективным бессознательным). Интегральная жизненная роль находится на пересечении этих сегментов и объединяет свойства всех перечисленных частных типов.

Мы предлагаем также вариант типологии личности, который основывается на таких личностных характеристиках, как *локус ролевого конфликта*, *ролевая компетентность* и *репертуар жизненных ролей* личности. Люди отличаются друг от друга своеобразным сочетанием этих качеств. Так люди с экстернальным типом ролевого поведения склонны к внутренним ролевым конфликтам, они ориентированы на социальные нормы, характеризуются нормативностью поведения, иногда – конформностью, часто являются гиперсоциализированными личностями. Люди с интернальным типом ролевого поведения наоборот, склонны к внешним ролевым конфликтам, они ориентированы на спонтанное действие, отстаивание своих интересов, меньше – на общественные нормы, вырабатывая собственные критерии поведения, отличаются нонконформизмом. Вторым критерием выступает ролевая компетентность, развитость которой определяет способность человека решать жизненные проблемы, возникающие в процессе ролевой самореализации личности. Наконец, репертуар жизненных ролей определяет гармоничность и дисгармоничность ролевого развития и своеобразие жизненных ценностей.

Существует много практических методов исследования жизненных ролей человека. Тестовая методика «*Опись Семейного Ролевого Поведения*» (the Family Role Behavior Inventory) (Verdiano et al., 1990) дает возможность определить 4 из 5 семейных ролей, которые описываются в уже упоминавшейся ролевой теории Ш. Вегшейдер.

Очень интересной и диагностически ценной является психологическая техника «*Карта жизненных ролей*» (см. приложение II б), которая используется в психодраме и в других психотерапевтических методах (как индивидуальных, так и групповых) и опирается на концепцию «*ролевого атома*». Человеку предлагается изобразить на листе бумаги основные сферы его жиз-

недеятельности: семейную, профессиональную, спортивную, творческую, общение с друзьями и т. п. В каждой сфере надо обозначить основные роли, которые человек исполняет. Для того чтобы роли были личностно окрашенными, каждой из них следует найти один или несколько соответствующих эпитетов, например: «Любимая и заботливая жена», «Находчивый инженер», «Придирчивый начальник», «Сентиментальный мечтатель». Процедура не только дает возможность рефлексии человеком своих жизненных ролей, но и позволяет выявить определенное взаимодействие между ними (противоречия, конфликты и т. п.).

Для более полного изучения жизненных ролей нами была разработана методика «Репертуар жизненных ролей личности» (см. приложение II в). Для нее были подобраны разнообразные виды жизненных и личностных ролей, которые встречаются в различных литературных источниках. Из предварительного списка, который составил 88 пунктов, после пилотажного исследования на выборке 137 человек в возрасте 18–49 лет (72 % женщины, 28 % мужчины) было отобрано 30 видов жизненных ролей. Были отброшены те варианты, которые получили очень низкие частотные характеристики, неоднозначно трактовались и были не совсем понятными респондентам. Полученный вариант методики был вторично предложен той же выборке респондентов с дальнейшей обработкой методами корреляционного и факторного анализа.

Для исследования жизненных ролей личности следует сопоставить перечисленные в тексте методики виды ролей с 7 разными сферами жизнедеятельности: 1) Детство (родительская семья); 2) Собственная семья; 3) Сфера интимных отношений; 4) Профессиональная сфера; 5) Друзья и неформальные группы; 6) Творчество; 7) Досуг; а также с идеальным образом «Я». Интерпретация результатов возможна тремя способами:

1. Выделение доминирующих видов жизненных ролей в каждой из 7 сфер жизнедеятельности, которые получили наибольшие баллы (для достаточной значимости следует брать не больше 7 ролей), а также получение интегрального результата для всех сфер вместе.

2. Измерение ролевой самооценки личности путем нахождения коэффициента корреляции между реальными оценками и оценками, выставленными для идеала Я. Самооценку можно вычислять для каждой сферы жизнедеятельности отдельно.

3. Пользуясь ключом, благодаря которому все роли классифицируются в 7 ролевых типов, полученных в результате факторного анализа и содержательной интерпретации видов жизненных ролей, исчисляется числовое значение каждого типа. Типы ролей, которые определяются классификацией, такие: «Преследователь», «Жертва», «Спаситель», «Наблюдатель», «Отшельник», «Творческий интеллект» и «Медиатор».

7.3. Жизненные роли, психологическое время и жизненные миры

Если люди в меня входят,
не выходят они из меня.
Колобродят, внутри хороводят,
сквозь мою немоту гомоня.

Евгений Евтушенко

Жизненные роли тесно связаны с понятием *времени жизни* человека. Роль по самой своей природе содержит временной компонент, ведь она предусматривает исполнение, т. е. развертывание во времени системы действий и поступков. Но функционирование жизненной роли не ограничивается физическим временем реального событийного мира. Оно охватывает воображаемое, творческое, мифологическое, трансцендентное время и другие его субъективные проявления (вплоть до таких, которые связаны с болезненной продукцией мозга при психических заболеваниях). В системе ценностных ориентаций и личностных смыслов человека эти субъективные формы личностного времени не менее (а иногда даже более) значимы и «реальны», чем пространство и время физического мира.

Творчество человека – это не только создание творческого результата, но и построение субъективного творческого мира со своим пространством и временем, как составной части *жизненного мира личности*. Психологический пространственно-временной мир человека, следовательно, можно разделить на мир, отражающий события собственной жизни, в основе которого лежит биографическое время, и на обретенные в процессе жизни «присвоенные» миры, заключающие не принадлежащие человеку события окружающего мира. Присвоение чужих жизненных миров может иметь разную степень интериоризации: от простого отражения событий в когнитивной сфере личности до переживания (сопереживания) этих событий, которое является присвоением в полном смысле слова. При этом ценностное отношение к ним приближается к ценности событий собственной жизни.

Человек всю жизнь имеет дело с пересечением и переплетением жизненных путей и жизненных миров разных людей, при которых Значимые Другие как бы входят в его психологический мир со своими пространственно-временными мирами, достраивая и дополняя его. В результате такого присвоения, имеющего отношение к процессу *персонализации* и связанного с феноменом *отраженной субъектности* (Петровский, 1996), наш жизненный мир оказывается обогащенным тем больше, чем более значимы для нас окружающие люди, и чем более развито эмпатийное отношение к ним. Такая

социально-личностная составляющая жизненного мира человека превосходно отражена в концепции *социального атома* Я. Л. Морено (2001а).

Но психологический пространственно-временной мир человека значительно шире, ибо Значимыми Другими могут оказаться не только реальные люди, но и исторические личности и вымышленные персонажи, как привнесенные извне, так и созданные нашим собственным воображением. Основным механизмом «присвоения» здесь выступает не эмпатийное отношение, а ролевая децентрация, то есть проекция своего «Я» в воображаемый мир другого человека. Бедность психологического мира, ограниченность его лишь собственными событиями субъективно переживается как чувство *одиночества*, возникающее даже в тесном окружении других людей, если с ними нет значимого личностного контакта. Кумир, окруженный восторженной толпой поклонников, переживает острое чувство одиночества, если рядом нет того, с кем можно разделить свой душевный мир. С другой стороны, реальное одиночество может компенсироваться «присвоенными» психологическими мирами, в которых персонализированы как реальные, так и вымышленные личности.

Отличным примером присвоения может служить *любовь*, в пользу которой решается дилемма: что лучше – безответно любить или быть любимым. Любить – это присваивать мир любимого, делать его своим собственным, обогащать себя, *переживать*. В истинной любви нет состояния одиночества, есть состояние разлуки – пространственного, но не временного разобщения. Быть любимым не любя – значит оставлять свой мир пустым, лишать себя переживания и творчества в любви. В такой трактовке состояние душевной пустоты и скуки, названное В. Франклом (1990) «*экзистенциальный вакуум*», можно представить как бедность жизненного мира, характеризуемую одномерностью психологического времени личности и отсутствием присвоенных персонализированных миров.

Понятие «*жизненный мир*» опирается, по меньшей мере, на две ключевые категории: «*жизнь*» и «*мир*», о которых великолепно высказались классики литературы: «*Что наша жизнь – игра!*» (А. С. Пушкин); «*Весь мир – театр...*» (В. Шекспир). С этой точки зрения очень заманчивой является метафора жизненного мира личности как сцены, на которой разворачиваются драмы жизненных событий. Эта идея получила воплощение в большом количестве научных разработок, среди которых находится и наша. Ярким примером использования этой метафоры являются книги «*Жизнь как театр*» (Brissett, Edgley, 1975), «*Организация как театр*» (Mangham, Overington, 1987) и другие. К этим идеям близка концепция психотеатра, как средства самотрансформации личности (Allen & Krebs, 1979).

Среди многочисленных ролевых или драматургических подходов, самым известным, является теория и практика психодрамы. Концепция соци-

ального атома Я. Л. Морено обогащает и дополняет модель жизненного мира как сцены или театра, выстраивая субъективную картину социального мира личности. Социальный атом на самом деле представляет собой маленькую вселенную, в которой отдельные элементы – это субъективные миры Значимых Других, объединенные в жизненный мир личности. Эти миры доступны для нашего сознания, мы можем «посещать» их, а с помощью метода психодрамы такие экскурсии становятся более действенными, и миры Других мы можем осваивать, как свой собственный. В этом сущность психодраматического подхода и его базовой техники «обмена ролями».

Среди современных исследований этих феноменов наиболее известной является теория жизненного мира Т. М. Титаренко (2003), опирающаяся на концепцию жизненной компетентности личности и рассматривающая как ключевые характеристики жизненного мира его пространственно-временные координаты. Можно также назвать *концепцию метаиндивидуального мира* (Дорфман, 1993), в которой рассматривается противоречивое единство внутренней (интракорпоральной) и внешней (экстракорпоральной) сторон психических явлений. С понятием жизненного мира связано понятие «ролевая реальность» (Корабльова, 2000). В контексте личностного времени важными элементами жизненного мира можно считать *индивидуальный жизненный хронотоп* человека и *индивидуальную временную трансспективу* (Ковалев, 1991), представляющую собой субъективный обзор жизни, имеющий ценностно-смысловую природу. Персонализированные (присвоенные) жизненные миры, в которые проецирует себя человек, представляют собой пространственно-временные сгустки, где прошлое, настоящее и будущее могут соединяться, меняться местами, проигрываться во множестве вариантов и т. д., следовательно, их можно рассматривать, как *воображаемую временную трансспективу*. Благодаря им личностное время становится многомерным.

Умение таким образом обогащать личностное время присуще творческой личности, которая, овладевая собственной индивидуальной временной трансспективой, достигает высшего уровня личностной регуляции временем, что способствует ее самореализации как индивидуальности. Посредством творчества «чего-то» человек научается творчеству самого себя, самоактуализации, саморазвитию, становится субъектом своей жизни и судьбы.

Следовательно, творчество является одним из способов обогащения психологического пространства-времени через создание воображаемых миров. Расширяя границы своего бытия, человек приобретает возможность дополнительной самореализации, проживая не одну, а как бы несколько жизней, условно становясь тем, кем в реальной жизни ему не суждено стать. Это происходит благодаря ролевой децентрации, то есть своеобразному перевоплощению в объект творчества. Творец идентифицирует себя с образом,

формируемым его творческим воображением, что сопровождается *ролевым переживанием*. В данном случае оно возникает в результате не поведенческого, а чувственного проигрывания социальных и психологических ролей, как задаваемых жизнью, так и создаваемых творчеством: писатель и актер переживают судьбу своих героев, художник находится в пространственно-временном мире созданных образов, педагог живет жизнью воспитанников, ученый создает свою научную картину мира.

7.4. Дисгармонии жизненных ролей и деформация жизненного мира

Таков закон безжалостной игры –
Не люди умирают, а миры.

Евгений Евтушенко

Каждый человек создает для себя свой собственный пространственно-временной континуум. У одного он широкий и многогранный. У другого – ограниченный и однообразный. Отдельные люди имеют разные потребности относительно сложности своего жизненного мира. Кого-то удовлетворяет маленький «микромир», где человек чувствует себя уютно и комфортно, а для другого – он расширяется до огромного государства, а иногда и до безграничной Вселенной, где хочется видеть себя абсолютным хозяином.

Жизненный мир человека можно условно разделить на *внешний мир* – часть окружающего пространства, которую он считает своей жизненной средой, где осуществляет активную жизнедеятельность; и *внутренний* – мир собственного воображения, переживаний, мечтаний и воспоминаний. Эти части жизненного мира неравнозначны и имеют для разных людей неодинаковую ценность. Есть люди, ориентированные на внешний мир, на освоение все новых и новых его элементов (преимущественно – это экстраверты). Яркие представители такого типа – путешественники и завоеватели, т. е. люди, утоляющие огромную жажду к расширению границ своего жизненного мира путем экспансии в окружающую среду. Другие люди имеют доминирующую ориентацию на собственный внутренний мир (преимущественно – это интроверты). Среди них – много художников и поэтов, т. е. людей, которые потребность в разнообразии жизненного мира удовлетворяют за счет построения внутреннего мира, не уступающего по своей значимости реальному.

Жизненный мир человека не всегда формируется согласно потребностям и потенциам личности, на реализацию которых иногда сама жизнь накладывает жесткие ограничения. Когда человек оказывается тяжело больным, «внешняя» часть ее жизненного мира вдруг «сжимается» до четырех стен

больничной палаты. В такой ситуации, если человек не видит положительных перспектив своего положения, ему необходимо помочь их найти. Есть интересный опыт работы с онкологическими больными методом психодрамы: игровое построение жизненных перспектив этих людей помогало им преодолеть жизненный кризис, а иногда и смертельную болезнь (Шутценбергер, 1997).

Еще драматичнее складывается судьба человека, обреченного болезнью на ограниченность до конца своей жизни. Трудно вообразить, что вынужден переживать человек, который, например, оказывается парализованным, или теряет зрение или слух, ноги или руки. Беда, навалившаяся на человека, оказывается настолько тяжелой, что провоцирует серьезный жизненный кризис, из которого очень трудно выбраться самостоятельно, без помощи психолога или психотерапевта. Но даже после успешного преодоления кризиса человеку приходится учиться жить заново, восстанавливать утраченную жизненную компетентность сначала.

Не менее сложно приходится человеку, ограниченному в основных жизненных проявлениях с раннего детства, или с самого рождения. Дети с ограничениями опорно-двигательного аппарата, среди которых можно назвать увечье, паралич конечностей, детский церебральный паралич обречены на постоянную зависимость от человека, который за ними ухаживает, что само по себе является тяжелым жизненным испытанием и способно вызвать значительные психологические проблемы. Жизненный мир ребенка с двигательными ограничениями деформирован тем, что вынужденно имеет резко сокращенную внешнюю часть, в которую входят лишь ближайшие предметы, а для внутренней часть жизненного мира характерно ограничение репертуара жизненных ролей. Для такого ребенка обычные, с точки зрения здорового человека, действия превращаются в тяжелые испытания. Так, путешествие за пределы собственной комнаты без посторонней помощи может стать такой же сложной задачей, как покорение горной вершины, или полет в космос.

Ограничение восприятия окружающего мира, такое, как слабое зрение, слух, слепота, глухота и т. п., также накладывают отпечаток на формирование специфического жизненного мира ребенка, который кроме своей ограниченности отличается нехваткой или отсутствием важных составляющих: то, чего не может воспринимать ребенок, оказывается будто бы за пределами жизненного мира, существует почти виртуально. Для таких детей, а также для других, страдающих немотой, мутизмами, тяжелыми формами заикания, резко сужена коммуникация с окружающими. Между ребенком и окружающим миром вырастают полупрозрачные и непрозрачные барьеры, которые делают этот мир недоступным, недостижимым, словно бы отдаляют его в пространстве и времени.

Дисгармоничность жизненного мира обуславливается не только проблемами, связанными с физическими недостатками. Множество психологических проблем является причиной низкой жизненной (в том числе и ролевой) компетентности, хотя это не так заметно, как в случаях физической инвалидности. «Психологическая инвалидность» также приводит к ограничению репертуара жизненных ролей и обедненности социального атома (взять хотя бы проблему одиночества), мешает полноценной самореализации личности, является причиной многих деформаций жизненного мира, когда он воспринимается как что-то враждебное, выступает источником психотравматизации. Эти и другие перечисленные выше проблемы, так или иначе, связаны с особенностями ролевой компетентности и могут быть разрешены путем ее повышения и усовершенствования.

Для таких людей очень важно (я сказал бы – жизненно важно) расширение возможности общения с окружающим миром. До недавнего времени, чуть ли не единственным окошком в окружающий мир для многих людей с особыми потребностями (как детей, так и взрослых) был телевизор. В современных условиях эту функцию все чаще выполняет компьютер. Глобальная сеть Интернет является одновременно и дополнительным окном в окружающий мир, и средством творческой самореализации. В отличие от телевизора, Интернет дает возможность: а) активности, иногда не меньшей, чем у здорового человека; работа в сети – это не просто восприятие информации, а обмен, презентация собственного Я, творческое самовыражение; б) расширение контактов с людьми, увеличение количества знакомых во много раз; больной вдруг ощущает, что он может быть интересен многим людям и их совсем не пугает его отличие от других; в) создание искусственного имиджа, т. е. возможность представить себя в своих глазах и в глазах других не таким, какой ты есть, а таким, каким хотел бы быть. Таким образом, это позволяет человеку освоить много новых психологических ролей.

Развитие компьютеризации может изменить традиционные представления о двухкомпонентной структуре жизненного мира человека. К реальному внешнему миру и внутреннему миру переживаний и фантазий можно прибавить еще *виртуальный мир*, созданный информационными технологиями. Виртуальная действительность, конечно, несет в себе угрозу вытеснения реальности из жизни человека. Тем не менее, когда мы говорим о людях с ограничениями, для которых реального мира катастрофически не хватает, виртуальный компьютерный мир способен частично заполнить пустоту и помочь преодолеть ее фрустрирующее действие. Кроме того, современный уровень компьютерной техники позволяет приспособить ее к самым разным дефектам и недостаткам. Так, есть компьютеры для слепых, для людей, лишенных верхних конечностей и т. п.

Деформация или разрушение жизненного мира, происходящее во время жизненного кризиса, неизбежно приводит к деформации и ценностно-смысловой трансформации ее жизненных ролей, а также к существенным изменениям в сфере всех психологических ролей, которые входят в метаструктуру ее жизненного мира. Ролевая психотерапия, о которой пойдет речь в третьем разделе книги, призвана помочь решению этих проблем и достижению гармонизации жизненного мира.

Таким образом, с точки зрения драматургически-ролевой парадигмы жизненный мир личности представляет собой сцену, на которой разворачиваются жизненные драмы человека. Психологические роли личности (не только собственные, но и роли значимых людей) занимают важное место в структуре его жизненного мира, следовательно, можно говорить не только о ролевой структуре личности, но и о *ролевой метаструктуре жизненного мира*. Пользуясь этой системой понятий к внешней части жизненного мира можно отнести *жизненные роли Значимых Других* («социальный атом»), к внутренней – репертуар *жизненных ролей личности* («ролевой атом»), а к виртуальной составляющей – *воображаемые роли*, искусственный имидж, возможно, антироли.

Разумеется, драматургический подход не является единственным, кроме ролевой парадигмы возможны и другие основания для изучения жизненного мира. Так, вполне правомерно рассматривать следующую его структуру: а) *физическая* составляющая (объекты и события); б) *социальная* составляющая (роли и интеракции); в) *ментальная* составляющая (ценности и отношения). Такая типология может оказаться достаточно плодотворной при изучении жизненной среды человека, структуры личности, ментальности и других характеристик, но это должно стать предметом отдельного анализа.

Глава 8. Чувства, роли и творчество

Одаренность является одной из наиболее важных высших психических подсистем упорядоченной системы «человек – мир».

В. А. Моляко (2007, с. 213)

8.1. Ролевое переживание: почему без эмоций невозможна роль

...моя нужда в переживании это, на самом деле, нужда в деятельности по созданию и развитию самого себя, это есть путь саморазвития меня как личности.

С. Д. Максименко (2006, с. 172)

Исполнение ролей происходит как на поведенческом, так и на чувственном уровне. Ролевое поведение личности всегда сопровождается особым эмоциональным состоянием – *ролевым переживанием*, которое возникает не только в реальном социальном поведении индивида, но и при исполнении театральных, психодраматических, и даже воображаемых ролей (например, при просмотре театрального спектакля или чтении художественной литературы в процессе идентификации зрителя с героем произведения). В «искусственных» ролях (театральных, психодраматических) ролевое переживание бывает не меньшим, а иногда даже большим, чем в реальных ситуациях, поднимаясь до уровня эмоционального катарсиса.

При «исполнении» внутренних ролей поведенческого компонента нет или он свернут, происходит в воображаемом плане. В то же время чувственный компонент (ролевое переживание) не только не отсутствует, но в отдельных случаях может быть даже сильнее, чем в ситуации реальной роли. Ролевое переживание по своим характеристикам близко к описанному Ф. Е. Василюком (1984) процессу переработки травматического опыта, и может рассматриваться как одна из его составных частей, особенно если это происходит в терапевтическом пространстве, включающем элементы ролевого поведения и творческого самовыражения. Переживание – это важное условие существования внутреннего мира личности (Максименко, 2006). Ролевое переживание является важным компонентом ролевой Я-концепции личности, характеризуя эмоционально-ценностное отношение к себе как к субъекту роли.

Ролевое переживание наряду с *ролевой децентрацией* (способностью к идентификации в процессе принятия роли другого) являются потребностями

человека, формирующимися еще в детстве (например, в ролевой игре дошкольников). Многократное перечитывание любимых и знакомых почти наизусть сказок нельзя объяснить лишь познавательной потребностью ребенка. Существенную роль здесь играет стремление к сопереживанию героям сказки, обязательно подразумевающее представление себя на их месте, идентификацию с ними. Это сохраняется и в зрелости, когда мы порой возвращаемся к старым любимым книгам или вновь с интересом смотрим потрясший нас когда-то кинофильм.

Потребность в ролевом переживании – это потребность в новых чувственных впечатлениях, в новом чувственном опыте, получаемом личностью в процессе исполнения ролей (не только реальных, но и воображаемых, а также искусственно моделируемых – театральных, психодраматических и т. п.), а также в процессе творческого самовыражения. Ролевое переживание включает в себя гораздо больше положительных эмоциональных компонентов, чем отрицательных, а поэтому, будучи столь притягательным для личности (в отдельных случаях оно поднимается до уровня духовного наслаждения, в других – выступает как очищающий катарсис), оно является эффективным средством формирования личности.

Потребность в ролевом переживании (в высшей форме представленное явление *катарсиса*) в той или иной степени всегда присутствует при восприятии художественного творчества, прежде всего, драматургии, кино и литературы. Этим объясняется повышенный интерес к таким жанрам, как приключения, путешествия, фантастика, а также к сюжетам с сильными переживаниями (например, о любви). Ролевой децентрацией, возможностью побыть «другим» во многих случаях компенсируется ограниченность реального жизненного мира. Это относится как к «потребителям» творчества, так и к самим творцам, которые способностями своих героев компенсируют собственные скромные возможности, а описываемыми событиями – бедность и однообразие своей жизни.

Это очень ярко видно на примере работы актера, который буквально живет в своих ролях. Подлинному профессиональному актеру удастся высокая степень психологического перевоплощения в своего героя, что сопровождается переживанием духовного наслаждения. Многие, кому приходилось в своей жизни принимать участие в любительских спектаклях (или в каких-либо других представлениях, например, в психодраматической ролевой игре), помнят ни с чем не сравнимую радость от ролевого переживания, возможности хоть на время побыть другим. На его силу как раз и рассчитывал Я. Л. Морено, разрабатывая метод *психодрамы*.

Ролевое переживание является важным компонентом в структуре ролевого взаимодействия. Фактически, любая роль вызывает массу эмоций и

чувств. Наличие ролевого переживания является индикатором принятия или непринятия роли. В психодраматической теории личности рассматривается понятие *акциональный голод* (по Г. Лейтц, 2007), то есть потребность в действии, в ролевой интеракции. Это важнейшая потребность и движущая сила личности, несомненно включающая в себя потребность в ролевом переживании. Потребность в ролевых переживаниях является одной из движущих сил ролевой социализации, так же как любое переживание – это условие личностного развития (Максименко, 2006).

Трактовка жизни как драматического действия дает возможность рассматривать ролевое переживание как мощное психотерапевтическое средство, как важный терапевтический механизм в психодрамотерапии и других подходах, использующих ролевую игру. С помощью него удастся не только устранить последствия психотравм, но и гармонизировать жизненный мир личности, деформированный или разрушенный в результате жизненного кризиса. Психодрамотерапия в целом опирается на такие понятия, как взаимный *«выбор по чувству»*, *«вчувствование»*, *«сопереживание»*, *«теле»* (Гройсман, 1979), которые могут быть интегрированы категорией *«ролевое переживание»* для описания общего механизма терапевтического воздействия ролевого поведения.

Одним из видов ролевого переживания является *эмоциональное отреагирование*, происходящее в процессе исполнения роли. Примерами могут служить любые театральные роли, художественная самодеятельность, но самыми большими возможностями в этом обладает психодрама. Похожее отреагирование происходит не только в процессе драматической игры, но и, например, в процессе пения. Песня тоже сопровождается ролевым переживанием, поющий всегда идентифицирует себя с лирическим героем, поэтому пение является не просто физиологическим процессом, а ролевым самовыражением (на этих свойствах, кстати, базируется эффективность *вокалотерапии*). Наиболее сильные терапевтические эффекты проявляются в коллективном пении, особенно, если песня имеет для поющего личностный смысл (как говорят – «берет за душу»). Есть потрясающий пример – это песни Высоцкого, которые сами являются мини-ролями. Величайшее эмоциональное самовыражение испытывал не только сам автор и исполнитель, но и все его зрители и слушатели.

Ролевое переживание может сопровождать любой творческий процесс. Кстати, на подобных эффектах фактически основаны все виды терапии творчеством и творческим самовыражением. Одной из самых сильных форм этого переживания является *катарсис* – не только эмоциональный, но и духовный, связанный с экзистенциальным потрясением, трансформационными переживаниями смысла жизни и важных жизненных ценностей, духовно-нравственного очищения.

Любовь и сексуальность тоже связана с ролями и ролевым переживанием. Любовь невозможна без особого эмоционального общения с объектом этого чувства (реальным или воображаемым), оно может рассматриваться как особое ролевое взаимодействие, а чувство любви сродни ролевому переживанию. Кстати, высокий интерес к фильмам и книгам о любви также связан с потребностью в ролевом переживании. Это проявление сублимированной потребности в чувстве любви. Анекдоты на сексуальную тематику (и даже безобидные шутки) – это тоже форма замещения сексуальной активности, своего рода сублимация. Творчество, в котором воплощается несбывшаяся (нереализованная) потребность в любви также имеет своей целью компенсацию или сублимацию. В этом один из возможных механизмов, объясняющих большое увлечение людей эротикой.

Особым чувством или эмоциональным состоянием является *вдохновение*. Поскольку творчество, как было показано, является особой формой ролевого поведения, то состояние вдохновения, сопровождающее пиковые моменты этого творчества, может рассматриваться как ролевое переживание в процессе перевоплощения творца в образы создаваемого им творческого мира.

8.2. «Мы печальны потому, что плачем»

...высший сознательный путь к жизнерадостности, если она нами утрачена, – это взять себя в руки и заставить говорить и поступать так, как если бы жизнерадостность была уже обретаена.

Уильям Джеймс

Обычно потребность в ролевом переживании рассматривается как источник ролевого поведения. Вместе с другими внутренними составляющими роли (такими, как ролевые притязания, ролевая идентичность, ролевая Я-концепция) ролевое переживание, как компонент ролевой Я-концепции, является движущей силой ролевой самореализации. Но возможен и обратный процесс, когда ролевое поведение создает соответствующее переживание.

В конце XIX века независимо друг от друга американский философ и психолог У. Джеймс (1884) и датский медик К. Г. Ланге (1885) выдвинули гипотезу, согласно которой не эмоции являются причиной соответствующих телесных проявлений, а телесные выражения эмоций создают саму эмоцию. Другими словами, по Джеймсу: *«мы печальны потому, что плачем; боимся потому, что дрожим; радуемся потому, что смеемся»*. Несмотря на то, что эта теория представляет сейчас в основном исторический интерес, что она была в свое время раскритикована, как излишне физиологичная (рассматри-

вающая сосудодвигательную систему как первостепенную в возникновении эмоций), в ней содержатся рациональные зерна.

Нечто подобное может происходить при исполнении роли. Даже если роль первоначально была для человека чисто внешней, искусственной, не соответствовала его ролевой Я-концепции, впоследствии она может способствовать формированию его ролевой идентичности, порождает соответствующие ролевые переживания.

Герои французского фильма «Хэппи энд» Винсент и Мелани – бывшие супруги после развода. К ней регулярно приходит любовник, фактически новый муж, учитель ее дочери Жюльет. Мелани ждет от него ребенка. Однажды приезжает ее отец, который ничего не знает о разводе. Мелани просит Винсента прийти к ней пожить на одну неделю, чтобы отец ничего не заподозрил и не расстроился (у него большое сердце). Бывший муж возвращается, и они втроем с их дочерью изображают благополучную семейную жизнь. Эта игра приводит к тому, что у бывших супругов восстанавливаются былые чувства.

Если людям читать лекцию, то далеко не все примут точку зрения лектора (особенно, если она отличается от мнения слушателей). Если человеку самому предложить прочитать лекцию, то вероятность принятия им новой точки зрения будет тем выше, чем активнее ему придется ее отстаивать. Можно заставить человека воспринимать новые мысли другим способом (например, в форме игры), при этом изменение его позиции будет гораздо выше, чем при пассивном слушании. Ролевое исполнение (или игра) способствует переменам в самом человеке. Еще один пример: если человеку предложить рекламировать какой-то товар или агитировать за какую-то партию и т. п., то его симпатии изменятся в пользу того, о чем он будет убеждать других людей. У человека начнет формироваться новая ролевая позиция, обязательно включающая эмоциональный компонент (интерес, симпатию и т. п.).

Это свойство ролевых переживаний, аналогичное закономерностям, описанным в теории эмоций Джемса–Ланге, позволяет им быть мощным средством компенсации при различных психологических проблемах человека. Длительное исполнение ролей влияет на формирование личности, в том числе на его эмоциональную сферу. Мы уже писали об эффекте «прирастания театральной маски», о возникновении личностных изменений (в том числе и деформаций) под влиянием ролей. Ролевое поведение влияет на изменение жизненного мира личности, это используется не только в психотерапии, но и в обыденных ситуациях личностной компенсации. Очень важным оказывается исполнение ролей, недостающих в личностном репертуаре человека (в том числе и воображаемых), а также творчество, особенно сопряженное с ролевым переживанием. Эмоциональная компенсация может происходить с помощью экспрессивных ролей.

Исполнение ролей и творческая ролевая самореализация способствуют компенсации собственного жизненного мира вымышленными мирами (или дополнение своего мира недостающими элементами). Подобная активность помогает реализовать себя в тех сферах, где в действительности это не удается. Так могут быть преодолены жизненные кризисы и экзистенциальные фрустрации (подробнее об этом можно прочитать в параграфах 7.4 и 11.5).

Ролевое переживание имеет исключительное значение в актерской деятельности, на этом, в значительной мере построена известная система К. С. Станиславского. Благодаря доступности для актеров целой гаммы различных и глубоких ролевых переживаний, они лучше других могут компенсировать свои психологические проблемы собственным творчеством. Почти все актеры (удавшиеся) – счастливые люди. Возможность играть, т. е. проживать жизнь своих героев, перевоплощаться, «примерить» на себя другие личности – это прекрасно. Многие актеры мечтают всю жизнь о какой-то особой роли (часто это связано с идеалами, иногда – это попытка побыть тем, кем в жизни не было дано стать, или потребность реализовать теневые стороны своего Я). Роль для них – это возможность пожить жизнью другого человека. Восхищение ролью зрителем – ничто по сравнению возможностью пережить эту роль актером.

Значение ролевых переживаний для актеров так велико, что жизнь на сцене, творческая ролевая реализация может для них почти полностью заменить реализацию в других сферах жизни. Это создает ощущение особой реальности театрального мира, его значительности и возможности вытеснить реалии обыденной жизни, впечатление, что сцена – это настоящая жизнь, а окружающий мир – театр. Вот что говорит героиня повести Сомерсета Моэма «Театр» Джулия Ламберт:

«Но то, что я вижу через эту арку, всего-навсего иллюзия, лишь мы, артисты, реальны в этом мире. Вот в чем ответ Роджеру. Все люди – наше сырье. Мы вносим смысл в их существование. Мы берем их глупые мелкие чувства и преобразуем их в произведения искусства, мы создаем из них красоту, их жизненное назначение – быть зрителями, которые нужны нам для самовыражения. Они инструменты, на которых мы играем, а для чего нужен инструмент, если на нем некому играть? ... Роджер утверждает, что мы не существуем. Как раз наоборот, только мы и существуем. Они тени, мы вкладываем в них телесное содержание. Мы – символы всей этой беспорядочной, бесцельной борьбы, которая называется жизнью, а только символ реален. Говорят: игра – притворство. Это притворство и есть единственная реальность» (Сомерсет Моэм, «Театр»).

На долю зрителя выпадает гораздо меньше. Но и он, приобщаясь к творчеству актера, сам становится «внутренним актером», сопереживая всему, что происходит на сцене, на экране или на страницах романа. Ролевое

переживание здесь имеет первостепенное значение, ибо именно ради него (а не только, даже не столько ради познавательного интереса) люди любят эти виды искусства. Музыка в театре и кино играет ту же роль – помогать создавать и усиливать соответствующее переживание, особенно это справедливо для таких синтетических видов искусства, как мюзикл и оперетта. Люди, не обладающие высокими эстетическими потребностями и утонченным вкусом, тоже прибегают к различным формам ролевой компенсации в упрощенных формах. В этом заключается массовый интерес к телевизионным сериалам и различным «реалити-шоу», в которых можно наблюдать некое подобие реальной жизни.

Ролевому переживанию сродни чувство ностальгии. Когда попадаешь в место, где протекало детство, испытываешь много очень сильных чувств. Воскрешаются сцены из детства, перед глазами встают образы значимых людей, оживают важные события прошлого. Значительную долю этих чувств составляют ролевые переживания, сопровождающие реставрируемые детские жизненные роли. Но это не воспоминания о былых эмоциях, ролевые переживания происходят в новой реальности, они существуют в настоящем, возникая при соприкосновении с воссоздаваемой ролевой ситуацией.

Наверное, все справедливо в меру. Ролевые переживания, возникающие в воображаемом пространстве искусственных ролей хороши, когда нужно с помощью них восстановить нарушенную дисгармонию, т. е. для своеобразной терапии. Но как бывает привыкание к лекарствам, так возможно формирование психологической зависимости от сильных ролевых переживаний. Это лучше, чем наркотическая или алкогольная зависимость. Мало того, поскольку ролевые переживания в психодраме влияют на изменение сознания (см. параграф 2.7), то, как считает Э. Шайффеле (2003), эти состояния (связанные с силой ролевого переживания) могут «конкурировать» с наркотическим или алкогольным опьянением, что делает психодраму хорошим средством профилактики химических зависимостей. Но если страсть к ролевым переживаниям вытесняет нормальные формы ролевой самореализации, это уже похоже на «ролевою зависимость». Одной из ее форм является, например, чрезмерное увлечение ролевыми играми. Близкими к ролевой зависимости формами являются игровая зависимость, компьютерная зависимость, Интернет-зависимость.

Хорошо, когда человек самореализуется во всех возможных сферах, когда свободно раскрываются его творческие возможности, когда человек осваивает больше реальных жизненных ролей. Чтобы использовать потенциал, заложенный в жизненных ролях человека, нужно обладать высоким развитием ролевой компетентности, а также владеть рядом жизненных умений, средств, способностей, которые можно объединить понятием *жизнетворчества* – духовно-практической деятельности личности, направленной

на творческое проектирование и осуществление своей жизни. Основной идеей «концепции жизнетворчества» является представление о жизни человека как творческом процессе.

8.3. Креативность и гармоничность личности

Каждый ребенок отчасти гений, а каждый гений отчасти ребенок.

Артур Шопенгауэр

Креативность, творчество чрезвычайно тесно связаны с психическим и психологическим здоровьем человека. С одной стороны, креативность – это владение личностными ресурсами, использование потенциала в решении не только интеллектуальных, творческих, но и разнообразных жизненных проблем, а это является признаком адаптивности личности, т. е. критерием ее гармоничности. С другой стороны – здоровая личность, как правило, демонстрирует высокие результаты продуктивной деятельности, которая воплощается в творческом отношении к жизни, в жизнетворчестве. Самоактуализированная личность (как идеал здорового и гармонично развитого человека) – это творческая личность. В большинстве психологических и психотерапевтических парадигм (прежде всего – у самого А. Маслоу) это понятия, которые имеют синонимическую природу. Чувство юмора – это признак креативности и психологического здоровья одновременно. Человек, который обижается на юмор, безусловно, имеет психологические проблемы, это может считаться диагностическим критерием наличия проблем, поскольку сильные и продолжительные отрицательные чувства, как правило, связаны с психологической травматизацией. Ведь и творческую деятельность можно рассматривать как средство, а креативность – как результат психотерапевтической помощи. О связи между креативностью, ролевой игрой и личностным ростом можно также найти обоснование у Н. Роджерс (1990), П. Т. Куритца (Kuritz, 1975), Е. Меллу (Mellou, 1994).

Продуктивность креативного подхода в психотерапии можно проиллюстрировать на примере нескольких ведущих психотерапевтических направлений, которые наиболее популярны и признаны в мире. Одним из таких методов является ролевая психотерапия, прежде всего – *психодрама*, которая методологически основывается на теории спонтанности и креативности Я. Морено (1993, 2001б). Три основных понятия, на которые базируется психодрама-терапия, это *спонтанность*, *креативность* и *культурный консерв*. Основная причина психологических проблем, по Морено, это блокирование спонтанности, а средство ее раскрытия – это развитие креативности. Творчество зало-

жено в самой природе психодрамы. Известные британские психодраматисты Пол Холмс и Марша Карп так писали об эффективности психологической помощи личности в предисловии к книге «Вдохновение и техника»:

«Авторы этой книги демонстрируют, какому количеству травмированных и несчастных людей удастся помочь, соединив два очень мощных и очень действенных фактора: вдохновение и технику. <...>

Под вдохновением мы имеем в виду процесс, во время которого творчество и спонтанность позволяют терапевту создать что-то новое и для себя, и для клиента. Чтобы вдохновить другого человека или группу, директору обязательно нужно возвращать ростки изменений. Чтобы стать превосходным директором, требуются воображение, любопытство, игровое начало, эмпатия, риск, самосознание, зрелость и владение мастерством. Можно сказать, что вдохновленный человек впитывает в себя мысли и чувства других и сам зажигается ими. Вдохновляясь, вы как бы обретае новое дыхание. Морено любил повторять, что директор должен быть самым спонтанным человеком в группе. Спонтанность очень заразительна» (Холмс и Карп, 1997, с. 19).

Психодраматическая игра – это в высшей степени творческий процесс, который в отличие от театрального творчества строится не на записанном тексте пьесы или сценарии; сюжет возникает в момент самого разыгрывания темы протагонистом под руководством психодраматиста-режиссера. Именно с креативностью, творческим потенциалом в психодраме связаны основные ресурсы развития личности и преодоление ею психологических проблем.

Очень эффективной современной психотерапевтической системой, которая в последние годы очень бурно развивается, является *транзактный анализ* (см. параграфы 4.4, 10.6, 10.7). Понятие эго-состояния – одно из основных в теории ТА. *Детское эго-состояние* (или Внутренний Ребенок – понятие, которое используется во многих психотерапевтических теориях) – это не только средоточие проблем (комплексов, страхов, травм, всяческих запретов), но и источник энергии; это очень энергетическая и энергетизирующая часть личности. Вместе с тем – это источник творческой интуиции, спонтанности, свободы.

Психологические проблемы личности чаще всего сосредоточены в такой структурной части, которая называется *Приспособленный Ребенок*. Именно там содержатся сценарные запреты, иррациональные страхи и предрассудки (как детские контаминации), память о детских травмах и т. п. Спонтанность связана с другой структурной частью, которая носит название *Свободный Ребенок*. Именно ограничение Свободного Ребенка вместе с состоянием *Контролирующего Родителя* (как источника этих ограничений) является причиной и механизмом психологических проблем человека. Креативность связана с таким Детским эго-состоянием, который получил название «*Маленький Профессор*». Это структурный элемент второго порядка – Взрослый в Ребенке, он фактически является первым Взрослым эго-состоянием. С ним связана также интуиция и творческий потенциал личности. Уже структурная

близость элементов, отвечающих за креативность и связанных с психологическими проблемами, подтверждает положение о связи развития креативности с психотерапевтической помощью и гармонизацией личности.

Творчество и психотерапия настолько близкие понятия, что на их синтезе построена целая группа психотерапевтических методов *арттерапии*, специально использующих творческий процесс как метод психологической помощи человеку. Творчество является методологической категорией такого метода экзистенциальной психотерапии, как *логотерапия* (Франкл, 1990). В этой парадигме рассматриваются три группы ценностей, которые лежат в основе смысла человеческого бытия: ценности *творчества*, ценности *переживания* и ценности *отношения*. Опора на эти экзистенциальные ценности является основой процесса восстановления утраченного смысла бытия и преодоление сложных экзистенциальных проблем человека (обо всем этом подробнее можно прочитать в параграфе 11.5).

С творчеством связаны традиции *трансперсональной психотерапии*, *аналитической психологии* и *психотерапии*. Очень показательной в этом плане представляется, например, концепция творческих сновидений (Криппнер, Диллард, 1997). Еще одним следствием юнгианской психотерапии является *сендплей* – метод детской терапии с использованием песочниц и большого набора миниатюрных игрушек, с помощью которых ребенок выступает творцом «песочного мира» (Штейнхард, 2001; Dale, Lyddon, 2000).

Психологические проблемы очень тесно связаны со сценарными запретами, а сценарные запреты – основная причина ограничения креативности человека. Ведь основа всех сценарных запретов – это ограничение спонтанности, запрет неординарных, непривычных, «неправильных» форм активности человека (собственно его творчества). Это делает проблему развития креативности, воспитания детского творчества чрезвычайно важной не только в плане развития личности, но и в плане ее гармонизации, предотвращения и преодоления многих психологических и психиатрических проблем.

Человек в своем поведении всегда учитывает социальные ожидания, тем больше, чем лучше он социализирован, адаптирован, нормативен. Если общество не заинтересовано в развитии талантов, то не создается соответствующих ролевых ожиданий, что способствует снижению роста способностей среди людей. Избегая ролевых конфликтов, люди чаще избирают социально нормативные формы поведения. Страх критики (в детстве – это страх осуждения родителей) – это еще один источник психологических проблем взрослого человека и одновременно является причиной блокирования творческого потенциала. Об этом подробнее можно прочитать в следующем параграфе.

Часто говорят, что креативность, высокие показатели творчества, связаны с психическими заболеваниями, в частности – с шизофренией. То, что

среди шизофреников встречается много творчески одаренных людей, можно объяснить тем, что при шизофрении наблюдается снижение критичности мышления, которое высвобождает фантазмагорию образов вместо того, чтобы подавлять ее сознательными импульсами. Шизофреник отличается от здорового человека не более высоким творческим потенциалом, а тем, что у него не работают механизмы социального контроля (и критики), он не ощущает осуждения социума, так как не находится с ним в достаточном контакте.

8.4. Что на самом деле движет развитием способностей?

Каждый – ребенок художник. Трудность в том, чтобы оставаться художником, выйдя из детского возраста.

Пабло Пикассо

Давно подмечена такая особенность: развитие культуры, появление и развитие талантов, ее представителей и движителей, происходит крайне неравномерно. Отдельные страны и цивилизации стремительно вырываются вперед и опережают остальной мир в культурных достижениях. Другие как бы пребывают в заторможенном состоянии. В разное время разные культуры оказываются в позиции лидеров. Стремительный взлет может смениться длительным застоём, развитие культуры как бы замирает на долгое время, давая возможность быстрого подъема в другом месте.

Во все времена существовали центры цивилизации – места, где, казалось бы, сама земля благодатна для рождения талантов и где «плотность» гениев, появляющихся в сравнительно короткий исторический отрезок во много раз выше, чем в других, даже густонаселенных местах. Можно привести множество примеров таких «оазисов» цивилизации и культуры и сформулировать различные объяснения этому феномену. Скажем, Париж 1-й половины XIX века и Петербург 2-й половины XIX века, являясь такими центрами, бесспорно «притягивали» к себе деятелей культуры, которые стремились туда отовсюду, в том числе и из других стран.

Однако, например, расцвет древнегреческих Афин в VI-V веках до н. э. и итальянской Флоренции на рубеже XV-XVI веков нельзя объяснить миграционными процессами, которые в те времена были совершенно незначительными. В этих местах на небольшом участке земли рождалось и одновременно жило столько гениев в самых разных областях, что они могли совершенно случайно ежедневно встречаться друг с другом на улице.

Эти данные противоречат закономерностям статистики и теории вероятностей, согласно которым должна была бы наблюдаться совершенно иная картина, основывающаяся на законах нормального распределения. Вряд ли можно всерьез принимать и теорию расового превосходства или неполно-

ценности, согласно которой была бы невозможной эстафета лидерства в культурном развитии между различными этническими группами, государствами и цивилизациями.

Наиболее естественное объяснение, данное еще представителями культурно-исторической теории, состоит в том, что условия воспитания талантов в разных местах неодинаковы. Именно они сформулировали тезис о культурно-историческом наследовании способностей, согласно которому их развитие происходит в процессе овладения человеком культурой и человеческой деятельностью, то есть интериоризации закрепленных в объектах культуры и орудиях деятельности овеществленных человеческих способностей (Выготский, 1983; Леонтьев, 1981).

Все это совершенно справедливо, когда речь идет о способностях среднего уровня. Если же изучать высшие уровни развития способностей – *талант* и *гениальность*, то можно прийти к выводу, что их появление подчиняется совершенно иной логике, часто вопреки закономерностям педагогических систем, согласно которым таланты должны чаще появляться там, где существует хорошая школа. На деле же мы не только не всегда имеем таланты там, где есть все формальные условия для их развития, но и часто наблюдаем их спонтанное появление там, где условия похуже, и вероятность, казалось бы, должна была свидетельствовать об обратном. Это относится, прежде всего, к специальным и творческим способностям, которые менее детерминированы генетически, в отличие, например, от общих (интеллектуальных) способностей (см. Дружинин, 2002).

Существует такой фактор, как *личность учителя*, который, вероятно может играть весьма существенную роль. Но еще не до конца выяснены психологические механизмы влияния самого человека (его личности, субъектности) на развитие собственных способностей. Можно сделать вывод, что помимо биологических и культурно-исторических факторов развития способностей существуют другие важные условия, заключающиеся в социально-психологической ситуации и в особенностях как самой личности субъекта, так и его значимого социального окружения.

Можно говорить о таком понятии, как *творческий потенциал культуры* (культура здесь понимается в социально-психологическом, имеющем отношение к общностям людей, а не только в аксиологическом смысле), который определяет потенциальные возможности представителей конкретной культуры в создании творческих произведений. Этот потенциал связан с особыми свойствами группового сознания и бессознательного, влияющими на творческое развитие отдельных членов этих групп.

Социо-культурный творческий потенциал не является простой суммой творческих потенциалов представителей конкретной культуры, точно так же

как группа не является простой суммой индивидов, а подчиняется социально-психологическим законам, не сводимым к психологии отдельного человека. Он характеризуется как уровнем развития позитивных культурных достижений общества (усвоение которых способствует творческому развитию отдельного индивида), так и особыми социально-психологическими условиями, с которыми взаимодействует личность.

Среди этих условий важное место занимают *нормативно-ценностные факторы*, влияющие на формирование ролевых и поведенческих стереотипов, социальных норм, ролей и т. п. Эти стереотипы создают ролевые ожидания, которые в свою очередь формируют ролевое поведение и ситуацию ролевого развития. Примером такого развития может служить появление множества военных талантов в годы войны, когда возникают социальные ожидания к проявлению такого рода активности. Ролевые ожидания характеризуются не только потребностью в определенной деятельности, но и верой в способности к такой деятельности, как со стороны социума, так и самого субъекта.

Можно привести пример сына колокольного мастера Бориски (в исполнении Н. Бурляева) из фильма Андрея Тарковского «Андрей Рублев». Мальчик солгал, что знает секрет отливки колоколов своего покойного отца, взявшись руководить литейными работами. Когда люди, поверив ему, начали ожидать от него высокого результата, своеобразного чуда, это чудо произошло: не зная рецепта колокольной бронзы, он заново открывает его и создает шедевр – прекрасного звучания колокол.

Если от человека ждут высоких результатов, вероятность этих результатов возрастает. Вера в то, что человек может создать шедевр, увеличивает его способности. Наоборот, неверие в свои возможности мешает совершить даже посредственное. В средневековой Флоренции гениальность считалась нормой. Великие шедевры не рассматривались как что-то бесконечно Далекое и недостижимое. Они творились реальными людьми, которых все знали, у которых учились мастерству. И талантливый ученик не видел причин, по которым он не мог бы достичь такого же совершенства. Следовательно, можно утверждать, что развитие таланта происходит благодаря взаимодействию внутренних и внешних причин, культурно-исторических и личностных факторов, социо-культурного творческого потенциала и самоотношения человека.

Существует шутка о том, как Альберт Эйнштейн на вопрос о том, как ему удалось открыть теорию относительности, якобы ответил: *«Все знали, что этого не может быть. Я оказался настолько невежественным, что не знал этого»*. Это еще раз косвенно подтверждает предыдущие рассуждения, ведь незнание того, что ты не можешь, равносильно уверенности в том, что ты можешь. Поэтому многие небезосновательно считают всех детей талантливыми, ведь дети еще не знают о границах своих возможностей. Это потом жизнь ставит их «в рамки», «обрезает крылья» и т.п. Первоначально эту роль

выполняют родители ребенка, педагоги (и другие Родительские фигуры), «помогая» ребенку увидеть и понять свои ограничения. Затем эту функцию выполняют другие общественные институты.

Один из механизмов нивелирования талантов состоит в общественной критике. Общество ожидает «нормального» поведения, а креативное поведение часто выходит за пределы нормы, может казаться странным. Поэтому общественное мнение бывает очень критичным ко многим проявлениям творчества, особенно неординарным, ни на что не похожим, выходящим «за рамки». Большинство людей боится этой критики, избегает участи прослыть чудаками, а потому не используют все ресурсы собственной креативности. Общественный критик в процессе взросления человека интериоризируется (почти как по Выготскому) и «поселяется» внутри него, не давая «высовываться», не позволяя реализовать даже существующий творческий потенциал.

Позитивные ролевые ожидания, характерные для высокого развития социо-культурного творческого потенциала, снижают внешнюю критику и укрепляют творческие возможности. Отсутствие позитивных ожиданий, наоборот, создает тормозящий эффект. Только подлинно творческая натура не боится критичного отношения, потому что ей часто просто нет дела до того, что творится в реальном мире, ибо обычно творец пребывает в своей, созданной своим творческим воображением вселенной. Описанными закономерностями можно также объяснить факт, что некоторые нации опережают других в развитии таланта. Например, среди евреев встречается относительно больше одаренных личностей, потому что их с детства готовят к такой роли. Представителям этой этнокультурной группы на протяжении всей истории приходилось доказывать свое право на самобытность, противостоять другим в отстаивании собственной идентичности.

Эти закономерности используются в практической психологии. Эффект творческого раскрытия при блокировании критики характерен и для такого популярного метода групповой стимуляции творчества как *брейнсторминг*. Первая фаза этого тренинга, как известно, происходит при запрете каких бы то ни было критических высказываний по поводу генерируемых идей. Поощряется только фантазия – чем оригинальнее, тем лучше. Если отсутствие ролевых ожиданий мешает формированию ролевого поведения личности и творческому самораскрытию, то искусственно создаваемая роль способствует обратному. О творчестве в состоянии внушенной роли мы уже писали в параграфе 2.7.

Часть III

Ролевая психопатология и ролевая психотерапия

Глава 9. Ролевые дисгармонии личности

9.1. Ролевые девиации и дисгармоничное ролевое развитие

Проблемы и противоречия ролевого развития и ролевой социализации становятся причиной многих личностных дисгармоний, которые можно анализировать с позиций разных подходов. В психодраматической теории личности основу психопатологии Я. Морено усматривает в нарушении последовательности формирования первичных ролевых категорий в процессе ролевого развития (подробнее см. параграф 4.3). В данной теории исследуются различные ролевые дисфункции, среди которых представляет интерес *ролевая недостаточность* или *ролевой дефицит*, проявляемый в двух формах: первичный (недоразвитость ролей) и вторичный (атрофия ролей).

Первичный ролевой дефицит – это задержка ролевого развития, связанная с блокированием важных потребностей, вследствие чего жизненная роль не формируется, или развивается неполно. Ролевой дефицит может иметь место тогда, когда определенные роли прямо или косвенно запрещались в детстве, не поощрялись, или наталкивались на отрицательную оценку значимого социального окружения. Например: вследствие того, что у девочки не поддерживаются проявления чувственной женственности, у нее не развивается роль «любовницы», что чревато впоследствии ее проблемами в интимной сфере.

Вторичный ролевой дефицит или *атрофия жизненной роли* – это потеря ролью ее функциональных особенностей, сокращение сфер применения в результате ограничения ролевого поведения, продолжительного пребывания психологической роли в латентном виде и т. п. Атрофия роли возникает тогда, когда вследствие различных социальных причин исполнение ролей становится невозможным. Скажем, после продолжительного тюремного заключения человек частично или полностью может утратить многие жизненные роли, которые не реализовались в условиях социальной изоляции.

Атрофия ролей, как и другие виды ролевого дефицита, является причиной обедненности личностного ролевого репертуара. Личностные роли – это формы проявления человеческой индивидуальности, воплощаясь в социальном поведении, они, тем не менее, выражают личностные типажы, характеры. Несформированность отдельных личностных ролей эквивалентна неразвитости соответствующих сторон личности человека из-за того, что эти сферы жизнедеятельности когда-то подавлялись, вытеснялись, не получили должного развития.

Компенсировать неразвитые личностные роли, восстановить утраченную спонтанность помогает психодрама, в частности техника «личностных анти-

ролей». Происходит это следующим образом. Психодраматическая группа находит для каждого ее участника личностную роль, в наименьшей мере соответствующую особенностям его поведения. Важно не просто найти роли, отсутствующие в ролевом репертуаре (многие из них просто чужды человеку по его складу характера), а выявить те формы ролевого поведения, которых не хватает человеку для полноценной самореализации. Исполнение антиролей в специальной психодраматической групповой игре позволяет раскрыть значительные, ранее заблокированные, ролевые ресурсы, например, высвободить вытесненные проявления агрессивности или сексуальности, дать выход чувствам, которые до этого считались невозможными, выйти за рамки сценарных запретов. Повышается ролевая компетентность, а это содействует самопознанию и решению многих психологических проблем.

Ролевой дефицит связан с «*феноменом сожаления о роли*». Человек всегда склонен сожалеть о потерянной роли, какова бы она ни была, переживать ее как потерю частицы самого себя. Даже роли, которые мы считаем негативными, когда они утрачиваются, становятся прошлым, способны помимо отрицательных эмоций вызывать положительно окрашенные эмоции и чувства. Так, бывшие военные вспоминают боевые будни не только как кошмар встречи со смертью, но и как эпизоды пиковых экзистенциальных переживаний. Можно привести и юмористический пример героя из кинофильма «Джентльмены удачи» Василия Алибабаевича, который с сожалением и завистью восклицает: «*А в тюрьме сейчас – макароны!*». Сожаление о роли – это переживание травмы при деформации «ролевого атома».

В рамках концепции ролевого конфликта рассматривается связь ролевых дисгармоний с такими личностными характеристиками, как локус ролевого конфликта и ролевая компетентность. Так, крайние *социально неадаптивные формы интернальности* ролевого поведения могут приводить к психопатическому развитию личности. Крайние *социально неадаптивные формы экстернальности*, провоцирующие внутренние ролевые конфликты, часто являются причиной невротических и психосоматических проблем. Одна из причин такого развития связана со сценарными запретами.

Экстернальность локуса ролевого конфликта, выражаемая степенью зависимости поведения от социальных ожиданий, может отражать уровень зрелости личности: чем меньше зависимость, тем выше зрелость. Однако, для инфантильных личностей тоже возможна независимость от ожиданий, в этом случае человек их просто не чувствует, не «прочитывает» или не замечает. Мы здесь наблюдаем закономерность, выраженную в диалектике взаимодействия внешних и внутренних факторов развития. Личность – это социальная сущность человека, в том числе отражающая зависимость от социальных ожиданий. Если пользоваться ананьевской концепцией развития

человека («индивид – личность – индивидуальность»), то независимость от социума на зрелом уровне развития соответствует «индивидуальности», а на незрелом – индивидуальным характеристикам.

Личностные дисгармонии связаны также с ролевой компетентностью, которая определенным образом обуславливает целостность личности. Чем богаче система жизненных ролей человека, тем многоаспектнее его социальное лицо, многограннее его взаимодействие с разнообразными социальными ситуациями, к которым он может лучше адаптироваться. Для такой личности явление атрофии ролей, происходящее в критические моменты жизни, не будет столь патологическим, ведь утраченные роли могут быть замещены другими, в том числе и воображаемыми. От ролевой компетентности зависит способность человека преодолевать жизненные кризисы, которые можно трактовать как изменение жизненных ролей личности (см. параграф 6.6).

Как мы уже писали, люди творческих профессий, талантливые люди успешно преодолевают жизненные кризисы средствами творческой деятельности. Но творчество помогает не всегда. Если ролевая компетентность творческого человека недостаточна, если ее ролевое функционирование в реальном мире ограничено, то очень узкие цели творчества не способны защитить такого человека от отрицательных последствий жизненного кризиса.

Развитие и изменение жизненных ролей личности происходит по определенным закономерностям: ранние инфантильные роли не исчезают бесследно, а превращаются в своеобразную символическую функцию. На любом возрастном этапе возможна регрессия на более ранние стадии с актуализацией инфантильных ролей в результате переживания человеком психической травмы, дистресса или в процессе психотерапии. У некоторых личностей инфантильные роли фиксируются и остаются актуальными на последующих жизненных стадиях. Бывает, что новые роли не формируются, или, существуя номинально, как социальная функция, не становятся жизненными ролями личности. Развивается *ролевой инфантилизм*, то есть фиксация на инфантильных жизненных ролях при неразвитости «взрослых» паттернов ролевого поведения. Ролевой инфантилизм – это несоответствие ролей возрастной стадии ролевого развития. Он проявляется в преобладании детских форм ролевого поведения, например: в сфере семейных ролей роль «мужа» (или «жены») замещается ролью «ребенка».

Еще одной формой личностных ролевых дисгармоний являются *ролевые девиации*, то есть значительные отклонения психологических ролей от общепринятых норм и образцов поведения. Примером может служить ролевое поведение *антисоциальной личности*, для которой характерны аномалии ролевого развития, а также социальные роли так называемого *криминогенного типа личности*, функционирование которых сильно отклоняется от общест-

венных нормативов. Эти нарушения могут быть обусловлены не только искривлениями в моральной сфере человека, в отдельных случаях они связаны с клиническими синдромами личностных расстройств. Но, так или иначе, *девиантное и делинквентное поведение*, как правило, сопровождается аномалиями ролевого развития. Особой формой ролевых девиаций являются *поло-ролевые девиации*, описанные в последнем параграфе этой главы.

Некоторые ролевые патологии связаны с психиатрическими проблемами. Речь идет об исчезновении грани между личностью и ролью. Художник, творец может настолько вжиться в мир своих героев, что он представляется едва ли не более реальным, чем его собственный мир. Однако грань между реальным и воображаемыми мирами для нормальной психики никогда не исчезает и может служить критерием различия нормы и патологии. У истероидных психопатов, как известно, наблюдается склонность верить в плоды собственных фантазий, которые они начинают считать реальными событиями. Некритическое принятие роли, фантастическое перевоплощение, признание себя другим лицом (например, исторической личностью) характерно и для некоторых форм шизофрении. Параноидный бред – это патологически неправильное истолкование ролевого поведения людей, прежде всего – мотивов и смысла поступков.

Такое серьезное личностное расстройство, как раздвоение (диссоциация) личности тоже можно связать с ролевой теорией: по сути – это расщепление личностных ролей, когда они теряют связь друг с другом. Отдельные субличности (со своими жизненными ролями) автономизируются настолько, что личность теряет целостность и как бы расщепляется на несколько частей. Это крайняя (патологическая) форма изменения сознания.

Частичное или полное исчезновение грани между реальным и воображаемым миром наблюдается в суггестивных состояниях, особенно в гипнотическом (мы писали об этом в параграфе 2.7). Восприятие действительности под гипнозом похоже на искусственно спровоцированные галлюцинации. Но это явление не является патологическим и свойственно многим нормальным личностям с повышенной внушаемостью.

9.2. Ролевые конфликты: феноменология проблем

Конфликты имеют большое значение в нашей жизни. Это – модель общения, взаимодействия, без них нет сюжета художественного произведения. Конфликт – это противоречие, которое является движущей силой развития взаимоотношений между людьми. Он зависит от ситуативных факторов, но связан с конфликтностью как свойством личности, как чертой характера человека.

Конфликтное поведение может трактоваться как особый вид ролевого поведения, как личностная или характерная роль (роль «*Конфликтующего*» или «*Конфликтной личности*»). Конфликт может быть запрограммирован, как роль, он может быть средством *манипуляции* и *психологической защиты*, в этом случае его исход должен быть выгоден манипулятору. Поведение манипуляторов и актуализаторов (противоположных первым) тоже может рассматриваться, как личностные роли. Существует много своеобразных «ролевых» тренингов, в которых обучают искусству манипулирования людьми, только один Карнеги (1992) и его «учение» чего стоит.

Конфликт очень тесно связан с *жизненным сценарием*. Э. Шостром (1992) рассматривает проблему развития личности манипулятора по типу формирования жизненного сценария. Ведущую роль здесь играют образец поведения в родительской семье. Психологические (трансактные) игры тоже сродни манипулированию. Игры выступают средством реализации сценария и компенсации психологических проблем, среди которых конфликт является одним из самых важных. Для них свойственны игровые роли, в том числе – роли манипуляторов и конфликтующих.

Среди различных видов конфликтов довольно распространенными являются *ролевые конфликты*. Они представляют собой серьезные социальные, социально-психологические и психотерапевтические проблемы, связанные с личностной и социальной самореализацией человека, и, так или иначе, причастны ко всем другим формам ролевых дисгармоний.

Ролевой конфликт (о его закономерностях см. параграф 2.5) связан с трудностями принятия роли. *Принятие роли* (своей) – это процесс, когда личность соглашается исполнять данную роль, присвоить ее (внешне и/или внутренне), оправдать ролевые ожидания, которые являются внешними по отношению к субъекту принятия роли. Принятие роли может быть внешним (поведенческим), и внутренним (на уровне ролевого переживания). Полное принятие роли происходит на всех уровнях. Противоречия, связанные с неполным (частичным) принятием является причиной внутреннего ролевого конфликта, и требуют консультативной помощи.

Принятие роли другого – это способность войти в положение партнера по взаимодействию, при этом идет подстройка ролевых ожиданий под предлагаемую роль партнера. В данном случае, по отношению к субъекту «принятия роли другого» ролевые ожидания являются внутренним, а роль – внешним феноменом. Противоречия, связанные с неполным (частичным) принятием роли другого является причиной внешнего ролевого конфликта, и тоже требуют консультативной помощи. В процессе художественного творчества (и его восприятия) также происходит принятие роли («перевоплощение» в изображаемого персонажа).

Взаимная ролевая адаптация – это взаимное принятие ролей каждым из партнеров ролевого взаимодействия, когда оба знают, что от него хочет другой (другие), и в значительной мере учитывает эти ожидания. С другой стороны, они не строят ложных ожиданий и принимают (по мере возможности) друг друга такими, какими они есть. Практически это можно реализовать с помощью составления контракта между партнерами, когда сначала каждый декларирует то, что он может и хочет изменить в своем ролевом поведении. Потом, все что человек не может и не хочет изменить, должно быть записано в графу «Отказ от ненужных ожиданий» другими партнерами.

Случай из практики. Елена (24 года), студентка консерватории, обратилась за консультацией по поводу своих неадекватных эмоциональных реакций, происходящих в самый неподходящий момент. Например, на экзамене в ответ на замечание экзаменатора она может громко рассмеяться, создав впечатление дерзкого человека. Такие реакции возникают у нее, как правило, в ситуации психологического дискомфорта. Выяснилось, что Лена не приемлет профессиональный подход своего нового преподавателя. Методы прежнего педагога девушка полностью разделяла и считала единственно правильными. Под его влиянием у студентки сформировалось устойчивое представление о профессиональной роли исполнителя. Однако после смерти своего учителя она была вынуждена перейти к другому преподавателю, который предложил совсем другую методическую систему.

Девушка столкнулась с противоречием между различными вариантами одной роли. Поначалу ситуация напоминала конфликт ролевых ожиданий, однако выяснилось, что предыдущие требования успели стать собственными убеждениями Лены, она не без основания считала тот подход более прогрессивным. Налицо внутренний ролевой конфликт, как противоречие между ролевой Я-концепцией личности и исполняемой ролью.

Психотерапевтическая помощь в данном случае облегчалась высокой самооценкой профессиональных способностей Лены, и значимостью для нее личностных ценностей. Анализ возможных альтернатив выявил не два, а три варианта: 1) подчиниться требованиям педагога и успешно закончить консерваторию, отказавшись (на время) от достижения вершин профессионализма; 2) отстаивать свою позицию, сулящую больше возможностей для будущего мастерства, но с риском конфликтных взаимоотношений с ближайшим окружением; 3) найти еще одного педагога, методы которого соответствовали бы представлениям студентки, один из выходов – зарабатывать деньги на частные уроки. Сориентироваться в осознанных альтернативах помогло психодраматическое моделирование возможных вариантов будущего. Была начата внутренняя работа, которая со временем обязательно приведет к нужному решению.

Средством защиты от ролевых конфликтов может стать уход из одной (конфликтной) ролевой ситуации в другую. При этом используются дефензивные свойства новой роли и новой ролевой ситуации, своеобразная «защитная одежда» роли. Мы уже писали, что роль помогает скрывать истинные чувства, мысли, намерения. Классическим примером этого может служить роль разведчика. Ему приходится изображать образ другого человека, который

вплетен в придуманные жизненные обстоятельства, своеобразный сценарий (который называется «легендой»). Именно ролевая игра помогает разведчику создать совсем другой образ, за которым можно спрятать свое истинное лицо. Интересно, что в обыденной жизни мы часто являемся такими же «разведчиками», скрывая свое истинное «Я» перед людьми, которых считаем своими врагами (иногда без достаточных оснований). Важная роль здесь принадлежит имиджу как роли и как психологической защите.

Еще Морено отмечал, что человек, исполняющий роль, бывает более спонтанным, чем, будучи самим собой. Роль снимает необходимость защищаться, так как внешние оценки относятся к роли, а не к собственному Я. Это используется в психодраме, когда необходимо лучше раскрыться. Говорить о себе (как хорошее, так и плохое) очень сложно; говорить о себе как о другом человеке в третьем лице (из другой роли) гораздо проще, в этом случае минуются психологические защиты. Человек, играющий роль, может преодолеть собственные комплексы, на этом построено использование ресурсных ролей (см. параграф 10.4). Заикающийся утрачивает свой дефект во время исполнения роли (такие примеры есть даже среди профессиональных актеров). То же самое происходит, если нужно петь (пение – это тоже мини-роль).

Для создания защитных свойств роли большое значение имеют ролевые атрибуты, одежда, грим. Парадоксально, но иногда даже нагота человека может служить своеобразной «ролевой защитой», если она связана с ролью. Так, по мнению даже очень застенчивых актеров и актрис, совершенно не склонных демонстрировать свое тело, когда приходится сниматься в кино в интимных эпизодах, требующих откровенности чувств, роль снимает страх наготы, и исполнители начинают вести себя совершенно раскованно.

Когда возникает необходимость *бегства из роли*? Как правило, это ситуация внешнего ролевого конфликта, который становится для человека невыносимым. Но его основой часто выступает непринятие *роли себя*. Поэтому, правомерен вопрос: что это на самом деле – бегство из роли, или бегство от себя? Бегство от себя – это бегство из своей прошлой жизненной роли в новую роль, иногда не реальную, а внутреннюю, воображаемую.

Можно рассматривать два типа бегства из роли: бегство в другую роль и бегство в себя (другими словами – во внешнюю и во внутреннюю роль). Между этими двумя вариантами много общего: в сущности – это одно и то же.

Одним из видов бегства из роли является *отшельничество*, когда человек бросает жизнь в гуще цивилизации и уединяется вдали от людей. Классический пример этого – древнегреческий философ Диоген Синопский, который жил в бочке. История христианства также полна примерами отшельничества святых. Уход в монастырь – это еще один пример отшельничества, хоть и относительного: человек не прерывает с обществом людей совсем, а

только бросает мирское общество. Реальное отшельничество возможно и в наши дни, как это произошло, например, с героем повести Владимира Тендрякова «Апостольская командировка». Более мягкая форма такого «бегства из роли» – активное участие в религиозных общинах и сектах.

Своеобразным способом бегства из роли является *алкоголизм и наркомания*. При этом человек бежит от внешнего мира в иллюзорный внутренний мир галлюцинаций и бредовых фантазий. Еще один способ изоляции от общества – *уход в себя*, в свой внутренний мир при помощи творчества, увлечения, хобби: восточные учения и единоборства, футбол и другие спортивные зрелища, рыбалка и охота, коллекционирование, занятия спортом, культуризмом, автотюнинг и т. д. Когда человек не может себя полноценно реализовать в некоторой социальной активности, он ищет «экологическую нишу» для своей самореализации. Такой способ устранения ролевого конфликта с обществом получил в 60-е годы в среде диссидентов название «внутренней эмиграции».

9.3. Ролевые конфликты: психологическая помощь

...Они решили маски надевать,
чтоб не разбить свое лицо о камни.

Владимир Высоцкий

Жизненных ситуаций, в которых происходят ролевые конфликты, или шире – ролевые стрессы, очень много. Для их классификации можно взять разные параметры: степень проблемности, сложности, контекст, в котором они происходят и др. Опишем основные типы ситуаций в зависимости от взаимосвязи основных параметров ролевого взаимодействия: ролевых ожиданий, ролевого поведения, ролевой Я-концепции. Примеры, подтверждающие эти ситуации, взяты из практики консультативной и психотерапевтической помощи.

1. Неприятия ролевого поведения других людей. Примеры: поведение жены не совпадает с идеальными представлениями мужа о типичной роли жены (и/ли наоборот); ролевое поведение нового руководителя не совпадает с ожиданиями к этой роли со стороны подчиненных, которые сложились при старом начальнике. (Типичные высказывания клиента психологической консультации, обратившегося с подобной проблемой: «Он (она) не такой, каким должен быть»; «Не выполняет своих обязанностей»; «Вначале он показался мне идеальным мужчиной, слишком поздно я поняла, что он не такой»; «Не делает элементарного»).

2. Неприятия собственного ролевого поведения другими. Это бывает в тех же случаях, которые описанные в предыдущем пункте, только там субъектом обращения за помощью был тот (или та), кто недоволен другими, в данном

случае субъектом обращения являются тот (та), кем не удовлетворены другие. (Типичные высказывания: «*Я стараюсь быть идеальной женой, а ему я интересна только в постели*»; «*Я все делал правильно, непонятно, почему это их не устраивает*»; «*Она не может мне простить, что я не такой, как ее отец*»).

Возможны ситуации, когда недовольными являются обе конфликтующие стороны (то есть факторы, которые приведены в двух предыдущих абзацах, действуют одновременно). В этом случае мы говорим о вариантах *дивергентных ролей*, или *полной ролевой несовместимости*.

3. Невозможность одновременно удовлетворить ожидания разных людей. Ситуации возникают тогда, когда к выполнению роли предъявляются противоречивые требования со стороны разных людей из значимого окружения личности, или требования, взаимно исключаящие друг друга. Примеры: роль молодой жены муж видит иначе, чем свекровь; представления о роли руководителя подразделения не совпадают у подчиненных и высшего начальства. (Типичные высказывания: «*Не могу угодить всем*»; «*Надо выбирать: или нравиться учителям, или – одноклассникам*»; «*Каждый видит мою роль по-своему, а я не знаю, кто из них прав*»).

4. Невозможность выполнять роль, которая не соответствует собственной Я-концепции. Эти ситуации возникают в том случае, когда исполняемая роль (или та, которую личности придется взять на себя) не соответствует собственным представлениям человека о роли, а также представлениям о себе как субъекте этой роли. Примеры: случаи неверно избранного жизненного пути (вопреки своему призванию); отсутствие единомышленников, которые принимают человека и его роли такими, какими он их видит сам. (Типичные высказывания: «*Всегда чувствую себя „не в своей тарелке“*»; «*Не нашел своего призвания*»; «*Не могу больше быть таким, каким меня хотят видеть*»; «*Сел не в свои сани*»; «*Попал в чужую колею*»).

5. Несовместимость разных ролей. Эти ситуации возникают тогда, когда разные роли (или компоненты ролевого кластера) не могут функционировать одновременно; или когда выполнения одной роли существенным образом усложняет выполнение другой. Примером могут служить: противоречия между семейными и профессиональными ролями (женщина не может реализовать себя как мать так, чтобы это не отразилось на профессиональной деятельности); противоречия между ролью руководителя и специалиста (директор НИИ руководит коллективом в ущерб собственным научным замыслам). (Типичные высказывания: «*Не могу быть одновременно и тем, и этим*»; «*В моей ситуации быть хорошим работником, значит быть плохой матерью*»; «*Постепенно моя работа «съела» все остальные мои занятия, и сейчас я об этом очень жалею*»).

6. Противоречивость или несовместимость разных требований к выполнению какой-нибудь роли (ролевая неоднозначность). Ситуации возник-

кают тогда, когда в общественных нормативах относительно какой-то роли существуют противоречия. Примеры: на предприятии в сложившихся условиях можно выполнить задачу, лишь нарушая правила техники безопасности; отсутствие должностных нормативов для работника создает благоприятные условия для всяческих психологических игр, как со стороны работника, так и со стороны начальства. (Типичные высказывания: *«Моя работа – сплошная неопределенность, всегда можно найти, за что ругать»*; *«Когда невозможно выполнить все требования, тогда хорошим будут считать лишь послушного»*).

7. Недостаточность ресурсов для выполнения какой-нибудь роли (ролевая перегрузка). Подобные ситуации возникают тогда, когда для полноценного выполнения роли не хватает мотивации, эмоционального удовлетворения от результата, времени для выполнения или других ресурсных компонентов. Подобные ситуации часто сопровождаются эффектом *эмоционального выгорания*. Пример: врач, который много лет с любовью выполнял свою работу, начинает ненавидеть своих пациентов. (Типичные высказывания: *«Если бы мне хватало времени, разве я могла бы так плохо выполнить эту работу»*; *«Со временем наступила эмоциональная усталость, и работа пошла на спад»*; *«Мне не хватает сил любить ее так, как прежде»*).

Психотерапия ролевых конфликтов состоит в устранении острых противоречий между факторами ролевого поведения личности, или, по крайней мере, их ослаблении и уменьшении деструктивного влияния на личность. Разрешение ролевого конфликта часто сопряжено с *личностным выбором*: между значимыми людьми, экспектации которых противоречивы; между несовместимыми ролями; между собой и окружающими (между внутренним и внешним ролевым конфликтом. Иногда полезно внутренний конфликт перевести во внешний, потому что внутренний конфликт обычно более деструктивен для личности, вплоть до развития неврозов и психосоматических проблем.

Ролевой конфликт не всегда бывает явным. Возможны варианты скрытых, потенциальных ролевых конфликтов. Для их выявления нужно прогнозировать развитие консультативной ситуации, анализировать тенденции ролевого поведения, с возможным моделированием, например, средствами психодрамы.

Следует понимать, что далеко не самым легким способом разрешения внешнего ролевого конфликта является попытка решить его «в лоб»: изменить (переломить) ролевые ожидания группы, навязать ей свое новое ролевое поведение. Сделать это очень непросто (см. примеры из параграфа 2.4), особенно если личность остается в прежнем официальном статусе, ибо ролевые ожидания имеют инерцию, и группа будет стараться «вернуть» человека в старую роль.

Наиболее эффективный способ устранения внешнего ролевого конфликта – «разрушить ситуацию»: уйти из группы, изменить социальное окружение и т. д. Именно поэтому, тем, кто хочет «начать новую жизнь», следовало

бы не только принять на себя новые роли, но и по возможности сменить группы общения, в которых сразу сформировать новые ожидания по отношению к себе (зарекомендовать себя).

Иногда люди, переживающие хронический ролевой конфликт, прибегают к эмиграции, переезжая в новые города или страны. Часто это помогает устранить психологический дискомфорт, «найти себя». Правда, это может создавать новые трудности, ведь *маргинальные личности* (а таких очень много среди эмигрантов) переживают перманентный социально-ролевой конфликт. Во многих странах даже создаются специальные психологические службы для эмигрантов, помогающие им в процессе социально-психологической адаптации. Одним из вариантов «разрушения ситуации» является отстранение от социума, навязывающего личности нежелательные роли, поиск «экологической ниши» для своей деятельности, «бегство из роли», о котором мы писали в предыдущем параграфе.

Иногда ролевые ожидания являются искаженным отражением экспектаций социума, то есть те требования, которые группа якобы предъявляет к ролевому поведению человека, оказываются «придуманными» им самим. Дисфункциональная коммуникация, в частности искажения ролевой перцепции, довольно частые явления, и являются признаками гиперсоциализации и/или гиперконтроля. В таких ситуациях (если это, конечно, не клинический случай паранойи) нужна психокоррекция представлений субъекта о ролевых ожиданиях.

Часто искажения ролевой перцепции являются следствием сценарных нарушений, то есть, «представления» о ролевых ожиданиях на самом деле являются родительскими ожиданиями, записанными в жизненный сценарий человека еще в раннем детстве. Такие сценарные предписания создают явление *ролевой апперцепции*, влияющей на восприятие ролей. Необходимая в этом случае коррекция деструктивного жизненного сценария поможет наладить нарушенную связь человека с реальностью и переориентирует его на внутренние ценности, снижая значимость внешних оценок.

Если представления о ролевых ожиданиях других все же адекватны, а человек не может ни поменять группу, ни повлиять на ее ролевые ожидания, то постоянное подавление своего поведения может вести к внутреннему ролевому конфликту и невротизации личности. Это очень сложная ситуация, так как изменить ролевую Я-концепцию человека (чтобы она соответствовала ситуации) – очень трудная, часто невыполнимая задача. Ослабить конфликт можно путем формирования новых ролевых переживаний, которые всегда способствуют исполнению человеком любой роли. Одна из возможных целей – научиться принимать собственные роли, которые до этого активно отвергались.

Для преодоления ролевых конфликтов часто нужна взаимная коррекция ролевых ожиданий партнеров по общению. Такая помощь актуальна, напри-

мер, в семейных отношениях, когда возникают ролевые конфликты между супругами или родителями и детьми. Она помогает взаимному принятию ролей друг друга, как условие принятия человека таким, какой он есть. Это особенно важно, ибо непринятие человека и его ролей – это одна из основных причин возникновения всех ролевых конфликтов.

9.4. Гендерно-ролевой конфликт и поло-ролевые девиации

Внутри полов больше различий, чем между полами.

Айви Комpton-Барнетт

Ролевые девиации часто происходят в сфере половых и гендерных ролей. Гендерно-ролевая идентичность и гендерно-ролевое поведение личности может выходить за рамки общественных, статистических, а иногда и клинических норм. Можно говорить о таких нарушениях в сфере половых и гендерных ролей, как *половые (полоролеввые) девиации* или *половые (полоролеввые) дисгармонии*. Половые девиации – это отклонения от ролевых нормативов. Они могут быть как положительными, так и отрицательными. Изменение характера гендерных ролей, когда формы поведения мужчин и женщин, недопустимые на предыдущих исторических этапах, считаются традиционными сегодня, можно отнести к прогрессивным. Другие девиации, не прогрессивного характера, рассматриваются как дисгармоничные, иногда даже как патологические, хотя границы их приемлемости общественным мнением не остаются постоянными и изменяются в сторону большей терпимости.

Ролевые девиации можно проиллюстрировать примерами так называемой *инверсии половых и гендерных ролей*, т. е. изменением компонентов мужских и женских ролей на противоположные, замена одних элементов другими. Полная инверсия наблюдается при транссексуализме, частичная – при гомосексуализме и трансвестизме.

Гомосексуализм считается одним из наиболее распространенных случаев таких девиаций. Он проявляется как инверсия направленности сексуальных чувств, межличностных партнерских ролевых отношений, изменение объекта влечения (вместо представителя противоположного пола оно ориентировано на человека того же самого пола). Гомосексуализм, как правило, не приводит к глубинным изменениям половой идентичности, т. е. мужчины продолжают осознавать себя мужчинами, а женщины – женщинами. Тем не менее, это считается отклонением от традиционных поло-ролевых норм, хотя в этом вопросе нет полного единодушия: существуют мнения, согласно которым гомосексуализм является вариантом нормы. Такие взгляды распространяются на Западе, что отразилось в психотерапевтических нормативах. Пси-

холог, например, не имеет права рассматривать гомосексуальность клиента как болезнь и стараться «вылечить» его, если на это нет его прямого запроса.

Современная наука еще не нашла объяснения природы и происхождения гомосексуализма. Возможно, кроме глубинных биологических и психологических причин есть социальные и социально-психологические, например, хронические конфликты с лицами противоположного пола, трудности гендерной самореализации, разочарование в любви, измена, а иногда даже пример ровесников, своеобразная форма социального протеста против стереотипов общества, даже мода. Существуют гипотезы о том, что на возникновение гомосексуализма может влиять ранний сексуальный опыт, например, если мальчик испытал сексуальное насилие со стороны взрослого мужчины.

Трансвестизм и транссексуализм – это виды гендерно-ролевых дисгармоний, непосредственно касающихся изменения половой и гендерной идентичности. Они не обязательно связаны с функциональными и органическими расстройствами половой сферы. *Трансвестизм* – это более легкая форма нарушения *гендерной идентичности*, проявляющаяся в стремлении играть роль противоположного пола: в потребности переодеться, использовать имя и заимствовать другие ролевые атрибуты, хотя это не сопровождается полным осознанием себя лицом другого пола. Трансвестизм не следует путать с проявлениями фемининности мужчин или маскулинности женщин, хотя трансвеститы часто соответствуют таким характеристикам. Существуют переходные, недевиантные проявления частичного заимствования противоположных гендерных ролей, которые не приводят к гендерно-ролевой инверсии. Они часто бывают следствиями соответствующего полового и гендерного воспитания, например, когда родители хотели мальчика, а родилась девочка, или наоборот. Такие проявления можно наблюдать при выборе профессии, когда женщины сознательно избирают деятельность, традиционно считающейся мужской, и наоборот.

Транссексуализм – это полное осознание себя представителем противоположного пола. Его считают одной из самых серьезных поло-ролевых девиаций. Даже если у человека нет никаких биологических изменений (т. е. с биологической точки зрения человек является совершенно здоровым мужчиной или женщиной), такая инверсия *половой идентичности* дает основания к хирургическому изменению биологического пола. Половая идентичность, которая принадлежит к сугубо психологической сфере, считается более важной, чем биологический пол, и человек сознательно идет на операцию, даже ценой потери возможности иметь в будущем собственных детей. Стремление физически соответствовать личностной (половой) идентичности оказывается даже более сильным, чем родительский инстинкт.

Все остальные половые нарушения (девиации, извращения и т. п.) тоже можно рассматривать с точки зрения ролевой теории как нарушение и откло-

нение от стандартов поло-ролевого поведения. Эти и другие случаи нарушений в сфере половых и гендерных ролей неизбежно приводят ко многим поло- и гендерно-ролевым конфликтам. Фактически, каждую из таких девиаций можно трактовать как внутренний поло-ролевой конфликт, (между противоречивыми компонентами половых ролей и поло-ролевой идентичностью) и внешний гендерно-ролевой конфликт (противоречие между гендерно-ролевым поведением и социальными стереотипами и нормами). Так, например, гомосексуализм, трансвестизм и транссексуализм представляет собой конфликт между половыми и гендерными ролями людей, обладающих этими особенностями, и обществом, в котором закреплены иные ожидания к этим ролям.

Социальные экспектации представляют собой не четкие позиции, а некоторый интервал форм поведения (в сфере норм сексуального поведения он носит название – диапазон приемлемости). Этот диапазон постепенно расширяется, то, что раньше однозначно считалось девиацией, начинает входить в область нормы. Проблемными считаются такие нарушения, которые доставляют человеку или окружающим психологические либо физические страдания или другие неудобства, если они мешают нормальной самореализации и социальной адаптации или вредят здоровью. Такие проблемы, Безусловно, нуждаются в решении, но не только в специфической помощи сексолога или сексопатолога, здесь очень полезной может оказаться психотерапевтическая помощь, в частности, коррекция ролевых конфликтов.

Гендерно-ролевые конфликты относятся не только к сфере патологии. Их распространенность довольно широкая, и это связано с противоречивостью социальных стереотипов гендерных ролей и особенностями поло- и гендерно-ролевого развития человека (см. параграфы 5.5, 5.6, и 6.4). В обществе складываются определенные нормы гендерно- и поло-ролевого поведения, которые могут очень отличаться от истинной природы и потребностей, связанных с полом. В результате, социальные экспектации постоянно давят на сознание людей и приводят к различным психологическим проблемам. Так, О'Нил и соавторы (O'Neil et al., 1986) отмечают, что боязнь естественных для человека форм поведения, связанных с чувственностью, эмоциональностью и т. п. в силу стереотипов мужественного поведения подавляются мужчинами, и они постоянно пребывают в состоянии гендерно-ролевого стресса. Аналогичные проблемы встречаются и у женщин.

Как мы видим, рольевые конфликты в сфере половых и гендерных ролей представляют собой довольно широкую проблематику, которая охватывает психопатологию, сексологию, сексопатологию, психотерапию и многие другие области.

Глава 10. Психодрама и ТА – ведущие методы ролевого подхода

10.1. Жизнь игры и игра в жизнь

У каждого человека под шляпой – свой театр, где разворачиваются драмы, часто более сложные, чем те, что даются в театрах.

Томас Карлейль

Основоположник *психодрамы и социометрии* Якоб Леви Морено называл официальной датой рождения своего метода 1 апреля 1921 года. Именно в этот «День Дураков» в Венском Театре Комедии состоялась первая в истории социодрама. Как и положено для гениального произведения, первое представление тогда провалилось. Собравшаяся публика не смогла увидеть в предлагаемых Морено спонтанных действиях путь к решению социальных и психологических проблем. Как пишет биограф Морено Рене Марино (2001, с. 89), в тот день «люди не были готовы встать на точку зрения других (то есть не хотели или не умели производить обмен ролями)». Но, тем не менее, это событие вошло в историю психотерапии как первый опыт публичного экспериментирования с *методами действия*.

Но идея психодрамы появилась у молодого Морено значительно раньше. Будучи студентом, в 1908–1911 годах он импровизированно играл с детьми, гуляя в парках Вены. Еще раньше он организовывал в детских компаниях различные ролевые игры (к счастью, намного спонтаннее и креативнее, чем взрослые). Сам Морено называет своей первой «психодраматической сессией» игру в Бога, которую он играл с детьми в возрасте четырех с половиной лет (см. Морено, 2001б, с. 16–17). Ориентируясь на эти примеры, мы с полным правом можем считать психодраму ровесницей XX века, с историей которого непосредственно связано ее появление, развитие и мировое распространение.

Случайно ли что психодрама возникла именно в двадцатом столетии и именно в Вене? Думаю, что нет, и по разным причинам. Во-первых, австрийская столица начала века, где в то время жил Морено, без преувеличения была родиной и мировой столицей психотерапии. Она стала точкой кристаллизации, где в атмосфере, насыщенной идеями о психологической помощи невротической личности, страдающей от внутренних конфликтов, неуверенности, чувства незащищенности, родились первые психотерапевтические школы, в том числе и психодраматическая. Эти настроения в значительной степени подкреплялись тяжелой социальной атмосферой довоенной Австро-Венгерской империи, сменившейся затем политической неуверенностью послевоенной

Австрии. Достаточно назвать хотя бы такие значительные имена, как основоположник психоанализа *Зигмунд Фрейд*, автор учения о комплексе неполноценности *Альфред Адлер* и исследователь травмы рождения *Отто Ранк*, чтобы понять ту психотерапевтическую атмосферу, в которую была погружена тогдашняя Вена. Во-вторых, начало XX века знаменовалось революционными изменениями в искусстве, в том числе и театре, появлением сюрреализма, развитие режиссерского искусства и т. д. (см. параграф 1.1).

По мнению Г. Лейтц (2007, с. 37) «Психодрама как психо- и социотерапевтический акциональный метод представляет собой максимально приближенную к жизни форму групповой психотерапии». Психодрама с самого начала своего развития не оставалась в рамках только психотерапевтического процесса, претендуя на статус методологии, философии, социокультурного феномена. Морено считал, что «наука о человеке должна начинаться с науки о вселенной». Неспроста в своей теории личности стадии развития он обозначил понятием «*психическая вселенная*». Будучи создателем социодрамы, призванной, по мнению Морено, осуществить терапевтическое оздоровление общества, он был убежден, что подлинно терапевтические мероприятия должны быть направлены на человечество в целом (см. параграф 10.5). Живя в эпоху, когда политические и военные театры по своему масштабу превзошли все, существовавшие в прошлые столетия, он пытался по-своему влиять на политические процессы. Весьма интересной является его попытка устроить в 1959 г., во время визита в СССР, встречу советского и американского лидеров Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра, во время которой, по его плану, они должны были обменяться ролями.

Психодрама действительно представляет собой нечто большее, чем метод психотерапии. Как синтез *практической психологии* и *драматургии*, она впитала основные свойства театра, являющегося отражением жизни. Она дает возможность моделировать жизнь человека, помогает ему переживать события прошлого, настоящего и будущего, как существовавшие, так и такие, которых не было и не могло быть, воссоздавать любые, даже самые фантастические, роли, опираясь на концепцию «*сверхреальности*».

Психодрама базируется на ряде психотерапевтических механизмов. Одним из них является *катарсис*, который заключается в бурном высвобождении сдерживаемых ранее эмоций и чувств, при котором человек избавляется от их патологизирующего и соматизирующего влияния, мешающего процессам нормальной коммуникации. Вот что пишет об этом П. Ф. Келлерман:

«Специфическая функция катарсиса в психодраме состоит в том, чтобы облегчить самовыражение и усилить спонтанность. Самовыражение – это нечто большее, чем просто аффективное высвобождение, оно включает в себя и сообщения о восприятии внутреннего и внешнего мира, представлениях о себе и об объектах, о ценностях, защите, образах тела и так далее» (Келлерман, 1998, с. 102).

Еще одним важным психотерапевтическим механизмом является инсайт, который в психодраме приобретает свое значение как «*инсайт–в–действии*» или «интеграция эмоционального, когнитивного, поведенческого, межличностного и воображаемого обучающего опыта» (Келлерман, 1998, с. 106). Этим своим свойством он противопоставляется чисто «интеллектуальному» инсайту в его узком понимании: «Инсайт–в–действии близок к катарсису, его можно рассматривать как некий способ высвобождения идеи из области подсознательного» (там же, с. 108).

Важной особенностью процессов межличностного взаимодействия в психодраме является феномен «*теле*», позволяющий людям эмоционально взаимодействовать, используя язык бессознательного, когда они угадывают в другом то, что недоступно их сознательному опыту и представляет собой близость собственным переживаниям и собственной личностной чувствительности.

Средствами психодрамы можно не только анализировать ролевой репертуар, определять такие личностные роли, которые в результате ролевой социализации оказались заблокированными, вытесненными или неразвитыми, но и развивать их, корригировать жизненные роли и сценарии, высвободив определенные сферы личностного проявления человека, которые до этого испытывали репрессивное влияние.

Психодрама является основным видом *ролевой психотерапии*, ориентированной на решение глубинных личностных проблем средствами ролевой игры. Ее эффективность доказана психотерапевтической практикой, наилучшим образом подтверждая функциональную взаимосвязь между личностью и ролью. Основная методологическая позиция ролевого подхода позволяет рассматривать личностные роли как структурные компоненты личности, ролевое развитие – как важную составную часть личностного развития, а ролевую социализацию – как один из основных онтогенетических процессов личностного роста и совершенствования. Эти положения являются эффективной платформой для психологической и психотерапевтической практики в области психодрамы.

10.2. Жанры и техники психодрамы

Психодрама – метод, раскрывающий истину души в действии.

Якоб Леви Морено

Психодрама – это, прежде всего, вид психотерапии. Он имеет две составляющие: *клиническую* (как лечение) и *неклиническую*, или *личностную* (как самопознание и личностный рост). Они часто сопутствуют и дополняют друг друга. Во всяком случае, психодрама-терапия, как метод ориентированный

не на симптомы, а на личность, невозможна без глубокого проникновения в личностную проблематику.

Слово «психодрама» очень часто воспринимается слишком буквально, как относящееся к чему-то очень драматичному. Порой приходится слышать от клиентов, которым предлагается групповая психодраматическая работа: *«Психодрама? Ну, что вы! Мне и в жизни хватает драмы»*. На самом деле психодрама – это отнюдь не только драма, ну и, конечно же, не только трагедия. Как драматургия объединяет множество жанров и видов, так и психодрама, заимствуя терминологию, включает с себя элементы и комедии, и лирической поэмы, и эпической драмы, и театра абсурда. Психодрама может стремиться к максимальному реализму в поиске истинности чувств, отношений и даже деталей обстановки, а может демонстрировать образцы сюрреализма и символизма.

Существует много вариантов и подходов психодрамы, в зависимости от характера психологических проблем, состава психотерапевтической группы и других психологических и клинических показаний. Можно применять психодраму для подростков, переживающих подростковый кризис, для больных раком, для жертв сексуального насилия, для детей, переживающих травму вследствие развода родителей или создания новой семьи (Психодрама..., 1997). Целесообразной и практически полезной является «психодраматическая проработка семейной истории» при работе с семейными ролями и сценариями. Интересным применением метода является работа по анализу и разыгрыванию сновидений, то есть значимой информации, которая находится в бессознательном и влияет на наше поведение. Психодрама эффективно применяется в детской психотерапии (Айхингер, Холл, 2003, 2005).

Психодраматический метод плодотворно используется и в областях, совершенно далеких от сферы решения личностных проблем. Речь идет о психологических тренингах самого различного спектра: бизнес, политика, образование, профессиональная подготовка, организационное развитие и многое другое. Психодрама, как метод действия, имеет ряд неоспоримых преимуществ по сравнению с другими видами подготовки. Во-первых, она работает с реальными ситуациями из жизни и деятельности участников, а значит, она максимально приближена к действительности. Во-вторых, психодраматический процесс протекает не в рассуждении, а в действии, что позволяет активно вовлекать не только интеллект, восприятие и память, но и эмоционально-чувственные и телесно-двигательные составляющие поведения человека. Это способствует большей эффективности практических решений и прочности освоения опыта. В-третьих, в отличие от обычного тренинга навыков, такой способ работы позволяет затрагивать более глубокие личностные пласты. А это означает, что появляется возможность, с одной стороны, искать и прорабатывать внутриличностные препятствия эффектив-

ной деятельности (барьеры, стереотипы, страхи и т. п.). С другой стороны, такая работа помогает раскрытию внутриличностных ресурсов, повышению спонтанности и творческого потенциала человека.

Охарактеризуем несколько основных направлений психодрамы:

Монодрама – использование психодрамы в индивидуальном консультировании и психотерапии. Вместо других людей, которые должны играть вспомогательные Я, в монодраме используются пустые стулья или символические предметы (например, игрушки).

Социодрама и социометрия – работа с темами, общими для группы (ей целиком посвящен параграф 10.5). Социодрама иногда считается самостоятельным видом практики, а иногда видом психодрамы. Она очень удобна для помощи в урегулировании конфликтных отношений (например, межэтнических или религиозных). Социометрия – это эффективный метод исследования социальных групп: их структуры, динамики.

Аксиодрама – вид социодрамы, основанный на работе с личностными ценностями, как реальными, так и символическими.

Драматерапия – использование литературных сюжетов, которые разыгрываются на сцене с психотерапевтической целью. Вообще говоря, это направление чаще причисляется к арттерапии, а не к психодраме.

Библиодрама – жанр психодрамы, в основе которого лежит психодраматическое разыгрывание библейских сюжетов, в которых заложены основные архетипические конфликты человека. Близким к ней по методологии является *мифодрама*, заключающаяся в разыгрывании мифологических сюжетов (например, древнегреческих или скандинавских).

Театр play-back и другие виды театральной психодрамы – синтез театра и психодрамы. Одним из видов такого синтеза является театр импровизации. Play-back – это разыгрывание группой актеров с психодраматической подготовкой различных сцен из жизни какого-нибудь участника из зрительного зала, как форма самопознания и психотерапевтической помощи.

Психодрама в образовании – синтез психодрамы и педагогики, использование импровизационных ролевых игр в учебном процессе. Оно подходит для всех возрастных групп, начиная с детского сада и кончая послевузовским образованием.

В психодраме используется множество техник и методик (по некоторым оценкам – более двухсот). Но на самом деле их намного больше, так как не все описаны в методической литературе. Каждый психодраматист в собственной практике изобретает свои техники и методики, формируя индивидуальный методический арсенал. Психодрама – один из самых методически богатых и щедрых методов современной психотерапии, много техник успешно заимствовано другими направлениями и подходами. Но есть среди

них базовые техники, без которых не может обойтись ни одна психодрама. Вот их краткая характеристика (по Д. Кипперу, 1993):

Самопрезентация – серии коротких ролевых действий, в которых протагонист изображает самого себя или кого-то очень важного для себя. В этих действиях протагонист является единственным участником, и представление получается абсолютно субъективным.

Исполнение роли – акт принятия роли кого-то другого – роль какого-то человека, живущего или умершего, реального или придуманного; роль части тела (например, сердца), роль животного (например, домашнего), роль неодушевленного объекта (например, какого-то сувенира) и даже роль представления или понятия, такого, как время, роды, смерть.

Диалог – это изображение в ролевых играх взаимоотношений между реальными людьми. Вспомогательные лица – это те самые люди, с кем протагонист взаимодействует в реальной жизни. Роли, исполняемые вспомогательными лицами в технике диалога, – их собственные, а не чьи-то еще роли. Каждый играет самого себя, это относится и к протагонисту, и к вспомогательным лицам.

Монолог – изложение своих чувств и мыслей, как будто протагонисты вслух (но при этом интимно) советуются сами с собой. Эта техника может выглядеть как комментирование своих действий в ролевых играх в середине сцены, перед ее началом или в конце.

Дублирование – вспомогательному лицу предлагается сыграть специальную роль – дублирующую роль протагониста. Вспомогательное лицо исполняет эту роль одновременно с протагонистом и пытается стать его «психологическим двойником», быть его внутренним голосом, сознанием, выражать его чувства, вскрывать тайные мысли и суждения, помогать выражать их полно и открыто.

Реплики в сторону – протагонист поворачивает голову в сторону, противоположную от вспомогательного лица, прикрывает рот рукой с той стороны, где находится вспомогательное лицо, затем вслух говорит, что он действительно думает, чувствует или собирается делать. При этом вспомогательное лицо продолжает действовать, как будто оно не слышало, что было сказано в сторону.

Обмен ролями – два участника меняются местами физически, каждый перенимает позу, манеры, душевное и психологическое состояние другого. В контексте психотерапии в обмене ролями всегда участвует протагонист. Он временно становится вспомогательным лицом, а последний играет роль протагониста на срок, определенный этим обменом ролей.

Пустой стул – протагонист действует без помощи вспомогательных лиц, взаимодействуя с воображаемым кем-то или чем-то, представленным одним или несколькими пустыми стульями. Стулья служат заместителями отсутствующих лиц, предметов, явлений и т. д.

Зеркало – осуществляется вспомогательным лицом, исполняющим роль

протагониста в течение короткого времени, а протагонист наблюдает за ним, удалившись из пространства действия. Основная задача вспомогательного лица – скопировать поведение протагониста, быть «психологическим зеркалом». Но иногда бывает необходимо преувеличить отдельные черты поведения протагониста. Здесь требуется интуиция, рассудительность.

Я бы еще добавил к базовым не описанную Киппером технику *эмпатического интервью*. Это – беседа директора с находящимся в роли «вспомогательного Я» протагонистом, вследствие чего тот постигает внутренний мир антагониста, выясняет его позицию, отношение к себе, осуществляет поиск ресурсов этой роли.

10.3. Спонтанность, креативность и ролевые ресурсы

Достижение спонтанности и креативности – основная цель психодрамы.

Якоб Леви Морено

Тема *спонтанности* является для психодрамы одной из важнейших (если не самой главной) с точки зрения самого основоположника метода Я. Л. Морено. Спонтанность считается источником свободной активности личности, а ее нехватка (блокировка) – причиной психологических проблем. Морено рассматривал спонтанность как отдельное психологическое бытие. Это состояние невозможно консервировать, накапливать как резерв или запас чего-либо. Но, с другой стороны, она является механизмом раскрытия *личностных ресурсов*, использования человеком собственных резервов для самореализации, по каким-либо причинам ранее не использованным. Морено писал:

«Индивид не наделен резервуаром спонтанности в смысле заданного, устойчивого объема или количества. Спонтанность доступна (или недоступна) в различных степенях готовности – от нуля до максимума, действуя как психологический катализатор. <...> Спонтанность функционирует только в момент своего возникновения, как, скажем, при включении света в комнате становится сразу отчетливо видно все содержимое. Когда свет в комнате не горел, базовая структура оставалась той же самой, однако фундаментальное качество было скрыто за темнотой» (Морено, 2001б, с. 125).

По мнению Морено, «спонтанность – это адекватная реакция на новые условия или новая реакция на старые условия» (цит. по: Лейтц, 2007, с. 127). Она существует в таких основных формах:

а) спонтанность, задействованная в активации культурных консервов и социальных стереотипов;

б) спонтанность, участвующая в создании новых организмов, новых форм искусства и новых паттернов окружающей среды;

в) спонтанность, участвующая в формировании свободных выражений личности;
г) спонтанность, участвующая в формировании адекватных реакций на новые ситуации» (Морено, 2001б, с. 131).

Сама по себе спонтанность не обязательно способствует творческому процессу, будучи лишённой смысла и связи с реальностью, она способна на разрушительные формы взаимодействия с миром; примером такой деструктивной спонтанности является психотическое поведение (Лейтц, 2007, с. 127–128). Вполне вероятно, что подобное выражение спонтанности пугает людей, и они сдерживают *любые* ее проявления, чтобы избежать неконтролируемых последствий. При раскрытии заблокированной спонтанности в терапевтическом процессе, действительно, первые ее проблески очень часто носят деструктивный характер (например, агрессия, возникающая в результате высвобождения подавляемых ранее отрицательных эмоций). Однако на первых этапах психотерапии такие аффекты не только вполне допустимы, но даже желательны, так как они открывают путь для использования личностных ресурсов, необходимых для интеграции спонтанности в целостную систему жизнедеятельности человека.

Целью психодрама-терапии должно стать не простое высвобождение спонтанности, а *использование ее в поиске новых путей самовыражения и самореализации личности*. Но осуществляется это постепенно, от простых форм к сложным, по пути возрастания креативности и вовлечения все более разнообразных сторон личностных проявлений человека. Здесь не надо бросаться и в другую крайность и требовать обязательной спонтанности от всех ситуаций. Иногда лучшая адаптация состоит в использовании новых вариантов уже опробованных стратегий поведения. Как писал Морено:

«Необязательно, а фактически даже нежелательно каждому моменту в развитии личности давать кредит спонтанности. Время от времени бывают моменты в *locus nascendi*, толкающие человека к новой траектории опыта, или, как я обычно говорю, в новую роль» (Морено, 2001б, с. 148).

Благоприятным условием для возникновения спонтанности является тип *открытой вселенной* в развитии личности, то есть вселенной, постоянно сохраняющей возможность некоторой степени новизны. *Закрытая в отношении новизны вселенная* не способствует существованию спонтанности. Замкнутость в повседневном поведении человека проявляется в следовании закоряженным стереотипам, в окружении себя чрезмерными психологическими защитами, в отсутствии свободного функционирования психической энергии. Для повышения восприимчивости к новизне и лучшего раскрытия спонтанности используются различные *процессы разогрева*.

Одной из форм ограничения спонтанности личности является нарушение функционирования *психологических ролей* человека (от различных форм затруднений в исполнении до ролевого дефицита). Недостаточное использо-

вание психологических ролей в повседневных ситуациях часто наблюдается вследствие явления, описанного Э. Барбоуром и Зеркой Морено, как *ролевая усталость*, или «потеря энергии, доступной для роли из-за длительного непродолжительного исполнения роли» (Barbour, Moreno, 1980, с. 186). Соответственно, такое состояние развивается и как функция потери энтузиазма (энергии), и как серьезная эрозия в ценности роли, и как ухудшение в производительности ролевого исполнения. В сущности, блокирование личностных ресурсов (в том числе, связанных с психологическими ролями) – это не что иное, как различные формы нарушения спонтанности личности. Исполнение ролей связано с *ролевым удовлетворением*, которое, по мнению Д. Киппера составляет мотивационный компонент ролевого поведения. Наоборот, *ролевое неудовлетворение* – состояние, которое вызывает нарушения исполнение ролей или полный отказ от них (Kipper, 1991, с. 74).

Всегда ли человеку хватает *личностных ресурсов* для решения психологических проблем, возникающих в его жизни? На первый взгляд вопрос кажется риторическим, ведь если бы многие не испытывали недостатка в ресурсах, то зачем была бы нужна психологическая помощь. Однако, любой профессионал, имеющий даже небольшой опыт в области психотерапии или консультирования, понимает, что здесь дело не в наличии или отсутствии ресурсов как таковых, а в том, может ли человек ими свободно распоряжаться.

Я. Л. Морено связывал эту способность со *спонтанностью* личности. Действительно, трудно себе представить человека, у которого отсутствовали бы ресурсы для личностного развития, как невозможно представить себе полное отсутствие спонтанности. Он писал:

«Индивид с высокой степенью спонтанности будет извлекать максимум из ресурсов, находящихся в его распоряжении, – из интеллекта, памяти или навыков, и может оставить далеко позади обладателя лучшими ресурсами, но наименьшим образом их использующего. В творчески одаренного индивида проникает спонтанность и вызывает в нем реакцию. На свет было произведено намного больше Микеланджело, но лишь один из них стал автором великих картин, из всех рожденных Бетховенов лишь один написал великие симфонии, и лишь один из многих смог стать тем самым Иисусом из Назарета. Всех их объединяют творческие идеи, мотивация, интеллект, навыки и образование, а разъединяет та самая спонтанность, которая в удачных случаях дает возможность ее носителю воспользоваться в полном объеме имеющимися у него ресурсами, в то время, как неудачники остаются в проигрыше, будучи обладателями своих сокровищ: они испытывают недостаток в разогревающих процессах» (Морено, 2001б, с. 134).

Очевиден вывод, что важной задачей различных психологических и психотерапевтических практик является *повышение эффективности использования личностных ресурсов*. Например, так называемые «тренинги креативности» помогают более результативно использовать творческие возможности (иногда довольно значительно), что часто ошибочно называют повышением

творческого потенциала, ведь вряд ли можно всерьез говорить о развитии креативности в течение всего нескольких десятков часов занятий. В терапевтическом процессе человек обретает уверенность в себе, становится субъектом собственной жизни, то есть начинает использовать собственную личность как ресурс решения жизненных проблем. Вопрос в том, как помочь человеку найти доступ к его ресурсам. Различные методы и подходы предлагают разные пути решения этой проблемы. Один из вариантов, связанный с использованием ресурсных ролей в психодраме, описан в следующем параграфе.

С психологическими ресурсами, точнее, с их блокированием, тесно связаны всевозможные личностные проблемы. Эта ситуация хорошо описывается с помощью понятия «барьера», в этом случае субъективная картина проблемы выражается в ощущении непреодолимости психологических (внутриличностных) барьеров, возникающих на пути реализации личностных ресурсов.

Понятие «барьера» не относится к самым употребительным в психологии и психотерапии, и его значимость не адекватна небольшому количеству публикаций, где оно упоминается. Исследователи научного творчества, использующие это понятие, утверждают, что каждому творческому акту предшествует появление специфического познавательного барьера. Аналогично, терапевтический инсайт связан с предшествующим ему психологическим барьером. Р. Х. Шакуров рассматривает барьер как универсальный атрибут жизни, как такое отношение между элементами системы, которое ограничивает свободу одного из них. Только блокируя потребность можно понять, как она важна для человека (например, воздух, когда его не хватает). Эмоции – это реакции человека на динамику барьеров. Автор дает такую характеристику барьеров:

«В широком значении развитие – это ответная реакция организма на преграды, мешающие его нормальной жизнедеятельности. Эта реакция проявляется в возрастании внутренних ресурсов, в их реструктурировании, направленном на преодоление сопротивления определенных препятствий. Развитие можно представить и как повышение сопротивляемости организма к помехам, как восполнение недостающего для их преодоления внутреннего потенциала. „Самовосполнение ресурсов ради преодоления” – вот формула (принцип) развития. По этой формуле происходит развитие всех систем, в том числе ума, воли, физической силы, выносливости ценностно-мотивационной сферы и даже сопротивляемости к простудам» (Шакуров, 2001, с. 9).

Попробуем описать некоторые основные, на наш взгляд, виды психологических препятствий на пути свободного движения психической энергии (блокировка ролевых ресурсов) и, соответственно, основные техники и психотерапевтические механизмы, помогающие решению этих проблем:

1. *Психологическая травма* (для работы с ней используется отреагирование, ре-переживание, катарсис, интеграция травматического опыта).

2. *Нарушения идентичности*, а также – проблемы, связанные с самоотношением (инсайт–в–действии, техника Alter-Ego).

3. *Нарушения жизненного сценария*, прежде всего, сценарные запреты («возврат во времени», терапия перерешения, дублирование).

4. *Ролевой дефицит* и другие ролевые дисгармонии (ролевой тренинг, развитие ролевой гибкости, ролевая компенсация, техники «антироли»).

5. *Отсутствие ролевой децентрации* (изменение ролевой позиции, техника «зеркала», обмен ролями).

Существуют три основных источника ролевых ресурсов: а) в себе; б) в роли других людей; в) в значимых отношениях. В психодраме мы наиболее часто используем такие непосредственные формы ролевых ресурсов:

1. *Ресурсы самоотношения* (вера в свои силы, самооценка, антиципация успеха).

2. *Ресурсы значимого окружения* (вещи, обстановка, привязанности, символы; использование этих и других ценностей в аксиодраме).

3. *Ресурсы жизненного опыта* (в нем практически всегда есть много свидетельств о возможности решения жизненных проблем; но они закрыты от сознания травмой или искаженным представлением об опровергающих их фактах).

4. *Ресурсы рода* (положительные родительские наставления, ресурсы семейного древа, семейные и родовые мифы и предания).

5. *Ресурс роли Значимого Другого* (другими словами – это использование жизненного опыта других людей).

6. *Ресурсы внешней роли* (по сути – это примеривание на себе чужой идентичности и индивидуальности).

7. *Ресурсы использования метафор* (библиодрама, мифодрама, психодрама сказки и другие социодраматические и аксиодраматические формы работы).

Перечисленные проблемы решаются на различных тренингах личностного роста и самопознания, например, разработанных автором «Ролевого креативного тренинга» и тренинга «Развитие личностных ресурсов организаций».

10.4. Ресурсные роли в психодраме

Можно сказать, что психодрама представляет собой попытку разрушить дуализм между фантазией и реальностью и восстановить изначальную целостность.

Якоб Леви Морено

Что такое *личностный ресурс*, и каковы его основные составляющие? Имеет ли смысл такое понятие, как «внешние источники» внутриличностных ресурсов? Вопросы не праздные, ибо опыт человека формируется в процессе взаимодействия с окружающим миром (физическим и социальным). На

этой идее базируется культурно-историческая теория Л. С. Выготского, согласно которой не только опыт, но и способности человека (другими словами – его ресурсы) развиваются в результате интериоризации достижений человеческой культуры. Сейчас даже противники этой теории соглашаются с тем, что влияние социума на развитие личности огромно.

С первых дней жизни родительская поддержка является мощным ресурсом для маленького ребенка, без которого он не в состоянии выжить и сформироваться как гармоничная личность. Ее недостаток в раннем детстве сопряжен с различными формами психологической депривации, что чревато серьезными проблемами в будущем. Со временем эта внешняя поддержка должна смениться опорой на собственные способности взрослого независимого человека. То, что нормально и оправдано для маленького беспомощного ребенка, совершенно неестественно для взрослого, для которого такое состояние является ситуацией сильной *психологической зависимости*. Парадоксально, но родительское влияние может играть и отрицательную роль. Например, родительские запреты, превратившись в составные части *жизненного сценария* личности, могут становиться барьером на пути к ее собственным ресурсам.

Понимание роли как ресурса не ново для психологии. В одном из исследований (правда, выполненном за рамками психодрамы и психотерапии) делается вывод, что роль может использоваться как фасилитатор и выразитель человеческих действий, а, следовательно, она фактически выступает как мобилизатор личностных ресурсов в разных видах деятельности и социальной активности индивида (Callero, 1994). Ресурсные возможности ролей в достаточной степени используются и в ролевой психотерапии, хотя и не всегда получают необходимое методологическое обоснование.

Ресурс эффективно работает, когда имеет внутренние источники. Если же доступ к собственным ресурсам перекрыт барьерами, сценарными запретами, комплексами (в разных психотерапевтических парадигмах существуют разные модели для характеристики ядра психологической проблемы), то человек ищет внешний источник поддержки. Такие люди весьма зависимы от чужой оценки (собственная самооценка слабая, на нее очень влияет мнение других), они переоценивают значимость других людей и их роль в создании психологического благополучия. К. Хорни, исследовавшая наиболее характерные особенности невротической личности, отмечает невротическую потребность в любви и привязанности, являющейся на самом деле защитой от некоторой базальной тревожности. Таким людям часто присущ страх отвержения и одиночества, стремление к расплате страданием (Хорни, 1993, с. 81–115).

Разумеется, внешние ресурсы – это своего рода эрзац, они не годятся, если мы хотим иметь дело с автономной и аутентичной личностью. Привязка к внешнему ресурсу – это подкрепление психологической зависимости в

разных формах, в том числе и от процесса психотерапии, если опора на внутренние ресурсы подменяется только поддержкой со стороны психотерапевта. Использование сильной внешней поддержки в процессе психотерапии допустимо лишь как временное средство, иногда необходимое на первых ее этапах.

Правда, существует и другой опыт, иногда – довольно спорный. Можно привести интересный пример методики «перевоспитания» (reparenting) семьи Шиффов, используемой в школе катексиса транзактного анализа. В этом случае один или два терапевта на ограниченный (иногда довольно значительный) срок становятся «временными родителями» пациента (в школе Шиффов происходило даже юридическое усыновление), работая почти исключительно с его Детским эго-состоянием (Schiff, 1969). Элементы работы с «внешними ресурсами» присутствуют во многих других методах.

Но, тем не менее, психотерапевтическая помощь не должна ограничиваться поддержкой. В конечном счете, она должна быть направлена на раскрытие внутренних ресурсов, иначе вместо автономной личности мы будем иметь симбиоз терапевта и клиента. Даже если клиент очень нуждается в положительных поглаживаниях психотерапевта, прося, а иногда прямо или косвенно «вымогая» их, прямое удовлетворение его запросов далеко не всегда полезно. Это видно на примере нарциссического переноса, когда клиент таким способом удовлетворяет не насыщенную в детстве потребность в зеркализации. Очень хорошо об этом пишет М. Кан:

«Известно, что, когда клиенты спрашивают прямо или косвенно своих терапевтов, любят ли те их, клиенты совершают нечто большее, чем просто задают вопрос. Они говорят терапевтам нечто важное о недостатке прочной самооценки. Ответное успокоение может дать временное облегчение, но это успокоение не доходит до внутреннего источника беспокойства. Самой серьезной опасностью временного облегчения является то, что оно немедленно забирает энергию клиента, и ценная возможность для клиента войти в соприкосновение с самими эмоциями и воспоминаниями, окружающими этот источник, может быть упущена» (Кан, 1997, с. 124).

Другими словами, использование внешнего ресурса может оттягивать энергию от внутреннего. Но с другой стороны, если путь к внутреннему ресурсу клиента перекрыт, «внешний» ресурс можно использовать как мостик, с помощью которого клиент восстанавливает разорванные связи. На этом основывается методика использования *ресурсных ролей* в психодраме. Она связана с понятием «культурные консервы» – одним из источников спонтанности в концепции Я. Л. Морено, которые можно проиллюстрировать ролями таких персонажей, которые не принадлежат к индивидуальному жизненному опыту протагониста, а представляют собой достояние культуры, например, театральные роли или роли исторических личностей (последние мы условно назовем *ресурсными ролями* «культурных консервов»).

Еще Я. Л. Морено отмечал, что, исполняя чужую роль, человек бывает более спонтанным, чем, будучи самим собой, так как в этом случае он не пользуется привычной системой психологических защит. Играть другого безопаснее, ибо можно не бояться цензуры; если критика и возникнет, то она не будет касаться его лично. Но значение таких ролей намного шире: это роли-символы, олицетворяющие реальность, актуальную для данной игры, сцены или темы. Будучи символом, ресурсные роли выражают квинтэссенцию желательной модели поведения. Это по сути один из вариантов психодраматической работы с идеалами. Но, чтобы работа с такими типами ресурсных ролей решала отмеченные выше задачи, методика должна опираться на внутренние представления о ресурсной роли, являться производной от собственной ролевой Я-концепции участника ролевого действия.

Использование ресурсных ролей можно проиллюстрировать примерами психодраматических сессий, описанных в приложениях I а, б: «Разрешение на любовь» и «Ресурсы женственности». На примере ресурсных ролей (Эриха Фромма и Мэрилин Монро) мы наблюдаем раскрытие спонтанности благодаря «культурным консервам». На первый взгляд, здесь имеет место интериоризация культурного опыта, когда внешняя по отношению к человеку модель поведения, отношения или система ценностей становятся руководством к действию, превращаясь в его собственные способности и ресурсы. Но вряд ли можно говорить об истинной интериоризации культурного опыта за столь короткое время (несколько минут или десятков минут), ведь в онтогенезе человека этот процесс длится годами. На самом деле протагонист извлекает ресурсную роль из тайников собственной памяти, а не получает информацию извне. Фактически это актуализация его социального опыта, когда «культурная модель» становится новым источником спонтанности человека.

Является ли использование «культурных» ресурсных ролей опорой на внешний ресурс? На первый взгляд – да, ибо мы имеем дело с жизненным опытом других людей, которые лучше нас умеют справляться с жизненными проблемами. Но на самом деле это не так, или это справедливо в самом начале, когда протагонист выбирает героя и думает, что тот поможет ему справиться со всеми трудностями. В этот момент протагонист не догадывается о том, что всю работу по построению образа предстоит провести ему самому. Уже сам выбор ресурсного персонажа протагонистом говорит о том, что этот образ близок ему, что в тайниках его сознания уже имеется сложившаяся модель поведения, отвечающая необходимому идеалу. Очень важно, чтобы протагонист достаточно времени находился в ресурсной роли, чтобы суметь прочувствовать мировосприятие этого человека, на которое затем можно будет опираться. Здесь очень полезной может оказаться техника *эмпатического интервью*. Выстраивая действие от имени другого, он, тем не менее, сам

совершает большую работу (иногда достаточно трудную), которая становится его новым опытом.

Данная методика позволяет работать с любой темой, где нужно выйти из привычных паттернов поведения и начать действовать по-новому. Суть процесса раскрытия спонтанности с помощью ролей «культурных консервов» заключается в том, что опыт (хоть и «чужой», но хорошо знакомый), первоначально заблокированный, закрытый от применения сценарными запретами, страхами или иными проявлениями внутренних барьеров, становится доступным для человека, начинает свободно осознаваться им и не подвергается цензуре. С помощью таких ресурсных ролей запреты снимаются, и человек сам себе дает разрешения на определенные способы поведения. Играя роль идеала, протагонист не только делает этот идеал чуточку реальнее, он частичку поведения этого идеала присоединяет к собственному ролевому репертуару.

10.5. Социодрама

...человеку было гораздо легче научиться пользоваться палкой, огнестрельным оружием или атомной бомбой, чем убедить себя в необходимости использования социальных инструментов, которые могли бы обеспечить ему более полную свободу внутри человеческого сообщества.

Якоб Леви Морено

Социодраму часто рассматривают, как разновидность психодрамы, хотя иногда ее считают самостоятельным методом действия, общественно-политической игрой (Гайслер, 2003). Она отличается от психодрамы тем, что в ней внимание сосредотачивается не на отдельной личности и глубинных личностных проблемах, а на социальных группах и групповых проблемах. Социодрама очень эффективна для работы с многочисленными факторами социальной напряженности (классовыми, межэтническими, межконфессиональными и т. п.), по преодолению отрицательных тенденций групповой динамики, межгрупповых или внутригрупповых противостояний и конфликтов, образа врага и т. п.

Метод социодрамы был разработан Якобом Морено в первой половине XX столетия. Первые идеи относительно метода *социометрии* – методологической и диагностической основы социодрамы и психодрамы – возникли у Морено в 1915 году во время работы медицинским служащим в лагере военнопленных в Миттендорфе. Он так рассказывал об этом в своем интервью:

«Я увидел, как развивались человеческие отношения, полные конфликта и напряженности, враждебности. Я видел конфликт между расами – между чехами, немцами

и итальянцами, конфликт между религиями – католиками, протестантами, евреями. <...> Я немедленно начал замечать симпатии и антипатии, а также безразличие, ревность и ненависть, которые препятствовали процессу интеграции. Я сказал, что это не индивидуум, это группа, и поэтому я впервые исследовал то, что я позже назвал **социограммой**, представляющей собой структуру группы. А затем я изобразил схему этого целого сообщества социометрически, то, что мы сегодня можем назвать групповой динамикой» (Сакс, 2003, с. 14).

Первая попытка публичной социодрамы была осуществлена Морено 1 апреля 1921 года в Венском театре комедии. Морено предложил всем желающим сыграть роль короля Австрии и найти пути выхода из политического кризиса. Позже, переехав в 1925 году в США, он продолжил разработку метода социодрамы, в частности, в инсценировках *«Живой газеты»*. Обобщив эти результаты, Морено в 1934 году изложил основы методов социометрии и социодрамы в фундаментальном труде *«Кто выживет?»*. В ней он ставил большие задачи решать проблемы целого общества:

«Истинно терапевтический метод не может иметь меньшей цели, чем все Человечество. <...> Мы предполагали – возможно, наивно – что, если война будет распространяться, охватывая земной шар, должно быть одинаково возможным развивать и распространять мировую социометрию. <...> Как только мы успешно излечили социометрическими методами отдельное сообщество, нам показалось возможным, по крайней мере, теоретически, обращаться с бесконечно большим количеством таких же сообществ теми же самыми методами – фактически со всеми сообществами, из которых состоит человеческое общество» (Морено, 1934, с. 3).

Окончательно социодрама оформилась в отдельный практический метод во время Второй мировой войны и после нее.

В чем ее суть и особенности? Согласно теоретической концепции, столкновение или смешение разных культурных групп неизбежно ведет к социальной патологии и порождает многочисленные общественные проблемы. Если преодолеть или уменьшить межгрупповые противоречия (а именно это и предлагается делать на практике), то общество должно оздоровиться.

Теория и методология социодрамы тесно связана с теориями социального конфликта, хотя с их стороны еще не достигнута методологическая обоснованность этого метода. Особенности социодрамы является работа с группами как целым, рассмотрение группы, как субъекта действия и психологических изменений (она является в этой игре протагонистом), работа с групповыми темами, межгрупповыми конфликтами, групповыми ролями (реализуя групповой обмен ролями), использование таких феноменов как групповая идентичность, групповые идеологии, стереотипы и предубеждения. Методологической основой социодрамы, как мы уже указывали, является метод социометрии (Морено, 2001а), который выступает диагностическим инструментом большого общества.

По мнению П. Ф. Келлермана (2004, с. 9) «социодрама – это основанный на опыте целостно-групповой метод социального исследования и преобразования межгруппового конфликта». Автор считает, что можно выделить три основных аспекта ее применения: 1) *социодрама кризиса*, социальный фокус которой направлен на коллективные травмы, которая базируется на социальной теории адаптации и в качестве социального идеала рассматривает гомеостаз; 2) *политическая социодрама*, ее социальный фокус направлен на общественную дезинтеграцию, она базируется на социальной теории адаптации и в качестве социального идеала рассматривает равенство; 3) *социодрама разнообразия*, социальный фокус которой направлен на общественные и коллективные предубеждения, которая базируется на теории социального конформизма и в качестве социального идеала рассматривает терпимость (Келлерман, 2004, с. 14).

В применении метода социодрамы уже накоплен довольно солидный опыт успешного решения многочисленных общественных проблем – расовых, этнических, религиозных конфликтов, последствий войн, террористических актов и т. п. Примером эффективных результатов можно считать позитивное преодоление в 60-е годы в США общественной напряженности, вызванной такими факторами, как расовые волнения и расистский экстремизм, война во Вьетнаме, разные общественные проявления политического и экономического кризисов.

В современном обществе серьезными проблемами стали этнический терроризм и этнические войны. Они распространяются гораздо стремительнее, чем большие военные конфликты, рост которых в последние десятилетия приостановился. Мы были и являемся свидетелями террористических актов на Ближнем Востоке, в Чечне и России, в США и во многих других регионах. Но реагирование на эти общественные потрясения осуществляется по-разному.

Ярким примером эффективного применения социодрамы при работе с психологическими корнями терроризма, праворадикализма и «образом врага» является опыт Ф. Гайслера и Ф. Геймара (2004), описанный в статье «Обмен ролями с врагом». Авторы провели несколько социодраматических семинаров, целью которых было преодоление последствий конфликта, разгоревшегося между турецкой и немецкой общинами после террористического акта в Золингене 29 мая 1993 года.

Совсем другой «выход» нашло правительство США после террористического акта в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года, фактически объявив войну Афганистану, а потом Ираку. Еще один пример попытки решения проблемы терроризма средствами военных действий – это события в Чечне, или как они официально именуется – борьба федеральных войск России с чеченскими боевиками.

Но исторический опыт свидетельствует, что такое «решение» конфликта, к сожалению, не устраняет причин терроризма, оно способно «законсервировать» конфликт, создав новые предпосылки для его развития в будущем, в том числе и спустя длительное время. Ведь, например, истоки чеченского терроризма возникли не вчера, их следует искать во всей длительной истории конфликтных отношений в этом регионе, начиная с Кавказской войны 1817–1864 годов.

Коллективные травмы (а военные действия представляются таковыми в сознании обеих воюющих сторон) – это событие, которое создает много негативных последствий в групповом сознании и групповом бессознательном больших этнических групп (см. параграф 3.4). Позиция, воплощенная еще в законе «талион» древнего вавилонского царя Хамураби «Око за око, зуб за зуб», актуальная и сегодня, является идеологической причиной живучести социальных конфликтов, традиций кровной мести и т. п., т. е. предпосылкой огромного количества общественных противоречий.

Социальные конфликты, особенно связанные с этническим терроризмом, невозможно полностью разрешить без усилий мирной дипломатии с участием специалистов по социологии, социальной психологии, групповой психотерапии. Опыт такой работы демонстрирует ее большую эффективность (см., напр., Кукиер, 2004, с. 33–34). Одним из действенных методов в решении этих проблем может стать социодрама.

Метод социодрамы очень сложен технологически и требует большого искусства социодраматурга, поскольку подобные игры имеют дело с сильными переживаниями, особенно если речь идет об очень глубоких противоречиях, связанных с групповой идентичностью. Эти чувства и эмоции, усиленные группой, способны сделать последствия непредсказуемыми и даже опасными. Роза Кукиер пишет:

«Ведение социодрам и владение большими аудиториями – задача, посильная очень немногими. Фактически, ни одна психодраматическая школа не готовила когда-либо нас к такой задаче. <...> Я уже была свидетельницей хаотических сессий социодрамы с потерянными и пристыженными ведущими – и я даже видела, как разгневанная аудитория швыряет ботинки. Большие группы, как было описано Фрейдом, кажется, функционируют подобно дикому животному и требуют приручения, а слова, как они используются в индивидуальной коммуникации, не передают сообщения таким же образом» (Кукиер, 2004, с. 41).

Социодраматическое решение групповых проблем, как и в психодраме, обычно начинается с разогрева, в котором группа инсценирует ситуации, связанные с групповой темой. В политической социодраме это может быть инсценировка «живой газеты». Основное социодраматическое действие строится на драматургическом моделировании социальной жизни и деятельности

группы или общества с использованием любых образов, метафор, символов и ситуаций. Если разыгрываются социальные конфликты между группами, представители которых есть среди участников социодрамы, то очень важно, чтобы они побывали в разных ролевых позициях с помощью группового обмена ролями.

Социодрама, конечно, не является панацеей решения всех социальных противоречий. Но спектр проблем, которые она способна поднимать и прорабатывать, необычайно широк: от злободневных острых конфликтных отношений до вечных ценностей, связанных с нравственными идеалами, сущностью бытия, высоким предназначением культуры.

10.6. Трансактные игры и игровые роли

Нам легче управлять людьми, чем помешать им управлять нами.

Франсуа де Ларошфуко

В качестве одной из базовых социальных потребностей человека Э. Берн рассматривает потребность *структурирования времени*, то есть заполнения времени жизни различными формами активности. Структурный голод, как называет автор эту потребность, настолько важен, что без него немислимо социальное бытие человека, оно побуждает к таким формам социального поведения, которые превращаются в смысл жизни личности. В трансактном анализе рассматриваются следующие формы структурирования времени (в направлении нарастающей сложности и интенсивности): а) уход в себя; б) ритуал; в) времяпрепровождение; г) деятельность; д) игра; е) близость. Две последние формы предполагают наиболее сильные чувства и эмоции участников. Близость сопряжена с открытостью, искренностью, честностью, снятием психологических защит, доверием. Но люди не всегда пользуются настоящей близостью, подменяя ее ритуалами, времяпрепровождением и играми.

Теория игр является одним из самых интересных и популярных приложений трансактного анализа. Э. Берн дал такое определение:

«**Игрой** мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных трансакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох» (Берн, 1988, с. 37).

Игра – это взаимодействие людей, направленное на подтверждение сценарных убеждений. Например, если в жизненном сценарии человека имеется директива, что «нельзя верить людям», то человек будет выбирать такие

жизненные ситуации, где его могут обмануть, а другие будет неосознанно избегать. Если же подходящей ситуации не оказывается «под рукой», ее можно спровоцировать, для чего и используется психологическая игра.

Почему люди играют в игры? Самый общий ответ – они не умеют общаться по-другому. Важной причиной игр является боязнь настоящей близости. Формальное общение (на уровне ритуалов) надоедает и не дает достаточной эмоциональной подпитки. Игра создает иллюзию близости, во всяком случае, по силе чувств ей не уступает. Часто прямое и открытое общение представляется невозможным или опасным, скажем, человек не решается открыто попросить о чем-то, потому что боится получить отказ. Причина этого, как правило, связана с ранним детским опытом, когда психологическая близость была сопряжена с психической травмой. Так формируется сценарий, который заставляет искать достижения целей или удовлетворения потребностей обходным путем, при помощи игр. Следовательно, неосознаваемая цель игры всегда связана с подтверждением жизненного сценария. Существуют и другие причины игр. Как писал Э. Берн:

«Одна из функций игр – удовлетворительное структурирование времени; кроме того, многие игры совершенно необходимы некоторым людям для поддержания душевного здоровья. У этих людей психическое равновесие столь неустойчиво, а жизненные позиции столь шатки, что стоит лишить их возможности играть, как они упадут в безысходное отчаяние. Иногда это состояние может даже послужить причиной психоза» (Берн, 1988, с. 50).

В ТА существует интересная метафора, согласно которой в играх происходит «накопление купонов» ее участниками, то есть своего рода зарабатывание очков против партнера, в этом случае партнерские отношения рассматриваются как постоянное соревнование, конкуренция, единоборство, которые могут перерасти в настоящие войны.

Для исследования психологических игр очень удобной и хорошо работающей моделью является концепция *драматического треугольника* С. Карпмана (Karpman, 1968), согласно которой участники игры постоянно переключаются между ролями «Преследователя», «Спасителя» и «Жертвы». Роли драматического треугольника часто являются не только жизненными ролями человека, но и основой соответствующих типов жизненных сценариев.

Игры – это не только замена подлинной близости, но и серьезная угроза этой близости, особенно в сферах, где она жизненно необходима (например, в семейных отношениях). Поэтому, одной из целей брачной терапии может стать остановка игр, ведущихся супругами. Это кажется парадоксальным, но браки, в которых происходят постоянные игры, часто оказываются достаточно устойчивыми, ибо способствуют удовлетворению многих психологических потребностей обоих партнеров. Это не только сбалансированная система их

садомазохистских наклонностей. Это потребности в *виктимном* поведении, когда супруги по очереди оказываются в роли «Жертвы», и наличие *симбиоза*, при котором партнеров полностью устраивает (при внешнем выражении недовольства) ситуация их взаимной психологической зависимости.

Пристрастие к сценарным играм сродни игровой зависимости. Играть в них, получать свой «выигрыш», оказывается важнее многих других ценностей, иногда значимее самой жизни. Это не голословное утверждение, так как игры могут заканчиваться трагически, в том числе и для их инициаторов (см. 11.3). Злоупотребление ими (склонность играть в игры 3-ей степени) можно сравнить с демонстративным суицидом, который производится с целью «наказать» обидчика («Пусть его угрызения совести замучают»), и который порой оказывается успешным. За этим тоже стоит если не сценарная игра, то, как минимум, *эмоциональный рэкет*, то есть поведение, связанное с «вымогательством» чувств, подменой одних чувств другими.

Хорошим наглядным примером трансактных игр являются игры в кабинете психотерапевта. Здесь могут вестись (и ведутся) любые психологические игры. Но среди них есть такие, которые соответствуют особым сценарным убеждениям, имеющим отношение к процессу психотерапии, например: «Мне никто не может помочь»; «Я не могу надеяться на себя»; «Психотерапия – слишком дорогое удовольствие» (последнее убеждение является поздней модификацией более ранних предписаний, например, «Мы – бедные люди», или «На всем надо экономить»).

Когда человек приходит на психотерапевтический сеанс, он переносит модель привычного поведения в кабинет терапевта. За этим может стоять и классический перенос, например, когда клиент отыгрывается перед терапевтом за причиненную когда-то кем-то боль. Клиент часто воспринимает терапевта как некую авторитетную родительскую фигуру (символического Родителя), ожидая от него того же, чего он в детстве ожидал от реального родителя, например, похвалы или наказаний. Для такой ситуации часто свойственна детская позиция клиента, когда он ищет ресурсной поддержки от родителя, не умея ее найти в себе. Такая ситуация естественна для ребенка, но неестественна для взрослого, который должен обладать достаточными способностями для самостоятельного решения своих проблем. Однако клиент потому и идет на консультацию, что не может справиться со своими трудностями самостоятельно. Приведем пример трансактной игры клиента с психотерапевтом:

Клиентка позвонила психологу, чтобы договориться о консультации, сообщив о том, что ей его рекомендовали. Узнав о цене (которая, кстати, была не слишком высокой, не выше, чем средняя стоимость подобных услуг), она удивленно воскликнула: «Ой! А мне говорили, что у вас цена... (далее она назвала такую же сумму,

только не в условных единицах, а в гривнах, что в 5 раз ниже первоначального значения)). На это терапевт ответил: «Ну что Вы, таких цен просто не существует». «Да, я это знаю, – согласилась клиентка. – Но я была перед этим у другого психотерапевта, так у нее была очень низкая цена». В результате беседы они договариваются о возможности скидки на одну треть. В конце разговора клиентка заинтересовалась, можно ли перед первой консультацией познакомиться с терапевтом, чтобы прояснить, как, какими методами тот работает, насколько комфортно ей будет с ним и т. п. Когда такая встреча состоялась, она пришла с новым предложением относительно скидки 50 %, заверив, что будет ходить много и часто. Психолог согласился. Уже в конце разговора (почти в дверях) она сообщила: «Вообще-то я веду переговоры с еще одним терапевтом, я пока не знаю, какое я приму решение. Я вам позвоню». Она действительно позвонила и сообщила, что решила пойти на индивидуальную терапию к другому терапевту, а к этому она обязательно придет в терапевтическую группу (такая возможность тоже оговаривалась в первом телефонном разговоре), пусть тот сообщит, когда она будет сформирована. После нескольких летних месяцев группа была набрана, и терапевт позвонил клиентке, чтобы сообщить об этом. Та ответила, что за прошедшее время она «не вылезала» из всевозможных тренингов, поиздержалась, и у нее просто нет денег для участия в группе. Если изменятся обстоятельства, она обязательно позвонит. Естественно, она так и не позвонила, хотя с тех пор прошло довольно много времени.

Этот случай похож на манипуляцию с целью получения выгоды. Это было бы справедливо, если бы клиентка получила реальную выгоду (например, значительную скидку, которой она бы воспользовалась). На самом деле перед нами яркий пример психологической игры, целью которой является получение *психологического выигрыша*. В отличие от манипуляции игра осуществляется неосознанно, во всяком случае, человек не отдает себе отчета, чего он на самом деле добивается. В данном случае это своеобразный «денежный» вариант игры «Динамо», в которую невольно втянулся психотерапевт.

Инициаторами таких «психотерапевтических» игр являются отнюдь не только клиенты, но и психотерапевты, подтверждающие свои собственные сценарные убеждения, вроде таких, как *«Я лучше других знаю, что для них нужно»* или *«Меня все бросают»*. Многие игры клиентов и терапевтов прекрасно дополняют друг друга. Иногда клиент и психолог ведут такие дополнительные игры достаточно долго, и у них может возникать ощущение, что процесс терапии идет успешно, например, они оба могут быть довольны ее «результатами».

Одной из самых распространенных у психотерапевтов является уже упоминавшаяся выше игра *«Спаситель»*, подтверждающая его сценарное убеждение *«Я лучше тебя знаю, что для тебя нужно»*. Игра «Спаситель» заключается в том, что терапевт пытается помочь больше, чем это необходимо, решает за клиента, что для него лучше, уменьшает его способность самостоятельно справляться со своими проблемами, то есть исходит из жизненной

позиции «Я благополучный, ты – неблагополучный». После того, как клиент отвергает навязчивую помощь психотерапевта, тот переключается из роли «Спасителя» в роль «Преследователя» (пытаясь насильно «помочь» ему решить его проблему и обвиняя его в неблагодарности) или «Жертвы» (обижаясь на него за это). Роль «Спасителя» в большей или меньшей степени свойственна очень многим психотерапевтам, особенно неопытным. В определенной мере ее можно считать болезнью роста начинающих психологов-практиков, которые в своем профессиональном развитии проходят этапы, когда хочется «вылечить всех». Так, некоторые из них начинают консультировать своих близких, родственников, других людей, которые об этом не просят. Одним из любимых занятий игрока в «Спасителя» является раздача советов. Со временем психотерапевты «перерастают» эту игру, но некоторые продолжают играть в нее, если она определенным образом связана с элементами их сценария и ранним детским опытом. В этом случае роль «Спасителя» становится жизненной ролью. Таким людям свойственно брать на себя лишнюю ответственность и чувство вины за нерешенные проблемы клиента. Рано или поздно у них может наступать синдром эмоционального выгорания.

Может возникнуть резонный вопрос: Что должен делать психотерапевт с игрой? Прежде всего – нужно уметь распознавать психологические игры. Этому поможет практический опыт и знание теории. Хорошим индикатором игры является наличие в общении игрока скрытых транзакций. Например, на явном уровне высказывание обращено от Взрослого к Взрослому, а на скрытом – от Ребенка к Родителю или наоборот. Скрытые транзакции могут быть началом игры, хотя и необязательно. Еще одним индикатором является внезапные изменения в эмоциональной сфере человека, на которого направлено «приглашение к игре». Например, вдруг возникает раздражение, досада, чувство неловкости, вины, желание оправдываться или обидаться.

Существует четыре способа реагировать на игру (Dussay, 1966): а) проявить игру; б) игнорировать игру; в) предложить альтернативу; г) играть в игру. В каждом конкретном случае нужно использовать свои тактики в зависимости от ситуации. Иногда полезно дать клиенту поиграть, чтобы выпятить и актуализировать (и помочь ему понять) его проблемы. В этом случае психолог либо играет в игру, либо игнорирует ее. Но не следует забывать, что, играя в игру, даже осознанно, важно не упустить момент, когда может произойти переключение, и игрок получит свой выигрыш или расплату. Игнорирование игры часто оказывается полезным, хорошим примером игнорирования является персонаж русских сказок Иванушка-Дурачок, который, «простодушно» игнорируя козни таких суперигроков, как Баба Яга, Кощей Бессмертный, выходит победителем. Проявлять игру (то есть делать явными скрытые транзакции) опасно на ранних этапах консультирования, так как они чреваты прежде-

временным прекращением терапии. Такая тактика полезна, когда нужно спровоцировать агрессию клиента, например, если у него проблема с выражением чувств. Когда человек играет в игру 3-й степени полезно «предложить альтернативу», например игру 2-й или 1-й степени, что приведет к снижению риска.

Хорошо это или нет, что в кабинете психотерапевта происходят психологические игры? Вопрос непростой, и на него нет однозначного ответа. С одной стороны, нужно отдавать себе отчет, что игры являются такой же естественной частью терапевтических отношений, как перенос или сопротивление. В этом смысле они неизбежны. Но, с другой стороны, нужно понимать, что они часто выступают индикаторами личностных проблем. Поэтому они требуют внимательной и серьезной работы психотерапевта. Не стоит успокаивать себя, что эти игры безопасны, ведь игры третьей степени часто ведутся ценой жизни человека, а в кабинете психотерапевта грань между жизнью и смертью становится порой очень узкой. Особенно осторожно нужно относиться к играм человека с трагическим жизненным сценарием (см. следующий параграф).

Критика игр совсем не означает, что психотерапевт всегда должен оставаться во Взрослом эго-состоянии. Есть много техник (в том числе и директивных), для которых родительская позиция терапевта вполне оправдана, например, когда клиент регрессирует в раннее детство для принятия нового решения. Но она недопустима в других случаях, например, в процессе заключения терапевтического контракта, который возможен только между двумя Взрослыми. В противном случае вместо контракта получится соглашение на игру или симбиоз. Точно также плохо, когда терапевт втягивается в игру клиента, неосознанно переключаясь в Детское или Родительское эго-состояние. Это может считаться признаком его непрофессионализма. С играми нужно не только бороться, но и использовать их в процессе психологической помощи. Существуют «хорошие» игры, которые могут иметь терапевтическую ценность (см., напр. Zechnich, 1973). Но это тема для отдельного анализа.

10.7. Жизненные сценарии и личностная автономия

Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем – через запрет?!

Владимир Высоцкий

Являемся ли мы авторами собственной судьбы? Согласно теории трансактного анализа мы далеко не всегда свободны в своем поведении, поскольку наша жизнь полна ограничений, связанных с жизненным сценарием. Сценарным мы называем поведение, которое направлено не на удовлетворение

жизненных потребностей человека с учетом реальности, а на реализацию архаичных (связанных ранней историей жизни) потребностей, представлений, ранних сценарных решений. Сценарий имеет большое значение (положительное и отрицательное) в осуществлении жизни человека. Жизненный сценарий является определенной моделью жизненного пути личности. Согласно теории жизненных сценариев человек сам (хоть и под влиянием родителей) создает свою жизненную программу, свои ограничения, планирует свой конец, но, как правило, не осознает этого.

В обыденной жизни часто пользуются такими понятиями, как карма, судьба и т. п., которые в определенной мере являются ненаучными аналогами понятия жизненного сценария. Понятие «судьба» всегда окружено ореолом загадочности, таинственности, даже мистичности. Существует множество мнений об управляемости судьбой: от признания полной свободы воли человека до концепций о космической предопределенности, фатальности всего, что происходит с человеком. Вероятнее всего, закономерности нашей судьбы заложены внутри нас, в нашей собственной психологии. Но это еще не значит, что мы полностью свободны и сознательны в управлении собственной жизнью.

Жизненный сценарий имеет свою структуру. Важными элементами сценария являются *запреты* и *предписания*, являющиеся внутренними регуляторами наших поступков, нравственными опорами (как поет В. Высоцкий: «*Бить человека по лицу я с детства не могу*»), но иногда они становятся ограничителями нашей жизненной активности, и даже самого права на жизнь. Согласно им одни формы поведения запрещаются, а другие предписывается обязательно осуществлять. Запреты и предписания первоначально исходящие от родителей, постепенно становятся руководством к действию самого человека. Авторами этой концепции являются Роберт и Мэри Гулдинги (Goulding & Goulding, 1976).

В сценарии могут быть запрещены какие-то чувства или действия. Это означает, что в детстве такое поведение запрещалось, осуждалось, или создавались условия, когда проявлять его было невыгодно или попросту опасно. Вырастая, человек продолжает избегать такого поведения, как бы запрещая его сам себе. Например, человек может запрещать себе гневаться. Но так как эмоциональная энергия требует выхода, то он либо подменяет эту эмоцию какой-то другой (например, обидой), либо направляет гнев вовнутрь, гневается на самого себя. Это чревато различными последствиями от проблем в коммуникации до болезней (психосоматических заболеваний).

Один из самых страшных сценарных запретов – «*Не существуй!*». Его получает ребенок, если он с первых дней своего существования ощущает недостаточное принятие миром, например – оказывается нежеланным или брошенным,

получает травму при рождении, или при родах умирает его мать. Отношение к маленькому ребенку его родителей является решающим фактором формирования жизненного сценария (здесь наиболее важны первые 3–5 лет жизни человека). В дальнейшем у него формируется *трагический сценарий* (его еще называют *сценарием самоубийцы*), который может реализоваться в таких саморазрушительных тенденциях, как алкоголизм, наркомания (медленное самоубийство), склонность к риску и опасным видам деятельности.

Пример такого сценария был у поэта Владимира Высоцкого. Об этом свидетельствует практически все творчество поэта, в котором тема смерти оказалась центральной. Она просматривается не только в образе многочисленных смертей его героев (с присущим ему стремлением к перевоплощению), но и в обыгрывании темы собственной смерти, как серьезном, так и шуточном, юмористическом (*«на мои похороны съехались вампиры»*). «Черный юмор» (или, как его называют в транзактном анализе – «кладбищенский юмор» или «смех висельника») также является характерной чертой трагических жизненных сценариев. В произведении «О фатальных датах или цифрах» (1971), которое можно считать центральным в теме трагического жизненного сценария Высоцкого, сконцентрировались драматические закономерности, фатальность, неизбежность безвременного конца поэта. Это как бы подтверждает «авторство» самого поэта в вершении своей судьбы и планировании собственного конца (подробнее о трагическом сценарии Высоцкого см. Горноста́й, 2005б).

То, что люди с такой судьбой иногда запрещают себе даже право на жизнь – это не просто метафора. В психотерапевтическом опыте есть немало случаев, когда клиенты из внешне благополучных семей (которых не бросали на улице и не оставляли в роддоме) получили в раннем детстве опыт неприятия родителями. Причин много, например, беременность, которая случилась «не вовремя», когда родители собирались разводиться, или вообще до брака, собственно и заключенного «по необходимости», из-за ребенка, который должен был родиться. Мать в сердцах может бросить маленькому ребенку что-то вроде: *«Лучше бы ты не родился!»*, *«Из-за тебя у меня жизнь наперекосяк!»* или *«Я бы не терпела эту сволочь (мужа), если бы не твое появление на свет»*. Даже если подобное и не произносится, это постоянно «сообщается» ребенку скрытыми транзакциями: выражением лица, настроением, жестами, позой и другими невербальными способами. Такие послания (а невербальные сигналы гораздо убедительнее формируют запреты, чем вербальные) для ребенка равносильны директиве «Не живи!». Если таким клиентам задать вопрос: «Бывало ли у Вас, чувство собственной ненужности, случались ли ситуации, когда не хотелось жить?», то практически все отвечают положительно, а у многих обнаруживается опыт и реальных попыток самоубийства.

С запретами жить трудно, например, запрет «*Не будь важным*» заставляет постоянно думать о себе как о человеке ничтожном, не достойном внимания. Но запреты могут быть частично отменены позитивными директивами (они называются контрпредписаниями). Модель такого поведения называется «*драйвером*». Например, человек чувствует свою неважность, но если он все время стремится к совершенству, он может ощутить свою значимость, следовательно, оказаться в состоянии комфорта. Таким образом, драйвер «*Будь совершенным*» снижает пагубность запрета «*Не будь важным*», так как, выполняя это условие, человек может почувствовать собственную значимость. Но это хорошо лишь на первый взгляд, на самом же деле мы получаем условное благополучие. Пока человек выполняет условие сценария (например, стремится к совершенству), он благополучен. Как только он перестает его выполнять, гармония нарушается. Но ни одна директива не может выполняться постоянно. Следовательно, человек будет периодически попадать в ситуации неблагополучия, он будет рабом этого предписания, подчиняя ему всю свою жизнь. Это сродни алкогольной или наркотической зависимости, от которой нужно избавляться.

Разумеется, не все запреты являются плохими. Во многих из них заложены ценные моральные принципы, такие, например, как христианские заповеди «Не убий!», «Не укради!», которые тоже являются «Родительскими» запретами, где абсолютным «Родителем» выступает Бог. В данном контексте речь идет совсем о других запретах, о тех, которые мешают человеку жить и самореализоваться. В любом случае гораздо лучше, когда человек сам решает, в какой ситуации и как себя ограничивать, сам является субъектом своей судьбы, а не слепым исполнителем воли внутреннего «Родителя».

Не все запреты являются сценарными, существуют «*Взрослые*» запреты, то есть такие, которые человек сам для себя формулирует. Они, как правило, сопряжены со Взрослым, а не с Детским эго-состоянием, человек сам может взять на себя ответственность за принятие решения, и у него не будет возникать внутренний барьер всякий раз, когда он в силу необходимости этот запрет нарушает. Взрослый творчески перерабатывает жизненный опыт и всегда трезво оценивает ситуацию, он не теряет контакта с реальностью, со «здесь–и–теперь».

Сценарные или «*Родительские*» запреты в отличие от «*Взрослых*» являются абсолютными, они не могут подвергаться сомнению и ревизии. Мотивы действий, связанных с ними, как правило, не осознаются, просто человек является ведомым какой-то высшей силой. При попытке нарушить такой запрет человек как минимум ощущает дискомфорт, чувство вины, иногда какие-то телесные ощущения. В более серьезных случаях при нарушениях сценарных запретов может наступать так называемая *сценарная расплата*,

например в форме психосоматических заболеваний. Иногда человек даже не догадывается, что у него есть запреты. Например, он может считать, что ему совершенно не свойственна агрессивность, в тоже время он просто запрещает себе даже думать о том, что она у него может возникнуть.

Как научиться снимать ненужные запреты? Для этого существует много интересных методик, основанных на синтезе трансактного анализа и психодрамы. Но запрет нельзя снять просто так, как старое пальто. Сценарные запреты глубже нашего сознания и не сводятся к знанию того, что «можно» и чего «нельзя». Взрослый человек может дать себе разрешение, осознав свои ограничения, но это возможно лишь в обычных ситуациях, да и то не всегда. Взрослые решения связаны с поздними элементами сценария, а в стрессе, как известно, человек регрессирует и возвращается к его более ранним стадиям. Например, он может превратиться в травмированного «ребенка» вместо того, чтобы, трезво оценивая обстоятельства, справиться с ситуацией. Но с помощью методик психодрамы можно «вернуться» в тот далекий период детства, когда был наложен запрет, и психодраматически «переиграть» его заново. Можно повторить любую сцену, даже собственное рождение, если оно было сопряжено с непринятием ребенка миром, людьми, а затем и самим собой.

Помимо описанных выше «сценариев самоубийц» существует много типов и видов дисгармоничных жизненных сценариев, которые находятся в фокусе изучения различных теорий. Все эти случаи связаны с деформацией жизненных ролей, исполнение которых реализует эти жизненные сценарии со всеми нежелательными для личности последствиями.

Примером дисгармонии могут служить так называемые *виктимные* жизненные сценарии, то есть система ролевого поведения, которое провоцирует агрессивные действия окружающих (прежде всего, постоянных партнеров – членов семьи, коллег и т. п.). Очень интересными являются результаты исследований Ч. Тойча (1995), который считается основателем *виктимологии*, т. е. науки о *виктимном поведении*, или поведении жертвы (от англ. victim – жертва). По мнению Ч. Тойча, основы виктимных жизненных сценариев, т. е. сценариев жизни жертвы, заложены еще в генотипе человека, но, тем не менее, такое поведение может быть скорректированным с помощью психотерапии.

Определенная связь с жизненным сценарием прослеживается и во всех видах *аддиктивного поведения*, которое с позиций ролевой теории является примером наиболее жесткой зависимости поведения человека от внутренней «программы». К дисгармоничным жизненным сценариям следует отнести и случаи алкогольной и наркотической *созависимости*, которой часто страдают члены семьи алкоголика или наркомана, то есть психологической зависимости от аддикта. Для созависимой личности характерно балансирование между игровыми (или жизненными) ролями «Спасателя» и «Жертвы».

Существует расхожее мнение, что результатом хорошей психотерапии может стать коррекция сценария, замена «плохого» сценария «хорошим». Но следует понимать, что любой сценарий является жизненным ограничением, так как заставляет человека действовать стереотипно в меняющихся обстоятельствах. Конечно, сценарии бывают хуже или лучше, например, трагический сценарий может стать причиной трагического конца. Но настоящей целью самореализации должно стать не улучшение сценария, а освобождение человека от сценария вообще, приобретение *личностной автономии*. Это предполагает достижение трех целей: *осознанности* (то есть способности воспринимать мир адекватно, не подгоняя его под картину мира, сформированную сценарными убеждениями); *спонтанности* (умения пользоваться всеми эгосостояниями и жизненными ролями, не застревая в одних состояниях в ущерб другим); способности к *психологической близости*. По мнению Э. Берна (1988, с. 13) «только человеческая близость может полностью удовлетворить сенсорный и структурный голод и потребность в признании». Он писал:

«К счастью, свободная от игр человеческая близость, которая по сути есть и должна быть самой совершенной формой человеческих взаимоотношений, приносит такое ни с чем не сравнимое удовольствие, что даже люди с неустойчивым равновесием могут вполне безопасно и даже с радостью отказаться от игр, если им посчастливилось найти партнера для таких взаимоотношений» (Берн, 1988, с. 50).

Автономная личность с позиций ТА это ни что иное, как и самоактуализированная личность в гуманистической психологии. Она имеет много общего и с другими примерами личностного роста, описываемыми в разных парадигмах (например, индивидуация у К. Юнга). Понятие *ролевой самореализации* охватывает все эти характеристики и предполагает субъектный уровень развития личности – уровень индивидуальности.

Глава 11. Интеграция психотерапии с позиций ролевого подхода

11.1. Интегративные модели в психотерапии

Современная психотерапия очень похожа на сообщество государств, жители которых говорят на разных языках, исповедуют разные религии, подчиняются разным законам, то есть живут самостоятельной и независимой друг от друга жизнью. Некоторые государства являются соседями, их языки и обычаи похожи. Граждане других воспринимают друг друга не иначе, как инопланетян. Как и положено для сообщества государств, между ними устанавливаются дипломатические отношения или ведутся войны. Происходит культурный обмен, но также сильна и конкуренция. Случается, что одни государства завоевывают или подчиняют себе другие. Образуются целые империи, состоящие из множества провинций. Происходит и обратный процесс, когда одно государство делится на два или несколько, или от него отделяется какая-то часть и заявляет о своем суверенитете. Многие страны вступают в международные союзы, создают общие законы, вводят единые денежные единицы.

Похожие явления наблюдаются и в содружестве психотерапий. Здесь также происходит дифференциация и интеграция, одни методы разделяются на субметоды, или от них отделяются новые направления. Другие объединяются между собой, образуя интегративные подходы или метанаправления. Эти процессы совершенно естественны для развития любой практической дисциплины. Но взаимоотношения между различными подходами бывают довольно сложными, порой драматичными, их представители часто спорят друг с другом об эффективности психотерапевтической помощи, критикуют и не признают позитивные стороны своих коллег. В. Н. Цапкин (1992) использовал для описания сложившейся ситуации метафору вавилонского смешения языков. Он писал, что психотерапевты различных теоретических ориентаций говорят на разных языках, с трудом понимая друг друга; им трудно, почти невозможно, найти какие-либо научные основания, общие для всех направлений.

В настоящее время создаются новые психотерапевтические методы, что является показателем развития. Но в последние годы возросло значение процессов интеграции. Принцип здорового эклектизма, допускающий плюрализм методов и принципов становится популярным. Теоретически возможны разные пути сближения психотерапевтических подходов с разным уровнем интеграции, выходом за пределы одной парадигмы: *1-й уровень* – интеграция родственных направлений; *2-й уровень* – сближение теоретически далеких друг от друга направлений; *3-й уровень* – интеграция всех направлений в одну систему.

Существует много примеров первых двух уровней интеграции. Третий – практически недостижим, а может быть и принципиально невозможен, так как все многообразие психических явлений очень сложно уложить в одну систему, охватывающую не только разные теории, но и мировоззрения. Во всяком случае, интеграция психотерапий не означает их унификации, сведения к одной теории. Скорее всего, она пойдет по пути создания одного или нескольких метаязыков, с помощью которого станут понятными друг другу разные теоретические подходы. Очень показательным является высказывание известного теоретика психодрамы А. Блатнера:

«Идея, что существует единая теория психологии, приложимая ко всем психологическим и психиатрическим проблемам, и даже более того, что существует или должен существовать единственный метод лечения, по моему мнению, абсурдна. Я признаю, что являюсь убежденным эклектиком, и что я могу подтвердить эту точку зрения как рационально обоснованную» (Блатнер, 2003, с. 6).

Сейчас сложно прогнозировать эволюцию психотерапии. В естественных науках прогресс шел по пути создания единой научной картины мира. Что-то подобное будет происходить и в психологии, хотя вполне возможно, здесь будут и принципиальные отличия.

Мы считаем, что принципы интеграции могут строиться на разных основаниях: а) вокруг одной *теории личности* (пример – психоаналитические теории); б) относительно одного *объекта* (пример – системная семейная терапия, здесь объектом является семейная система); в) относительно одной *методологии*, ведущего метода или группы родственных методов (примеры – игровая терапия, ролевая психотерапия); г) в связи с общей *моделью*, на которой строится психотерапевтический процесс (пример – сказкотерапия). Существует много критериев интеграции психотерапии. По мнению А. Марера интегративная психотерапевтическая теория имеет право на существование, если она в состоянии определить: а) характер «материала», получаемый от клиента для терапевтической работы и способ его получения; б) способ слушания и наблюдения; в) специфический язык клиента и психотерапии; г) цели психотерапии; д) общие стратегии психотерапии; е) условия, осуществление и последствия психотерапевтического воздействия; ж) принципы психотерапевтического воздействия (Mahrer, 1989).

На практике интеграция в психотерапии чаще всего происходит в соответствии с одной из четырех моделей, которые являются наиболее распространенными и эффективно работающими. *Первая модель*: один метод берется за основу, используется полностью, обогащаясь элементами из других областей; он ассимилирует теоретические конструкты, практические техники, методические принципы и т. п. Подобная эволюция со временем происходит практически с каждым направлением психотерапии. Так, современный пси-

хоанализ многое ассимилировал из методов, возникших гораздо позже, даже из таких далеких, как теория К. Роджерса, откуда были заимствованы многие принципы терапевтических отношений. Современный психоаналитик уже не является бесстрастным и невозмутимым «зеркалом», в котором отражаются переживания пациента, порой он больше похож на эмпатичного роджерсианца, чем на сухого аналитика эпохи Зигмунда Фрейда. Многие методологические положения психоанализа также использованы в других современных направлениях. По большому счету – большинство методов (если не все) являются в той или иной мере интегративными. Иногда в рамках первой модели интеграции возникает принципиально новое направление. Пример – интегративная психотерапия Р. Эрскина и Ж. Маурсанд (Erskine, Moursund, 1997; Moursund, Erskine, 2004), вышедшая из трансактного анализа и ассимилировавшая методологические принципы психотерапевтических отношений из гештальт-подхода и других направлений.

Вторая модель: объединение группы родственных между собой методов, универсализация подхода. При этом нет необходимости создавать новые теоретические концепции и адаптировать методы к новой теоретической основе, ведь составляющие интегративной системы в данном случае достаточно близки методологически и гармонично дополняют друг друга. Примеры: психодинамическая психотерапия (объединение подходов психоаналитической ориентации; иногда ее также называют «глубинная психология»); ролевая психотерапия (объединение ролевых, театральнo-драматургических технологий; теоретической базой выступают различные теории ролей); арттерапия (интеграция множества видов терапий искусствами); телесно-ориентированная психотерапия (объединяющая техники и методы, построенные на телесных и биоэнергетических парадигмах) и многие другие. В рамках второй модели иногда возникают совершенно своеобразные по методической оснащенности методы, например, кататимная психотерапия или символдрама (Лейнер, 1996), возникшая из синтеза психоаналитической теории и метода активного воображения К. Юнга, или песочная психотерапия (Штейнхард, 2001; Dale, Lyddon, 2000), развившаяся из юнгианской аналитической психотерапии.

Третья модель: синтез двух подходов между собой (иногда весьма далеких друг от друга теоретически). Самый яркий пример – это когнитивно-бихевиоральное направление психотерапии. Еще один пример – синтез психоанализа и арттерапии (Яценко, 1996, 2006). Часто два направления успешно интегрируются, если одно из них является мощной теоретической системой, а второе – не менее развитой методической технологией. Здесь первое направление выступает теоретической основой, на ней строится теория личности, с помощью ее понятий описываются психологические феномены (в норме или патологии), с которыми работает психотерапевт. Второе направление предос-

тавляет методическую оснащенность, систему средств достижения позитивных изменений психологических реалий, описываемых в терминах первого направления. В результате такого синтеза исходные психотерапевтические подходы не просто удачно дополняют, но и существенно усиливают друг друга.

Четвертая модель: эклектическая (иногда используется близкое по смыслу понятие мультимодальная психотерапия), когда объединяются методы нескольких направлений, при этом ни одно из них не играет ведущей роли. Типичный пример – это проблемно-ориентированная психотерапия А. Блазера и соавторов (1998). Многие черты этой модели имеет системная семейная терапия и позитивная психотерапия Н. Пезешкиана. За перечисленными методами, как правило, не стоит своя специфическая теория личности, они опираются на теоретические положения других подходов, которые послужили ее источниками; исключение, пожалуй, представляет теория семейных систем М. Боуэна (Теория..., 2005). На практике последовательная эклектическая модель (когда не отдается приоритет ни одной теории, более того, когда ни одно из составляющих ее направлений не реализуется полностью) воспринимается неоднозначно и встречает больше всего критики. А. Блатнер (2003, с. 6) пишет, что эклектика часто представляет собой «мешанину техник», но в то же время считает, что она «может быть основана на очень глубоком теоретическом уровне».

На наш взгляд, наиболее интересные результаты получаются в рамках третьей модели интеграции, при объединении теоретических конструкторов одного направления и практической технологии и методологии другого. Примером может служить объединение психодрамы (мощного практического метода) с психотерапевтическими направлениями, которые традиционно сильны теоретически, и интеграция с которыми дает замечательные результаты. В этом кроется известная методологическая терпимость психодрамы, ее прекрасная сочетаемость с большим количеством методов и подходов и готовность к методической ассимиляции с ними.

На преимущества интеграции по типу «*фундаментальная теория – практическая методология*» указывает много авторов. Так, например, И. Н. Ефимова (2004; 2005) пытается «скрестить универсальность практики психодрамы с глубиной и подробностью теории экзистенциального анализа». Автор считает, что психодраматическая теория ограничивается описанием методик и техник и не касается законов развития и функционирования психики (хотя с этим сложно согласиться полностью), в то время как экзистенциальный анализ «презентирует мощнейшую теоретическую структуру, включающую в себя антропологию, теорию мотивации, теорию эмоций и ценностей» (Ефимова, 2004, с. 65). Подобную аргументацию приводит и М. А. Хайн, рассуждая об интеграции методики психодрамы и теории транзактного анализа.

На метод психодрамы очень хорошо ложатся теории глубинной психологии, прежде всего – классический психоанализ (Холмс, 1999; Aronson, 1990; Naar, 1977), аналитическая психология (Барц, 1997), кататимная психотерапия или символдрама (Лейтц, 2007, с. 255–259). Так, юнгианская психодрама предусматривает психодраматическую работу с так называемыми архетипическими фигурами – Персона, Тень, Анима, Анимус и другими (Барц, 1997). Великолепные результаты получаются от интеграции психодрамы и системной семейной терапии. Семейная терапия, являясь по существу интегративным методом, использует очень много техник психодрамы, а такие методы, как семейные расстановки по Б. Хеллингеру (2001), геносоциограмма по А. А. Шутценбергер (2005) без сомнения испытали на себе большое влияние психодрамы и социометрии. Психодрама хорошо объединяется с такими методами, как бихевиоризм (Kelly, 1978), гештальттерапия (Долгополов, 1998), психотерапия реальностью (Greenberg, Bassin, 1976), нейро-лингвистическое программирование (Buchanan, Little, 1983) и многими другими.

Можно перечислить еще множество других методов, которые могут быть интегрированы в рамках ролевого подхода. *Ролевая психотерапия* – это группа методов психотерапии, использующих ролевую игру. Она включает в себя психодраму, терапию театрализованным действием, драматерапию, имагопсихотерапию и другие виды. Вместе с тем – это обозначение интегративного подхода, базирующегося на драматургической методологии и на метафоре театра. К данному подходу может быть причислена *терапия фиксированных ролей*, Дж. Келли (2000), заключающаяся в расширении ролевого репертуара личности путем реализации сценариев исполнения контрастирующих ролей в реальных жизненных ситуациях клиента с целью коррекции личного стиля жизни. Ролевой подход предполагает синтез ролевой психотерапии и с другими методами, такими, как *сказкотерапия*, *телесная психотерапия*, *песочная психотерапия* (сэндплей) и многими другими с целью взаимного обогащения и развития.

11.2. Трансактная психодрама

Психодрама сильна своим действием, методом, во время как трансактный анализ предлагает последовательную теорию. В комбинации они дают вариант психотерапии с замечательными результатами, союз, который хорошо работает.

М. А. Хайн (2003, с. 37)

Психодрама имеет свою теоретическую базу: теорию креативности и спонтанности, теорию ролей и ролевого развития, на которых строится психодраматическая теория личности. Но она все же не обладает достаточной

полнотой в описании психологических феноменов, и ее теоретические модели не всегда достаточно универсальны. Но, с другой стороны, психодраматическая теория ролей оперирует максимально приближенными к жизни понятиями, что дает широкие возможности для абстрагирования. Драматургически-ролевая парадигма предлагает очень удобный язык для описания множества явлений психической и, в особенности, социальной жизни человека и его поведения. Он может выполнять функцию одного из метаязыков для сближения разных психологических и психотерапевтических подходов. *Роль*, как ключевая категория ролевой парадигмы – это не только социальная характеристика, но и личностный модус, в котором отражаются практически все измерения личностного. *Действие* (в драматическом понимании, как «театральное» действие) – это еще одна очень емкая категория, более широкая, чем категории «деятельность» и «поведение» (являющимися базовыми в теории деятельности и в бихевиоризме).

Очень широкие терапевтические перспективы открываются при взаимодействии психодрамы и транзактного анализа (ТА). Эти направления оказываются совместимыми на всех уровнях: практическом, теоретическом, методологическом. *«Транзактная психодрама»* – это один из наиболее удачных вариантов интеграции психотерапий, в разработке которого участвует и автор. На ее возможность указывал еще основоположник транзактного анализа Эрик Берн (2000, с. 336–338), а впоследствии она была обоснована многими исследователями (Holtby, 1975; Jacobs, 1977; Naar, 1977; Хайн, 2003 и др.). Психодраму и ТА роднит много вещей, среди которых простой и доступный язык, используемый этими психотерапевтическими традициями. Вот как высказывается о ролевой теории, лежащей в основе психодрамы, А. Блатнер:

«Понятная, знакомая, поскольку люди видят актеров в кино, пьесах, и т. д. Язык легко использовать, он «дружественный». <...> Яркая и запоминающаяся метафора, вызывающая образы, которые являются относительно гораздо более конкретными, чем слишком абстрактными» (Блатнер, 2003, с. 12).

Эрик Берн, разрабатывая терминологический аппарат своей теории, специально использовал знакомые из повседневного языка понятия, что даже стало причиной профанации многих достаточно сложных фундаментальных идей ТА. Эту теоретическую систему, не уступающую психоанализу по сложности и охвату различных психических явлений, как в норме, так и в патологии, многие несправедливо стали считать своего рода поп-психологией.

Существует много приложений ТА к психодраме. Самое очевидное опирается на *структурную модель личности* и заключается в возможности психодраматической проработки ее составных элементов. Понятие *«эго-состояний»* как никакое другое подходит для ролевого разыгрывания. Уже простое представление протагониста с помощью трех (*Родитель, Взрослый,*

Ребенок) или пяти (как в функциональной модели эго-состояний) персонажей, которые взаимодействуют между собой, спорят или конфликтуют, способно многое прояснить в понимании себя. Например, человек может понять, что он либо предпочитает, либо, наоборот, ему трудно дается какое-то определенное эго-состояние с вытекающими из этого выводами, уходящими корнями в историю его жизни. Например, обнаруживается, что в какие-то ответственные моменты теряется контакт со Взрослым эго-состоянием, что мешает человеку совершать важные действия. Иногда за проявлениями Родительского эго-состояния стоит реальная родительская фигура, с которой у протагониста сложные и драматичные отношения. Особенности Детского эго-состояния могут дать ключик к проблемам из собственного детства человека.

С другой стороны, многие роли в психодраме, выражающие субличности человека, являются не чем иным, как вариантами его различных эго-состояний. Всем хорошо знакома роль «Внутреннего контролера» (он же «Контролирующий Родитель»), «Внутреннего ребенка» (Детское эго-состояние). Ресурсы Взрослого очень удобно раскрывать с помощью действий, основанных на техниках «зеркала». Например, протагонист запутался в своих переживаниях, не может избавиться от страха или неадекватно преувеличивает значимость какого-то персонажа, события или вещи. Если предложить ему выйти из ситуации, ставшей тупиковой, и понаблюдать ее со стороны (когда его заменяет дублер), то, как правило, протагонист возвращается во Взрослое эго-состояние и может, например, трезво оценить, что он напрасно боится, или выглядит как слабый маленький ребенок, вместо того, чтобы смело и свободно действовать. Средства психодрамы предоставляют возможности для усиления или нейтрализации эго-состояний, получивших в онтогенезе неравномерное развитие, для их деконтаминации и работы со многими другими структурными дисгармониями и патологиями.

Не менее важной теоретической концепцией, которую можно с успехом использовать в психодраме, является теория *жизненных сценариев* (см.: Штайнер, 2003). С помощью драмы мы часто исследуем развертывание жизненной истории человека. Психодраматическая работа со многими жизненными проблемами строится намного эффективнее и получает новые терапевтические возможности, если пользоваться моделью жизненного сценария. Вариант психодрамы на тему жизненного сценария можно назвать *скриптодрамой*. Выведение на сцену тех узловых моментов, вокруг которых разыгрывается жизненная драма человека, помогает осознанию сценария, его деструктивного влияния, способствует выходу из него.

Очень важным элементом сценария являются так называемые *сценарные запреты, предписания и ранние решения* (Goulding & Goulding, 1976). Запреты формируются на ранних этапах онтогенеза (иногда на довербальной ста-

дии) и часто играют отрицательную роль, если человек всю жизнь неосознанно запрещает себе какие-то важные формы активности. Взрослый человек может разрешить себе то, что запрещено сценарием, но это возможно лишь в обычных ситуациях. Взрослые решения связаны с поздними стадиями сценария, а в стрессе, как мы знаем, происходит регресс во времени, и начинают актуализироваться более ранние элементы сценария. Например, человек может превратиться в травмированного ребенка вместо того, чтобы, реально оценивая обстоятельства, справиться с ситуацией.

Для снятия запрета и замены его *разрешением* нужно вернуться в тот далекий период детства, когда был наложен запрет, и переиграть его заново. Здесь наилучшие методические возможности предоставляет именно психодрама с ее техникой «возврат во времени». Примерно так же происходит работа с так называемыми «ранними решениями» о себе, о других людях, о жизни и о мире в целом, часто имеющими пагубные последствия в будущем, становясь причиной комплексов, вредных сценарных убеждений и стереотипов. Трансактную теорию «*перерешения*» (принятия ребенком нового решения) разработали Роберт и Мери Гулдинги (1997), авторы концепции сценарных запретов, получившие за свои разработки премию имени Эрика Берна в 1975 году. Можно «переиграть» любую сцену, даже собственное рождение, если оно было сопряжено с непринятием ребенка миром, людьми (родителями), а затем и самим собой. Это равносильно запрету «Не существуешь!», типичному для жизненных сценариев самоубийц, запрету, который снимается (или, по крайней мере, ослабевает) благодаря новому опыту, полученному в психодраме.

Важным компонентом функционирования любой терапевтической группы являются процессы групповой динамики, которые можно интерпретировать с помощью *трансактной теории игр*. Психологические игры, проявляющиеся в динамических процессах, являются индикатором важных психологических проблем участников. Это проявляется в процедуре выбора протагониста из нескольких кандидатов, в использовании эмоционального рэкета (то есть вымогательства чувств или подмены одних чувств другими), в частом попадании некоторых участников в роли «Жертвы», «Преследователя» и «Спасателя» при групповом взаимодействии и во многих других ситуациях (Карпман, 1968). Анализ игр, один из основных терапевтических средств ТА, делает трансактные игры предметом успешной психотерапевтической работы.

Очень интересным методом ТА является «*родительское интервью*», описанное Мак-Нилом (McNeel, 1976), получившим за него премию имени Эрика Берна в 1994 году. На разработку метода, бесспорно, оказала влияние техника «пустого стула», что отмечает и сам автор. Метод нацелен на терапию Родительского эго-состояния протагониста и помогает прояснению отно-

шений с реальной родительской фигурой. «Родительское интервью» может успешно использоваться как в индивидуальной терапии, так и в терапевтической группе. В последнем случае на психодраматических «пустых стульях» могут появиться актеры, играющие роль родителя, или даже «родителя родителя», как в случае, описанном М. А. Хайн (2003, с. 47–48). В группе возможно традиционно психодраматическое развитие родительского интервью, когда, например, амбивалентное отношение к родителю (или родителя) исследуется с помощью «разделения» его на «положительную» (любящую) и «отрицательную» (отвергаемую протагонистом) части (аналоги эго-состояний Заботливого и Критикующего Родителя).

Существуют и другие концепции ТА, приложимые к методу психодрамы. Среди них следует назвать метод *перевоспитания* (re-parenting), предложенный семьей Шиффов (Schiff, 1969) и концепцию *тупиков*, разработанную Р. и М. Гулдингами (1997, с. 46–49), в которых психодрама не только дополняет транзактную парадигму, но и предлагает эффективную альтернативу (см. Хайн, 2003, с. 46–49).

Особо следует отметить применение «транзактной психодрамы» в индивидуальной психотерапии. Работа с одним клиентом больше предрасполагает к подробному исследованию его жизненного сценария, так как в центре внимания находится не актуальные для группы темы и конфликты, а индивидуальная история человека, особенности именно его личности, его собственный терапевтический контракт на изменения. Монодрама (см. Эрлахер-Фаркас и Йорда, 2004) является прекрасным и действенным дополнением к теории сценариев, позволяя человеку лучше понять свою историю, сыграв в собственную жизнь.

В заключение еще раз хочется подчеркнуть, что интеграция ТА и психодрамы не ущемляет автономии и самодостаточности ни одного из этих методов. В сочетании получается новое качество, когда сильная теория ТА обретает продолжение в сильных методиках и техниках психодрамы (чего часто не хватает транзактному анализу), а психодрама получает методологический аппарат (теоретический скелет), позволяющий описывать в терминах ТА многообразие функционирования личности, объяснять все процессы и эффекты психодраматического действия.

Однако соблазн подогнать клиента, его проблему под красивые теоретические концепции и методические схемы часто оказывается настолько большим, что терапевт перестает видеть живого человека, а воспринимает лишь модель для воплощения его теоретических и методических познаний. Настоящая психотерапевтическая работа возможна лишь тогда, когда психолог поднимается над любыми теориями и методологиями и творчески исследует уникальный и совершенно неповторимый случай, если он «забывает» прави-

ла и методические приемы, как взрослый человек не помнит заученные в детстве правила грамматики, научившись писать без ошибок. Как писал К. Г. Юнг, для каждого нового клиента нужно «создавать» свою теорию личности. Только тогда можно выбраться из дебрей жизненного сценария на открытый простор личностной автономии и самореализации.

11.3. Роли в семейной психотерапии

Если судить о любви по обычным ее проявлениям, она больше похожа на вражду, чем на дружбу.

Франсуа де Ларошфуко

Семья – это то место, куда мы приходим после жизненных столкновений, конфликтов и неурядиц. Мы ищем в ней уют и покой, защиту и понимание. Но вместе с тем – она источник самых сильных страданий и травм. Большинство психологических проблем взрослого человека имеют истоки в его детской семье. Там больше всего любят, но и наносят самые сильные раны. Там нас защищают, кормят, одевают и воспитывают. Но там нас порой обижают, ненавидят, а иногда и убивают.

Кто-то справедливо назвал семью колыбелью невротизма человека. Действительно, по количеству факторов психической травматизации она стоит на первом месте, опережая все другие сферы, даже школу. Я имею в виду не только физическое насилие, сексуальное злоупотребление, жестокое обращение и травматизм, но и семейную депривацию, психологическую агрессию, а также перегибы родительского влияния, способствующие развитию личностных деформаций у детей. Важной особенностью является закрытый характер любой информации, касающейся семейных проблем, прежде всего, травм – физических, моральных или сексуальных. О них не любят хвастать ни жертвы, ни сами агрессоры. Как ни странно, это часто сопряжено с чувством вины жертвы. Такая ситуация – причина многих сложностей в решении семейных проблем.

Парадигма системной семейной терапии прекрасно сочетается с ролевым подходом, в частности, с психодрамой и с трансактным анализом. Вообще, эти три группы методов представляют собой очень сильную в методическом и теоретическом плане триаду, предлагающую способы решения практически всей психологической проблематики человека и его окружения.

Можно назвать следующие феномены семейной жизни, выступающие как точки интеграции системного семейного и ролевого подходов:

а) *семейные взаимоотношения* – связаны с проблемой структурирования времени, в частности со способностью к близости, их очень удобно инсценировать в ролевой игре и анализировать с точки зрения эго-состояний;

б) *семейные роли*, семейные ролевые идентичности – являются предметом работы в психодраме и основой анализа семейных взаимоотношений;

в) *семейные игры* – могут быть в фокусе транзактного анализа игр и основой изучения групповой динамики в семейных отношениях;

г) *семейные стереотипы* – могут рассматриваться как социальные ролевые ожидания в семье и факторы восприятия семейных ролей;

д) *семейные мифы* – выступают как феномены группового (семейного, или родового) бессознательного и связаны с важными ролевыми фигурами;

е) *семейные истории* – их можно драматургически инсценировать, и они являются одним из источников жизненного сценария.

Семейные роли являются очень удобной моделью исследования семейных отношений, поскольку в них, с одной стороны, заложены основные функции, статусы и позиции членов семьи, с другой – это личностные модусы, в которых через ролевые идентичности функционируют личности участников. *Принятие роли* является важным условием взаимодействия в семье, которое, в свою очередь, связано с конгруэнтностью ролевых ожиданий и притязаний участников взаимодействия. В зависимости от этого можно делать вывод о *ролевой совместимости* в семье. Роль является удобной моделью для построения эмпирических методик. Одной из них является уже упоминаемая нами тестовая методика Д. Вердиано и соавторов (Verdiano et al., 1990), опирающаяся на концепцию Ш. Вегшейдер детских ролей в алкогольных семьях (Wegscheider, 1981). Для исследования ролевой совместимости супругов разработана специальная диагностическая методика «*РОП*» («*Ролевые ожидания и притязания в браке*») А. Н. Волковой (1979).

Взаимоотношения между супругами являются важной проблемой семейной психологии, хотя ей традиционно уделяется меньше внимания, чем вопросам воспитания и общения родителей и детей. За отношениями супругов часто стоят неосознаваемые стереотипы и установки, которые влияют не только на тактику и стратегию поведения в семье, но и на успешность взаимодействия и даже на судьбу брака в целом. Ведь отношения с детьми, какими бы конфликтными они не были, редко способны разрушить семью. В то же время супружеские конфликты напрямую связаны с целостностью брака.

Исследование закономерностей семейных (в частности, супружеских) отношений удобно осуществлять с помощью *теории игр* транзактного анализа. Семейные игры (иногда правильнее назвать «семейные войны») играют всерьез, это, как правило, игры 2-й или 3-й степени, которые, по определению Э. Берна (1988, с. 52), ведутся до последней «точки» и могут закончиться в операционной, в зале суда или в морге. Существует даже такое понятие: «убийство на бытовой почве». Оно, как правило, является следствием выяснения конфликтных отношений, которое переходит разумные пределы, часто

сопряжено с состояниями аффекта, фрустрации. Корыстные мотивы в таких случаях обычно отсутствуют. Многие из подобных инцидентов являются результатом так называемых «силовых игр», и могут быть проиллюстрированы примером фильма Дэнни Де Вито «Война Роузов» по роману Уоррена Адлера.

Игры являются частью жизненного сценария, средством подтверждения сценарных убеждений. Если в основе сценария лежат искаженные гендерные стереотипы (например, предвзятое отрицательное отношение к представителям противоположного пола), то это неминуемо приведет к перекосам в отношениях, к силовым играм вместо психологической близости. Силовая игра может вестись с разных позиций: а) с доминирующей – это, как правило, прямая агрессия; б) с подчиненной – это либо «партизанские» тактики, либо провокация на агрессию партнера с получением психологического выигрыша (Штайнер, 2003, с. 281–296). Игры с доминирующей позиции ведутся партнером, который физически и/или психологически сильнее. Это не всегда мужчина, хотя чаще бывает именно так. Нередко обоими супругами с двух позиций одновременно ведутся дополнительные игры. Семейная агрессия как следствие игры не обязательно инициируется агрессором, часто она провоцируется самой жертвой.

Приведем пример игры жены, которая провоцирует агрессию своего мужа. Если муж что-то начинает делать (например, какую-то домашнюю работу), жена тут же принимается его критиковать. Возможны следующие варианты реакции мужа: 1) он «уходит в себя», перестает что-либо предпринимать (как вариант – начинает пить) и тем самым подтверждает сценарий жены, в котором содержится убеждение, что «все мужчины плохие»; 2) он отвечает агрессией (рано или поздно такой вариант может произойти, даже после многих случаев реагирования первым способом), что дает ей право сказать: «Я так и знала, что ты такой плохой»; или «Вот какой ты на самом деле» и т. п. Это тоже подтверждает сценарий жены. Используя концепцию «драматического треугольника», мы видим, что первоначально инициатор игры находился в роли «Преследователя», а партнер – в роли «Жертвы». Но затем они на время меняются ролями. В результате такой игры «жертва» (инициатор) получает психологический выигрыш, тем больший, чем больше направленная на нее агрессия (тем самым роли как бы возвращаются в первоначальную позицию). Максимальный психологический выигрыш, как это ни парадоксально, получается, когда в порыве агрессии в состоянии аффекта спровоцированный агрессор убивает свою жертву и отправляется на скамью подсудимых (игра 3-й степени). Жертва могла бы воскликнуть: «Вот какой он на самом деле! Туда ему и дорога!» Правда, испытать все чувства «победителя» жертва уже не успевает.

В криминальной практике и в поле внимания семейных психологов и психотерапевтов проблему семейной жестокости, как правило, понимают достаточно определенно: как необходимость защиты жертвы и обуздания агрессора, который считается однозначным виновником инцидента. Часто бывает именно так. Семейные разборки, когда жертва является инициатором

и провокатором агрессии, нетипичны, они, как правило, являются исходом силовых трансактных игр. Но такие случаи имеют место, и игнорировать их в вопросах профилактики семейного насилия нельзя, ибо трагические развязки семейных драм имеют множество вариантов.

Детско-родительские отношения часто не менее драматичны, чем супружеские, и они также содержат множество игр, в том числе и силовые. Дети, как правило, обучаются типичным играм родителей, воспитание часто неосознанно сводится именно к этому. Семья самым непосредственным образом участвует в построении жизненного сценария личности. Отношение родителей к мужским и женским ролям формирует сценарные убеждения их детей относительно семейных ролей партнеров по браку и перспектив семейных отношений в целом. Один из типов таких позиций создает распространенный паттерн взаимоотношений в браке, связанный с ролями «Сильной женщины» и «Слабого мужчины» (см. параграф 5.6). С помощью системы ролевых ожиданий родители, сами того не подозревая, программируют будущую судьбу своего ребенка. Вот как пишет об этом А. А. Шутценбергер:

«Говоря упрощенно, при рождении и даже *во чреве* ребенок получает определенное количество посланий: ему передают фамилию и имя, ожидание ролей, которые ему придется играть или же избегать. Эти ролевые ожидания могут быть позитивными и/или негативными. На ребенка может проецироваться, например, идея о том, что он – „копия дедушкиного брата Жюля”, и все вокруг начинают думать, что он будет авантюристом, „недобропорядочным гражданином”, как и дед. Из ребенка сделают козла отпущения, на него „наденут одежду покойного”, которого ему предстоит замещать. Как феи вокруг колыбели Спящей Красавицы, ему много всего предкажут – предписания, сценарии, будущее. Это будет сказано явно или останется невысказанным и будет подразумеваться „по умолчанию” и храниться в строгой тайне. Однако явные или неявные ожидания будут „программировать” ребенка.

Затем семья и окружение начнут вводить эту программу в психику ребенка: его жизнь и смерть, брак или безбрачие, профессия или призвание, будущее станут, таким образом, производной от всего семейного контекста – высказанного и невысказанного» (Шутценбергер, 2005, с. 182).

Большинство ограничений, которые окружают нас в жизни и мешают нашей самореализации, происходит от сценарных родительских запретов, которые в определенной степени программируют судьбу человека, иногда неудачную, иногда полную сложных психологических проблем. Не стоит забывать, что жизненный сценарий бывает драматическим или трагическим (мы писали об этом в параграфе 10.7).

Если семья является источником психических травм, то существует шанс преодолеть многие «взрослые» проблемы, «погрузившись» в историю семейных отношений и разрешив там изначальные конфликты. Но для этого нужны проницательность и смелость исследователя собственной души, чтобы

встретиться не только с ностальгически приятными воспоминаниями, но и с призраками прошлого, которые мы порой стараемся забыть, как кошмарный сон. Такие возможности предоставляет метод психодрамы, позволяющий проигрывать и переигрывать по-новому старые жизненные ситуации. Если необходимо, можно использовать состояние возрастной регрессии, соответствующей исследуемому периоду жизни, в ролевой игре можно пережить даже повторное рождение или сыграть будущую смерть.

Можно сделать вывод, что психодрама предлагает хорошую методическую реализацию психотерапевтических задач, которые описываются в понятиях трансактоного анализа и системного семейного подхода. Конкретные варианты таких психодраматических сессий описаны в приложении I.

11.4. Ролевая психотерапия и трансгенерационный подход

Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых.

Карл Маркс

Многие проблемы человека имеют более длинную историю, чем его жизнь, и связаны с контекстом истории рода. В определенной мере, от предков, от событий и традиций рода зависит судьба человека. Знание о жизни предшествующих поколений дает ресурс, источник самореализации. И наоборот, чем больше тайн окружает семейную историю, чем больше замалчиваются какие-то события, тем больше вероятность, что это будет отрицательно влиять на будущие поколения. Чем сильнее стараются вычеркнуть из памяти рода какую-то личность, тем вероятнее, что ее судьбу может «повторить» кто-то из потомков.

Причины такого влияния не до конца ясны. Есть много различных объяснений – от материалистических до мистических. Одна из лучших моделей опирается на понятие *группового бессознательного*. Семья или род (как группа) обладает собственными групповым сознанием и групповым бессознательным, которые определенным образом функционируют. Семейная и родовая информация передается из поколения в поколение разными способами: как с помощью прямой коммуникации, так и другими каналами – путем бессознательного невербального взаимодействия, с использованием социальной перцепции, интуиции, эмпатии и т. п. Возможно, среди средств передачи бессознательной информации есть такие, о которых мы ничего не знаем.

Каждое событие, происходящее в семье или в роду, переживается по-разному. Об одних событиях предки рассказывают своим потомкам, эта информация превращается в *семейные истории*, и они становятся достоянием

группового (родового) сознания. Другие события замалчиваются: о них или слишком страшно говорить (например, о трагической или ранней смерти), или стыдно вспоминать (как об измене, предательстве, нарушении человеческих норм или устоев рода), или они связаны со слишком большой несправедливостью. События, о которых не рассказывают, превращаются в *семейные тайны*, и они становятся достоянием группового бессознательного. А. А. Шутценбергер так характеризовала их: о таких вещах нельзя говорить, но их невозможно забыть. Она писала:

«...лучше знать правду, даже горькую, постыдную или трагическую, чем скрывать ее, поскольку то, что скрывают одни, другие люди чувствуют или угадывают (ведь мы не профессиональные актеры). И эта тайна, это несказанное становится более серьезной травмой на долгое время.

Тайна – это всегда проблема.

Напомним, что в греческой мифологии парикмахер царя Мидаса не смог сохранить тайну, которую он зарыл в землю. „У царя Мидаса – ослиные уши“, – эту тайну стал повторять тростник, выросший на том месте.

Фрейд напоминал нам, что тот, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, констатирует, что смертные не могут хранить никаких тайн. „Тот, чьи губы хранят молчание, выбалтывает кончиками пальцев. Он выдает себя всеми порами“.

Это приводит нас к пониманию и правильной оценке важности невербальной коммуникации и выражения чувств, как языком тела, так и красноречивым молчанием» (Шутценбергер, 2005, с. 75).

Чем сильнее информация «изгоняется» из группового сознания, тем больше шансов, что она окажется в групповом бессознательном, и ее влияние на жизнь рода будет более сложным и непредсказуемым. Но так как групповое бессознательное является общим для всей группы, то вытесненная информация проявляется или дает о себе знать порой в самых неожиданных местах и формах. Потомкам порой приходится искупать вину членов семьи или «проклятие» рода. Часто у кого-то из них происходят события, похожие на те, которые случались с кем-то из предков (*семейные повторения* и *синдром годовщины*), или у них возникают болезни, символически отражающие проблемы предков.

Подобные закономерности наблюдаются на разных уровнях: от семейной системы до больших этнических групп и социокультурных общностей. Из поколения в поколения могут передаваться последствия коллективных травм, непроработанный траур, невысказанные чувства и невыплаканные слезы. Об этом пишут многие авторы – П. Ф. Келлерман (Kellermann, 2000), Р. Кукиер (2004), Я. Наор (2005), В. Де Гольжак (2003), А. А. Шутценбергер (2005) и другие в рамках *трансгенерационного подхода*, исследующего передачу между поколениями сознательной и бессознательной информации (особенно проблемного, травматического характера) и ее влияние на потомков.

Имеет значение не столько свободное сообщение информации, сколько ее ограничение («красноречивое молчание»). Как говорила Франсуаза Дольто: «Все, что замалчивается в первом поколении, второе носит в своем теле» (цит. по: Шутценбергер, 2005, с. 30).

Мы получаем из глубины рода множество посланий, среди которых есть положительные (играющие роль наших ресурсов) и отрицательные (создающие неконструктивные страхи и ограничения). Некоторые из положительных ресурсных посланий не доходят до нас по разным причинам (или мы не можем воспользоваться ими в силу собственных ограничений). Как послышки «до востребования», они ждут своего адресата порою очень долго. Это происходит от нарушения коммуникации в системе рода, когда на пути информации выстраиваются психологические барьеры в виде табу и запретов. В принципе, все, что связано с историей рода, можно использовать как ресурс, если его должным образом принять и переработать.

Но есть вещи другого рода. Неразрешенные проблемы одного поколения передаются в «наследство» следующему, потомкам как бы делегируется необходимость оплакать неоплаканное предками горе или отомстить за их обиды и унижения. Эти закономерности прослеживаются как на уровне целых поколений больших групп, так и на индивидуальном срезе. Например, сильное горе по поводу трагической умершего не позволяет говорить о нем, вытесняется в область бессознательного. Получается, что покойник оказывается как бы «недостаточно захороненным» и незримо «присутствует» среди живых, «вливая» ни их мысли, поступки, самочувствие, а иногда появляются даже в форме призраков. Особенно это характерно для случаев, когда не было настоящего погребения, например, утонувших или пропавших без вести. Это состояние может передаваться потомкам до тех пор, пока не угаснет и его сила, или пока оно не будет психологически проработано. Из поколения в поколение могут транслироваться страхи и запреты, ценности и стереотипы поведения, родовые сценарии, семейные мифы и тайны.

Мы не всегда пользуемся ресурсами, заложенными в истории рода, и не знаем, что делать с отрицательным «наследством», которое передали нам предыдущие поколения, не сумев справиться с собственными эмоциональными проблемами. Для этого разрабатывается трансгенерационный подход в современной психотерапии. Если с историей рода связана наша судьба, то можно «переиграть» события прошлого в психотерапевтическом пространстве (например, в драматургически-ролевой форме), ослабив фатальное влияние роковых обстоятельств. Работа с ресурсами и проблемами рода сопряжена с одной стороны со многими сложностями, страхами и трудностями, с другой – полна неожиданностей и открытий. Ее цель – научиться пользоваться ресурсами рода и совладать с проблемами, переданными нам в наследство.

С помощью техник психодрамы можно «встретиться» с кем-то из предков, «прояснить с ним отношения», «получить» от него разрешение или другое послание, используя его как ресурс, либо «вернуть» ему принадлежащую ему его собственную проблему. Психодраматический «диалог с предком» похож на родительское интервью, но у него другая задача – ослабить пагубную психологическую связь с проблемами предков, развести свою и чужие судьбы или, например, освободиться от «проклятия рода». Интересный пример неполученного ресурсного послания можно найти в примере, описанном в параграфе 6.4, когда история двоюродной прабабушки выступила своеобразным «ресурсом женственности». Другой пример, когда удалось избавиться от страха измены мужа, фактически унаследованный от бабушки, описан в психодраматической сессии «Я плохая жена?» (см. приложение I в).

Очень интересным методом является «реконструкция рода» – синтез методов семейных расстановок (Хеллингер, 2003), геносоциограммы (Шутценбергер, 2005) и психодрамы, позволяющий наиболее полно работать с родовой системой. С помощью «воссозданного» рода можно решить много терапевтических задач, прежде всего, получить мощную ресурсную поддержку от предков, принять инициацию, «взять» позитивное из группового бессознательного и «отдать» негативное, которое таким образом может быть осознано. Психодраматический разговор со значимым предком, который является частью этой методики, должен состоять в укреплении тех ресурсов, которые он дает нам, и в одновременном отделении своей судьбы от его судьбы, в автономизации собственной жизни.

«Реконструкция рода» – это своего рода психодраматическая геносоциограмма, которая строится не на бумаге, а на сцене, и не с помощью кружочков и квадратиков, а с помощью актеров и действующих лиц (или пустых стульев в индивидуальном сеансе). Данная игра никогда не проходит без очень сильных чувств и переживаний, без потрясений и ресурсных откровений. Это и не удивительно. Ведь эта техника позволяет человеку встретиться практически со всем своим родом (обычно до третьего поколения). Она не может проходить без волнения. Вспомните, какие переживания начинают переполнять нас при встрече с миром детства, когда мы приезжаем в те места, где мы родились, где все предметы (стены, камни, деревья) как бы разговаривают с нами на понятном только нам языке, или когда мы перелистываем старые семейные фотоальбомы. «Реконструкция рода» восстанавливает в концентрированном виде сознательную и бессознательную информацию, окружающую человека, особую энергетику, в котором функционирует семейная система. Взаимодействие с ней всегда волнительно и представляет собой сложную и ответственную работу.

В одной из игр, основанных на «реконструкции рода», протагонист (Василий, 21 год) жаловался, что не чувствует связи с отцовской частью рода. Отец Василия умер

в 42 года, младший брат отца умер в 23 года (Василий был тогда маленьким мальчиком, но хранит очень теплую память о нем), а две сестры отца умерли в раннем детстве. Когда система рода была выстроена с помощью пустых стульев, я повернул стульчик протагониста спиной к ним (я обычно так делаю) со словами: «То было твоё прошлое, а теперь давай посмотрим в будущее. Там тоже много людей, твоих будущих детей, внуков, других потомков». На это Вася ответил мне: «Я вижу только ближайшее поколение, а дальше – пустота». «Ничего, – сказал я, – давай снова повернемся к твоим предкам и пообщаемся с ними. Может быть, что-то изменится. Кого бы ты хотел увидеть на этих стульях?» Василий «посадил» на пустые стулья отца, его брата и бабушку (маму отца) и по очереди поговорил с ними. Были слезы печали и слезы радости. Были полные искренности пожелания, было свидание с образами дорогих людей, которых уже нет в живых. После разговора, когда мы снова повернулись лицом к «будущему», Василий воскликнул: «Боже! Сейчас я вижу впереди толпы людей. Раньше их не было, а сейчас я их вижу!».

Ранние смерти отца и его родственников вызвали подсознательный страх Василия, что его потомки (а может быть и он) тоже могут рано умереть, и род отца (а Василий – его единственный представитель) прекратится. Разрыв пагубной идентификации (при сохранении позитивных ресурсов) снял этот страх и позволил продолжить воображаемую «генограмму» в будущее.

Существует много других техник и методов, призванных решать сложные и запутанные проблемы, связанные с историей рода. *Трансгенерационная психотерапия* является хорошим примером интегративного подхода, объединяющего многие достижения психотерапевтической теории и практики. Несмотря на недостаточную разработанность и гипотетический характер отдельных положений, она доказала свою практическую эффективность, теоретическую глубину и методологическую состоятельность.

11.5. Терапия творчеством, психологическое время личности и смысл жизни

...ценностям мы не можем научиться – ценности мы должны пережить.

Виктор Эмиль Франкл

В психологии творчества наиболее разработанными являются когнитивистские подходы, рассматривающие его как результат продуктивного мышления, где на первое место выдвигается исследование процесса получения творческого продукта деятельности. Гораздо менее традиционными являются экзистенциальные подходы к творчеству, которое мыслится в контексте человеческого бытия, как средство самосозидания и самореализации человека, связанное с определенными личностными состояниями или переживаниями.

Эти традиции, развиваясь вне традиционной психологии творчества, восходят к идеям о творческой эволюции А. Бергсона (2001) и экзистенциальной философии М. Хайдеггера (1997), получив блестящую реализацию в теории креативности и спонтанности Я. Л. Морено (2001а). В отечественной психологии среди немногих работ, исследовавших экзистенциальные аспекты творчества и переживания, можно назвать, например, работы Ф. Е. Василюка (1984), В. А. Роменца (2003) и Л. В. Сохань (см. Жизнь..., 1985).

Идея использования творчества для психотерапевтической помощи не нова. Еще древним был знаком феномен очищения и восстановления эмоционально-ценностного отношения человека к действительности под воздействием искусства – катарсис. Творчество играет важную роль в *экспириментальной психотерапии*, уделяющей большое внимание ролевому переживанию и катарсису. Более целенаправленно творчество используется в специально разработанных методах психотерапии – *терапии творчеством и творческим самовыражением, экспрессивных психотерапиях*, различных видах *арт-терапий, терапий искусствами* и многих других (их настолько много, что они с трудом поддаются классификации). Творчество является важным элементом в *логотерапии*, выступая одной из трех (наряду с переживанием и отношением) ценностей смысла жизни.

Творчество само по себе несет мощный психотерапевтический потенциал. Можно привести много примеров, когда творчество помогало человеку преодолевать тяжелые последствия жизненного кризиса, жизненные драмы, общественные потрясения, потерю перспективы решить важные жизненные задачи и т. п. Творчество в специально организованном терапевтическом процессе дает мощный источник психотерапевтической помощи в решении огромного количества психологических проблем.

Творчество можно рассматривать как средство освоения *психологического времени* личности (см. Головаха, Кроник, 1984; Ковалев, 1991) а именно: увеличение временной размерности путем построения воображаемых творческих временных транспектив, повышение компетентности личности во времени, формирование гармоничного ценностно-смыслового отношения к этому феномену. Очень плодотворным может оказаться рассмотрение личности и ее творчества с позиций аксиопсихологии (Карпенко, 1998). Понимание времени жизни как ценности в системе личностных смыслов и ценностных ориентаций человека занимает центральное место, а порой и ассоциируется с ценностью самой жизни. Ценность времени зависит от эмоционального отношения к событию. Отрезки жизни, связанные с творческим подъемом, вдохновением, (в любой деятельности, общении, любви) всегда переоцениваются нами. Ценность времени в начале жизненного пути иная, чем на ее закате. Когда человек знает о приближении смерти, оставшиеся мгновения

жизни превращаются в сверхценность, что порой становится причиной серьезных психологических изменений.

О *ролевой психотерапии*, и, прежде всего – о психодраме, следует сказать отдельно, потому что в этом методе идея творчества как переживания и творчества как освоения времени реализована на всех уровнях: методологическом, теоретическом и практическом. Во-первых, психодрама опирается на концепцию творчества и декларирует в качестве основной цели развитие креативности и спонтанности личности. Во-вторых, драматическое действие, театральное творчество заложено в методологию и технологию психодрамы, поднимаясь от ролевой игры, лицедейства и перевоплощения до процесса жизнетворчества. В-третьих, психодрама активно работает с категорией времени, что нашло отражение в таких базовых техниках, как *«шаг в будущее»* и *«возврат во времени»*, работа со временем реализована также в *футуро-практике* (Долгополов, 2002).

Компетентность личности во времени является (по А. Маслоу) одной из характеристик самоактуализации личности. Самореализованный человек более гармонично относится не только к ценности времени, но и к проблеме жизни и смерти. «Я чувствую себя настолько солидарным со всем живущим, – писал, например, Альберт Эйнштейн (1965, с. 348), – что для меня безразлично, где начинается, и где кончается отдельное». Самоактуализированная творческая индивидуальность имеет настолько богатый творческий мир (иногда заключающий целую Вселенную), что собственная жизнь и смерть с точки зрения вечности не представляются исключительно значимыми. Такой человек может пожертвовать жизнью, «сжечь» ее ради творчества или ради высших ценностей.

Гармоничность, развитость, или, наоборот, ущербность ценностно-смыслового отношения к жизненному пути и личностному времени говорит об отсутствии или наличии серьезных жизненных проблем: конфликтов, драм, кризисов, включая возрастные. Жизненные кризисы играют существенную и неоднозначную роль в жизни человека и часто могут рассматриваться как движущие силы развития личности (см. Психология..., 1998). Но эти проблемы могут иметь деструктивный, а иногда и трагический характер, превращаясь в «экзистенциальную фрустрацию». Потеря смысла жизни может здесь трактоваться как *разрушение жизненных ролей*. В таких случаях возникает необходимость терапевтической помощи, которую, в частности, предлагает В. Франкл (1990) в разработанном им методе логотерапии. Другим действенным методом кризисной психотерапии является психодрама.

Но далеко не все проблемы жизненного кризиса относятся к перспективе жизни. Если ценностно-временные ориентации условно разделить на три группы: ценности прошлого, настоящего и будущего, то и экзистенциальные

фрустрации, как нарушения ценностно-смыслового отношения к жизни можно также подразделить на три типа по временной направленности.

«*Фрустрации прошлого*» – это расстройство временных ретроспектив личности, разрушение тех ценностей, которые составляли смысл жизни человека в прошлом, обесценивание актуальных в прошлом жизненных ролей. Характерной особенностью такого кризиса является то, что изменение жизненных ориентаций (как на индивидуальном, так и на социальном уровне) происходит уже после того, как прожит соответствующий отрезок истории, и относится только к прошлому, что создает ощущение потери смысла прожитой жизни. Примером может служить так называемый «вьетнамский синдром» участников войны США во Вьетнаме (а в нашей действительности можно назвать аналогичные «афганский» или «чеченский» синдромы). Помимо многих личностных деформаций для этих феноменов характерно мучительное драматическое переосмысление прошлого и трудности реализации себя в настоящем.

Ощущение жизненного кризиса характерно для переходного состояния общества, особенно у людей старшего поколения. Это очень ярко проявилось во время сильных социальных потрясений и преобразований, которые проходили в нашем обществе в период перестройки (1985–1991 гг.), а затем в процессе построения независимых постсоветских государств. Крах прежней идеологии, образ тупика на пути социального развития, по которому общество двигалось десятилетиями, разрушение прежних идеалов нередко создавали ощущение напрасно прожитой жизни. Многие пытались преодолеть фрустрацию с помощью политического или публицистического творчества, как активного (в политической борьбе и в написании статей), так и пассивного (в чтении газет и журналов). Так, в первые годы перестройки чтение публицистики превратилось в самое массовое увлечение, а авторы прогрессивных статей стали популярнее звезд кино и эстрады.

«Фрустрация прошлого» не обязательно возникает вследствие обесценивания прошлой деятельности. Но развитие происходит нелинейно, новый этап опирается на качественно новые ценности, которые по принципам диалектики «отрицают» предшествующие. Любой поворотный момент в развитии общества приводит к тому, что не сумевшие адаптироваться к новым реалиям деятели старшего поколения (особенно внесшие крупный вклад на предыдущих этапах) ощущают себя отставшими от эпохи, «устаревшими». Так, например, после революционных открытий в физике в начале XX века один из создателей классической электродинамики Хендрик А. Лоренц, Нобелевский лауреат № 2, находясь в зените славы, говорил:

«Я потерял уверенность, что научная работа вела к объективной истине, и я не знаю, зачем жил; жалею только, что не умер пять лет назад, когда мне еще все представлялось ясным» (цит. по: Иоффе, 1962, с. 58).

Во все времена эффективным методом реставрации ретроспективных ценностей было написание мемуарной литературы. Существует большое количество примеров того, как «фрустрации прошлого» преодолевались с помощью описания своих воспоминаний выдающимися в прошлом и опальными в настоящем военачальниками, политиками, учеными.

«Фрустрации настоящего» – это разрушение связи между временными ретроспективами и перспективами, блокировка развивающихся жизненных ролей. Как правило, такое состояние связано с переживанием текущего жизненного кризиса, сопровождаемого ощущением безвыходности положения. Оно может быть вызвано разными причинами: война, катастрофа, неразделенная любовь, измена, клевета, лишение свободы и т. д. Такие ситуации не обязательно перечеркивают жизнь человека, а часто лишь заставляют переносить реализацию жизненных планов из настоящего в неопределенное будущее. Однако неумение найти выход, невозможность пережить ситуацию из-за возникшей депрессии, часто приводят к тяжелым последствиям вплоть до суицидных попыток.

Средством терапии здесь также может выступить творчество. Наиболее ярко это видно на примерах «терапии» трагической или неразделенной любви. Невозможность реализовать ее в собственной жизни заставляет искать эту реализацию в воображаемом творческом мире (чаще всего в поэтическом или музыкальном). Об этом свидетельствует не только один из самых характерных в этом плане примеров Франческо Петрарки и его любви к Лауре, ставшей основой его поэтической лирики, но и почти вся история мировой поэзии, начиная с легендарного Орфея. Очень интересны примеры творчества людей, лишенных свободы, например, рисунки и дневники узников концлагерей. Ярким образцом преодоления «фрустрации настоящего» является написанный Томмазо Кампанеллой в тюрьме «Город Солнца» (в котором автор реализовал тоску по свободе и счастью), а также много других примеров подобного рода.

«Фрустрации будущего» – это разрушение временных перспектив человека вследствие потери возможности реализовать намеченные жизненные планы, разрушение важных жизненных ролей. Это, пожалуй, самые серьезные случаи экзистенциальной фрустрации. Критическая ситуация может сложиться в связи с утратой здоровья, потерей близких или обнаружением неизвестных ранее жизненных обстоятельств. Избавиться от кризиса можно, например, в том случае, если найти, ради чего или ради кого стоит продолжать жить (смысл жизни).

Психологической помощью может стать открытие новых жизненных перспектив в мире, созданном творчеством, реализация, продолжение себя в этом мире. Так, литературное творчество помогло преодолеть жизненную трагедию

парализованному и ослепшему Николаю Островскому и потерявшему обе руки Владиславу Титову. По утверждению оглохшего Людвиг ван Бетховена (трудно придумать более страшную судьбу для композитора и музыканта), только музыка, которая продолжала жить в нем, удерживала его на этом свете и не позволяла свести счеты с жизнью.

Большие психотерапевтические возможности в таких ситуациях имеет психодрама. Очень интересен опыт ее применения для лечения рака, описанный А. А. Шутценбергер (1997), где пациенты проигрывали в ролях свои жизненные перспективы. Это позволяло им преодолеть психологический кризис, вызванный болезнью, а часто и помогало выздороветь, преодолевая тем самым тяжелую «фрустрацию будущего». Психодрама, арттерапия, логотерапия и другие практики, базирующиеся на творческих технологиях, позволяют решать много других экзистенциальных проблем личности.

Огромный психотерапевтический потенциал творчества подтверждает мысль о том, что способность человека преодолевать экзистенциальные фрустрации и решать многие жизненные проблемы связана с его креативностью. Можно считать бесспорным, что развитие креативности, раскрытие творческого потенциала, с одной стороны, и решение человеком своих психологических проблем – с другой, это две составляющие одного процесса – *самореализации личности*. Недаром психотерапевтические технологии очень тесно связаны с технологиями личностного роста. Это, фактически – единый процесс, и в современных методологических обоснованиях предмета психотерапии между ними не проводится четкого размежевания.

Якоб Морено мечтал о креативной революции в обществе. Он пытался сделать объектом психотерапевтического влияния не только личность и группы, но и социум, даже все человечество. Он родился в XIX веке, создал свою психотерапевтическую систему в XX столетии, но считал, что XXI век, который он никогда не надеялся увидеть, достойным образом воспримет его идеи и взгляды. Возможно, время его идей еще не настало, но они не так уже и утопичны, и я надеюсь, что все мы станем свидетелями, как креативность и развитие творчества (в том числе связанного с драматургическим подходом) станут мощным источником личностного роста человека, его ролевой самореализации и психологического здоровья общества.

Заключение

Мы надеемся, что завершение работы над книгой, которую вы держите в руках, является не окончанием исследования данной проблемы, а только началом развития подхода, над которым работает автор. Понимание личности человека как актера, исполняющего в своей жизни определенные роли, трактовка жизненного мира как сцены, на которой как драма разыгрываются важные жизненные события, является очень плодотворным и предоставляет новые возможности для решения многих проблем современной теоретической психологии.

Как мы убедились, ролевая парадигма – это не просто красивая метафора; в ней содержится глубокие научные идеи, которые могут быть воплощены как в теоретические, так и эмпирические разработки. Развиваемый автором подход позволяет не только создавать умозрительные конструкции, но и разрабатывать различные измерительные инструменты для исследования сугубо качественных явлений, связанных с ролевым поведением, не говоря уже о сфере психологической и психотерапевтической практики, где ролевая парадигма утвердилась прочно и надолго, дав в руки надежный арсенал психологической помощи личности.

Такое триединое сочетание теории, эксперимента и практики является надежным критерием выверенности научного подхода и истинности результатов. Это особенно важно сейчас, ибо современное состояние психологии личности характеризуется значительным разрывом между эмпирическими, теоретическими и практическими (психотерапевтическими) направлениями. В них рассматриваются разные, часто не пересекающиеся аспекты личности, что не позволяет в полной мере реализовать интегральный холистический подход, который бы смог объединить разные концепции, теории, модели и отразить имманентно присущую личности целостность.

Наверное, книга не лишена недостатков. Многие положения могут показаться спорными, дискуссионными. Автор будет рад, если читатели захотят поделиться своими соображениями по поводу прочитанного, если выскажут критические замечания, если решат осуществить собственные исследования, опираясь на идеи ролевой парадигмы. Мы всегда открыты для диалога, ведь диалог – это язык драмы, а драма – это сущность ролевого подхода.

Все желающие написать автору могут воспользоваться одним из адресов:
gorn@univ.kiev.ua pavelgorn@mail.ru

Приложения

I. Случаи из практики (описания психодраматических сессий¹)

а) *Разрешение на любовь*

Тема, заявленная на психодраму, звучала так: «*Почему я боюсь близких отношений с людьми (главным образом с мужчинами)?*» Протагонистка – Анжела, 25-летняя девушка, бухгалтер, очень увлекается психологией, прочитала много книг. Своей семьи нет, живет с родителями. Проблема касается нынешних отношений с молодым человеком, которого зовут Юра. Во время представления роли мамы выясняется, что та не одобряет выбора дочери. Папа молчаливо поддерживает в этом свою супругу.

1 сцена. Разговор с родителями. Канун Рождества. В комнате сидят Анжела со своим другом Юрой и смотрят телевизор. Родители что-то готовят на кухне. Мама подзывает Анжелу, чтобы та помогла ей. На каком-то этапе разговора директор предлагает маме повторить те слова, которые Анжела вложила в ее уста во время введения в роль (о том, что Юра ей не пара). После разговора с мамой Анжела возвращается в комнату, но не чувствует себя в безопасности. Ей хочется уйти из дому. Они с Юрой выходят на улицу, разговаривают, но не могут заговорить на важную для них тему о собственных отношениях, о чувствах друг к другу. Анжеле не хватает ресурсов, она не может найти необходимые слова. Ей кажется, что она не смогла защитить Юру от мнения родителей, сама попала под их влияние. Она считает, что не имеет права на свои чувства. На вопрос директора, когда в прошлом были подобные переживания, Анжела вспомнила один школьный эпизод.

2 сцена. Школа, урок географии в 6 классе. У Анжелы сложные отношения с одноклассниками. Большинство девочек попали под влияние одной ученицы, которая ненавидит Анжелу, всячески старается ее унижить. Остальные хихикают, когда та дает кому-то едкие замечания. Анжела дружит с одноклассником Сережей, который недавно в этом классе. Учительница вызывает Сережу к доске. Он плохо знает материал. Учительница сажает его и вызывает Анжелу со словами: «*А ну, посмотрим, как ты выручишь своего друга!*» Анжела не знает урока, молчит, одноклассницы издеваются над ней, Анжела готова сквозь землю провалиться. Ее переполняет чувство беспомощности, смешанное с чувством вины, за то, что она предала друга, не смогла

¹ Для краткости детали, связанные с техникой постановки, с выбором персонажей, с обменом ролями, а также прямые диалоги опущены. Все имена изменены.

защитить его от насмешек, и чувством обиды, что Сережа тоже не смог постоять за нее.

Затем сцена была переиграна, и девочка Анжела получила поддержку со стороны взрослой Анжелы, которая, вмешавшись в ситуацию, легко поставила всех на свои места, дала отпор не только зарвавшимся одноклассникам, но и учительнице, которая нарушила все правила педагогической этики. После этой сцены у Анжелы возникло желание объясниться с Юрой. Но разговор не клеился. Между ними стояли какие-то незримые барьеры. Вероятно, это связано с каким-то еще более ранним опытом.

3 сцена. Ссора родителей. Анжела вспомнила, как когда-то в детстве (ей было 5 или 6 лет) во время ссоры родителей она почувствовала вину за то, что якобы не сумела защитить папу от несправедливых, как ей казалось, нападок мамы. Разыгрывая эту сцену, директор с помощью обмена ролями дал возможность достаточное время побыть в образе каждого из участников сцены. Благодаря этому Анжела сумела прочувствовать ответственность каждого за собственные чувства и действия, что снизило ее чувство вины.

Можно было возвращаться в первую сцену. Ситуация изменилась, чувство вины прошло, но Анжеле не хватало спонтанности в разговоре с Юрой. Нужен был еще какой-то ресурс, который снял бы Анжеле некие запреты на чувства к молодому человеку. Вопрос, кто бы мог прояснить ситуацию с интимными чувствами, кто умеет владеть ими, кто является знатоком в этих чувствах, вызвал длительную паузу раздумий. Директор предложил вспомнить не только реальных людей, Анжелиных знакомых, но, возможно вымышленных, или тех, кто является знатоком в любовных делах из числа исторических личностей. Неожиданно Анжела назвала имя Эриха Фромма.

4 сцена. Разговор с Фроммом. Чтобы представить нового героя драмы, директор предложил Анжеле поменяться с ним ролями и устроил подробное интервью. Фромма «пригласили» в зал, где идет психодраматическая сессия, торжественно представили участникам. Директор расспрашивал Фромма о себе, о том, как он относится к проблеме любви. Фромм (его играла Анжела) рассказал, что много изучал психологию любви, даже написал целую книгу об этом. Он очень ценит это чувство в человеке, считая его самым главным. Затем, вернувшись в собственную роль, Анжела сама поговорила с Фроммом (с обменом ролями). Юра в это время сидел рядом. Анжела получила от Фромма сильную поддержку. Она утвердилась в своих чувствах, которые имеют полное право на существование. Никто не вправе вмешиваться и диктовать ей, кого и как любить.

5 сцена. Рождество (возврат в 1-ю сцену). Анжела вместе с родителями и Юрой празднуют Рождество. Поведение Анжелы стало гораздо увереннее. Сидя рядом с Юрой, несмотря на присутствие родителей, она ощущает гораздо больше безопасности и свободы, чем вначале.

На примере психодрамы Анжелы видно, что она, перестав брать на себя лишнюю ответственность за чувства и поступки других, освободилась от двойного чувства вины: перед Юрой (за то, что якобы не сумела защитить его) и перед родителями (за якобы неправильный выбор партнера). Причем, если работа с первым чувством была классическим вариантом проработки детского опыта отношения с родителями, то во втором случае мы использовали «тренинговый» вариант ресурсной роли Фромма. Второе чувство, вероятно, было связано с какими-то сценарными запретами на проявления любви и, скорее всего, тоже имеет истоки в раннем детстве. Но прорабатывать этот опыт в той же самой драме было лишним. Это могло быть сделано в другой игре Анжелы на одной последующих сессий. В данном случае можно было бы ограничиться только первым опытом, результат игры все равно был бы положительным. Но использование сцены разговора с Фроммом оказалось уместным и помогло решить еще одну задачу – получить разрешение на любовь.

б) Ресурсы женственности

Тема, прозвучавшая в процессе выдвижения, выглядела почти комично: *«Не хочу по утрам есть манную кашу»*. Протагонистка – Валентина, 23-летняя девушка, дизайнер. Живет с мамой, сестрой-студенткой Леной (на 2 года младше) и молодым человеком Андреем, с которым у Вали что-то вроде гражданского брака. Вале надоела постоянная опека мамы, которая мешает ее самореализации как взрослой женщины.

1 сцена. Утренний завтрак. Традиционный ритуал утреннего завтрака, мама сервирует стол, члены семьи по очереди приходят на кухню и усаживаются за столом: Валя, Андрей, Лена, рядом устраивается кошка Дуся. В центре стола стоит вазон как символ домашнего уюта. Мама не садится, продолжая ухаживать за остальными. Она подает Вале тарелку с манной кашей. Вале не нравится вся эта ситуация, она сама себе кажется маленькой девочкой, ей неудобно перед Андреем, она ненавидит манную кашу, которую вынуждена есть каждый день. Наконец-то она не выдерживает: *«Мама, не хочу я есть эту манную кашу!»* Мама тут же отвечает: *«Доченька, у тебя очень изможденный вид. Посмотри, на кого ты похожа»*. Валя пытается возражать, но мнение мамы побеждает. Остальные участники молча наблюдают за сценой, но внутренне они на стороне мамы (так чувствует Валя). Даже кошка злорадно ухмыляется и как бы говорит: *«Ничего ты не можешь. А вообще настоящая хозяйка здесь я!»* Валя начинает упрашивать маму, но та остается непоколебимой. Ситуация заходит в тупик.

Возникает необходимость продублировать поведение протагонистки. Директор становится за ее спиной и говорит (как внутренний голос Вали): *«Я чувствую себя маленькой девочкой, которой надо просить разрешения у мамы,*

что делать, и чего не делать». Валя охотно соглашается, но, тем не менее, не может найти выход из ситуации.

Сцена была модифицирована, директор предложил усилить то, что вызывает дискомфорт: кошка Дуся вылезает на руки, мама с тарелкой в руках с ложечки кормит дочку. Сестра Лена выступает свидетелем позора Вали, ее роль только усиливает позицию мамы. Андрей со своей стороны вмешивается в сцену: *«Ну, когда же ты, наконец, примешь решение?!»* Действие развивается по нарастающей. Валя встала и отошла в сторону. Остальные участники окружили ее плотным кольцом, ограничивая свободу, усиливая и без того немалый дискомфорт. Кошка цеплялась за руки, мама все настойчивее совала кашу в рот и в глаза. В какой-то момент Валя не выдержала и начала бороться за свою свободу. Несмотря на то, что силы были неравные, Валя одержала победу, освободившись от своего окружения. В процессе борьбы случайно перевернулся стол, упал и разбился стоявший на нем вазон.

2 сцена. Объяснение в любви. Мама и сестра отошли на задний план, Валя осталась вдвоем с Андреем. Они беседуют, Андрей пытается начать обсуждать планы их совместной жизни. Валя его не слышит, поглощенная переживаниями обо всем, что ее окружает сейчас, прежде всего – о доме и о том, что она не в состоянии нормально наладить свой быт. Директор предлагает сделать еще одно дублирование и как внутренний голос Вали произносит: *«Я действую за нас обоих, не даю Андрею возможности принимать решение самому, самостоятельно организовывать свой быт. Я продолжаю оставаться членом родительской семьи»*. Валя соглашается, особенно с последней фразой.

Директор предложил им побыть вдвоем, спросил, любят ли они друг друга. Они никак не могли заговорить о своих чувствах. Им предложили прогуляться. Во время прогулки по бульвару у Вали в какой-то момент появились слезы на глазах. Она, наконец, сумела высказать то, что было внутри. Вот фрагмент их разговора: *«Я тебя люблю, и мне грустно, что мы мало времени проводим вместе»*, – говорит Валя. *«Я тоже тебя люблю и хочу, чтобы никто не мешал нам жить, так как этого хотим мы»*, – отвечает ей Андрей. Ей хочется быть самой лучшей, хочется верить, что такие отношения между ними будут всегда.

В какой-то момент директор спрашивает Валу о ее чувствах. Несмотря на то, что девушка только что пережила катарсис, она сказала, что ее ни на минуту не покидают сомнения. Она не знает, как ей себя вести, что говорить, что делать. Директор высказывает предположение, что в общении с любимым мужчиной нужно быть не ребенком (как с мамой), а взрослой женщиной. Валя соглашается, но выясняется, что она не умеет себя вести как настоящая женщина. Директор предложил вспомнить кого-то, кто точно знаком с таким

поведением, кто является олицетворением женственности. Валя долго думала, а затем назвала имя Мэрилин Монро.

3 сцена. Танец Мэрилин Монро. На роль Мэрилин были выбраны не одна, а две женщины: Ирина и Светлана. Для представления героини Валя поменялась ролями с Ирой (которая отличалась женственностью в манерах поведения и внешности). Директор предложил Мэрилин (которую играла Валя) поделиться, как она ведет себя с мужчинами, а когда та рассказала, он подозвал Андрея, познакомил его с Мэрилин и предложил пообщаться. Мэрилин (Валя) вела себя как настоящая женщина! Она рассказывала о том, что любит больше всего на свете, интересовалась тем, что нравится ее собеседнику, принимала его комплименты благородно и с удовольствием (без тени высокомерия). Андрей спросил Мэрилин, любит ли она танцевать. Та охотно ответила, что очень. Ассистент включил музыку, и пара закружилась в лирическом танце.

После этого Валя вернулась в свою роль и наблюдала за этой же сценой со стороны. Андрей успел потанцевать с обеими «Мэрилин» – с Ириной, а затем и со Светланой. Случайно оказалось, что Света занимается в танцевальной студии: ее танец выглядел по-особому изящным и легким.

Директор предложил Вале пообщаться с Андреем, будучи не в роли Мэрилин, а самой собой. После секундного замешательства Вали он отметил, что та прекрасно знает, что и как делать, она это только что продемонстрировала, ведь роль великой актрисы играла она сама. (После игры многие участники отметили особую женственность Вали в роли Мэрилин Монро, а затем и в своей собственной роли.) Затем был разговор, полный чувств, танец, объяснение в любви.

4 сцена. Самоутверждение. После сцены с Мэрилин Монро Валя сказала, что хочет повторить первую сцену, так как она теперь знает, что нужно делать. Во время завтрака она уверенно, но мягко «отстранила» маму от приготовления еды, кушанье было подано согласно выбранному меню (в нем не было манной каши). В общении с домашними Валя выглядела уверенной и одновременно очень женственной.

Описанная драма произошла на одном из тренингов «Ресурсы женственности и мужественности» (см. Горноста́й, 2003). На тренингах личностного роста (в отличие от психотерапии) не всегда уместна очень глубокая проработка темы с погружением в детство и поиском источников травматизации. Тем не менее, данная игра сопровождалась очень сильными переживаниями и имела, как потом отмечала протагонистка, благоприятный эффект.

Дополнительная информация: спустя 5 месяцев после психодрамы Валя и Андрей юридически оформили свой брак.

в) «Я плохая жена?»

Пример отрицательного послания рода можно проиллюстрировать психодрамой Наташи (25 лет), начинавшейся с темы: *«Мне время от времени снится один и тот же тревожащий меня сон. Я хотела бы разобраться, что бы он значил»*. В сновидении в комнате Наташи появляется незнакомая женщина, она зовет Наташу со словами: *«А знаешь ли ты, что твой муж сейчас с другой женщиной? Пойдем, я тебе покажу»*. Наташа идет за ней, они оказываются в стоматологическом кабинете, где ее муж оживленно беседует с молодой симпатичной женщиной, но самого разговора Наташа не слышит. Сновидение прекращается. Была проведена психодрама на эту тему.

1 сцена. Сновидение. В спальне, где, перед тем как уснуть, на большой двуспальной кровати лежат Наташа, ее муж и рядом с Наташей ее маленькая дочка. Все уснули, начался сон Наташи, она последовала за незнакомкой, увидела мужа, но не захотела с ним выяснять отношения, эта сцена была ей неприятна, почти невыносима. Появились сильные чувства беспомощности, унижения, обиды. Наташа вспомнила, что похожие переживания были в родительской семье, когда мама и папа ссорились или выясняли отношения, а также когда ее наказывал отец. Он клал ее себе на колени лицом вниз и бил. Внезапно вспомнилась сцена, когда пьяный отец пришел поздно домой и, застав маленькую Наташу в постели с мамой, вышвырнул ее со словами: *«Убирайся отсюда! Ты должна спать в своей кровати!»* Наташа помнит сильное чувство обиды на родителей, даже больше на маму, за то, что она не защитила от папиного произвола.

2 сцена. В родительской спальне. При построении сцены поражал факт, что детали обстановки в спальне, даже форма, размеры и расположение двуспальной кровати были такими же, как и в сцене сновидения. Возможно, в бессознательном Наташи эти сцены были частями одной и той же реальности. Даже лежала Наташа в той же позиции – посредине, в первом случае между мамой и папой, во втором – между мужем и дочкой. Она как бы находилась между двумя кроватями, занятыми другими людьми. Это еще больше усиливало ощущение, что она была лишней, ненужной, не самой собой (в сновидении тоже ее место оказалось «занятым» другой женщиной).

После проигрывания сцены у Наташи, кроме обиды, возникло чувство злости по отношению к папе и недоумение, почему мама все терпит и ничего не делает. Директор предложил спросить об этом маму, на что та (Наташа в обмене ролями с мамой) ответила: *«Нужно удерживать мужа любой ценой. Я росла без папы, мои родители развелись, и маме было очень тяжело. Даже плохой отец лучше, чем, когда его нет»*. В результате этой сцены Наташа, наконец, поняла маму: та не могла защитить ее от папы, так как больше все-

го на свете боялась его потерять. Наташа готова простить маме свою обиду, они обнимались, плакали.

Катарсис оказал благотворное влияние на Наташу. Но оставалось мамин послание: *«Держись за мужа любой ценой»*. Оно превратилось в сценарное убеждение Наташи, трансформировавшись в страх потерять его (сновидение), который не подкрепляется реальными фактами (муж прекрасный, любящий). А мама получила это послание от своей мамы, которая бессознательно внушала, как ей плохо, оттого что она бросила мужа.

3 сцена. «Послание рода». Обнаруживается закономерность, которую директор выразил с помощью техники дублирования. В сцену ввели бабушку, поставив ее позади мамы, а Наташе было предложено наблюдать сцену со стороны, поставив вместо нее Альтер-эго. Затем, по очереди становясь за спинами трех женщин, директор от их имени произнес:

Бабушка: «Я развелась со своим мужем и очень страдаю от этого. Я говорю своей дочери – больше всего на свете нужно бояться потерять мужа».

Мама: «Я всю жизнь терпела деспотизм мужа, но не разводилась с ним, так как боялась его потерять. Именно так надо себя вести, я сообщаю об этом своей дочери».

Альтер-эго Наташи: «Я больше всего на свете боюсь потерять своего мужа. Этот страх такой сильный, что мне регулярно снится, что я его теряю, несмотря на то, что у меня очень хороший и любящий муж».

«Видишь, какое наследство ты получила от бабушки?» – обратился директор к Наташе. – *«Возможно, чтобы избавиться от этого страха, ты должна передать его дальше, например, своей дочери. Ты хочешь этого?»* Наташа была потрясена. Она вспомнила, что на одном тренинге директор пришел к выводу, что все женские проблемы Наташи передаются ей по материнской линии. Она категорически не хотела нагружать дочь своей проблемой. *«Тогда нужно вернуть это наследство туда, откуда оно пришло»* – сказал он.

4 сцена. Разговор с предками. Наташа поговорила с мамой и бабушкой. Суть сводилась к следующему: *«Я это не вы, а вы – это не я. Я проживу свою собственную жизнь так, как это нужно мне»*. Удивительно, что в обмене ролями с мамой и бабушкой (когда их играла Наташа) те не только не удивились, что Наташа не приняла их «наследство», но и благословили ее независимость.

Повторная сцена сновидения. Когда сновидение было вновь переиграно, директор предложил послушать разговор мужа, которого в реальном сновидении она не слышала. Оказалось, что в стоматологическом кабинете муж беседовал с женщиной-врачом, обсуждая способы профилактики проблем с зубами. Таинственной любовницы мужа, соперницы Наташи больше не было. Страх потерять мужа утратил свои причины.

II. Тестовые методики

а) «Шкала локуса ролевого конфликта»

Инструкция: Внимательно прочтите приведенные ниже утверждения и оцените их по критерию соответствия или несоответствия вашему собственному поведению. Если утверждение в большинстве случаев относится к Вам, Вы ставите оценку «Да». Если оно редко совпадает с Вашим настоящим поведением, Вы ставите оценку «Нет».

1. Я обычно легко могу сказать человеку о том, что мне в нем что-то не нравится.
2. Если меня просят что-то сделать, то в первый момент мне трудно отказаться, даже если это мне не выгодно.
3. Я считаю, что можно легко нарушать неразумные правила, если это не вредит окружающим.
4. Я легко могу отказаться от выполнения каких-то обязанностей, если они мне не по душе.
5. В общественном транспорте мне легче самому терпеть неудобства, чем доставить их другим.
6. Мне очень трудно выступить с критикой по поводу чьей-то работы.
7. Я часто конфликтовал с родителями оттого, что они навязывали мне свои правила поведения.
8. Мне обычно трудно отказывать людям.
9. Удовлетворенность от хорошо сделанной работы мне гораздо важнее, чем похвала начальства.
10. Я считаю, что человек должен стремиться быть образцом мужчины (женщины).
11. Главное, хорошо выглядеть в глазах окружающих.
12. Во всех ситуациях важно оставаться самим собой, независимо от того, что о тебе подумают окружающие.
13. Когда нужно вернуть одолженные кому-то деньги, мне очень трудно напомнить об этом должнику.
14. Родители в детстве часто считали меня непослушным сыном (упрямой дочерью).
15. Обычно другим людям легко заставить меня что-либо сделать, даже, если мне этого не хочется.
16. Оказываясь в ситуации «непрошеного гостя» я очень боюсь доставить лишние хлопоты хозяевам.
17. В детстве я старался быть независимым от мнения и желаний своих сверстников.
18. Если мне не нравится, как кто-то что-либо делает, мне нелегко сказать ему об этом.
19. Я обычно легко говорю «Нет».
20. Положительный отзыв руководителя является для меня очень важной наградой за проделанную работу.

21. В детстве я обычно был послушным ребенком.
22. Теща (свекровь), не должна вмешиваться своими советами в дела семьи.
23. Мне трудно не выполнить какие-то обязанности, даже если они мне неприятны.
24. Мнение окружающих следует учитывать в своем поведении.

Ключ опросника: *Ответы «Да»* – 1; 3; 4; 7; 9; 12; 14; 17; 19; 22.

Ответы «Нет» – 2; 5; 6; 8; 10; 11; 13; 15; 16; 18; 20; 21; 23; 24.

Обработка: подсчитайте количество ответов, совпадающих с ключом.

Нормы: экстернальный тип локуса ролевого конфликта – 0–10 баллов; промежуточный тип – 11–15 баллов; интернальный тип – 16–24 балла.

б) «Карта жизненных ролей» («Ролевой атом»)

Инструкция: Начертите на листе бумаги круг, разделив его на несколько секторов по основным сферам Вашей жизни. Площадь сектора должна соответствовать значимости данной жизненной сферы. В каждой сфере определите основные жизненные роли, которые Вам приходится играть, прибавив к соответствующим социальным ролям характерные эпитеты. Соедините линией роли, взаимно дополняющие друг друга. Роли, мешающие друг другу (конфликтующие) соедините линией с расходящимися стрелками.

Образец выполнения теста:

в) «Репертуар жизненных ролей личности»²

Инструкция: Просмотрите список ролей, играемых человеком в его жизни. Оцените, насколько они свойственны Вам в разных сферах жизнедеятельности, поставив балл от 0 до 4, ориентируясь на следующие критерии: 0 – никогда не проявлялась данная роль; 1 – были единичные случаи, где я выступал в этой роли; 2 – иногда случается; 3 – случается довольно часто; 4 – практически всегда выступаю в этой роли. Отдельно оцените, насколько эти роли должны быть свойственны идеальному образу вашего Я.

Сферы жизни Роли	Сферы жизни								
	Детство (родитель- ская семья)	Собственная семья	Сфера интимных отношений	Профессио- нальная сфера	Друзья и не- формальные группы	Творчество	Досуг	Другие сферы (какие):	Идеал Я
Преследователь									
Грешник									
Художник									
Исполнитель									
Посредник									
Святой									
Комик									
Наблюдатель									
Умник									
Победитель									
Руководитель									
Проигравший									
Раненный									
Страдалец									
Козел отпущения									
Трудоголик									
Ипохондрик									
Эксплуататор									
Критик									
Не победитель									
Соблазнитель(ница)									
Исповедник									
Целитель									
Судья									
Консультант									
Бог / Богиня									
Проповедник									
Жертва									
Всезнайка									
Спасатель									

² Варианты интерпретации теста приведены на стр. 167.

г) «Опросник ролевой компетентности» (1-й вариант³)

Инструкция: Внимательно прочтите приведенные ниже утверждения и оцените их по критерию соответствия или несоответствия вашему собственному поведению. Если утверждение в большинстве случаев относится к Вам, Вы ставите оценку «Да». Если оно редко совпадает с Вашим настоящим поведением, Вы ставите оценку «Нет».

1. Мне всегда трудно было выступать в новой для себя роли.
2. Я способен очень увлекаться каким-то делом.
3. Я точно знаю, каких поступков другие ожидают от меня.
4. Часто я мысленно представляю себя другим человеком (в другой роли).
5. Мне редко удается прогнозировать поведение даже хорошо знакомых людей.
6. Мне легко представить, как я выгляжу в глазах окружающих.
7. В новых обстоятельствах мне трудно найти правильную тактику поведения.
8. Я одинаково успешно справился бы с ролью и руководителя, и подчиненного.
9. Почти никогда мне не удается определить заранее, какие мои поступки понравятся окружающим.
10. Когда я общаюсь с людьми, я настолько сильно вхожу в роль, что все другое для меня в этот момент перестает существовать.
11. Моя жизнь очень разнообразна.
12. Обычно, я не знаю, чего ожидать от других.
13. Когда я вижу по телевизору сцену с сильными переживаниями, у меня на глазах наворачиваются слезы.
14. Я могу предложить много способов решения любой жизненной задачи.
15. Обычно мне понятны мотивы поступков других людей.
16. Для меня любое занятие настолько серьезно, что я погружаюсь в него «с головой».
17. Если у меня что-то не получается в одном деле, я легко могу найти себя в другой сфере деятельности.
18. Когда я смотрю кинофильм или читаю книгу, я, как правило, представляю себя на месте героев.
19. Я всегда знаю, как другие оценивают мое поведение.
20. Я обычно теряюсь в новой обстановке.
21. Общаясь с людьми, я склонен настолько увлекаться, что меня начинают переполнять различные эмоции и чувства.
22. Мне трудно переключиться с одного занятия на другое.
23. Выступая в какой-либо роли, человек обязательно внутренне меняется.
24. Мне всегда понятно поведение людей, с которыми я общаюсь.
25. Работа актера очень привлекательна, так как позволяет переживать себя различными людьми.
26. Я занимаюсь разными видами деятельности, которые непохожи друг на друга.

³ Разработка данного теста еще не завершена. Здесь приводится первый рабочий вариант опросника. Для получения информации об окончательной версии теста обращайтесь к автору.

27. Жизненные роли человека – это и есть сам человек.
28. В жизни я выступаю во многих ролях.
29. Я могу одновременно делать несколько дел, легко переключаясь с одного на другое.
30. Чем больше ролей играет в жизни человек, тем полнокровнее его жизнь.
31. Я никогда не обнаруживал в себе актерских способностей.
32. Поступки других людей обычно кажутся мне неожиданными.

Ключ: *Шкала I* «Ролевая гибкость и чувствительность»: Ответы «Да»: 3; 6; 8; 11; 14; 15; 17; 19; 24; 26; 28; 29. Ответы «Нет»: 1; 5; 9; 12; 20; 22; 31; 32.

Шкала II «Ролевая глубина и способность к ролевым переживаниям»: 2; 4; 7; 10; 13; 16; 18; 21; 23; 25; 27; 30 (все ответы – «Да»).

Обработка: подсчитать количество ответов опросника, совпадающих с ключом отдельно по каждой шкале.

III. Глоссарий

Антироль – совокупность элементов *ролевого поведения*, в наименьшей степени присущая человеку; может формироваться в результате вытеснения в теньную сферу, ограничения поведенческого репертуара сценарными запретами.

Бегство из роли – стремление избавиться от *роли*, вызывающей у человека негативные переживания, избегание соответствующих *ролевых ситуаций*.

Гендерная (гендерно-ролевая) социализация – формирование у человека представлений о типичных формах поведения мужчин и женщин, развитие у него/нее соответствующих гендерных *жизненных ролей* под влиянием воспитания и усвоения социального опыта.

Жизненная роль – психологическая *роль*, связанная с идентичностью личности, *жизненным сценарием*, индивидуальностью человека; она связана не с конкретными *ролевыми ситуациями*, а исполняется в разных ситуациях, иногда на протяжении всей жизни. Интегральная Ж. р. – это персонализированная роль самого себя, как персонажа, она складывается из совокупности основных Ж. р. человека в их индивидуальном своеобразии и неповторимости.

Жизненный кризис – переломный период в жизни человека и развитии личности; сопровождается сменой основных *жизненных ролей*, трудности которой определяют тяжесть Ж. к. как *ролевого конфликта* в сфере жизненных ролей.

Жизненный мир личности – часть окружающего пространства, связанная с активностью человека, а также внутренний мир его образов и фантазий. В ролевой парадигме в основе структуры Ж. м. л. лежит *репертуар жизненных ролей* (внутренняя подструктура – ролевой атом) и жизненные роли значимых Других (внешняя подструктура – социальный атом). *Жизненные кризисы* могут приводить к деформации или разрушению Ж. м. л.

Жизненный сценарий (скрипт) – неосознаваемый план жизни человека, формируемый в раннем детстве под влиянием родителей, а затем укрепляе-

мый и совершенствуемый всю жизнь; реализация поведения, направленного не на удовлетворение жизненных потребностей человека с учетом реальности, а на реализацию архаичных (связанных ранней историей жизни) потребностей, представлений, ранних сценарных решений.

Инверсия ролей – изменение направленности *роли* и ее компонентов на противоположные, касающиеся субъекта и/или объекта *ролевого взаимодействия*; примеры: транссексуализм (полная инверсия), трансвестизм и гомосексуализм (соответственно изменения направленности субъекта и объекта).

Инерция роли – эффект трудности или невозможности изменить психологическую *роль* относительно неизменных *ролевых ожиданий*.

«Карта жизненных ролей» – психологическая методика, заключающаяся в изображении *жизненных ролей* человека в основных сферах его жизнедеятельности: семейной, профессиональной, спортивной, творческой, общения с друзьями и др.

Культуральный сценарий – составляющая *жизненного сценария*, обусловленная культурными особенностями той группы, к которой принадлежит индивид, типичные для данной культуры способы решения основных жизненных проблем.

Локус ролевого конфликта – характеристика личности, заключающаяся в предпочтении интернальных или экстернальных стратегий поведения личности в условиях *ролевого конфликта*, т. е. в предпочтительной ориентации на внутренние или внешние детерминанты *ролевого поведения*.

Мифодрама – жанр *социодрамы*, заключающийся в социодраматической инсценировке сюжета мифологии, в котором заложен актуальной для данной группы конфликт, фабула или значимая система ценностей.

Монодрама – использование *психодрамы* в индивидуальной психотерапии, где роли вспомогательных Я моделируются с помощью пустых стульев, предметов (напр., игрушки) или прибегая к воображению протагониста.

Поведенческая характерология – фиксация и проявление характера, характерных особенностей личности и ее психологических *ролей* в поведении, позе, осанке, мимике и других телесных проявлениях и телесной конституции.

Потребность в ролевой самореализации – стремление личности выразить себя в психологических *ролях*, которые соответствуют основным личностным потенциям: задаткам, потенциальным способностям, базовым потребностям.

Потребность в ролевом переживании – потребность в новом чувственном опыте, сопровождаемом исполнением *ролей*, потребность в действии (акциональный голод), которая сопровождается сильными эмоциями и чувствами.

Принятие (непринятие) роли другого – приведение своих *ролевых ожиданий* к другим людям в соответствии к их *ролевому поведению*, умение воспринимать и принимать *роли* других людей такими, какие они есть.

Принятие (непринятие) своей роли – освоение *роли*, развитие ее до уровня ощущения себя ее субъектом, возникновение *ролевого переживания* при ее исполнении.

Психодрама – метод ролевой психотерапии, заключающийся в драматургическом моделировании проблемных жизненных ситуаций клиента с целью решения им своих психологических проблем.

Психологические (транзактные) игры – одна из форм структурирования времени, обмен скрытыми транзакциями с целью психологического выигрыша в виде приятных и неприятных переживаний, осуществляемая для подтверждения *сценарных убеждений* и реализации *жизненного сценария*.

Психологическое перевоплощение – исполнение человеком «чужих ролей» (не являющихся его социальными или жизненными ролями), при котором достигается идентификация с изображаемым персонажем, сопровождаемая *ролевым переживанием*. П. п. часто приводит к изменению сознания, но при этом (в отличие от гипноза) не теряется контакт с реальностью.

Репертуар жизненных ролей – совокупность *жизненных ролей* личности, исполняемых в разных жизненных ситуациях; эти роли являются частными вариантами одной интегральной жизненной роли или «роли себя».

Ресурсная роль – психодраматическая *роль*, которая способствует актуализации нерезализованных личностных ресурсов, помогая освоить новые формы поведения путем ухода от сценарных запретов и других ограничений *ролевого поведения*.

Ролевая адаптация – взаимное приведение в соответствие *ролевых ожиданий* и *ролевых притязаний* (реализуемым в ролевом поведении) партнеров по *ролевому взаимодействию*.

Ролевая вариативность – компонент *ролевой компетентности*, богатство и качественное разнообразие ролевого репертуара личности.

Ролевая гибкость – компонент *ролевой компетентности*, умение достаточно быстро и полно переходить от одной *роли* к другой в зависимости от изменения ситуации.

Ролевая глубина – компонент *ролевой компетентности*, способность принимать *роль*, погружаясь в нее, идентифицируясь с ней, испытывая достаточно глубокие *ролевые переживания*.

Ролевая децентрация – компонент *ролевой компетентности*, умение «выйти» из *роли* и переместиться в фокус другой роли (или роли другого человека).

Ролевая игра – импровизированное *ролевое поведение*, обусловленное принятием некоторой *роли* и определяемое характером этой роли, в соответствии с реальными или воображаемыми обстоятельствами.

Ролевая идентификация – отождествление себя с какой-либо *ролью*, персонажем, личностью, которое может происходить в реальном поведении или в воображаемом плане.

Ролевая идентичность – ощущение и переживание себя субъектом определенной *роли*, свойство личности, обусловленное интеграцией человека в различных социальных группах, где ему свойственны некоторые групповые роли.

Ролевая компетентность – совокупность способностей и умений решать различные жизненные задачи, связанные с *ролевым взаимодействием*.

Ролевая комплиментарность (совместимость или конвергентность ролей) – относительно полное соответствие *ролевых ожиданий* и *ролевых притязаний* партнеров по *ролевому взаимодействию*. Противоположность – дивергентность ролей.

Ролевая маска – мимика, выражение лица, устойчивые привычные напряжения определенных групп лицевых мышц, соответствующие определенной *роли* человека.

Ролевая матрица – часть ролевой структуры группы или общества, соответствующая ролевой позиции в сочетании с конкретной социально-психологической наполненностью.

Ролевой «костюм» – поза, осанка, устойчивые привычные напряжения определенных групп скелетных мышц, характерные телесные движения, соответствующие определенной *роли* человека.

Ролевая перцепция – восприятие, понимание и интерпретация ролей другого человека, ролевых ожиданий, предъявляемых им.

Ролевая позиция – структурно-ролевой элемент группы, организации или общества, характеризуется совокупностью определенных требований, функциональных нормативов, *ролевых ожиданий* к субъекту ее занимающему.

Ролевая психотерапия – система методов психотерапии, базирующихся на парадигме и методологии *ролевой игры*.

Ролевая рефлексия – компонент *ролевой компетентности*, способность смотреть на себя и свое *ролевое поведение* «со стороны», глазами других людей, оценивать как мы и наши *роли* выглядят в глазах окружающих.

Ролевая самореализация – полноценное самораскрытие человека в разнообразных *жизненных ролях*, развитие ролевых качеств личности, *ролевой идентичности*, *ролевой компетентности*, формирование репертуара психологических ролей.

Ролевая ситуация – совокупность обстоятельств, сопровождающих исполнение *роли* (роль плюс ролевое окружение), включающие место действия, время исполнения, роль, исполнителя роли и людей, для которых она исполняется.

Ролевая социализация – усвоение человеком социальных нормативов, общественного опыта, через *роли* под воздействием социальных ролевых спектаклей, развития *ролевого поведения* посредством формирования репертуара психологических ролей.

Ролевая субличность – совокупность стереотипов и поведения *ролевых переживаний*, обусловленных исполнением одной из *жизненных ролей* личности; как правило, сопровождается определенным изменением сознания и самосознания.

Ролевая типология личности – типология людей, обусловленная характеристиками *жизненных ролей*, а также типология *жизненных ролей*, определяющих индивидуальные различия между людьми.

Ролевая эмпатия – компонент *ролевой компетентности*, способность понимать *роли* других людей, сопереживать их *ролевым переживаниям*, понимать их *ролевые притязания* и адекватно оценивать их *ролевые ожидания*.

Ролевая Я-концепция – представление человека о себе, как о субъекте психологической *роли*, осознание потенциальных *жизненных ролей* человека, понимание и адекватная оценка своих ролевых ресурсов.

Ролевое взаимодействие – исполнение *ролей* двумя или несколькими партнерами, при котором взаимно учитываются или воздействуют друг на друга *ролевые притязания* и *ролевые ожидания*; состоит из 3-х подструктур: ролевых ожиданий, *ролевого поведения* и *ролевой Я-концепции* личности.

Ролевое научение – составная часть *ролевой социализации*, усвоение норм и навыков *ролевого поведения*, освоение необходимых человеку для жизни в обществе социальных *ролей*.

Ролевое переживание – совокупность чувств и эмоций, чувственный опыт, сопровождающие исполнение *ролей*, как реальных, так и воображаемых, например, возникающих при идентификации с героем художественного произведения; последние являются одной из составных частей эстетических чувств и переживаний.

Ролевое поведение – реализация психологических *ролей* во внешнем плане, с помощью действий, вербальной и невербальной коммуникации, взаимодействия с другими людьми; осуществление *ролевых притязаний*, удовлетворение ролевых потребностей личности.

Ролевое развитие – развитие ролевых качеств личности, *ролевой идентичности*, *ролевой компетентности*, раскрытие ролевого потенциала в процессе *ролевой самореализации*.

Ролевой имидж – совокупность внешних физических и поведенческих характеристик, обусловленных исполнением *ролей*; предъявление презентация психологической роли социальному окружению.

Ролевой импринтинг – быстрое формирование *ролевых ожиданий* к человеку и других характеристик его ролевого образа при первом предъявлении им своей *роли* окружающим.

Ролевой инфантилизм – незрелость *жизненных ролей*, несоответствие жизненной роли возрастной стадии развития, актуализация инфантильных *ролей* в ситуациях, требующих большей ролевой зрелости.

Ролевой конфликт – противоречие в сфере психологических *ролей*, несоответствие друг другу компонентов *ролевого взаимодействия*, создающие трудности для его участников. Р. к. бывают разных видов и типов, которые можно условно разделить на две большие группы: внешние, протекающие в межличностной коммуникации, и внутренние, относящиеся к внутриличностной сфере человека.

Ролевой креативный тренинг – групповой психологический тренинг, направленный на развитие спонтанности и более полное раскрытие творческого потенциала личности посредством *ролевой игры*.

Ролевой фетишизм – приписывание вещам роли и свойств, которыми они физически не обладают, превращение предмета в символ придание вещам свойств психологических *ролей*.

Ролевые атрибуты – вещи, необходимые для исполнения *роли*, все, что помогает воссоздавать ситуацию роли, например, грим и одежда у актера.

Ролевые девиации – отклонения от нормативов психологических *ролей*, несоответствие ролей общепринятым образцам и формам *ролевого поведения*.

Ролевые детерминанты – совокупность условий (внешних и внутренних), влияющих на формирование *ролей*, на характер *ролевого поведения*, на *ролевое развитие*.

Ролевые дисгармонии – внутриличностные проблемы человека, приносящие ему дискомфорт, обусловленные противоречиями и другими проблемами в сфере его психологических *ролей* и его *ролевого развития*.

Ролевые ожидания (экспектации) – представления других о том, каким должно быть *ролевое поведение* исполнителя, существующее в форме активного требования соответствия исполнения этим представлениям.

Ролевые притязания – представление исполнителя роли о собственном *ролевом поведении*, претензии на ролевое исполнение определенным образом.

Роли дивергентные – несовместимые, взаимно-противоречащие *роли*, в которых оказываются несоответствующими друг другу *ролевые ожидания* и *ролевые притязания* партнеров по взаимодействию.

Роли комплиментарные – совместимые *роли* партнеров по взаимодействию, в которых *ролевые ожидания* одного соответствуют *ролевым притязаниям* другого и наоборот.

Роль – функциональная единица поведения, совокупность потребностей, представлений о себе, как о субъекте роли (*ролевой Я-концепции*), социальных условий, делающих реализацию этой роли возможной.

Роль внутренняя (воображаемая) – *роль*, исполняемая без внешнего поведенческого компонента в воображении исполнителя, но сопровождаемая *ролевыми переживаниями*, как и реальная роль; это может быть еще нераскрытая, потенциальная роль, которая может перейти в реальные действия, как только будут созданы для этого необходимые условия, а может быть и фантастическая роль, исполнение которой в реальности невозможно.

Роль ключевая – *роль*, исполнение которой влечет за собой актуализацию другой, более глубокой, но не активной в данный момент роли.

Роль персонафицированная – *роль* конкретного персонажа, конкретной личности (исторической или вымышленной), которая несет на себе индивидуальную неповторимость личности изображаемого человека.

Роль теневая – психологическая *роль*, имеющаяся в потенции, но не получившая развития вследствие вытеснения определенных (запрещенных) форм поведения, чувств и т. д.; роль, заблокированная, вытесненная в теневую сферу личности.

Семейные игры – *транзактные игры* между супругами или между родителями и детьми, имеющие целью поддерживать систему сценарных убеждений, функционирующих в семье в форме семейных мифов.

Семейные истории – информация, передаваемая от старших членов семьи младшим (или от одного поколения другому), в форме рассказов; элемент группового (семейного или родового) сознания.

Семейные тайны – информация, которую прямо не передают от одного поколения другому, ввиду того, что она либо слишком травматична, либо сопряжена с какими-то факторами, которые нужно скрывать; тем не менее, эта информация становится достоянием семейной системы, передаваясь в форме группового (семейного или родового) бессознательного.

Симбиоз – совместное существование двух людей, когда ни один из них не может полноценно реализовать свои основные потребности без другого; форма психологической зависимости или созависимости.

Скриптодрама – жанр или форма *транзактной психодрамы*, в фокусе внимания которой находится исследование психодраматическими средствами *жизненного сценария* протагониста.

Социальное поведение – поведение человека, направленное на удовлетворение социальных (социализированных) потребностей личности. Виды С. п. связаны со специфическими видами социальных потребностей, а формы – со специфическими формами их реализации. Одной из важнейших форм С. п. является *ролевое поведение*.

Социодрама – метод действия, заключающийся в решении межгрупповых конфликтов и связанных с ними социальных проблем с помощью инсценировки и драматического действия.

Сценарные убеждения – совокупность представлений человека о себе, о других людях и о мире в целом, а также о том, как следует поступать в различных ситуациях; формируются в раннем детстве под влиянием родительских предписаний. В силу С. у. человек склонен поступать определенным образом не в силу требований ситуации (т. е., гибко), а в силу этих представлений, без учета ситуации, шаблонно, часто во вред себе.

Транзактная психодрама – синтез *психодрамы* и *транзактного анализа*, метод психотерапии, основывающийся на интеграции транзактной теории личности и личностной психопатологии с практическими техниками психодрамы.

Транзактный анализ (в разных источниках – транзактный, транзакционный) – метод психотерапии, основанный на модели *эго-состояний* личности и заключающийся в достижении личностной автономности путем освобождения от ограничений *жизненного сценария* и отказа от *психологических игр*.

Эго-состояние – особое состояние я, включающее определенную совокупность чувств, мыслей, реакций, действий и форм поведения, связанных с реальностью (Взрослое Э.-с.), с ранним детским опытом (Детское Э.-с.) или с предписаниями авторитетных родительских фигур (Родительское Э.-с.).

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 301 с.
- Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
- Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей: Пер. 5-го изд-я. – М.: НПО «Прагма», 1993. – 175 с.
- Адлер А.* Наука жить: Пер. с англ. и нем. – К.: «Port-Royal», 1997. – 288 с.
- Айхингер А., Холл В.* Психодрама в детской групповой терапии. Пер. с нем. – М.: Генезис, 2003. – 256 с.
- Айхингер А., Холл В.* Детская психодрама в индивидуальной и семейной психотерапии в детском саду и школе: Пер. с нем. – М.: Генезис, 2005. – 336 с.
- Актуальные проблемы психодрамы и социометрии. Материалы международной научно-практической конференции (Морено-Фестиваль 2001). – Ростов-на-Дону, 2001. – 80 с.
- Алешина Ю. Е., Волович А. С.* Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 74–82.
- Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 120 с.
- Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В.* Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. – 1989. – № 5. – С. 80–88.
- Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды: В 2-х т. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1. – 232 с.; Т. 2. – 288 с.
- Анастаси А.* Психологическое тестирование: В 2-х т. Т. 2. – Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1982. – 336 с.
- Андроников И. Л.* Избранные произведения в двух томах. – М. Худ. литература 1975. – Т. 2. – 240 с.
- Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров: Психолог. Психопедагог. Психонисторик. – М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 767 с.
- Асмолов А. Г.* Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд – М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2007. – 528 с.
- Ассаджоли Р.* Психосинтез: Пер. с англ. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. – 314 с.
- Балл Г. А.* Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психол. журнал. – 1997. Т. 18. – № 5. – С. 7–19.
- Балл Г. О.* Орієнтири сучасного гуманізму (в суспільній, освітній, психологічній сферах). – К. – Рівне: Видавець Олег Зень, 2007. – 172 с.
- Баррон Ф.* Личность как функция проектирования человеком самого себя // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 153–159.
- Барт Р.* Мифологии. Mythologies / Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых. – 2000. – 320 с.
- Барц Э.* Игра в глубокое: Введение в юнгианскую психодраму / Пер. с нем. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997. – 144 с.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 301 с.
- Бендас Т. В.* Гендерная психология: Учеб. Пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 431 с.

- Бергсон А.* Творческая эволюция: Пер. с фран. – М.: Терра, 2001. – 384 с.
- Бердяев Н. А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
- Берн Ш.* Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с.
- Берн Э.* Трансакционный анализ и психотерапия: Пер. с англ. – СПб.: Братство, 1992. – 224 с.
- Берн Э.* Групповая психотерапия: Пер. с англ. – М.: Академический Проект, 2000. – 464 с.
- Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
- Берри Дж. В., Пуртинга А. Х., Сигал М. Х., Дасен П. Р.* Кроскультурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 560 с.
- Бех І. Д.* Виховання особистості: Сходинки до духовності: Наук. видання. – К.: Либідь, 2006. – 272 с.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. – Пг.: Колос, 1921. – 432 с.
- Биришева О. І.* Самовизначення та самореалізація як мотив участі старшокласників у гурткової роботі. – Автореф. ... канд. психол. наук. – К., 2001. – 20 с.
- Блазер А., Хайм Э., Рингер Х., Томмен М.* Проблемно-ориентированная психотерапия. Интегративный подход / Пер. с нем. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 272 с.
- Блатнер А.* Ролевая динамика: Всеобъемлющая теория психологии // Психодрама и современная психотерапия. – 2002. – № 1. – С. 32–39.
- Блатнер А.* Теоретические основы психодрамы // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – № 4. – С. 4–14.
- Бондаренко А. Ф.* Социальная психотерапия личности (психосемантический подход). – К., 1991. – 189 с.
- Борисевський М. Й.* Психологічні механізми розвитку особистості // Педагогіка і психологія. – 1996. – № 3. – С. 26–33.
- Боченська-Щетна Э.* Использование психодрамы в подготовке к браку (подготовка к новым ролям) // Психодрама и современная психотерапия. – 2006. – № 1. – С. 4–11.
- Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления. – М.: Высшая школа, 1968. – 104 с.
- Брушлинский А. В.* О природных предпосылках психического развития человека. – М.: Знание, 1977. – 64 с.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. – М.: ИП РАН, 1994. – 109 с.
- Бурно М. Е.* Терапия творческим самовыражением. – М.: Медицина, 1989. – 304 с.
- Василец Т. Б.* Мужское и женское в структуре личности и в психологической практике // Психодрама и современная психотерапия. – 2006. – № 1. – С. 18–30.
- Васильев Я. В.* Футурреальная психология личности: Монография. – Николаев: Изд-во «Илион», 2007. – 519 с.
- Васильюк Ф. Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
- Васильюк Ф. Е.* Режиссерская постановка симптома (психотерапевтическая методика) // Моск. психотер. журнал. – 1992. – № 2. – С. 105–144.
- Васильюк Ф. Е.* Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. – 1996. – Т. 16. – № 3. – С. 90–101.

- Васьковская С. В., Горностай П. П.* Психологическое консультирование: Ситуационные задачи. – К.: Вища школа, 1996. – 192 с.
- Васютинский В.* Интеракційна психологія влади. – К., 2005. – 492 с.
- Вейнингер О.* Пол и характер: Принципиальное исследование: Пер. с нем. – М.: Терра, 1992. – 480 с.
- Винникотт Д. В.* Игра и реальность. – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2002. – 288 с.
- Вівчарна Т. П.* Психологічні механізми самореалізації жінки (на прикладі жіночої молоді, включеної у творчу професійну діяльність). – Автореф. ... канд. психол. наук. – К., 2000. – 20 с.
- Власова О. І.* Психологія соціальних здібностей: структура, динаміка, чинники розвитку: – К.: Видавн.-полігр. центр «Київський університет», 2005. – 308 с.
- Волкова А. Н.* Социально-психологические факторы супружеской совместимости: Автореф. ... канд. психол. наук. – Л., 1979. – 17 с.
- Время деятельности личности: Психологические исследования / Отв. ред. Вл. И. Ковалев. – Черновцы, 1991. – 128 с.
- Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. – Т. 3. – М.: Педагогика, 1983. – С. 5–328.
- Выготский Л. С.* К вопросу о психологии творчества актера // Собр. соч.: В 6-ти т. – Т. 6. – М.: Педагогика, 1984. – С. 319–328.
- Гайслер Ф.* Социодрама – общественно-политическая игра // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – № 4(5). – С. 42–44.
- Гайслер Ф. и Гёрмар Ф.* Обмен ролями с врагом: Мореновская социодрама работает с темой насилия и праворадикализма // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 50–68.
- Гингер С.* Женский мозг и мужской мозг // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – № 3. – С. 4–11.
- Гиндилис Н. Л., Кедров Б. М.* Парное научное сотрудничество как одна из форм «творческой дополнителности» // Вопр. психологии. – 1980. – № 6. – С. 34–47.
- Говорун Т. В., Кікінежді О. М.* Стать та сексуальність: Психологічний ракурс. – Тернопіль: Нова книга – Богдан, 1999. – 383 с.
- Говорун Т. В., Кікінежді О. М.* Гендерна психологія: Навчальний посібник. – К.: Видавн. центр «Академія», 2004. – 308 с.
- Гой Т. В., Горностай П. П., Кистаева Е. В.* Общество и коллективная травма: Семинар Питера Келлермана // Психодрама и современная психотерапия. – 2005. – № 2–3. – С. 141–145.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. – К.: Наук. думка, 1984. – 208 с.
- Де Гольжак В.* История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / Пер. с франц. – М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2003. – 233 с.
- Горностай П. П.* Теоретичні роздуми над проблемою потенціального та актуального в здібностях // Актуальні проблеми психології: традиції і сучасність. – Т. 1. – К., 1993. – С. 153–160.
- Горностай П. П.* Социализация личности и психологические роли // Теоретические и прикладные вопросы психологии (материалы юбилейной конференции «Ананьевские чтения-97»). – Вып. 3. – Ч. 1. – СПб, 1997. – С. 325–330.

- Горностай П. П.* Формирование творческой личности педагога – основа гуманистической педагогики // Итоги XX в.: гуманизация образования – проблемы и перспективы. – Витебск, 1998. – С. 121–125.
- Горностай П. П.* Диагностика и коррекция ролевых конфликтов // Журнал практического психолога. – 1999. – № 1. – С. 44–51.
- Горностай П. П.* Весь мир – театр: Психодрама и XX век // Психодрама и современная психотерапия. – 2002. – № 1. – С. 21–26.
- Горностай П. П.* Ресурсы женственности и мужественности // Журнал практического психолога. – 2003, № 6. – С. 51–55.
- Горностай П. П.* Психологические игры в кабинете психотерапевта // Журнал практикующего психолога. – 2004а. – Вып. 10. – С. 68–80.
- Горностай П. П.* Измерение локуса ролевого конфликта // Психологическая диагностика. – 2004б. – № 3. – С. 88–95.
- Горностай П. П.* Социодрама на Майдане: Четыре цвета украинской политики // Психодрама и современная психотерапия. – 2004в. – № 4. – С. 43–49.
- Горностай П. П.* Гендерна соціалізація та становлення гендерної ідентичності // Основи теорії гендеру: Навчальний посібник. – К.: К.І.С., 2004г. – С. 132–156.
- Горностай П. П.* Сильная женщина, слабый мужчина? (Семейные игры и сценарии) // Наукові студії з соціальної та політичної психології. Вип. 9 (12). – К., 2005а. – С. 3–14.
- Горностай П. П.* Охота на волков, или Психодрама Владимира Высоцкого // Психодрама и современная психотерапия. – 2005б. – № 4. – С. 4–14.
- Горностай П. П.* Психологічний феномен «Ми» // Соціальна психологія. – 2006. – № 2. – С. 88–96.
- Горностай П. П., Васильковская С. В.* Теория и практика психологического консультирования: Проблемный подход. – Киев: Наукова думка, 1995. – 128 с.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. – М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
- Гройсман А. Л.* Проблемы ролевой психотерапии // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М.: Наука, 1979. – С. 175–203.
- Гройсман А. Л.* Личность, творчество, регуляция состояний. – М.: Магистр, 1998. – 436 с.
- Гулдинг М., Гулдинг Р.* Психотерапия нового решения. Теория и практика / Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997. – 288 с.
- Джеймс М., Джонсгард Д.* Рожденные выигрывать. Транзакционный анализ с гештальтупражнениями: Пер. с англ. – М.: Изд. гр. “Прогресс”, “Прогресс-Универс”, 1993. – 336 с.
- Джеймс У.* Психология: Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
- Джонсон Р. А.* Он. Глубинные аспекты мужской психологии: Пер. с англ. – Х.: Фолио; М.: Ин-т общегуманит. исследований, 1996а. – 190 с.
- Джонсон Р. А.* Она. Глубинные аспекты женской психологии: Пер. с англ. – Х.: Фолио; М.: Ин-т общегуманит. исследований, 1996б. – 124 с.
- Джонсон Р. А.* Мы. Глубинные аспекты романтической любви: Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2005. – 317 с.
- Добрович А. Б.* Общение: наука и искусство. М.: Знание, 1978. – 144 с.

Долгополов Н. Б. Футуропрактика: опыт взаимодействия гештальт-метода и психодрамы // Гештальт и психодрама в работе со взрослыми и детьми. – М., Новосибирск, 1998.

Донченко Е. А. Социетальная психика. – К.: Наук. думка, 1994. – 208 с.

Донченко Е. А. Фрактальная психология (Доглубинные основания индивидуальной и социальной жизни). – К.: Знання, 2005. – 323 с.

Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: Методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.

Дорфман Л. Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. – М.: Смысл, 1997. – 424 с.

Драматерапия / Пер. с англ. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 320 с.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.

Дубов И. Г. Феномен менталитета: Психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20–29.

Ерина С. И. Роль конфликт и его диагностика в деятельности руководителя: Учеб. пособие. – Ярославль, 2000. – 108 с.

Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 204 с.

Ефимова И. Н. Психодрама + экзистенциальный анализ: о пользе перекрестного опыления // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 1–2. – С. 67–76.

Ефимова И. Н. Деление на Я, или Экзистенциальный анализ, помноженный на психодраму // Психодрама и современная психотерапия. – 2005. – № 2–3. – С. 99–108.

Ехало В. А. Концепция – личность в американской интеракционистской социологии. – К.: МАУП, 2007. – 262 с.

Жизненный путь личности / Отв. ред. Л. В. Сохань. – К.: Наук. думка, 1987. – 280 с.

Жизнь как творчество / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. – К.: Наук. Думка, 1985. – 302 с.

Життєві кризи особистості: У 2-х ч. / За ред. Л. В. Сохань, І. Г. Єрмакова. – К.: ІЗМН, 1998. – Ч. 1. – 356 с.; Ч. 2. – 568 с.

Завгородня О. В. Психологія художньо обдарованої особистості: гендерний аспект. Монографія. – К.: Наукова думка, 2007. – 264 с.

Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 128 с.

Злобина Е. Г. Общение как фактор развития личности. – К.: Наук. думка, 1982. – 114 с.

Золотовицкий Р. А. Трехдиагональная система Морено и перспективы нашего движения // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – №1. – С. 22–35.

Золотовицкий Р. А. Организационная арттерапия и тренинг: Социодрама и социометрия в работе с организациями. – М.: Морено-Институт, 2003. – 208 с.

Зон Б. В. К вопросу о способностях к сценической деятельности // Проблемы способностей / Отв. ред. В. Н. Мясищев. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – С. 165–176.

Ивашов А. Н. Роль тренинга как средства активизации социально-психологической культуры личности // Профориентация и формирование соц.-психол. культуры личности спец. в вузе. – Томск, 1989. – С. 13–22.

«Играть по-русски». Психодрама в России: истории, смыслы, символы / Сост. Е. В. Лопухина, Е. Л. Михайлова. – М.: Независимая фирма «Класс», 2003. – 320 с.

Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л. Б. Шнейдер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 272 с.

Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.

Иоффе А. Ф. Встречи с физиками. – М.: Физматгиз, 1962. – 144 с.

Казмиренко В. П. Социальная психология организаций. – К.: МЗУУП, 1993. – 384 с.

Калиновский П. Переход: последняя болезнь, смерть и после. – М., 1991. – 192 с.

Капра Дж., Сервон Д. Психология личности: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 640 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей...: Пер. с англ. – Мн. Беларусь, Дело (Восток+Запад), 1992. – 670 с.

Карпенко З. С. Аксиопсихологія особистості. – К.: ТОВ «Міжнар. фін. Агенція», 1998. – 216 с.

Келлерман П. Ф. Психодрама крупным планом: Анализ терапевтических механизмов / Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 240 с.

Келлерман П. Ф. Социодрама // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 7–21.

Келли Дж. Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. – 249 с.

Киппер Д. Клинические ролевые игры и психодрама: Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1993. – 222 с.

Клименко В. В. Психологія творчості. Навчальний посібник. – К.: Центр навчальної літератури, 2006. – 480 с.

Кобзарь Т. Л. К проблеме коммуникативной компетентности школьного психолога // Журнал практического психолога. – 1999. – № 1. – С. 62–66.

Ковалев Вл. И. Личностное время и жизненный путь личности // Психология личности и время жизни человека. – Черновцы: ЧГУ, 1991. – С. 5–14.

Козелецкий Ю. Человек многомерный (психологическое эссе). – Киев: Лыбидь, 1991. – 288 с.

Козлов В. В. Этюды о социальном бессознательном // ЧФ: Социальный психолог. – 2007. – № 1 (13). – С. 5–20.

Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуальности. – М.: Ин-т психологии РАН, 1996. – 224 с.

Колісник О. П. Психологія духовного саморозвитку особистості: Монографія. – Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. – 400 с.

Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х. Полоролевое развитие ребенка в дошкольном возрасте // Генетические проблемы социальной психологии. – Мн.: Университетское, 1985. – С. 176–190.

Кон И. С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.

Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. – 367 с.

Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.

Кон И. С., Шалин Д. Н. Д. Г. Мид и проблема человеческого Я (Из истории американской социальной психологии) // Вопросы философии. – 1969. – № 12. – С. 85–96.

Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М. Психология отношений межличностной значимости. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 272 с.

- Корабльова Н. С.* Багатомірність ролівої реальності: соціально-філософський аналіз. – Автореф. ... д-ра філос. наук. – Х., 2000. – 32 с.
- Корнев М. Н., Коваленко А. Б.* Соціальна психологія: Підручник. – К., 1995. – 304 с.
- Коробанова О. Л.* Психологические особенности ролевого общения учащихся юношеского возраста. – Автореф. ... канд. психол. наук. – К., 1992. – 24 с.
- Коростеліна К. В.* Структура і динаміка системи соціальної ідентичності. – Автореф. ... докт. психол. наук. – К., 2003. – 28 с.
- Коростылева Л. А.* Психология самореализации личности: брачно-семейные отношения. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 292 с.
- Костюк Г. С.* О роли наследственности, среды и воспитания в психическом развитии ребенка // Сов. педагогика. – 1940. – № 6. – С. 15–40.
- Костюк Г. С.* Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1988. – 304 с.
- Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего: Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», «ИП РАН», 1997. – 432 с.
- Кочарян А. С.* Личность и половая роль: Симптомокомплекс маскулинности/феминности в норме и патологии. – Х.: Основа, 1996. – 127 с.
- Кочнев В. И.* К проблеме изучения актерских способностей // Вопр. психологии. – 1983. – № 1. – С. 108–112.
- Кречмар А.* О понятийном аппарате социологической концепции личности // Социальные исследования. – Вып. 5. – М., 1970. – С. 77–88.
- Крип্পнер С., Диллард Дж.* Сновидения и творческий поход к решению проблем / Пер. с англ. – М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1997. – 256 с.
- Крель Л. М., Михайлова Е. Л., Сердюк Е. А.* Предварительный разогрев в российских психодраматических группах: культурно-экологический подход // Журнал практического психолога. – 1999. – № 5–6. – С. 101–114.
- Кроник А. А., Кроник Е. А.* В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. – М.: Мысль, 1989. – 204 с.
- Кузнецов О. Н., Лебедев В. И.* Психология и психопатология одиночества. – М.: Медицина, 1972. – 335 с.
- Кукиер Р.* Психодрама Человечества. Действительно ли это утопия? // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 29–42.
- Культура жизни личности: (Пробл. теории и методологии социал.-психол. исслед.) / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. – К.: Наук. думка, 1988. – 192 с.
- Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С.* Личность. Внутренний мир и самореализация: Идеи, концепции, взгляды. – СПб.: Тускарора, 1996. – 174 с.
- Кэй Д., Шайффеле Э.* Противостояние нетерпимости: Возвращение к Мореновскому видению психодрамы как Театра социальных изменений // Психодрама и современная психотерапия. – 2007. – № 1. – С. 15–27.
- Лабиринты одиночества: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.
- Лактионов А. Н.* Координаты индивидуального опыта. – Х.: Бизнес Информ. – 1998. – 492 с.
- Латинский Н. Н.* О развитии личности у женщины. – К., 1915. – 159 с.
- Лапшин И.* О перевоплощаемости в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества: Т. 5. – Харьков, 1914. – С. 161–262.
- Лебедев А. Н., Боковиков А. К.* Влияние ролевой установки на экономическое поведение российских потребителей // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С. 46–52.

- Лебединська І. В.* Гендер як стратегія культурологічного аналізу // Гендерні студії: освітні перспективи (навчально-методичні матеріали). – К.: ПЦ «Фоліант», 2003. – С. 22–35.
- Лебонь Г.* Психология народовъ и массъ: Пер. съ франц. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896. – 329 с.
- Левенталь Е.* Характеры и роли. – 3-е изд. – М.: Бослен, 2007. – 336 с.
- Леви В. Л.* Я и Мы: 2-е изд. – М.: Мол. гвардия, 1973. – 288 с.
- Леви В. Л.* Искусство быть другим. – М.: Знание, 1981. – 208 с.
- Леви В. Л.* Искусство быть собой. – Изд. обновл. – М.: Знание, 1991. – 256 с.
- Левчук Л. Т.* Психоанализ и художественное творчество (критический анализ). – К.: Вища школа. Изд-во при КГУ, 1980. – 160 с.
- Лейнер Х.* Кататимное переживание образов: Основная ступень; Введение в психотерапию с использованием техники сновидений наяву: Пер. с нем. – М.: Эйдос, 1996. – 253 с.
- Лейтес Н. С.* Об умственной одаренности. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 215 с.
- Лейтес Н. С.* К проблеме сензитивных периодов психического развития человека // Принцип развития в психологии. – М.: Наука, 1978. – С. 196–211.
- Лейтц Г. А.* Психодрама в психиатрии: Воображаемая реальность психодрамы и ее дополнительный мир // Психодрама и современная психотерапия. – 2007. – № 1. – С. 4–8.
- Лейтц Г.* Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено / Пер с нем. – 2-е изд. – М.: «Когито-Центр», 2007. – 380 с.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
- Лепіхова Л. А.* Соціально-психологічна компетентність як передумова успішної самореалізації особистості // Наукові студії з соціальної та політичної психології. – Вип. 6(9). – К., 2002. – С. 57–71.
- Ложкин Г. В., Повакель Н. И.* Практическая психология конфликта: Учеб. Пособие. – 2-е изд., стереотип. – К.: МАУП, 2002. – 256 с.
- Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – 566 с.
- Лук А. Н.* Формы и методы управления творческим потенциалом научного коллектива: аналитический обзор. – М., 1982. – 46 с.
- Лук А. Н.* Эмоции и личность. – М.: Знание, 1982. – 176 с.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
- Лушин П. В.* Психология личностного изменения. – Кировоград: Имекс ЛТД, 2002. – 360 с.
- Лэйнг Р. У.* Разделенное Я: Экзистенциальное исследование психического здоровья и безумия: Пер с англ. К.: Гос. библ-ка Украины для юношества, 1995. – 320 с.
- Лэндрет Г. Л.* Игровая терапия: искусство отношений: Пер. с англ. – М.: Междунар. пед. академия, 1994. – 368 с.
- Людина.* Суб'єкт. Вчинок. Філософсько-психологічні студії / За заг. ред. В. О. Татенка. – К.: Либідь, 2006. – 360 с.
- Лютова С. Н.* Социальная психология личности (теория и практика): курс лекций. – М.: МГИМО, 2002. – 176 с.
- Лютова С. Н.* Основы психологии и коммуникативной компетентности: курс лекций. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 268 с.
- Люшер М.* Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1993. – 152 с.

Мадди С. Р. Теории личности: сравнительный анализ / Пер. с англ. – СПб.: Речь, 2002. – 539 с.

Мазманян М. А., Тальян Л. Ш. Роль вдохновения и интуиции в процессе осуществления художественного замысла // Проблемы способностей. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – С. 177–194.

Майерс Д. Социальная психология: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1996. – 694 с.

Майков В. В. Проблема интеграции сознания в трансперсональной психологии // Филос. науки. – 1987. – № 9. – С. 67–77.

Макаров А. М. П'ять етюдів. Підсвідомість і мистецтво: Нариси з психології творчості. – К.: Рад. Письменник, 1990. – 285 с.

Макаров В. В., Макарова Г. А. Транзактный анализ – восточная версия. – М: Академический проект, ОППЛ, 2002. – 496 с.

Макаров В. В., Макарова Г. А. Игры, в которые играют... в России. Психологические игры новой России – М: Академический проект; М.: Трикста, 2004. – 112 с.

Максименко С. Д. Генезис существования личности. – К.: ООО «КММ», 2006. – 240 с.

Максименко С. Д., Максименко К. С., Папуча М. В. Психологія особистості. – К.: ТОВ «КММ», 2007. – 296 с.

Максимов М. Как преодолеть кризисы // Физкультура и спорт. – 1986. – № 10–12. – 1987. – № 1–3; Знание–сила. – 1986. – № 5. – С. 40–42.

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. 2-е изд. – М.: Прогресс-Культура, 1992. – 414 с.

Маноха И. П. Человек и потенциал его бытия. – К.: «Стимул» К, 1995. – 256 с.

Маноха И. П. Психологія потаємного «Я». – К.: Поліграфкнига, 2001. – 448 с.

Марголис Дж. Личность и сознание: Перспективы нередуктивного материализма: Пер с франц. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.

Марино Р. Ф. История Доктора: Джей Л. Морено – создатель психодрамы, социометрии и групповой психотерапии / Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 224 с.

Мартинюк І. О., Соболева Н. І. Люди і ролі. – К.: «Україна», 1993. – 180 с.

Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / Пер. с англ. – СПб.: Изд. гр. «Евразия», 1997а. – 430 с.

Маслоу А. Психология бытия: Пер. с англ. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997б. – 304 с.

Маслоу А. Г. Мотивация и личность: Пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.

Матюшкин А. Н. Загадки одаренности. Проблемы практической диагностики. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 128 с.

Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 295 с.

Менегетти А. Система и личность. – М.: Серебряные нити, 1996. – 128 с.

Менегетти А. Проект «Человек» / Пер. с итал. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001. – 224 с.

Мід Дж. Г. Дух, самість і суспільство. З точки зору соціального біхевіориста: Пер. з англ. – К.: Український центр духовної культури, 2000. – 374 с.

Миллер С. Психология игры. – СПб.: Университетская книга, 1999. – 320 с.

Мистецтво життєтворчості особистості: У 2-х ч. / За ред. Л. В. Сохань, І. Г. Єрмакова. – К.: ІЗМН, 1997. – Ч. 1. – 392 с.; Ч. 2. – 936 с.

- Мниховській А.* Женственность. – 3-е изд. – К., 1885. – 74 с.
- Мова Л. В.* Психологічні особливості забезпечення особистісної самореалізації майбутніх психологів у процесі фахової підготовки. – Автореф. ... канд. психол. наук. – К., 2003. – 20 с.
- Моляко В. А.* Психологические проблемы творческой одаренности. – К.: Об-во «Знание» Украины, 1995. – 52 с.
- Моляко В. А.* Творческая конструктология (пролегомены). – К.: Освіта України, 2007. – 388 с.
- Морено Дж.* Театр спонтанности: Пер с англ. – Красноярск: Фонд Мент. Здоровья, 1993. – 125 с.
- Морено Я. Л.* Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2001а. – 384 с.
- Морено Я.* Психодрама / Пер. с англ. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001б. – 528 с.
- Морено Зерка Т.* Обзор психодраматических техник // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – № 2. – С. 4–15.
- Москаленко В. В.* Психологія соціального впливу. Навч. пос. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 448 с.
- Москвичев С. Г.* Мотивация, деятельность и управление. – Киев – Сан-Франциско, 2003. – 492 с.
- Муляр В. И.* Самореализация личности как социальный процесс (методолого-социологический аспект). – Автореф. ... канд. филос. наук. – К., 1990. – 16 с.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений: Избр. психол. труды. – М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
- Налчаджян А. А.* Некоторые психологические и философские аспекты интуитивного познания (интуиция в процессе научного творчества). – М.: Мысль, 1972. – 271 с.
- Наор Я.* Театр Холокоста // Психодрама и современная психотерапия. – 2005. – № 4. – С. 15–30.
- Некрасов С. Н., Возиликин И. В.* Жизненные сценарии женщин и сексуальность. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – 168 с.
- Немировский В. Г., Мануильский И. А.* Фантастические представления как элемент массового сознания: [Материалы социол. лаб. Краснояр. ун-та] // Социол. исслед. – 1987. – № 4. – С. 70–75.
- Николко В. Н.* Творчество как новационный процесс: Философско-онтологический анализ. – Симферополь: Таврия, 1990. – 190 с.
- Образ жизни: Теорет. и методол. проблемы соц.-психол. исследования / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. – К.: Наук. думка, 1980. – 300 с.
- Овчинникова О. В., Насиновская Е. Е., Иткин Н. Г.* Гипноз в экспериментальном исследовании личности. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 232 с.
- Огороднов Л. М.* Игра со временем. Психологическое время личности и психодрама // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – № 2. – С. 16–29.
- Ольшанский В. Б.* Практическая психология для учителей. – М.: Онега, 1994. – 272 с.
- Орбан-Лембрик Л. Е.* Соціальна психологія: У двох книгах: Підручник для студентів вищих навчальних закладів. – Кн. 1: Соціальна психологія особистості і спілкування. – К.: Либідь, 2004. – 573 с.

Особистісний вибір: психологія відчаю та надії / За ред. Т. М. Титаренко. – К.: Міленіум, 2005. – 336 с.

Осухова Н. Г. Возрождение из боли: Психодрама с подростками, пережившими насилие // Практична психологія і соціальна робота. – 2003. – № 7. – С. 24–34.

Панок В. Г., Рудь Г. В. Психологія життєвого шляху особистості: Монографія. – К.: Ніка-Центр, 2006. – 280 с.

Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как психотерапевт: Пер с англ., нем. – М.: Смысл, 1993. – 332 с.

Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 607 с.

Перлз Ф. С. Гештальт-подход и свидетель терапии: Пер. с англ. – М.: Либрис, 1996. – 235 с.

Петровская Л. А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 216 с.

Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.

Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 224 с.

Петровский В. А. Личность в психологии: Парадигма субъектности: Учеб. пособие. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 509 с.

Пірен М. І. Основи етнопсихології: Підручник. – К., 1996. – 385 с.

Пископпель А. А. Гуманистический принцип личности и предмет психологии // Методология и история психологии. 2006. – Т. 1, № 1. – С. 232–250.

Проблеми психологічної герменевтики. Монографія / За ред. Н. В. Чепелевої. – К.: Міленіум, 2004. – 276 с.

Прукнер Х. Психодрама, соціометрія, рольові ігри: Огляд методу // Форум психіатрії і психотерапії. – 1999а. – Т. 1. – С. 66–69.

Прукнер Х. Соціальний атом // Форум психіатрії і психотерапії. – 1999б. – Т. 1. – С. 70–71.

Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М.: Юрист, 1995. – 623 с.

Психодрама: вдохновение и техника / Под ред. П. Холмса, М. Карп. Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997. – 288 с.

Психодрама, соціометрія и прикладная психология. Материалы Второй Международной научно-практической и учебной конференции (Морено-Фестиваль 2002). – Ростов-на-Дону: Фолиант, 2003. – 160 с.

Психологические исследования социального развития личности / Отв. ред. И. А. Джидарьян. – М.: ИПАН, 1991. – 231 с.

Психологические исследования творческой деятельности / Отв. ред. О. К. Тихомиров. – М.: Наука, 1975. – 254 с.

Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. – М.: Наука, 1979. – 336 с.

Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

Психология жизненного успеха: Опыт социально-психологического анализа преодоления критических ситуаций / Отв. ред. Л. В. Сохань, Е. И. Головаха. – К., 1995. – 150 с.

Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 368 с.

Психология личности и время жизни человека / Отв. ред. Вл. И. Ковалев. – Черновцы, 1991. – 156 с.

Психология личности: Словарь справочник / Под ред. П. П. Горностая и Т. М. Титаренко. – К.: Рута, 2001. – 320 с.

Психология процессов художественного творчества / Отв. ред. Б. С. Мейлах, Н. А. Хренов. – Л.: Наука, 1980. – 286 с.

Психология життєвої кризи / Відп. ред. Т. М. Титаренко. – К.: Агрпромовидав України, 1998. – 348 с.

Психологія і педагогіка життєтворчості / За ред. Л. В. Сохань, І. Г. Єрмакова, В. О. Тихоновича. – К.: ІЗМН, 1996. – 792 с.

Райков В. Л. Исследование сомнамбулической стадии гипноза с феноменом внушенной роли при активной деятельности загипнотизированного // *Терапия психических заболеваний.* – М.: Медгиз, 1968. – С. 463–469.

Райков В. Л. Искусство и сознание: Разум – зеркало Вселенной (философские и психологические аспекты). – М.: Б. и., 2000. – 293 с.

Рибалка В. В. Теорії особистості у вітчизняній психології: Навчальний посібник. – К.: ІПППО АПН України, 2006. – 530 с.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека: Пер. с англ. – М.: Изд. гр. «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.

Роджерс Н. Творчество как усиление себя // *Вопросы психологии.* – 1990. – № 1. – С. 164–168.

Романова В. Г. Особливості статево-рольової соціалізації підлітків. – Автореф. ... канд. психол. наук. – К., 2002. – 19 с.

Романова Е. С., Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты: Генезис. Функционирование. Диагностика. – Мытищи: Талант, 1996. – 144 с.

Роменец В. А. Жизнь и смерть: постижение разумом и верой. 2-е изд. – К.: Либідь, 2003. – 232 с.

Ротенберг В. С., Тихомиров О. К. О возможном механизме связи сновидений с творчеством // *Вопр. психологии.* – 1979. – № 4. – С. 130–133.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии: 2-е изд. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с.

Руденко А. В. Методологический анализ современных буржуазных концепций социализации личности: Дисс. ... канд. психол. наук. – К., 1979. – 148 с.

Рудестам К. Групповая психотерапия: 2-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1998. – 352 с.

Русалов В. М. Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности человека // *Психологический журнал.* – 1986. – Т. 6. – № 4. – С. 23–35.

Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.

Сакс Дж. М. Голос Я. Л. Морено: Интервью с создателем психодрамы // *Психодрама и современная психотерапия.* – 2003. – № 1. – С. 5–21.

Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии: Пер. с англ. – СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. – 347 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 264 с.

Санникова О. П. Эмоциональность в структуре личности. – Одесса: Хорс, 1995. – 334 с.

Сарджвеладзе Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 204 с.

Сатир В. Как строить себя и свою семью: Пер. с англ. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.

Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.

Семантика, логика и интуиция в мыслительной деятельности человека: (Психологические исследования) / Под ред. А. Н. Соколова, Л. Л. Гуровой, Н. И. Жинкина. – М.: Педагогика, 1979. – 184 с.

Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // *Вопр. психологии.* – 1983. – № 2. – С. 35–42.

Семиченко В. А. Психология личности. – К.: Видавець Ешке О. М., 2001. – 427 с.

Сидоров В. Н. Профессиональная деятельность социального работника: ролевой подход. – Винница: «Глобус-Пресс», 2006. – 408 с.

Системно-ролевая теория формирования личности педагога / В. Г. Максимов, О. Г. Максимова, Н. Ю. Савчук и др. – М.: Academia, 2007. – 536 с.

Скорородова О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. – М.: Педагогика, 1972. – 446 с.

Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989. – 215 с.

Социальная психология. 7-е изд. / Под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.

Социальная психология личности: Сборн. статей. – Л.: Знание, 1974. – 224 с.

Социальная психология личности / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. – М.: Наука, 1979. – 344 с.

Станиславский К. С. Работа актера над собой. – Ч. 1: Работа над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. – М.: Искусство, 1985. – 479 с.

Старовойтенко Е. Б. Жизненные отношения личности: модели психологического развития. – К.: Лыбидь, 1992. – 216 с.

Стасенко Е. В. Психологические особенности и сценарные установки личности, способствующие профессиональной самореализации среди управленцев и сотрудников милиции // *Психология зрелости и старения.* – 2002. – № 4. – С. 74–84.

Стиль жизни личности: Теоретические и методологические проблемы / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. – К.: Наук. думка, 1982. – 372 с.

Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.

Стюарт Й., Джойнс В. Основы ТА: Транзакційний аналіз: Пер. з англ. – К.: ФАДА, ЛТД, 2002. – 393 с.

Субъект и социальная компетентность личности (сб. статей) / Под ред. А. В. Брушлинского. – М.: ИПРАН, 1995. – 167 с.

Тарасов Е. Ф. Ролевая интерпретация понятий «значение» и «смысл» // *Проблемы психолингвистики* / Отв. ред. Ю. А. Сорокин, А. М. Шахнарович. – М., 1975. – С. 151–166.

Татенко В. А. Психология в субъектном измерении. – К.: Вид. центр «Просвіта», 1996. – 404 с.

Татенко В. О. До проблеми автентичності людського буття: вчинкова парадигма / Розвиток педагогічної і психологічної наук в Україні 1992–2002. Зб. наук. праць до 10-річчя АПН України / Академія педагогічних наук України. – Ч. 1. – Харків: «ОВС», 2002. – с. 550–563.

Темпер Ю. Б. К исследованию феномена активизации изобразительной деятельности в гипнозе // Вопр. психологии. – 1983. – № 2. – С. 124–125.

Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика // Под ред. К. Бейкер и А. Я. Варги. – М.: Когито-Центр, 2005. – 496 с.

Теплов Б. М. Способности и одаренность // Избранные труды: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1985. – С. 15–41.

Титаренко Т. М. Життєвий світ особистості та детермінанти його побудови // Ми-стество життєтворчості особистості: Наук.- метод. Посібник: У 2-х ч. – Ч. 1: Теорія і технологія життєтворчості. – К., 1997. – С. 206–227.

Титаренко Т. М. Здатність до конструктивного життєвого вибору як умова особистісного зростання // Психолого-педагогічна наука і суспільна ідеологія: Матер. методол. семінару АПН України. – К., 1998. – С. 436–440.

Титаренко Т. М. Життєвий світ особистості: у межах і за межами буденності. – К.: Либідь, 2003. – 376 с.

Тойч Дж. М., Тойч Ч. К. Второе рождение, или Искусство познать и изменить себя: Пер. с англ. – М.: Лос-Анжелес: «Санрэй», 1995. – 191 с.

Тодоров Хр. Боледуването като социалноролево поведение // Съврем. мед. – 1990. – 41, № 6. – С. 3–7.

Толстых А. В. Возрасты жизни. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 223 с.

Третьяченко В. В. Соціально-психологічні механізми формування й розвитку колективних суб'єктів управління: Дис... д-ра психол. наук. – К., 1997. – 625 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. – 277 с.

Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – 452 с.

Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. – М., 1991. – 244 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборн.: Пер. с англ., нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Франкл В. Э. Доктор и душа: Пер с англ. – СПб.: Ювента, 1997. – 287 с.

фон Франц М.-Л. Психология сказки. Толкование волшебной сказки. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке: Пер. с англ. – СПб.: Б. С. К., 1998. – 360 с.

Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы: Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1993. – 144 с.

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // «Я» и «Оно»: Труды разных лет. – Тбилиси: Мерани, 1991а. – Кн. 1. – С. 71–138.

Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура: Пер. – М.: Ренессанс, 1991б. – 296 с.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции: Пер. с нем. – М.: Наука, 1991в. – 456 с.

Фрейд З. Толкование сновидений: Пер. с нем. – К.: Здоровья, 1991г. – 384 с.

Фрейд З. Художник и фантазирование. – М.: Республика, 1995. – 400 с.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. – 318 с.

Фрейдджер Р., Фейдлмен Д. Личность: теории, эксперименты, упражнения. – Пер. с англ. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 704 с.

- Фридман Дж., Комбс Дж.* Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия / Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 368 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
- Фромм Э.* Иметь или быть?: Пер. с англ. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990. – 336 с.
- Фромм Э.* Человек для себя: Исследование психологических проблем этики: Пер. с англ. – Минск: Коллегиум, 1992. – 253 с.
- Фурман А. В., Гуменюк О. Є.* Психологія Я-концепції: Навчальний посібник. – Львів, Новий світ-2000, 2006. – 360 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время: Пер. с нем. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
- Хайкин Р. Б.* Художественное творчество глазами врача. – СПб.: Наука, 1992. – 232 с.
- Хайн М. А.* Трансактный анализ и психодрама: Союз, который хорошо работает // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – №1. – С. 36–51.
- Хамитов Н. В.* Философия человека: Поиск пределов. Пределы мужского и женского: Введение в метаантропологию. – К.: Наук. думка, 1997. – 176 с.
- Харрис Т. А.* Я хороший, ты хороший: Пер. с англ. – М.: Соль, 1993. – 176 с.
- Хёйзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. – М.: Изд. гр. «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.
- Хеллинггер Б.* Порядки любви: Разрешение системно-семейных конфликтов и противоречий. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. – 400 с.
- Холл К. С., Линдсей Г.* Теории личности: Пер. с англ. – М.: «КСП+», 1997. – 720 с.
- Холмс П.* Внутренний мир снаружи. Теория объектных отношений и психодрама / Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 288 с.
- Холмс П., Карп М.* Вдохновение и техника // Психодрама: вдохновение и техника / Под ред. П. Холмса, М. Карп. Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997. – С. 17–24.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени; Самоанализ: Пер. с англ. – М.: Изд. гр. «Прогресс» – «Универс», 1993а. – 480 с.
- Хорни К.* Женская психология: Пер. с англ. – СПб.: Вост.-Евр. ин-т психоанализа, 1993б. – 224 с.
- Хьюелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение): Пер. с англ. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
- Цапкин В. Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – № 2. – С. 5–40.
- Цыба В. Т.* Соціологія особистості: системний підхід (соціально-психологічний аналіз): Навч. посібник. – К.: МАУП, 2000. – 150 с.
- Чхейло І. І.* Самореалізація особи (соціально-філософський аналіз). – Автореф. ... канд. філос. наук. – Х., 2000. – 20 с.
- Чудновский В. Э.* Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 768 с.
- Шайффеле Э.* Изменения сознания в психодраме и социодраме // Психодрама и современная психотерапия. – 2003. – № 3(4). – С. 12–27.
- Шайффеле Э.* Катарсис: От Аристотеля до Морено и Боала // Психодрама и современная психотерапия. – 2005. – № 1. – С. 5–23.
- Шакуров Р. Х.* Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. – № 1. – 2001. – С. 3–18.

Швалб Ю. М. Целеполагающее сознание (психологические модели и исследования). – К.: Миллениум, 2003. – 152 с.

Шибутани Т. Социальная психология: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1969. – 531 с.

Шиловська О. М. Психологічні особливості породження наративу як засобу саморозвитку особистості. – Автореф... канд. психол. наук. – К., 2003. – 22 с.

Шихи Г. Возрастные кризисы. Ступени личностного роста: Пер. с англ. – СПб.: Ювента, 1999. – 436 с.

Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2007. – 128 с.

Шорохова Е. В., Бобнева М. И. Проблема изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М.: Наука, 1979. – С. 3–19.

Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор: Пер. с англ. – Мн.: ТПЦ «Полифакт», 1992. – 128 с.

Шостром Э., Браммер Л. Терапевтическая психология. Основы консультирования и психотерапии: Пер. с англ. – СПб: Сова; М.: Эксмо, 2002. – 624 с.

Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 416 с.

Штайнер К. Игры, в которые играют алкоголики / Пер. с англ. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО, 2003. – 304 с.

Штайнер К. Обратная сторона власти. Прощание с Карнеги, или Революционное руководство для марионетки / Пер. с англ. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 255 с.

Штайнер Й. Харизма руководителя и управленческие архетипы. // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 4. – С. 102–106.

Штейнхард Л. Юнгианская песочная психотерапия. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.

Шутценбергер А. А. Драма смертельно больного человека. Пятнадцать лет работы в психодраме с больными раком // Психодрама: вдохновение и техника / Под ред. П. Холмса, М. Карп. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997. – С. 217–243.

Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2005. – 240 с.

Эйнштейн А. Физика и реальность. – М.: Наука, 1965. – 360 с.

Эльконин Д. Б. Творческие ролевые игры детей дошкольного возраста. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. – 24 с.

Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. – 304 с.

Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

Эльячефф К., Эйнши Н. Дочки-матери. Третий лишний? – Пер. с франц. – М.: Наталья Попова, «Кстати», Изд-во «Институт общегуманитарных исследований», 2006. – 448 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1973. – 240 с.

Эриксон Э. Г. Детство и общество: Пер. с англ. – 2-е изд. – СПб: Ленато; АСТ; Университетская книга, 1996а. – 592 с.

Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996б. – 344 с.

Эрлахер-Фаркас Б., Йорда К. (ред.). Монодрама: Исцеляющая встреча. От психодрамы к индивидуальной терапии. – К.: Ника-Центр, Эльга, 2004. – 292 с.

- Эстес К. П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Пер. с англ. – К.: «София», М.: ИД «София», 2004. – 496 с.
- Юнг К. Г.* Собр. соч. Конфликты детской души / Пер. с нем. – М.: Канон, 1995. – 336 с.
- Юнг К. Г.* Собр. соч. Дух Меркурий / Пер. с нем. – М.: Канон, 1996а. – 384 с.
- Юнг К. Г.* Психологические типы: Пер. с нем. – М.: Университетская книга, АСТ, 1996б. – 718 с.
- Юнг К.* Структура психики и процесс индивидуации. – М.: Наука, 1996в. – 269 с.
- Юнг К.* Психология и алхимия: Пер. с англ., лат. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. – 592 с.
- Ядов В. А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – 328 с.
- Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб.: Интерсоцис, 2006. – 112 с.
- Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия: Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.
- Ярошевский М. Г.* Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // Вопр. психологии. – 1978. – № 3. – С. 40–53.
- Ярошевский М. Г., Юревич А. В., Алахвердян А. Г.* Программно-ролевой подход в современной науке // Вопр. психологии. – 2000. – № 6. – С. 3–18.
- Яценко Т. С.* Психологічні основи групової психокорекції. – К.: Либідь, 1996. – 264 с.
- Яценко Т. С.* Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика. – К.: Вища школа, 2006. – 382 с.
- Adler A.* The pattern of life. – N. Y.: Holt, Rinehart, & Winston, 1930. – 272 p.
- Alexander M. J., Higgins E. T.* Emotional trade-offs of becoming a parent: How social roles influence self-discrepancy effects // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 65. – No 6. – 1993. – P. 1259–1269.
- Allen R. D., Krebs N.* Psychotheatrics: The new art of self-transformation. – New York; London: Garland STPM Press, 1979. – 216 p.
- Allport G. W.* Pattern and growth in personality. – N. Y.: Holt, Rinehart, & Winston, 1967. – 593 p.
- Apter M. J., Mallows R., Williams S.* The development of the motivation style profile / Personality and Individual Differences. – 1998, V. 24, No 1. – P. 7–18.
- Aronson M. L.* Integrating Moreno's psychodrama and psychoanalytic group therapy // Journal of Group Psychotherapy, Psychodrama & Sociometry. – 1990, V. 42(4). – P. 199–203.
- Bandura A.* Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1986. – 617 p.
- Barbour A., Moreno Z. T.* Role fatigue // Journal of Group Psychotherapy, Psychodrama, and Sociometry. – 1980, V. 33. – P. 185–190.
- Barnes G.* On saying hello: The script drama diamond and character role analysis // Transactional Analysis Journal. – 1981, V. 11, No 1. – P. 22–32.
- Beehr T. A., Walsh J. T., Taber T. D.* Relationship of stress to individually and organizationally valued states. Higher order needs as moderator // Journal of Applied Psychology. – 1976, Vol. 61. – P. 41–47.
- Bem D. J.* Constructing a theory of the triple typology: Some (second) thoughts on nomothetic and idiographic approaches to personality // Journal of Personality, 1983, vol. 51 (3). – P. 566–576.

Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974, V. 42. – P. 115–162.

Biddle B. J. Role theory: Expectations, identities, and behaviors. – N. Y., etc.: Acad. Press, 1979. – 416 p.

Biddle B. J. Recent developments in role theory // *Annual Review of Sociology*. – 1986, V. 12. – P. 67–92.

Biddle B. J., Twyman J. P., Rankin E. F. The concept of role conflict // *Social studies series*. No 11. – Stillwater (Okla), 1960. – 60 p.

Biddle B. J., Thomas E. J. (Eds.) *Role theory: Concepts and research*. – N. Y., etc.: Wiley & Sons, 1966. – 453 p.

Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and method*. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1969. – 208 p.

Boszormenyi-Nagy I., Spark G. V. *Invisible loyalties*. – N. Y.: Harper & Row, 1973.

Brim O. G., Wheeler S. (Eds.) *Socialization after childhood*. – N. Y.: Wiley, 1966. – 116 p.

Brissett D., Edgley C. (Eds.) *Life as theater: a dramaturgical sourcebook*. – Chicago: Aldine, 1975. – 387 p.

Buchanan D. R., Little D. Neuro-linguistic programming and psychodrama: Theoretical and clinical similarities // *Journal of Group Psychotherapy, Psychodrama, & Sociometry*. – 1983, V. 36(3). – P. 114–122.

Buhler Ch. *Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem*. – Gott.: Hogrefe, 1959. – 181 S.

Burke K. The five key terms of dramatism // *Life as theater: A dramaturgical sourcebook* / Ed. by D. Brissett, Ch. Edgley. – Chicago: The University of Chicago Press, 1975. – P. 411–417.

Burriss Ch. T., Branscombe N. R., Klar Y. Maladjustment implications of self and group gender-role discrepancies: An ordered-discrepancy model // *European Journal of Social Psychology*. – 1997, V. 27. – P. 75–95.

Buss A. H., Briggs S. R. Drama and the self in social interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1984, V. 47, No 6. – P. 1310–1324.

Callero P. L. From role-playing to role-using: Understanding role as resource. Special issue: Conceptualizing structure in social psychology // *Social Psychology Quarterly*. – 1994, V. 57(3). – P. 228–243.

Campbell J. D., Trapnell P. D., Heine S. J., Katz L. M., Lavalley L. F., Lehman D. R. Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996, V. 70, No 1. – P. 141–156.

Carson R. C. *Interaction concepts of personality*. – L.: Allen & Unwin, 1970. – 306 p.

Cattell R. B. *Personality and social psychology. Collected papers*. – San Diego (CA), 1964. – 799 p.

Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // *European Journal of Social Psychology*. – 1998, V. 28. – P. 227–248.

Clark T., Mangham I. From Dramaturgy to Theatre as Technology: The Case of Corporate Theatre // *Journal of Management Studies*. – 2004, V. 41, No 1. – P. 37–59.

Clarkson P. The Bystander role // *Transactional Analysis Journal*. – 1987, V. 17, No 3. – P. 82–87.

Coe W. C., Sarbin T. R. Role theory: Hypnosis from a dramaturgical and narrational perspective. // S. J. Lynn, & J. W. Rhue (Eds.), *Theories of hypnosis: Current models and perspectives*. New York: Guilford Press. 1993. – P. 303–323

- Combs J. E., Mansfield M. W.* (Eds.) *Drama in life: the uses of communication in society.* – New York: Hastings House, 1976. – 544 p.
- Cooley Ch. H.* *Human nature and the social order.* – N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1964. – 434 p.
- Crespelle A.* Self, role, and personhood: Differences and interferences // *Transactional Analysis Journal.* – 1998, V. 28, No 3. – P. 251–258.
- Dale M. A., Lyddon W. J.* Sandplay: A constructivist strategy for assessment and change // *Journal of Constructivist Psychology.* – 2000, V. 13. – P. 135–154.
- Donahue E. M., Robins R. W., Roberts B. W., John O. P.* The divided self: Concurrent and longitudinal effects of psychological adjustment and social roles on self-concept differentiation // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1993, V. 64, No 5. – P. 834–846.
- Doyle J. A., Moore R. J.* Attitudes toward the male's role scale (AMR): An objective instrument to measure attitudes toward the male's sex role in contemporary society. *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology,* 1978, 8, 35.
- Dussay J. M.* Response // *Transactional Analysis Bulletin.* – 1966, V. 5, No 18. – P. 136–137.
- Echabe A. E., Gonzalez Castro J. L.* The impact of context on gender social identities // *European Journal of Social Psychology.* – 1999, V. 29. – P. 287–304.
- English F.* Distinguishing between role and ego-state // *Transactional Analysis Bulletin.* – 1970, V. 9, No 35. – P. 101–102.
- English F.* Differentiating Victims in the drama triangle // *Transactional Analysis Journal.* – 1976, Vol. 6, No 4. – P. 384–386.
- Erikson E. H.* *Identity and the life cycle.* – New York; London, 1980. – 191 p.
- Erskine R. G., Moursund J. P.* *Integrative psychotherapy in action.* – Highland, NJ: Gestalt Journal Press, 1997.
- Erskine R. G., Moursund J. P., Trautmann R. L.* Beyond empathy: A therapy of contact-in-representation. – Philadelphia: Brunner/Mazel, 1999. – 380 p.
- Ernst C., Angst J.* Birth order: It's influence on personality / Ed. by M. Bleyler. – B., etc.: Springer, 1983. – 343 p.
- Ernst S., Gowling D.* Psychotherapy and gender // *The Handbook of Psychotherapy* (Ed. by P. Clarkson and M. Pokorny). – L., N. Y.: Routledge, 1994. – P. 86–99.
- Feist J., Feist G. J.* *Theories of personality.* – 6th ed. – Boston: McGraw Hill, 2006. – 608 p.
- Ferns L. K.* TA and drama // *Transactional Analysis Journal.* – 1975, V. 5, No 2. – P. 158–162.
- Ferreres A., Gonzalez-Roma V., Hernandez A.* Estilos de vida y hábitos de salud: Estructura factorial, consistencia interna y validez. // *Psicologica.* – 1995, V. 16(1). – P. 13–25.
- Fine G. M.* The sad demise, mysterious disappearance, and glorious triumph of symbolic interactionism // *Annual Review of Sociology.* – 1993, V. 19. – P. 61–87.
- Foa U. G., Foa E. B.* *Societal structures of the mind.* – Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1974.
- Forer L. K.* Birth order and life roles. – Springfield Ill.: Charles C Thomas, 1969. – xiii, 168 p.
- Fox J.* The essential Moreno: Writings on Psychodrama, Group Method, and Spontaneity by J. L. Moreno, M.D. – N. Y.: Springer, 1987. – 260 p.
- George L. K.* Sociological perspectives on life transitions // *Annual Review of Sociology.* – 1993, V. 19. – P. 353–373.
- Gonzalez-Roma V., Espejo B., Lloret S.* El Cuestionario de Ansiedad Laboral (C.A.L.). // *Psicologica.* – 1993, V. 14(2). – P. 123–136.
- Gonzalez-Roma V., Lloret S.* Un estudio acerca de la estructura factorial del Cuestionario de Conflicto de Rol (Peiro et al., 1987). // *Psicologica.* – 1994, V. 15(1). – P. 1–11.

- Gonzalez-Roma V., Lloret S.* Construct validity of Rizzo et al.'s (1970) Role Conflict and Ambiguity Scales: A multisample study // *Applied Psychology: An International Review*. – 1998, V. 47 (4). – P. 535–545.
- Gordon Ch.* Development of evaluated role identities // *Annual Review of Sociology*. – 1976, V. 2. – P. 405–433.
- Gornostay P. P.* Locus of role conflict as a base personality concept // 11th European Conference on Personality. – Lengerich etc.: Pabst Science Publishers, 2002. – P. 144.
- Goulding R., Goulding M.* Injunctions, decisions, and redecisions // *Transactional Analysis Journal*. – 1976, Vol. 6, No 1, P. 41–48.
- Greenberg I., Bassin A.* Reality therapy and psychodrama // *The reality therapy reader* / Ed. by A. Bassin, T. Bratter, and R. Rachin. – New York: Harper & Row, 1976. – P. 231–240.
- Greenwood J. D.* Role playing as an experimental strategy in social psychology // *European Journal of Social Psychology*. – 1983, V. 13. – P. 235–54.
- Gregory L.* Gender scripting as a factor in domestic violence // *Transactional Analysis Journal*. – 2001, Vol. 31, No 3. – P. 172–181.
- Gross N., Mason W. S., McEachern A. W.* Explorations in role analysis: Studies of the school superintendency role. – N. Y.: Wiley, 1958. – 379 p.
- Hamsher J. H.* Male sex roles: Banal scripts // *Transactional Analysis Journal*. – 1973, Vol. 3, No 1. – P. 23–28.
- Hare A. P.* Social interaction as drama: Applications from conflict resolution. Beverly Hills (Calif.): Sage, 1985. – 183 p.
- Harré R.* Social being: A theory for social psychology. – Totowa (NJ): Rowman and Littlefield, 1980. – 438 p.
- Harré R.* Personality as dramaturgical production // 11th European Conference on Personality. – Lengerich etc.: Pabst Science Publishers, 2002. – P. 76–77.
- Heider F.* The psychology of interpersonal relations. – N. Y.: Wiley, 1958. – 322 p.
- Heilbrun A. B.* Human sex role behavior. – N. Y., 1981.
- Hohmuth A. V., Gormly A. V.* Ego state models and personality structure // *Transactional Analysis Journal*. – 1982, Vol. 12, No 2. – P. 140–143.
- Holby M. E.* TA and psychodrama // *Transactional Analysis Journal*. – 1975, Vol. 5, No 2. – P. 133–136.
- Horley J., Carrell B., Little B. R.* A typology of life styles // *Social Indicators Research*. – 1991, V. 20. – P. 383–98.
- Ickes W., Knowles E. S.* (Eds.) Personality, roles, and social behavior. – N. Y., etc.: Springer, 1982. – 362 p.
- Jacobs A.* Psychodrama and TA // *Techniques in transactional analysis for therapists and counselors* / Ed. by M. James. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1977. – P. 239–249.
- Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalité. – P.: Chahine, 1929. – 581 p.
- Joines V., Stewart I.* Personality adaptations: A new guide to human understanding in psychotherapy and counseling. – Lifespace Publishing, Nottingham, UK, and Chapel Hill, NC, USA, 2002. – xvi, 417 p.
- Kahler T., Capers H.* The miniscrpt // *Transactional Analysis Journal*. – 1974, Vol. 4, No 1. – P. 26–42.
- Kahn R. L., Wolfe D. M., Quinn R. P., Snoeck J. D., Rosenthal R. A.* Organizational stress: Studies in role conflict and ambiguity. – N. Y.: Wiley, 1964.
- Karp M., Holmes P. & Tavon K. B.* (Eds.) The handbook of psychodrama. – London, New York: Routledge, 1998. – 305 p.

- Karpman S. B.* Fairy tales and script drama analysis // *Transactional Analysis Bulletin*. – 1968, V. 7, No 26. – P. 39–43.
- Kellermann N. P. F.* Transmission of Holocaust Trauma. – National Israeli Center for Psychosocial Support of Survivors of the Holocaust and the Second Generation, 2000 // <http://peterfelix.tripod.com/home/trans.htm>
- Kelly G. R.* Behaviorism and psychodrama: Worlds not so far apart // *Group Psychotherapy, Psychodrama, & Sociometry*. – 1978, V. 31. – P. 154–162.
- Kenrick D. T., Dantchik A.* Interactionism, idiographics, and the social psychological invasion of personality // *Journal of Personality*. – 1983, V. 51, No 3. – P. 286–307.
- Kipper D. A.* The dynamics of role satisfaction: A theoretical model // *Journal of Group Psychotherapy, Psychodrama & Sociometry*. – 1991, V. 44, No 2. – P. 71–86.
- Kipper D. A.* The emergence of role playing as a form of psychotherapy // *Journal of Group Psychotherapy, Psychodrama & Sociometry*. – 1996, Vol. 49, No 3. – P. 99–119.
- Klein M.* Ten personality types // *Transactional Analysis Journal*. – 1985, V. 15, No 3. – P. 224–231.
- Kuritz P. T.* The creative actor: A transactional view // *Transactional Analysis Journal*. – 1975, Vol. 5, No 2. – P. 161–162.
- Leutz G. A.* Transference, empathy and tele: The role of the psychodramatist as compared with the role of the psychoanalyst // *Group Psychotherapy & Psychodrama*. – 1971, V. 24. – P. 111–116.
- Leutz G. A.* Widerstand und Übertragung im Psychodrama. Psychotherapie, Psychosomatik, Medizinische Psychologie. – 1983, B. 33. – S. 93–96.
- Leveton E.* A clinician's guide to psychodrama. – 3rd ed. – New York: Springer, 2001. – 209 p.
- Levin P.* Sex Roles: An added dimension to script theory // *Transactional Analysis Journal*. – 1977, V. 7, No 2. – P. 121–126.
- Linton R.* The study of man. – New York: Appleton-Century, 1936. – ix, 503 p.
- Lupu E. C., Sloman M.* Towards a role-based framework for distributed systems management // *Journal of Network and Systems Management*. – 1997, V. 5, No 1. – P. 5–30.
- MacCormack T.* Believing in make-believe: Looking at theater as a metaphor for psychotherapy // *Family Process*. – 1997, V. 36, No 2. – P. 151–169.
- McDaniel S. H.* Marital therapy and the resolution of gender role conflict // *Journal of Family Psychotherapy*. – 1990, No 3. – P. 39–49.
- McGee G. W., Ferguson C. E., Seers A.* Role conflict and role ambiguity: Do the scales measure these two constructs? // *Journal of Applied Psychology*. – 1989, Vol. 74(5). – P. 815–818.
- McNeel J. R.* The Parent Interview // *Transactional Analysis Journal*. – 1976, V. 6, No 1. – P. 61–68.
- McRae K., Ferretti T. R., Amyote L.* Thematic roles as verb-specific concepts // *Language and Cognitive Processes*. – 1997, V. 12 (2/3). – P. 137–176.
- Mahrer A. R.* The Integration of Psychotherapies. – New York: Human Sciences Press, 1989.
- Mangham, I. L.* Managing as a performing art // *British Journal of Management*. – 1990, Vol. 1, No 2. – P. 105–115.
- Mangham, I. L.* Vita Contemplativa. The Drama of Organizational Life // *Organization Studies*, 2005. – Vol. 26, No 6. – P. 941–958.
- Mangham, I. L., Overington, M. A.* Organizations as theatre: A social psychology of dramatic appearances. – Wiley and Sons. – Chichester, New York, 1987. – 218 p.
- Massey R. F.* Integrating Systems Theory and TA in Couples Therapy // *Transactional Analysis Journal*. – 1989, V. 19, No 3. – P. 128–136.

- Mead G. H.* Social consciousness and the consciousness of meaning // *Psychological Bulletin*. – 1910, V. 7. – P. 397–405.
- Mead G. H.* The mechanism of social consciousness // *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. – 1912, V. 9. – P. 401–406.
- Mead G. H.* The social self // *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. – 1913, V. 10. – P. 374–380.
- Mead G. H.* The genesis of the self and social control // *International Journal of Ethics*. – 1925, V. 35. – P. 251–277.
- Mead G. H.* *The philosophy of the present*. – Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1932. – 199 p.
- Mead G. H.* *The philosophy of the act*. – Chicago: The Univ. of Chicago press, 1938. – 696 p.
- Mellou E.* A theoretical perspective on the relationship between dramatic play and creativity // *Early Child Development and Care*. – 1994, V. 100. – P. 77–92.
- Milne A.* *Counseling*. – London: Teach Yourself Books, 1999. – x, 278 p.
- Moreno J. L.* *Who shall survive? A new approach to the problem of human interrelations*. – Washington, DC: Nervous and Mental Disease Publishing Company, 1934. – 440 p.
- Moreno J. L.* Role theory and the emergence of the self. // *Group Psychotherapy*. – 1962, V. 15. – P. 114–117.
- Moreno J. L.* *Psychodrama*. Vol. 1–3. – Beacon (N. Y.): Beacon House, 1941–1969.
- Morgan L. H.* *Ancient society, or Researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization*. – London, 1877.
- Moursund J. P., Erskine R. G.* *Integrative psychotherapy: The art and science of relationship*. Pacific Grove, CA: Thomson: Brooks/Cole, 2004.
- Murray H. A., Barrett W. G., Langer W. C., Morgan C. D., Homburger E., & Others.* *Explorations in personality*. – New York: Oxford University Press, 1938. – 761 p.
- Naar R.* A psychodramatic intervention with a T.A. framework in individual and group psychotherapy // *Group Psychotherapy, Psychodrama & Sociometry*. – 1977, V. 30. – P. 127–134.
- Natanson M.* *Man as actor // Drama in life*. N. Y., 1976. – P. 46–56.
- Oeser O. A., Harary F.* A mathematical model for structural role theory // *Human Relations*. – 1964, No 17. – P. 3–17.
- O'Neil J. M., Helms B. J., Gable R. K., Lawrence D., Wrightsman L. S.* Gender role conflict scale: college men's fear of femininity // *Sex Roles*. – 1986, V. 14. – P. 335–350.
- Parry A.* Why we tell stories: The narrative construction of reality // *Transactional Analysis Journal*. – 1997, V. 27, No 2. – P. 118–127.
- Peiro J. M., Melia J. L., Torres M. A., Zurriaga R.* La medida de la experiencia de la ambigüedad en el desempeño de roles: El cuestionario general de ambigüedad de rol en ambientes organizacionales. // *Evaluacion Psicologica*. – 1987a, V. 3(1). – P. 27–53.
- Peiro J. M., Melia J. L., Zacaes I., Gonzalez-Roma V.* La medida de la experiencia de conflicto en el desempeño de roles: El cuestionario de conflicto de rol // *Evaluacion Psicologica*. – 1987b, V. 3(3). – P. 345–381.
- Pervin L. A.* (Ed.) *Goal concepts in personality and social psychology*. – Hills. (NJ), etc.: Erlbaum, 1989. – 509 p.
- Pervin L. A.* *Personality: Theory and research*. – 5th ed. – N. Y., etc.: Wiley, 1989. – 542 p.
- Pervin L. A.* A Critical analysis of current trait theory // *Psychological Inquiry* 1994, V. 5, No 2. – P. 103–113.

- Piaget J.* The language and thought of the child. – N. Y.: Meridian Books, 1955. – 251 p.
- Piaget J.* Play, dreams and imitation in childhood. – N. Y.: Norton, 1951. – 295 p.
- Pleck J. H.* The work-family role system // *Social Problems*. – 1977, V. 24. – P. 417–428.
- Remer R.* Chaos theory and the Hollander psychodrama curve: Trusting the process // *International Journal of Action Methods: Psychodrama, Skill Training, and Role Playing*. – 1997, V. 50, No 2. – P. 51–70.
- Rizzo J. R., House R. J., Lirtzman S. I.* Role conflict and ambiguity in complex organizations // *Administrative Science Quarterly*. – 1970, V. 15(2). – P. 150–163.
- Robinson W. P.* (Ed.) *Social groups and identities: developing the legacy of Henri Tajfel*. – Oxford: Butterworth-Heinemann, 1996. – 386 p.
- Rotter J. B.* *Social learning and clinical psychology*. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1954.
- Ryckman R. M.* *Theories of personality*. – 7th ed. – Pacific Grove (CA): Brook, Cole Publ., 2000. – 696 p.
- Sakles C. J.* Role conflict and transference in combined psychodramatic group therapy and individual psychoanalytically-oriented psychotherapy // *Group Psychotherapy & Psychodrama*. – 1973, V. 26(3–4). – P. 70–76.
- Sarbin T. R.* The poetics of my identities // G. Yancy, & S. Hadley (Eds.), *Narrative identities: Psychologists engaged in self-construction*. – Philadelphia, PA: Jessica Kingsley Publishers, 2005. – P. 13–35.
- Sarbin T. R., Scheibe K. E.* (Eds.) *Studies in social identity*. – N. Y.: Praeger, 1983. – 400 p.
- Scheibe K. E.* *Mirrors, masks, lies, and secrets: The limits of human predictability*. – New York: Praeger, 1979.
- Scheibe K. E.* The person as actor, the actor as person: Personality from a dramaturgical perspective // 11th European Conference on Personality. – Lengerich etc.: Pabst Science Publishers, 2002. – P. 76.
- Schiff J. L.* Reparenting schizophrenics // *Transactional Analysis Bulletin*. – 1969, Vol. 8, No 31. – P. 47–63.
- Schlenker B. R., Weigold M. F.* Interpersonal processes involving impression regulation and management // *Annual Review of Psychology*. – 1992, V. 43. – P. 133–168.
- Schultz D., Schultz S. E.* *Theories of personality*. – New York: Brooks/Cole, 2005. – 552 p.
- Sebastian J.* Las escalas de masculinidad y feminidad: presupuestos subyacentes al modelo clasico y actual. Segunda parte: el modelo actual // *Evaluacion Psicologica*. – 1990, V. 6(3). – 327–367.
- Sherif M.* *The psychology of social norms*. – N. Y.: Harper, 1936.
- Siegall M.* Some effects of role conflict source on the experience of role conflict // *Journal of Applied Social Psychology*. – 1992, V. 22(8). – P. 628–637.
- Siegall M., Cummings L. L.* Stress and organizational role conflict // *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. – 1995, V. 121(1). – P. 65–95.
- Simmel G.* The dramatic actor and reality // *The Conflict in Modern Culture and Other Essays*. – N. Y.: Teachers College Press, 1965. – P. 91–97.
- Smith C. S., Tisak, J., Schmieder R. A.* The measurement properties of the role conflict and role ambiguity scales: A review and extension of the empirical research // *Journal of Organizational Behavior*. – 1993, V. 14(1). – P. 37–48.
- Snyder M.* The influence of individuals on situations: Implications for understanding the links between personality and social behavior // *Journal of Personality*. – 1983, V. 51, No 3. – P. 497–516.

- Spence J. T., Helmreich R. L.* The attitudes toward women scale: An objective instrument to measure attitude toward rights and roles of women in contemporary society. *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*, 1972, 2, 66.
- Spence J. T., Helmreich R. L.* Masculinity and femininity: Their psychological dimensions, correlates, and antecedents. Austin, TX: University of Texas Press, 1978.
- Spence J. T., Helmreich R. L., & Stapp J.* The personal attributes questionnaire: A measure of sex-role stereotypes and masculinity-femininity. *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*, 1974, 4, 43.
- Steiner C.* Script and counterscript // *Transactional Analysis Bulletin*. – 1966, V. 5, No 18. – P. 133–135.
- Steiner C. M.* The stroke economy // *Transactional Analysis Journal*. – 1971, V. 1, No 3. – P. 9–15.
- Steiner C. M., Perry P.* Achieving emotional literacy. – L.: Bloomsbury, 1999. – 235 p.
- Stryker S., Macke A. S.* Status inconsistency and role conflict // *Annual Review of Sociology*. – 1978, V. 4. – P. 57–90.
- Summerton O.* The game Pentagon // *Transactional Analysis Journal*. – 1992, Vol. 22, No 2. – P. 66–75.
- Turner R. H.* Role-taking, role standpoint, and reference group behavior // *American Journal of Sociology*. – 1956, V. 61. – P. 316–28.
- Turner R. H.* Role change // *Annual Review of Sociology*. – 1990, Vol. 16. – P. 87–110.
- Van Sell M., Brief A. P., Schuler R. S.* Role conflict and role ambiguity: Integration of the literature and directions for future research // *Human Relations*. – 1981, V. 34. – P. 43–71.
- Verdiano D. L., Peterson G. W., Hicks M. W.* Toward an empirical confirmation of the Wegscheider role theory // *Psychological Reports*. – 1990, V. 66(3, Pt 1). – P. 723–730.
- Volkan V.* Bloodlines: from ethnic pride to ethnic terrorism. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997. – 280 p.
- Volpato Ch., Contarello A.* Towards a social psychology of extreme situations: Primo Levi's If This is a Man and social identity theory // *European Journal of Social Psychology*. – 1999, V. 29. – P. 239–258.
- Vonk R., Olde-Monnikhof M.* Gender subgroups: intergroup bias within the sexes // *European Journal of Social Psychology*. – 1998, V. 28. – P. 37–47.
- Washburn Ch.* The role theory of mental illness // *Acta Symbolica*. – 1970, V. 1(1). – P. 47–52.
- Wegscheider Sh.* Another chance: Hope and health for the alcoholic family. – Palo Alto (CA): Science & Behavior Books, 1981. – 256 p.
- Ware P.* Personality adaptations (Doors to therapy) // *Transactional Analysis Journal*. – 1983, V. 13, No 1. – P. 11–19.
- Wilson E.* The theater experience. – 5th ed. – N. Y.: McGraw-Hill, 1994. – 475 p.
- Zeitlinger-Hochreiter K.* Kompendium der Psychodrama-Therapie: Analyse, Präzisierung und Reformulierung der Aussagen zur psychodramatischen Therapie nach J. L. Moreno. – Köln: inScenario, 1996. – 230 S.
- Zechnich R.* Good Games: Therapeutic uses and four new ones // *Transactional Analysis Journal*. – Vol. 3. – No 1. – 1973. – P. 251–258.

Именной указатель

- Абульханова-Славская К. А. 133, 141
Адлер А. (Adler A.) 97, 101, 133, 165, 205
Адлер У. (Adler W.) 244
Айзенк Г. (Eysenck H. J.) 101
Айкес У. (Ickes W.) 25, 116
Айхингер А. (Aichinger A.) 207
Алешина Ю. Е. 142, 146
Аллен Р. (Allen R. D.) 102, 169
Амаду Ж. (Amado J.) 72
Ананьев Б. Г. 97, 133, 139, 141
Андроников И. Л. 51
Аптер М. Дж. (Apter M. J.) 105
Аристотель 12, 13
Аронсон М. (Aronson M. L.) 237
Асмолов А. Г. 138, 140
Атей Г. (Athay M.) 24, 116
Балл Г. А. 38
Бандура А. (Bandura A.) 135
Барбоур Э. (Barbour A.) 212
Баркас Б. 40
Барт Р. (Barthes R.) 132
Бартошевский В. (Bartoszewski W.) 159
Баррон Ф. (Barron F.) 140
Барц Э. (Barz E.) 237
Басс А. (Buss A. H.) 107, 108
Бассин А. (Bassin A.) 237
Бем С. Л. (Bem S. L.) 23, 124
Бем Д. (Bem D. J.) 44
Бендас Т. В. 120
Бергсон А. (Bergson H.) 251
Березанская Н. А. 62
Берк К. (Burke K.) 18, 29, 87, 102
Берн Э. (Bern E.) 33, 39, 44, 83, 84, 92–96, 102, 161, 164, 165, 222, 224, 232, 238, 240, 243
Берн Ш. (Burn Sh. M.) 120, 127, 142, 143
Берт Р. С. (Burt R. S.) 17
Бехтерев В. М. 72
Биддл Б. Дж. (Biddle B. J.) 15, 24, 29, 52
Бинсвангер Л. (Binswanger L.) 133
Бихр Т. А. (Beehr T. A.) 23
Блазер А. (Blaser A.) 236
Блатнер А. (Blatner A.) 24, 236, 238
Блумер Г. (Blumer H.) 18, 85
Бобнева М. И. 36
Босс М. (Boss M.) 133
Боуэн М. (Bowen M.) 236
Брехт Б. (Brecht B.) 13
Бриггс С. (Briggs S. R.) 107, 108
Бриссетт Д. (Brissett D.) 18, 169
Брушлинский А. В. 141
Бурляев Н. П. 187
Бурно М. Е. 120
Бучанан Д. (Buchanan D. R.) 237
Бьюдженталь Дж. (Bugental J. F. T.) 133
Ван Гог В. (van Gogh V. W.) 112
ван-де-Влиерт Э. (van de Vliert E.) 16
Ван-Селл М. (Van Sell M.) 16
Вар П. (Ware P.) 162
Васильев Я. В. 142
Васильюк Ф. Е. 175, 251
Васютинский В. 73, 125
Вахтангов Е. Б. 13
Вегшейдер Ш. (Wegscheider Sh.) 164, 166, 243
Вердиано Д. (Verdiano D. L.) 166, 243
Викофф Х. 165
Винникотт Д. В. (Winnicott D. W.) 10
Волкан В. (Volkan V.) 78
Волкова А. Н. 243
Волович А. С. 142
Выготский Л. С. 97, 131, 135, 136, 186, 188, 215
Высоцкий В. С. 36, 197, 227–229
Гайслер Ф. (Geisler F.) 218, 220
Гёрмар Ф. (Görmar F.) 220
Гессе Г. (Hesse H.) 14
Гилельс Э. Г. 117
Гилфорд Дж. (Guilford J. P.) 101
Гингер С. (Ginger S.) 123
Гиппократ 155
Говорун Т. В. 120, 142
Голдберг Л. (Goldberg L. R.) 101
Головаха Е. И. 251
Де Гольжак В. (de Gaulejac V.) 78, 247
Гонсалес-Кастро Х. (Gonzalez Castro J. L.) 120
Гонсалес-Рома В. (Gonzalez-Roma V.) 22
Гордон Ч. (Gordon Ch.) 18, 88, 112
Горностап П. П. 23, 63, 80, 120, 142, 229
Гоулинг Д. (Gowling D.) 121
Гофман И. (Goffman E.) 18, 60, 87, 88, 102

- Грегори Л. (Gregory L.) 127
 Грекова И. 57
 Гринберг И. (Greenberg I.) 237
 Гройсман А. Л. 154, 177
 Гросс Н. (Gross N.) 16, 53
 Гулак-Артемовский С. С. 126
 Гулдинг М. (Goulding M.) 24, 95, 228, 240, 241
 Гулдинг Р. (Goulding R.) 24, 95, 228, 240, 241
 Дали С. (Dalí S. F. J.) 112, 113
 Дарли Дж. (Darley J.) 24, 116
 Де Вито Д. (De Vito D.) 244
 Дейл М. (Dale M. A.) 184, 235
 Делёз Ж. (Gilles Deleuze) 132
 Джекобс А. (Jacobs A.) 238
 Джемс У. (James W.) 82, 85, 132, 178, 179
 Джойнс В. (Joines V.) 24, 162
 Джон О. (John, O. P.) 83
 Джонсон Р. А. (Johnson R. A.) 120
 Диллард Дж. (Dillard J.) 184
 Дойл Дж. А. (Doyle J. A.) 23
 Долгополов Н. Б. 237, 252
 Дольский А. А. 52
 Дольто Ф. (Dolto F.) 248
 Донченко Е. А. 73
 Дорфман Л. Я. 170
 Дружинин В. Н. 186
 Дьюи Дж. (Dewey J.) 85
 Дюрренматт Ф. Й. (Dürrenmatt F. J.) 14
 Дюссей Дж. (Dussay J. M.) 226
 Евтушенко Е. А. 168, 171
 Ерина С. И. 23
 Ефимова И. Н. 236
 Ехало В. А. 18
 Жане П. (Janet P.) 99
 Зейгарник Б. В. 83
 Зиглер Д. (Ziegler D. J.) 82, 83
 Золотовицкий Р. А. 23
 Ильин Е. П. 120
 Иоффе А. Ф. 253
 Йорда К. (Jorda Ch.) 241
 Калер Т. (Kahler T.) 162
 Каллеро П. (Callero P. L.) 215
 Кан М. (Kahn M.) 216
 Кан Р. Л. (Kahn R. L.) 16, 53
 Каперс Х. (Capers H.) 162
 Карлейль Т. (Carlyle T.) 204
 Карнеги Д. (Carnegie D.) 194
 Карп М. (Karp M.) 183
 Карпенко З. С. 251
 Карпман С. (Karpman S. B.) 24, 33, 96, 164
 Карсон Р. (Carson R. C.) 88
 Келлерман П. Ф. (Kellermann P. F.) 53, 78, 205, 206, 220, 237, 247
 Келли Дж. А. (Kelly G. A.) 17, 96, 102, 237
 Келли Дж. Р. (Kelly G. R.) 237
 Кикинежди О. М. 120, 142
 Киппер Д. (Kipper D. A.) 24, 209, 210, 212
 Кларксон П. (Clarkson P.) 165
 Кляйн М. (Klein M.) 165
 Кобзарь Т. Л. 116
 Ковалев Вл. И. 170, 251
 Кое У. (Coe W. C.) 62
 Козлов В. В. 163
 Колісник О. П. 142
 Комптон-Барнетт А. (Compton-Burnett I.) 201
 Кон И. С. 18, 19
 Корабльова Н. С. 170
 Коростеліна К. В. 111
 Коростылева Л. А. 142
 Коста П. Т. (Costa P. T.) 101
 Костюк Г. С. 96, 97, 141
 Кочарян А. С. 120, 124
 Кребс Н. (Krebs N.) 102, 169
 Криппнер С. (Krippner S.) 184
 Кроник А. А. 251
 Кукиер Р. (Cukier R.) 78, 221, 247
 Кули Ч. Х. (Cooley Ch. H.) 18
 Кун М. (Kuhn M. H.) 18
 Куритц П. Т. (Kuritz P. T.) 182
 Кэттелл Р. Б. (Cattell R. B.) 101, 102, 110
 Кьеркегор С. (Kierkegaard S.) 133
 Лакан Ж. (Jacques Lacan) 132
 Ланге К. Г. (Lange C. G.) 178, 179
 Ларошфуко Ф. де (La Rochefoucauld F. de) 43, 67, 110, 146, 222, 241
 Лебединская И. В. 120
 Лебон Г. (Le Bon G.) 72
 Левин П. (Levin P.) 120
 Леви-Строс К. (Claude Lévi-Strauss) 132
 Лейнер Х. 235
 Лейтц Г. (Leutz G. A.) 30, 53, 59, 89–92, 102, 117, 205, 210, 236
 Лекторская Е. В. 146
 Леонтьев А. Н. 100, 186
 Леонтьев Д. А. 133, 141

- Лепихова Л. А. (Lepixova L. A.) 116
Лиддон У. (Lyddon W. J.) 184, 235
Линдсей Г. (Lindzey G.) 83
Линтон Р. (Linton R.) 15, 24
Литтл Д. (Little D.) 237
Лоренц Х. А. (Lorentz H. A.) 253
Лосев А. Ф. 11
Лотман Ю. М. 132
Лютова С. Н. 116
Мадди С. (Maddi S. R.) 82–84, 165
Мак-Ги Дж. У. (McGee G. W.) 20
Макк А. С. (Macke A. S.) 53
Мак-Кра Р. Р. (McCrae R. R.) 101
Максименко С. Д. 175, 177
Мак-Нил Дж. (McNeel J. R.) 240
Максимов М. 155
Мангхам И. Л. (Mangham I. L.) 18, 23, 169
Маноха И. П. 142
Марер А. (Mahrer A. R.) 234
Марино Р. Ф. (Marineau R. F.) 204
Маркович Е. И. 14
Маркс К. (Marx K. H.) 246
Мартынюк И. О. 19
Маслоу А. Г. (Maslow A. H.) 97, 101, 133, 141, 252
Массей Р. Ф. (Massey R. F.) 127
Маурсанд Ж. (Moursund J. P.) 235
Меллу Е. (Mellou E.) 182
Мендел М. Дж. (Mandel M. J.) 16
Мериме П. (Mérimee P.) 47
Меррей Г. (Murray H. A.) 102
Мид Дж. Г. (Mead G. H.) 17, 18, 85, 86, 105, 118, 136
Миллер С. (Millar S.) 15, 57
Минделл А. (Mindell A.) 134
Моляко В. А. 175
Монро Мэрилин 217
Морган Л. (Morgan L. H.) 73
Морено З. Т. (Moreno Z. T.) 11, 212
Морено Я. Л. 12, 13, 17, 19, 24, 25, 30, 38, 85, 88–91, 102, 106, 116, 134, 136, 147, 169, 170, 176, 182, 183, 190, 196, 204–206, 210–212, 217, 219, 251, 255
Моруа А. (Maurois A.) 120
Моэм С. (Maugham W. S.) 180
Мур Р. Дж. (Moore R. J.) 23
Мэй Р. (May R.) 133
Мясищев В. Н. 99
Наар Р. (Naar R.) 237, 238
Наор Я. (Naor Y.) 78, 79, 247
Некрасов А. С. 113
Некрасов Н. А. 126
Ноулес Э. (Knowles E. S.) 25, 116
Оверингтон М. А. (Overington M. A.) 18, 23, 169
Оз Фрэнк (Oznowicz R. F.) 60
Озеров Л. А. 50
Оллпорт Г. (Allport G. W.) 101
Ольшанский В. Б. 19, 53
О’Нил Дж. М. (O’Neil J. M.) 22, 127, 146
Остужев А. А. 51
Парсонс Т. (Parsons T. E. F.) 15, 29
Пастернак Б. Л. 113
Пезешкиан Н. (Peseschkian N.) 236
Пейро Х. М. (Peiro J. M.) 21, 22
Первин Л. (Pervin L. A.) 83, 101
Пиаже Ж. (Piaget J.) 17, 138
Пикассо П. Р. (Picasso P. R.) 185
Платон 12
Петровская Л. А. 116
Петровский А. В. 45
Петровский В. А. 168
Пушкин А. С. 169
Пэрри П. (Perry P.) 116
Райков В. Л. 62
Ранк О. (Rank O.) 205
Рикман Р. (Ryckman R. M.) 83
Риццо Дж. Р. (Rizzo J. R.) 20
Робинсон У. П. (Robinson W. P.) 111
Роджерс К. (Rogers K. R.) 97, 101, 235
Роджерс Н. (Rogers N.) 182
Рождественский Р. И. 61
Роменец В. А. 133, 251
Роттер Дж. Б. (Rotter J. V.) 17, 110, 135
Рубинштейн С. Л. 98, 133
Рыбалка В. В. 84
Сакс Дж. М. (Sacks, J. M.) 12, 219
Салливан Г. С. (Sullivan H. S.) 99, 165
Саммертон О. (Summerton O.) 165
Сарбин Т. (Sarbin T. R.) 62, 88, 102
Селье Г. (Selye H.) 164
Сенкевич Х. (Sienkiewicz H. A.) 115
Скиннер Б. Ф. (Skinner B. F.) 135
Смит С. (Smith C. S.) 21
Соболева Н. И. 19
Сократ 12
Софокл 12
Сохань Л. В. 133, 141, 251

- Спенс Дж. Т. (Spence J. T.) 20, 23, 125
 Стайнем Г. (Staynem G.) 142
 Станиславский К. С. 13, 47
 Старовойтенко Е. Б. 133
 Страйкер С. (Stryker S.) 53
 Стюарт И. (Stewart I.) 24, 162
 Таджфел Г. (Tajfel H.) 111
 Тарковский А. А. 187
 Татенко В. А. 141
 Темпер Ю. Б. 62
 Тендряков В. Ф. 196
 Твен Марк (Twain Mark) 48, 153
 Титаренко Т. М. 116, 120, 133, 170
 Тихомиров О. К. 62
 Тойч Ч. К. (Deutsch Ch. K.) 231
 Толкиен Дж. Р. Р. (Tolkien J. R. R.) 58
 Толстой Л. Н. 153
 Толстых А. В. 155
 Томас Э. (Thomas E. J.) 24, 291
 Тернер Дж. (Turner J. C.) 111
 Тэрнер Р. Г. (Turner R. H.) 25
 Уайт Х. (White H. C.) 16
 Уайншип С. (Winship C.) 16
 Узнадзе Д. Н. 99
 Файн Дж. М. (Fine G. M.) 18
 Фейдимен Дж. (Fadiman J.) 83
 Фoa У. (Foa U. G.) 20
 Фoa Э. (Foa E. V.) 20
 Форер Л. К. (Forer L. K.) 34
 Франкл В. Э. (Frankl V. E.) 98, 133, 169, 250, 252
 Фрейд А. (Freud A.) 27
 Фрейд З. (Freud S.) 12, 44, 72, 82, 101, 205, 221, 235, 247
 Фрейджер Р. (Frager R.) 83
 Фриш М. (Frisch M.) 132
 Фромм Э. (Fromm E.) 75, 99, 100, 165, 216
 Фуко М. (Foucault M.) 132
 Фэйст Дж. Дж. (Feist G. J.) 83
 Фэйст Дж. (Feist J.) 83
 Хайдеггер М. (Heidegger M.) 133, 251
 Хайдер Ф. (Heider F.) 68
 Хайн М. А. (Hein M. A.) 236–238, 241
 Хамитов Н. В. 120
 Харре Р. (Harré R.) 101, 102
 Хау Э. У. (Howe E. W.) 125
 Хаузер К. 137
 Хейзинга Й. (Huizinga J.) 11, 12
 Хейлбрун А. Б. (Heilbrun A. B.) 125
 Хеллингер Б. (Hellinger B.) 237, 249
 Хелмрайх Р. Л. (Helmreich R. L.) 23
 Холл К. С. (Hall C. S.) 83
 Холл В. (Holl W.) 207
 Холмс П. (Holmes P.) 183, 237
 Холтби М. (Holtby M. E.) 238
 Хорни К. (Horney K.) 120, 215
 Хрущев Н. С. 205
 Хьел Л. (Hjelle L. A.) 82, 83
 Цапкин В. Н. 233
 Цехнич Р. (Zechnich R.) 227
 Шайффеле Э. (Scheiffele E.) 60, 61, 133, 134, 181
 Шакуров Р. Х. 213
 Шалин Д. Н. 18
 Шекспир В. (Shakespeare W.) 7, 113, 169
 Шериф М. (Sherif M.) 17
 Шибутани Т. (Shibutani T.) 18, 69, 88
 Шифф Дж. (Schiff J. L.) 216, 241
 Шихи Г. (Sheehy G.) 155, 164
 Шопенгауэр А. (Schopenhauer A.) 182
 Шорохова Е. В. 36
 Шостром Э. (Shostrom E. L.) 39, 194
 Штайнер К. (Steiner C. M.) 24, 116, 127, 165, 239, 244,
 Штайнер Й. 68, 163
 Штейнхард Л. (Steinhardt L.) 184, 235
 Шульц Д. (Schultz D.) 83
 Шульц С. (Schultz S. E.) 83
 Шутценбергер А. А. (Schützemberger A. A.) 42, 78, 112, 172, 237, 245, 247–249, 255
 Щейб К. (Scheibe K. E.) 18, 88, 101, 102
 Эдгли Ч. (Edgley C.) 18, 169
 Эйзенхауэр Д. 205
 Эйнштейн А. (Einstein A.) 187, 252
 Эльконин Д. Б. 98, 138, 147
 Энгельс Ф. (Engels F.) 73, 77
 Энгст Дж. (Angst J.) 34
 Эрикссон Э. (Erikson E. H.) 91, 98, 111, 133, 146
 Эрлахер-Фаркас Б. (Erlacher-Farkas B.) 241
 Эрнст К. (Ernst C.) 34
 Эрнст С. (Ernst S.) 121
 Эрскин Р. (Erskine R. G.) 235
 Эчиб А. (Echabe A. E.) 120
 Юнг К. Г. (Jung C. G.) 73, 99, 101, 124, 136, 164, 232, 235, 242
 Ярошевский М. Г. 164
 Яценко Т. С. 235

Предметный указатель

- Автономность личностная 39, 45, 95, 227, 232
- Актуализация, самоактуализация 33, 36, 38, 39, 84, 94, 97, 101, 139, 141, 170, 252
- Аксиодрама 209, 214
- Акциональный голод 59, 92, 104, 177
- Антироль 31, 41, 45, 113, 160, 174, 190, 191, 214
- Андрогинность (андрогиния) 124, 125, 127
- Антиципация 40, 214
- Апперцепция 70, 71, 200
- Арттерапия 120, 184, 208, 235, 252, 255
- Атрофия роли см. Ролевой дефицит
- Бегство из роли 151, 196, 197, 200
- Бессознательное 12, 14, 34, 82, 101, 122, 132, 136, 137, 162, 206, 207, 248
- групповое 65, 72, 78, 80, 186, 221, 243, 246, 247, 249
- коллективное 70, 99, 162, 166
- Библиодрама 208, 214,
- Виктимность 224, 231
- Виктимология 231
- Внутренний план действия 41
- Время психологическое 168–172, 250–252
- Гендерная роль 62, 121, 122, 125, 127, 128, 142, 143, 145, 146, 149, 163, 164, 201–203
- Гендерно-ролевой конфликт 22, 145, 146, 201, 203
- Деконтаминация (обеззараживание Взрослого) 94, 239
- Драйвер 162, 230
- Драматерапия 23, 59, 208, 237
- Драматизм (по К. Берку) 87
- Драматический треугольник 34, 96, 165, 223, 244
- Жизненная роль 13, 26, 27, 30, 32–34, 41, 46, 61, 64, 70, 96, 97, 99, 117–120, 137, 138, 146–156, 159–168, 171–174, 181, 190, 192, 206, 223, 226, 231, 232, 252–254
- типология 163, 164, 165, 166, 196
- интегральная 149, 163, 166
- Жизненные ценности 26, 31, 166, 177
- Жизненный кризис 98, 120, 150–158, 172, 177, 180, 192, 251–254
- Жизненный мир личности 37, 40, 42, 120, 132, 153, 154, 159, 168–174, 176, 177, 179, 180
- структура (метаструктура) 173, 174
- Жизненный опыт 40, 107, 132, 214, 216, 217, 230
- Жизненный путь личности 32, 98, 133, 157, 159, 168, 198, 228, 251, 252
- Жизненный сценарий (скрипт) 25, 30, 32, 39, 45, 46, 52, 65, 71, 94–96, 110, 112, 127, 128, 146, 152, 154, 159, 162, 165, 166, 194, 200, 214, 216, 222, 223, 227–229, 231, 239, 240–246
- Жизнетворчество 117, 119, 140, 141, 181, 182, 252
- Зависимость
- психологическая 110, 157, 158, 215, 224, 230, 231
- ролевая 181
- Значимые Другие 41, 168, 169, 170, 174, 214
- Игра
- детская 28, 57, 86, 98, 138
- драматическая 11, 14, 177
- силовая 244, 245
- Идентичность 98, 107, 108, 111–115, 121, 123, 147, 154, 159, 161, 188, 213, 214
- гендерная 121, 122, 124, 142, 143, 145, 150, 201, 202
- групповая 28, 73, 74, 77, 78, 111, 219, 221
- группы 73, 77, 78, 79
- половая 112, 121, 122, 124, 137, 142, 143, 201–203
- ролевая 18, 37, 41, 43, 45, 73, 107, 108, 110–112, 114, 118, 121, 136, 152, 159, 162, 178, 179, 243
- — виды 112
- профессиональная 74, 112
- социальная 73, 87, 111, 112
- этническая 78, 112
- Измененное состояние сознания 60–63
- Инверсия ролей 201, 202
- Инерция роли 47, 48, 49, 57, 199,
- Интерииоризация 35, 40, 97, 104, 131, 135, 140, 141, 168, 186, 214, 217

- Интимность см. Психологическая близость
 Карта жизненных ролей 166, 167
 Катарсис 12, 89, 119, 133, 134, 135–137, 175–177, 205, 206, 213, 251
 Когнитивная асимметрия (в межгрупповом восприятии) 77
 Контаминация (заражение Взрослого) 94, 95, 129, 183
 Компенсация 42, 97, 115, 153, 178–181, 194, 214
 Контрсценарий 128
 Креативность 162, 182–184, 188, 210, 211, 212, 213, 237, 251, 252, 255
 Культуральный сценарий 127
 Культурный консерв 182, 210, 216–218
 Логотерапия 98, 184, 251, 252, 255
 Локус ролевого конфликта 24, 31, 38, 107, 108, 109, 110, 166, 191
 Маскулинность 123–125, 145, 202
 Менталитет 45, 70, 75, 77, 114, 127
 Ментальность 75, 114, 137
 Миф 11, 12
 Мифодрама 208, 214
 Монодрама 208, 241
 Нарратив 132
 Нарциссизм группы 77–79
 «Незримая лояльность» 42, 122,
 Обмен ролями 41, 67, 170, 204, 205, 209, 214, 219, 220, 222
 Одиночество 215
 Отшельничество 196, 197
 «Пентада» К. Берка 87
 Персона 10, 99, 236
 Персонаж (по П. Жане) 99
 Персонализация 168,
 Первопложение 63, 118, 170, 176, 178, 194, 229, 252
 Перенос (трансфер) 71, 72
 Поведенческая характерология 69, 70
 Половая роль 32, 121, 124, 137, 142, 149, 201, 203
 Потребность в действии см. Акциональный голод
 Предубеждения социальные 129, 219, 220
 Принятие (непринятие) роли другого 17, 18, 21, 41, 62, 64, 68, 86, 96, 105, 118, 176, 194, 195, 197, 200, 201, 209
 Принятие (непринятие) своей роли 63, 148, 151, 158, 161, 177, 193, 194, 196, 197, 243
 Психодрама
 — интрапсихическая 67
 — направления 208
 — техники 208–210
 — трансактная 237–241
 Психологическая близость (интимность) 39, 95, 130, 222, 223, 232, 242, 244
 Психотерапия
 — групповая 19, 59, 88, 89, 93, 221
 — детская 207
 — интегративная 233–237
 — песочная 235, 237
 — ролевая 10, 19, 23, 34, 59, 70, 102, 174, 182, 206, 215, 235, 237, 246, 252
 — семейная 242
 — телесная 235, 237
 — творчеством 120, 251
 — трансактная 93, 95, 154
 — трансгенерационная 246, 250
 — фиксированных ролей 96, 102
 — экзистенциальная 132, 184
 — экспириентальная 133, 134, 251
 Разогрев 62, 91, 211, 212, 221
 Раннее (сценарное) решение 228, 239, 240
 Режиссер 13, 60, 183, 205
 Репертуар ролевой 23, 26, 28, 37, 42, 67, 96, 102, 117, 119, 120, 142, 147, 153, 154, 159, 160, 163, 166, 167, 172–174, 179, 190, 191, 206, 218, 237
 Ресурс
 — Взрослого эго-состояния 239
 — личностный, 143, 183, 188, 199, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215
 — рода 248–250
 — ролевой 22, 27, 191, 210, 214
 Ресурсная роль 196, 214, 216, 217, 218
 Родительское интервью 240, 241, 249
 Ролевая адаптация 195
 Ролевая вариативность 45, 117, 119, 153
 Ролевая гибкость 45, 117–119, 124, 153, 214
 Ролевая глубина 32, 63, 117, 118, 119
 Ролевая децентрация 118–120, 169, 170, 175, 176, 214

- Ролевая дистанция 60
- Ролевая компетентность 23, 42, 45, 63, 115–120, 153, 154, 163, 166, 173, 181, 191, 192
- Ролевая комплиментарность (совместимость) 50, 54, 64–66, 127, 130
- Ролевая маска 28, 30, 69, 70, 151
- Ролевая матрица 50, 64, 66, 160
- Ролевая недостаточность см. Ролевой дефицит
- Ролевая неоднозначность 20–22, 52, 198
- Ролевая перегрузка 20, 21, 23, 128, 146, 199
- Ролевая перцепция 67, 68–72, 200
- Ролевая рефлексия 118, 119
- Ролевая ситуация 29, 41, 48, 50, 51
- Ролевая субличность 61, 67, 114, 115, 160, 193, 239
- Ролевая типология личности 99, 154, 162–166, 174
- Ролевая эмпатия 118, 119
- Ролевая Я-концепция 18, 27, 37, 43, 44, 46, 49, 53, 64, 118, 136, 162, 175, 178, 179, 195, 197, 200, 217
- Ролевое научение 104, 106
- Ролевое переживание 27, 43, 44, 46, 55, 59, 61, 63, 118, 120, 134, 171, 175–181, 194, 200, 251
- Ролевой атом 166, 174, 191
- Ролевой дефицит 92, 116, 117, 119, 160, 191, 211, 214
- вторичный (атрофия роли) 92, 117, 119, 190, 192
- первичный 191
- Ролевой импринтинг 49, 68
- Ролевой инфантилизм 192
- Ролевой конструкт 96
- Ролевой конфликт 52–57, 193–203
- «Ролевой костюм» 69, 70
- Ролевой креативный тренинг 63, 120, 214
- Ролевой стресс 20–22, 197
- — гендерно-ролевые 145, 203
- Ролевой фетишизм 28
- Ролевые атрибуты 28, 68, 196, 202
- Ролевые девиации 190, 192, 193
- — гендерно-ролевые 22
- — полоролевые 137, 193, 201, 202
- Ролевые детерминанты 28, 108
- Ролевые дисгармонии 171, 190, 192, 194, 214
- — гендерно-ролевые 202
- — полоролевые 201
- Ролевые притязания 43, 44, 46, 53–55, 64–67, 71, 178, 243
- Ролевое переживание 27, 43, 44, 46, 55, 59, 61, 63, 118–120, 134, 171, 175–181, 194, 200, 251
- потребность 176
- Ролевые теории 15–19
- Роли дивергентные 53, 198
- Роли комплиментарные 50, 53–55, 64–66, 127, 128, 130
- Роль
- архетипическая 127, 163, 165, 166
- аскриптивная 29
- биологическая 32
- внутренняя (воображаемая) 14, 26, 31, 40–42, 45, 50, 59, 69, 88, 119, 120, 153, 160, 174–176, 178, 179, 192
- внушенная 62, 188, 214
- гендерная см. Гендерная роль
- групповая 29, 30, 37, 64–66, 76, 219,
- деструктивная 31
- достигательная 29, 31
- жизненная см. Жизненная роль
- зрелая 30
- инфантильная 30, 61, 151, 192,
- ключевая 33
- конвенциональная 29, 31
- межличностная 29, 30, 31, 33, 53, 114, 115, 117, 136, 150, 156, 157
- персонифицированная 32, 165
- половая см. Половая роль
- предписывающая 15, 31
- профессиональная 26, 32, 33, 35, 146, 148–151, 163, 195, 198
- ритуальная 31, 34
- семейная см. Семейные роли
- символическая 26
- ситуативная 30, 33, 76
- случайная 30
- смысловая (ценностно-смысловая) 31, 32, 84, 166
- социальная см. Социальная роль
- спонтанная 31

- статусная 31, 37
- стилевая 31
- стихийная 31
- сценарная 155, 166
- теневая 31, 41, 45, 61
- трансцендентная 30, 32, 89, 90–92, 105, 134
- характерная 13, 30, 33, 70, 113, 120, 154, 159, 160, 166, 194
- Самоактуализация см. Актуализация
- Самореализация 26, 26, 37, 39, 42, 75, 76, 84, 104, 106, 119, 122, 138–144, 146, 149, 157, 158, 170, 173, 191, 194, 197, 202, 203, 210, 211, 232, 242, 245, 246, 250, 255
- ролевая 40, 42, 43, 46, 57, 97, 105, 106, 108, 110, 117, 138, 142, 144, 166, 178, 180, 181, 232
- Самость 18, 25, 28, 38, 85–87, 89, 97, 99, 101, 112, 147
- Сверхреальность 14, 61, 134, 205
- Семейные игры 243
- Семейные истории 207, 243, 245, 246, 248, 250
- Семейные мифы 125, 129, 214, 243, 248
- Семейные роли 32, 33, 55, 117, 130, 146, 148, 150, 155, 163, 166, 192, 198, 244, 245
- Семейные стереотипы 243
- Семейные тайны 247, 248
- Симбиоз 130, 147, 216, 224, 227
- Сказкотерапия 234, 237
- Скриптодрама 239
- Смысл
 - жизни 26, 32, 98, 133, 134, 151, 153, 156, 159, 166, 177, 184, 222, 250–254
 - личностный 31, 84, 168, 177
- Созависимость 231
- Социализация 29, 36, 40, 45, 47, 72, 74, 75, 86, 90, 105, 118, 131, 134–139, 141, 146, 149, 159
- ролевая 105, 106, 135, 136, 138, 177, 190, 206
- гендерная (гендерно-ролевая) 142–144
- Социальная роль 15, 24, 30, 32, 33, 37, 57, 86, 89–92, 98, 104, 105, 107, 111, 112, 116, 117, 120, 135–138, 148, 150, 154, 157, 161, 187, 192
- Социальное поведение 17, 27, 36, 37, 40, 41, 43, 46, 52, 73, 74, 115, 120, 123, 136, 160, 165, 175, 190, 222
- Социальный атом 169, 170, 173, 174
- Социодрама 19, 23, 60, 61, 66, 80, 88, 204, 205, 208, 218–222
- Социометрия 19, 88–90, 204, 208, 218, 219, 237
- Социоэмоциональное развитие 90
- Статус (социально-психологический) 16, 18, 24, 25, 28, 31, 64, 117, 144, 145, 149, 157, 199
- Стиль жизни 58, 97, 123, 133, 155, 159, 165, 237
- Структура ролевого взаимодействия 43, 44
- Структурирование времени 222, 223, 242
- Субличность см. Ролевая субличность
- Сценарий см. Жизненный сценарий
- Сценарные запреты 39, 41, 95, 110, 154, 162, 183, 184, 191, 214, 216, 219, 228–231, 239, 240, 245
- Сценарные убеждения 39, 45, 65, 95, 129, 130, 222, 224, 225, 232, 240, 244, 245
- Спонтанность 13, 39, 58, 88, 89, 91, 92, 95, 182–184, 190, 205, 208, 210–212, 216–218, 232, 236, 251, 252
- Теле 72, 90, 177, 206
- Терапия «перерешения» (нового решения) 24, 214, 227, 240
- Трансгенерационная передача 78, 79
- Трансгенерационный подход 42, 112, 247, 248, 250
- Управление впечатлениями (по И. Гофману) 88
- Установка 22, 23, 27, 28, 39, 52, 64, 65, 70, 71, 99, 108, 123, 128, 131, 146, 162, 243
- Фемининность 123–126, 145, 146, 202
- Фукуропрактика 252
- Харизма 51, 68, 69
- Экзистенциальная фрустрация 98, 158, 180, 244, 252–255
- Экзистенциальный вакуум 169
- Экстериоризация 140, 141
- Эмпатия см. Ролевая эмпатия
- Этноцентризм 78
- Я-концепция см. Ролевая Я-концепция

Pavel P. Gornostay.

Personality and Role: Role Approach in Social Psychology of Personality. – Kiev: Interpress LTD, 2007 (in Russian)

Summary

This book is dedicated to making a place for the application of the *role approach* in the social psychology of personality, within the framework of which the author develops a number of role conceptions of personality.

The **first chapter** presents a comprehensive analysis of the concept of “*role*” from the position of the various humanities: philosophy, culture science, sociology, social psychology, psychology of personality, psychodiagnostics, psychotherapy. From the author’s point of view “*role*” is the combination of different characteristics: the behavioral model of social position, norm, function, symbol, value, mental condition, personal modus, attitude, resource and defense mechanism. Roles are classified on the basis of their personal-social, life-temporal, behavioral and normative-functional dimensions. The author examines different forms and types of psychological roles, but life roles are considered to be the most important ones in the context of the social psychology of personality.

In the **second chapter** the structure of *role interaction*, consisting of such substructures, as the system of *role expectations*, *role behavior* and *role self-concept* of personality is analyzed. Role behavior is the most important substructure and one of the basic forms of social behavior. Interaction of these substructures creates many configurations of role behavior; it can provoke *role conflicts* as the contradictions between different elements of role. The author examines both the visible roles and internal (imagined) roles, and also shady roles; he analyzes the value of social expectations for role behavior and development of personality. Among different types of role conflicts special attention is given to “one-sided” role conflicts. Different types of role games are described, and the connection between roles and altered states of consciousness is analyzed.

The **third chapter** is dedicated to the group aspects of the psychology of roles: the study of the role structure of groups, the mechanism of *role perception*, the phenomena of *group identification* and their values in the process of *socialization* of personality, the concepts of social and role identity. Much attention is given to the dynamic processes in large and small groups and to group conflicts, which relate to group roles, group identity, particularly occurring in ethnic groups.

The second part of the book (chapters 4–8) is dedicated to psychological conceptions, which are elements in the role theory of personality. In the **fourth chapter** the theories of personality, which are the theoretical basis for the author’s researches, are described. These are, first of all, the theory of *symbolic interactionism*, the theory of *psychodrama*, the theory of *transactional analysis*, and also separate points of

other theories. In this chapter the general characteristics of theories of personality, and their component parts, concerning the structure of personality, its development, psychopathology and personal changes, are presented. The need to develop a *role theory of personality* is argued; its importance for understanding the nature of human beingness as well as its great theoretical and methodological potential, are emphasized.

In the **fifth chapter** the conception of *motivating forces in the development of personality* is presented from the position of role approach. The tendency to minimize role conflict, which develops in the process of role socialization, and to maximize the satisfaction of the needs for role self-realization, is shown to be at the basis of personality development. Specific personalities differ from each other in terms of various strategies of behavior under the conditions of role conflict, which is determined by new personal characteristic, which the author proposes to call the "*locus of role conflict*". To substantiate this position the author has developed a psychodiagnostic technique for its measurement. The author pays much attention to the role characteristics of personality, among which are *role identity* and "*role competence*" – a term, proposed by the author. To measure role competence and its structure a comprehensive test technique is also developed. The author thoroughly analyzes the psychology of sexual and gender roles, of gender-role identity and contradictions, which emerge in the process of gender development.

The **sixth chapter** is dedicated to the conception of the *role development of personality*. Considering human life as an experience and as an action (role performing), the author analyzes the dialectics of the processes of *role socialization* and *role individualization*, as a result of which a human being becomes an individuality, the subject of his own life roles, an autonomous and self-realized personality. Special attention is given to gender-role socialization and to the gender development of human beings. The author considers different *periods of personality development* as transits from one to another of the most important of life roles. Transition from one development period to another is accompanied by *life crises*, which are treated as role conflicts in the area of life roles.

In the **seventh chapter** the conception of *life roles* and their connection with the *life world* of personality is presented. The author surveys the literature, in which different types and forms of life roles are analyzed, and also describes the technique of "life role repertory", developed by him. The author proposes his own conception of the life world of personality from the positions of role approach, as a stage, on which life events are happening. Life world is considered consisting of two subsystems: an internal part, at the basis of which the repertory of life roles is located, and an external constituent, at the basis of which the life roles of Significant Others are placed, being part of the individual's "*social atom*". *Psychological time of personality* is an important characteristic of functioning in one's life world. In the process of life crisis or in critical dramatic life moments a human being's life world can be deformed or broken. Life roles that are destroyed in this case can be restored is possible by means of role psychotherapy.

The **eighth chapter** is dedicated to the problem of *creativity*, which is not examined traditionally as a cognitive process, but as an experience. The author develops the concept of the “*role experience*”, which arises during the performance of diverse roles, and also examines the *need for the role experience*, which comes out as one of the motivating forces of personal development. He analyzes the interrelation between role behavior and experience, explains the psychotherapeutic mechanisms of creativity from the positions of role approach, proves the significance of role expectations for the development of a human being’s creativity and for the formation of his/her abilities.

In the **ninth chapter** the conception of *personal psychopathology* is presented from the position of role approach. Different forms of role *disharmonies* and *deviations*, including those connected with sex and gender roles (e. g. transsexualism and transvestism) are examined. In this chapter the phenomenology of such frequent role disharmonies as *role conflicts* is described, and the professional experience of the author as a practicing psychologist and psychotherapist in the treatment of role conflicts and other disharmonies is presented.

In the **tenth chapter** the leading practical methods of role approach – *psychodrama* and *transactional analysis* – are described. Besides the description of basic genres and the techniques of psychodrama the author gives his own way of dealing with *resource roles*, along with cases from his own practice. The social aspects of using the *sociodrama* method are analyzed, as well as the transactional *theory of games* (in particular – the games, which are provoked in the process of psychotherapy) and the theory of *life scripts* and *script injunctions*.

The **eleventh chapter** is dedicated to the integrative aspects of contemporary psychotherapy. Integration is examined from the positions of role approach. The author characterizes the different models of integration of psychotherapy; he gives many examples of integration among a variety of contemporary psychotherapy methods. One of the versions of this integration is the *transactional psychodrama*, in development of which the author takes an active part. *System family therapy*, the *transgenerational approach*, methods of *art therapies*, *logotherapy* are examined from the position of role approach. These offer great possibilities in the practice of psychological and psychotherapeutic aid. Integrative psychotherapy, in the opinion of the author, can be successfully used not only for treatment, but also for harmonization of personality, for personal growth and for role self-realization of personality.

Summing up, it is possible to assert that the role approach is very fruitful for studying social psychology of personality, since it makes possible the explanation of the complex mechanism of social behavior and development of personality, it enables the formation of an integral notion about human beingness, its characteristics, disharmonies, internal world, consciousness and unconsciousness. Role conceptions of personality are prerequisites for developing a *role theory of personality*, whose relevance is confirmed by the author’s theoretical analysis and empirical studies.

Author’s e-mail addresses: gorn@univ.kiev.ua pavelgorn@mail.ru

Contents

Foreword	5
All the World's a Stage (Instead of Introduction)	7
Part I. Psychology of Role Interaction	9
Chapter 1. Role Concept of the Humanities	10
1.1. Interdisciplinary character of the phenomena «role» and «role play»	10
1.2. Role theories in sociology and social psychology	15
1.3. Psychology of role: psychometric, social-organizational and therapeutic aspects	19
1.4. Psychological nature of role	24
1.5. Roles and the problem of classification	29
1.6. Life roles and rituals	33
Chapter 2. Structure of Role Interaction	36
2.1. The performance of roles as a form of social behavior	36
2.2. Evident and implicit contents of role	40
2.3. External and internal determination of role	43
2.4. «The retinue plays the King» or the Effect of inertia of role expectations	47
2.5. Role conflicts: principles and paradoxes	52
2.6. Role games	57
2.7. Role and altered states of consciousness	60
Chapter 3. Groups and Roles	64
3.1. Role complementariness and role matrixes	64
3.2. Roles and social perception	67
3.3. The phenomenon of group identification	72
3.4. Group identity, group narcissism and collective traumas	77
Part II. Toward a Role Theory of Personality	81
Chapter 4. Methodological Sources and Theoretical Predecessors	82
4.1. Theories of personality in psychology	82
4.2. Personality in the theory of symbolic interactionism	85
4.3. Personality and roles in the theory and practice of psychodrama	88
4.4. Personality in transactional analysis	92
4.5. The role approach and other theories of personality	96
4.6. Substantiation of the role theory of personality	100
Chapter 5. The Basic Tendency and Role Characteristics of Personality	104
5.1. Between role conflict and self-realization: social-individual dualism	104
5.2. The locus of role conflict	107
5.3. Role identity	110
5.4. Role competency	115
5.5. Sex and gender roles	121
5.6. Gender roles and rivalry of genders	125
Chapter 6. The Role Development of Personality	131
6.1. Various interpretations of life experience	132
6.2. Role socialization	135
6.3. From socialization to individualization	138

6.4. Gender-role socialization	142
6.5. Development of life roles and periodization of personality development	146
6.6. Life crisis as a role conflict	150
6.7. Forms of life crises	154
Chapter 7. Life Roles in the Structure of Life World of Personality	159
7.1. Life roles and their contents: ego-states, games, scripts, archetypes	159
7.2. Repertory of life roles and the problem of typology	163
7.3. Life roles, psychological time of and life worlds	168
7.4. Disharmonies of life roles and deformation of one's life world	171
Chapter 8. Feelings, Roles and Creativity	175
8.1. Role experience: why role is impossible without emotions	175
8.2. «We feel sorry because we cry»	178
8.3. Creativity and the harmoniousness of personality	182
8.4. What actually furthers the development of abilities?	185
Part III. Role Psychopathology and Psychotherapy	189
Chapter 9. Role Disharmonies of Personality	190
9.1. Role deviations and disharmonious role development	190
9.2. Role conflicts: the phenomenology of problems	193
9.3. Role conflicts: psychological help	197
9.4. Gender-role conflict and sex-role deviations	201
Chapter 10. Psychodrama and TA - Leading Methods of Role Approach	204
10.1. A life of play and a play about life	204
10.2. Genres and techniques of psychodrama	206
10.3. Spontaneity, creativity and role resources	210
10.4. Resource roles in psychodrama	214
10.5. Sociodrama	218
10.6. Transactional games and game roles	222
10.7. Life scripts and personal autonomy	227
Chapter 11. Integration of Psychotherapy from the Positions of Role Approach	233
11.1. Integrative models in psychotherapy	233
11.2. The transactional psychodrama	237
11.3. Roles in family psychotherapy	242
11.4. Role psychotherapy and the transgenerational approach	246
11.5. Therapy through creativity, psychological time and the meaning of life	250
Conclusion	256
Appendices	257
I. Case studies (the description of psychodramatical sessions)	257
II. Test techniques	264
III. Glossary	268
Bibliography	275
Author index	299
Subject index	303
Summary (English)	307
Contents (English)	310

Наукове видання

Горностаї Павло Петрович

Особистість і роль Рольовий підхід в соціальній психології особистості

Російською мовою

Книга друкується в авторській редакції

**В оформленні книги використано картину Джеймса Енсора
«Автопортрет з масками» (1899), гравюри Мауріца Корнеліса Есхера
«Нескінченне єднання» (1956) та «Порядок і хаос» (1950)
і Бернара Пікара «Падіння Ікара» (1731)**

Комп'ютерна верстка: *П. П. Горностаї*
Переклад резюме англійською: *І. Л. Зайцевський*
Редактор перекладу: *Н. І. Спасенко*

Підпис. до друку 31.10.2007. Формат: 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура «Times». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 18,20. Ум. фарб.-відб. 18,62. Обл.-вид. арк. 19,95. Наклад 1000 прим.
Зам. № АД0302-07.

Видавництво «Інтерпрес ЛТД», 03057, Київ-57, вул. Дегтярівська, 31
Реєстраційне свідоцтво ДК № 1248 від 27.02.2003 р.
Тел./факс 483-91-10

Віддруковано з готових оригінал-макетів у типографії «Академдрук».
Україна, Київ, вул. Панаса Мирного, 26. Тел.: 280-24-25

Книгу можна придбати по адресу: 04170, Київ, ул. Андреевская, 15.
Телефони для справок: +38 (044) 422-17-36; +38 (067) 235-53-49.
E-mail: gorn@univ.kiev.ua pavelgorn@mail.ru